

IX социологические
чтения памяти
Валерия Борисовича
Голофаства
(1941–2004)

Социальные и пространственные измерения современного мегаполиса





**IX социологические чтения памяти
Валерия Борисовича Голофаства
(1941–2004)**

**Социальные и пространственные
измерения современного мегаполиса**

Санкт-Петербург, 3–5 апреля 2017 г.

НОРМА

Санкт-Петербург
2017

УДК 316.334.54
ББК 60.54
С69

Издание осуществлено при поддержке
«Фонда Кудрина по развитию гражданских инициатив»

Организаторы чтений:

*Социологический институт РАН,
НОО «СПАС» (Санкт-Петербургская ассоциация социологов)*

Социальные и пространственные измерения современного мегаполиса.

С69 Материалы IX социологических чтений памяти В.Б. Голофаства, 3–5 апреля 2017 г. – СПб.: Норма, 2017. – 344 с., илл. 24 с.

ISBN 978-5-87857-275-0

Сборник включает доклады, заявленные и представленные на IX социологических чтениях памяти Валерия Борисовича Голофаства (1941–2004), которые состоялись 3–5 апреля 2017 г. Разделы сборника соответствуют тематическим секциям чтений:

Секция 1. Социальное неравенство и социальный порядок в городском пространстве.

Секция 2. Городская экономика и глобальные города.

Секция 3. Креативные индустрии, культурное потребление и образовательные практики в большом городе.

Секция 4. Новые тренды жилищной политики и резидентной мобильности.

Секция 5. Социальные группы и локальные сообщества в городах.

Секция 6. Специфика городского образа жизни.

Секция 7. Потенциал STS-подхода в исследованиях городов.

Секция 8. Арт-стратегии развития городской среды в городах России и Европы.

Наполнение разделов неравномерно, что отчасти свидетельствует о распределении исследовательских интересов и предпочтений. Последняя секция проходила в дискуссионном режиме круглого стола, поэтому здесь не выделены отдельные авторские тексты, но представлен обзор содержания.

Сборник ориентирован в первую очередь на молодых читателей – студентов, аспирантов, бакалавров и магистров обществоведческого профиля, а также на всех, кто интересуется современными проблемами и процессами жизни в городах.

© Авторы, 2017
© Социологический институт РАН, 2017
© НОО «СПАС», 2017
© Норма, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	6
<u>Голофаст В.Б.</u> Меморандум Квиллера (из неопубликованного)	7

Секция 1. Социальное неравенство и социальный порядок в городском пространстве

Ермолаева П.О. (Казань)

Изменения в социально-экологическом метаболизме крупного постсоветского города под влиянием спортивных мегасобытий: кейс города Казани	10
--	----

Арпентьева М.Р. (Калуга)

Права и обязанности человека: партисипаторность управления сообществами в субъект(ив)ной и интерсубъективной моделях	25
---	----

Сарбаева И.Ю. (Самара)

Ментальное картирование как метод изучения страхов в пространстве города	46
---	----

Сидорова О.С., Мосиенко Н.Л. (Новосибирск)

Роль социально-пространственной сегрегации в формировании городских сообществ (на примере рынка жилой недвижимости Новосибирска)	52
--	----

Варсопко А.В. (Санкт-Петербург)

Бездомные в официальном городском пространстве: территориальная и социально-правовая исключенность	65
---	----

Игнатова С.Н. (Санкт-Петербург)

Сравнительный анализ европейских систем поддержки инвалидов в городском пространстве (на примере России и стран Балтийского региона)	72
--	----

Лядова А.В., Лядова М.В. (Москва)

Дорожно-транспортный травматизм как социальная проблема мегаполиса: состояние и пути решения	85
---	----

Секция 2. Городская экономика и глобальные города

Блохин В.Н. (Минск)

Глобальный город: специфика жизни и трансформации личности ...	94
--	----

Клименко Л.В., Посухова О.Ю. (Ростов-на-Дону)

Профессиональная идентичность столичных педагогов (по результатам эмпирического исследования)	101
--	-----

Андреанова В.А. (Москва)

Миграция в глобальном городе 112

Грибова К.Л. (Москва)

Пути и практики формирования имиджа города
как инструмента развития городской экономики 118

Божков О.Б. (Санкт-Петербург)

Развитие города: деньги vs стратегии
(на примере одного микрорайона) 129

Секция 3. Креативные индустрии, культурное потребление и образовательные практики в большом городе

Куркова К.А. (Санкт-Петербург)

Оценка компонентов креативного капитала российских регионов . . 137

Привалова М.А., Пузанов К.А. (Москва)

Культурная жизнь москвичей 159

Шманкевич Т.Ю. (Санкт-Петербург)

Школьный экстернат. Игры с пространством 169

Секция 4. Новые тренды жилищной политики и резидентной мобильности

Муфтахова А.Н. (Санкт-Петербург)

Социальная стратификация современного мегаполиса в жилищной
сфере (на примере Санкт-Петербурга) 184

Карбаинов Н.И. (Санкт-Петербург)

Внутригородская жилищная мобильность жителей сквоттерских
поселений («нахаловок») в постсоветском Улан-Удэ 199

Тыканова Е.В., Хохлова А.М. (Санкт-Петербург)

Ипотечное кредитование в Санкт-Петербурге в условиях
нестабильного рынка труда 207

Секция 5. Социальные группы и локальные сообщества в городах

Илле М.Е. (Санкт-Петербург)

Студенты об образе идеального петербуржца 214

Толстокурова А.В. (Киев)

Мигрантки в мегаполисе: гендерные аспекты пространственной
локализации идентичности 224

Персидская О.А. (Новосибирск)

Этническая диаспора в городе: образ в глазах принимающего
сообщества 247

Секция 6. Специфика городского образа жизни

Евдокимова Е.П. (Санкт-Петербург)

Повседневные практики петербуржцев в меняющемся
городском пространстве 256

Аникеева К.М. (Москва)

Жизненный мир поствузовской молодежи в социокультурном
пространстве 266

Цветаева Н.Н. (Санкт-Петербург)

Городской образ жизни: биографические нарративы
об изменениях в семейных и гендерных отношениях 271

Абрамов Р. (Москва)

Коммунальные конфликты и соседские сообщества в новых
пригородах: опыт кейс-стади. 280

Еремичева Г.В. (Санкт-Петербург)

Градостроительная политика освоения социального
и территориального пространств советского
и российского города 298

Легостаева Н.И. (Санкт-Петербург)

Геосоциальный подход в изучении городских аттракторов
пользователей социальной сети «ВКонтакте»
(на примере города Барнаула) 320

Обзор секции 8. Арт-стратегии развития городской среды
в городах России и Европы 328

Авторы сборника – участники IX социологических чтений
памяти В.Б. Голофафа «Социальные и пространственные
измерения современного мегаполиса»
(Санкт-Петербург, 3–5 апреля 2017 г.) 341

Цветные иллюстрации:

К статье П.О. Ермолаевой I–II

К статье А.В. Варсопки III–IV

К статье С.Н. Игнатовой V–XVI

К статье М.А. Приваловой, К.А. Пузанова XVII–XX

К статье Т.Ю. Шманкевич XXI

К статье Н.И. Легостаевой XXII–XXIV

ПРЕДИСЛОВИЕ

Организация любого научного мероприятия – дело отнюдь не простое и нервотратное. Потенциальные участники, как правило, связаны с учебным и исследовательским процессами. Убогое финансирование отечественной науки (особенно обществоведческого характера) создает для тех, кто живет в других регионах нашей необъятной Родины, трудности с проездом до места проведения чтений (семинаров, конференций). И это при том, что эффективность деятельности научного сотрудника определяется преимущественно по его публикационной активности и по участию именно в конференциях и семинарах.

С этими проблемами мы столкнулись и в данном случае. За неделю до начала чтений мы получили сообщения о том, что значительная часть заявившихся участников не сможет приехать в Санкт-Петербург. С учетом этого обстоятельства буквально за три дня пришлось перестроить программу чтений.

Но было и еще одно экстраординарное событие, которое осложнило нашу жизнь, – террористический акт в петербургском метро 3 апреля на перегоне между станциями «Садовая» и «Технологический институт». Во-первых, после окончания работы в первый день чтений из-за возникшего транспортного коллапса было трудно просто добраться до дома. Мы оказались практически в эпицентре события. Во-вторых, на следующий день не все участники решились воспользоваться услугами метро (их можно понять), поэтому работу пришлось начать позже намеченного ранее времени.

Тем не менее чтения состоялись, и (нет худа без добра) появилась возможность больше времени уделить обсуждениям и дискуссии. Заключительный день чтений целиком был построен в режиме круглого стола и оказался, пожалуй, самым интересным.

В соответствии с принятыми еще на первых чтениях этого цикла правилами в сборнике публикуются тексты не только тех докладов, что прозвучали, но и тех, кто своевременно подал заявку на участие в чтениях и своевременно же представил текст для публикации. Поэтому содержание сборника несколько шире той программы, которую получили участники чтений при регистрации.

И последнее. По традиции сборник открывает текст, не опубликованный при жизни В.Б. Голофаства, относящийся к тематике чтений. Это, скорее всего, обращение к коллегам, акцентирующее внимание на группе актуальных социальных проблем. К сожалению, у Валерия не было привычки датировать свои тексты. Но, если мне память не изменяет, его статья, представленная в настоящем сборнике, относится примерно к 2002–2003 гг. Характерно, что обозначенный Валерием в этом тексте подход к анализу городских проблем актуален и эвристичен до сих пор.

В.Б. Голофаст

МЕМОРАНДУМ КВИЛЛЕРА (из неопубликованного)

Нельзя ли объединить усилия нескольких авторов, чтобы написать одну (или три) статьи слегка провокационного содержания в политическом и, может быть, социальном смысле? Эту статью можно опубликовать под псевдонимом в дружественном нам журнале – у Миши Илле.

Тема этой статьи: глобальный город Петербург.

Почему провокационную? Дальше будет видно.

На днях в институте появился юноша из Лиона (армянского происхождения, по-русски говорит плохо, но читает, болтался два месяца в городе и только в конце срока набрел на наш институт). У него задание было описать Невский как торговое пространство, отталкиваясь от старой идеи урбосоциологии, что во всяком городе есть тенденция к центральности. Воспринимают ли люди (институты, власть, приезжие, туристы...) Невский как центр? Больше никакой идеи нет (в его географическом задании).

Я уже пытался сказать, что Невский сегодня – это образец в течение нескольких лет вспухшего глобализированного пространства. Это большой контраст с бывшими советскими временами, когда это была сравнительно спокойная прогулочная, торговая, транспортная и культурная магистраль, наполненная исторической символикой, но до боли знакомая всем обитателям как свое место в городе. Сейчас все это взорвано вторжением коммерческих, финансовых и прочих неизвестных нам сил. Панораму сейчас можно описать хотя бы импрессионистически, но с фактами (а не просто исторически, как делает, например, С. Лурье в своих страницах в «Невском времени»).

Если считать Невский образцом коммерческого вторжения, то у него были и есть конкуренты в городе. Пока их всего два (может быть, и два с половиной). Самый важный, но секторальный конкурент – Большой проспект ПС. У него есть недостаток – далеко от транспортных узлов, приносящих в город всех приезжих. Но есть и достоинство – он почти пешеходная зона, притом естественная, а не искусственная. И у него есть параллельные магистрали, метро в начале и в конце, инфраструктура старых магазинов, историческая застройка, хотя и менее ценная, чем на Невском, Кировском и т. п.

Второй конкурент – Загородный проспект. Он ближе к воротам города. Но он много дешевле, что было стимулом для сравнительно менее мощного бизнеса, чем на Невском (малый-средний, челноки вначале, старые подразделения торговли, которые быстро входили в рынок, теперь уже картина другая там).

«Два с половиной» – это Московский проспект. Его недостаток – гнездовое освоение с точки зрения массового клиента, антигуманизм масштабов, мало точек для человека, больше для контор, особенно в прилегающих улицах и многочисленных промзонах. Его плюс – по дороге в аэропорт, за город, вначале есть хорошие площади, потенциально большая емкость толп и автомобилей. Транспортно он не очень удачен – слишком длинные остановки, слишком длинные кварталы, много запустения местами.

Что двигает глобализированные и прочие городские пространства сегодня? Я предлагаю их кратко описать в следующих терминах.

1. Стихия (или логика) капитала – ТНК. Это товары, торговые марки, реклама, скупка магазинов, офисы, коммерческие центры в исторических зданиях, это приспособление к ним городской среды и обалдевшая реакция жителей, проезжих и приезжих. Передел рынка труда в пользу инофирм, рынка образования – тоже в их пользу.

2. Стихия власти. Местной, федеральной и международной. Как используются районы власти – Смольный-Таврический, церкви и кладбища, как развернулись банки, как смотрит на город власть – на город в пространственно-планировочном-инвестиционно-дотационном отношении. Конъюнктурная забота – юбилей. Проект Центра и деньги МВФ и прочих монстров. Борьба ведомств за юбилейные деньги и мероприятия – Музеи, театры, строители, бизнес, политики. Рождение и смерть проектов, связанных с властью: скоростная дорога, вытеснение промзон в пользу офисов и новых территорий для жилья-люкс, гостиницы, небоскребы или их зоны, вокзалы и порты, дамба, окружная дорога, западный диаметр, разрыв метро, рокадная дорога на юге, жилые массивы, борьба за церковную собственность. Короче, борьба денег с участием властей. Константиновский дворец, использование пригородов для власти – Пушкин (При Собчаке и по инерции сейчас), Петергоф, Стрельна, Карельский перешеек (?). Бесплезность партий для города – мышинный передел постов и должностей, перетягивание каната.

3. Стихия культуры. Памятники и борьба вокруг них – Петр I, Ахматова, Сфинкс, Достоевский, Тургенев, Гоголь, Бродский, монумент блокаде, Петропавловские святыни, Эрмитаж. Пешеходные зоны как реставрация старого Петербурга в евроремонте, культура на продажу – денежное закрытие музеев, пригородных дворцов и садовых ансамблей, давление спорта, футбола и хоккея (Ледовый дворец и чемпионат мира).

4. Стихия бизнеса (в отличие от капитала). Расцвет уличной и мелкой магазинной торговли, передел жилья в центре и за городом, оценка новых стратегий жилья, расселения, неравенства, богачи и скандалы с деньгами, убийства. Инициативные городские группы (на чьи деньги опираются).

5. Стихия технологий. Консервация ВПК, отдача от этих денег. Стройки на деньги Индии и Китая, образование военное и гражданское. Супермаркеты, торговые сети. Первый световод в Амстердам, теперь есть кабельный, стекловолоконный, спутниковый доступ к сетям и интернету. Все гостиницы

и некоторые сети включены в мировой контекст, а в городе не только нет газет из СНГ, но и из Европы, Азии и Америки. Нет и книг зарубежных до сих пор. Только кино и видики, да компьютеры с мобилами. Культура и информация доступны только деньгам, а не любопытству и интересу, не потребности (у молодежи, например, у студентов или у туристов).

6. Стихия истории. Здесь в основном реставрация и выбор истории (в отличие от зарубежа) как основания для оценок и ориентаций, как сила легитимации всего и вся.

7. Стихия населения. Оно в шоке пока, основная стратегия – избегания, но есть и стремление к новому и его освоению. Очень мало инициатив. Но они есть. Население ощущает свою изоляцию, инвалидность перед силами власти, капитала, бизнеса, масскультуры. Здесь уместны маркетинговые и политопросные данные. Новые мигранты в городе – иностранцы, русские из Прибалтики, рабочая сила с Юга. Строительные и торговые рабы.

СЕКЦИЯ 1. СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

П.О. Ермолаева (Казань)

ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОМ МЕТАБОЛИЗМЕ КРУПНОГО ПОСТСОВЕТСКОГО ГОРОДА ПОД ВЛИЯНИЕМ СПОРТИВНЫХ МЕГАСОБЫТИЙ: КЕЙС ГОРОДА КАЗАНИ

Введение

На сегодняшний день в России проходит множество спортивных мегасобытий: в июле 2013 г. в Казани прошли Всемирные студенческие игры (Универсиада), в феврале 2014 г. Сочи принимал зимнюю Олимпиаду, в 2015 г. в Казани прошел Чемпионат мира по водным видам спорта, в 2017 г. проводится Чемпионат мира по самбо, в 2018 г. десяток российских городов примет Чемпионаты мира по футболу.

Подготовка и проведение спортивных мегасобытий внесли множество изменений в пространство города, включая изменение инфраструктуры, повседневности горожан, деловой и гражданской активности, экологической ситуации, сферы услуг и туризма. Изменения в одних сферах породили изменения в других, стали необратимыми и невидимыми для городов и населения.

Данные взаимодействия и взаимные трансформации природной, социальной и технической сред и процессов мы будем изучать в категориях социально-экологического метаболизма (далее – СЭМ) [Яницкий 2016; Yanitsky 2017; Ермолаева 2014; Fisher-Kowalski 1999; Broto et al. 2012 и др.]. В городах постоянно проходят сложные метаболические процессы, которые в какой-то момент начинают «бифуркировать» – порождать качественно новые формы социальной жизни, новые характеристики окружающей среды. Города потребляют ресурсы более широкой системы, но перерабатывают их, изменяя тем самым внешнюю материальную и социокультурную среду.

Привлекательность подхода СЭМ заключается в рассмотрении сложных обменных процессов между городскими системами, переходов одних процессов и веществ в другие, во взаимовлиянии их друг на друга, в возможности учета невидимых последствий таких переходов и трансформаций для разных групп стейкхолдеров. Не менее важным преимуществом анализа городских изменений под влиянием спортивных мегасобытий в традиции СЭМ является

его междисциплинарный характер, который предполагает объединение усилий социологических, экологических, географических, экономических наук, что в конечном итоге позволяет «снять» проблему игнорирования фактов и процессов, которые не вписываются в рамки одной науки.

Целями данного исследования стали анализ социально-экологического метаболизма Казани с акцентом на взаимоотношениях природных, социальных и технических процессов под влиянием спортивных мегасобытий (Универсиада 2013 г., Чемпионат мира по водным видам спорта 2015 г.) и на этой основе построение междисциплинарной качественной модели СЭМ Казани.

Анализ изменений в СЭМ Казани после проведения Универсиады 2013 г. и Чемпионата мира по водным видам спорта 2015 г. будет изучаться нами через такие параметры, как: (а) выявление основных сетей, «узлов» СЭМ Казани (социальных, экологических, технологических, культурных), которые привели к изменению социального порядка в городе; (b) определение причинно-следственных связей и метаболических трансформаций в городской среде под влиянием спортивных мегасобытий; (с) анализ характера взаимоотношений в природных, социальных и технических системах и средах под влиянием спортивных мегасобытий; (d) определение наиболее рисковенных «точек» СЭМ для здоровья и жизнедеятельности казанцев; **(е) построение качественной модели СЭМ Казани.**

Казань в качестве исследовательского кейса была нами выбрана как один из первых постсоветских городов – хозяев мегасобытия «Универсиада-2013», ставшего «репетицией» Олимпийских игр в Сочи в 2014 г., а также проведения в 2015 г. Чемпионата мира по водным видам спорта и в 2018 г. Чемпионата мира по футболу.

Гипотеза исследования основана на том, что спортивные мегасобытия стали катализатором метаболических трансформаций вещественной, дискурсивной, информационной, техногенной городской среды. Гипотеза основана на предположении о том, что такие крупные международные спортивные события, как Универсиада и Чемпионат мира по водным видам спорта, кардинально изменили материальное и дискурсивное пространство городов. Как показывают исследования [Юдина 2014], влияние Игр полностью проявляется себя только через 3–5 лет после завершения Игр, а отдельные долгосрочные эффекты могут быть отмечены не ранее чем через 10 лет. На этом этапе наиболее полно раскрываются и проявляются все изменения в экономической, социальной и экологической сферах, вызванные проведением спортивных проектов.

Таким образом, мы будем анализировать СЭМ Казани как в мобилизационном (во время подготовки и проведения мегасобытия), так и в постмобилизационном состоянии (по истечении нескольких лет после проведения мегасобытия), когда под воздействием Игр происходит распад одних биохимических и социальных цепей обмена и возникают совершенно другие, ранее неизвестные.



Методология исследования

В рамках кейс-стади, который выступил методологической базой исследования, нами была выбрана комбинация качественной и количественной исследовательской стратегий с использованием следующих методов сбора социологической информации:

1) Анализ документов (опросы общественного мнения, дискурс-анализ СМИ, федеральные и региональные программы и т. д.) был осуществлен на начальных этапах исследования для изучения существующего дискурса в области городских изменений, связанных с проведением мегасобытий, региональных особенностей, а также определения пула экспертов для проведения интервью.

2) метод полуструктурированных экспертных интервью (n=15). Данный метод позволил нам получить детальную «плотную» экспертную информацию о метаболических трансформациях – социальных, экологических и технологических изменениях в городе под воздействием спортивных мегасобытий. Выборка теоретическая, подобный тип выборки формируется в процессе исследования, причем выборка открыта до завершения исследования с возможностью корректировки в процессе исследования. Сбор эмпирического материала ведется до тех пор, пока он не перестанет способствовать повторению мнений (теоретическое насыщение каждой категории). Нами были проведены интервью с профессорско-преподавательским составом, научными сотрудниками исследовательских и градостроительных организаций, лидерами экологических и гражданских инициатив Казани, представителями Организационного комитета Игр. Критерии отбора информантов: широкая информированность по предмету экспертизы; наличие фундаментальных знаний в области экспертизы; наличие собственных оригинальных идей и концепций; умение занять четкую исследовательскую позицию. Исследование было проведено в мае 2016 г.

3) Метод массового опроса (многоступенчатая стратифицированная выборка (n=500 человек). Она представляла собой микромодель взрослого населения Казани. Исследование было проведено коллективом ученых в рамках гранта РГНФ «Социальные последствия подготовки и проведения международных спортивных мегасобытий для локальных сообществ в городах постсоветской России (на примере Универсиады в Казани 2013 г. и Олимпийских игр в Сочи 2014 г.)» в 2013 г. Данные массового опроса позволили нам получить отраженную в сознании опрашиваемых информацию об изменениях в городской среде непосредственно после проведения мегасобытий.

Для проверки достоверности (валидности) полученных результатов в кейс-стади используются разные способы. Главный метод – триангуляция. Она основана на уверенности исследователей, что применение комплекса качественных и количественных подходов к изучаемому феномену повысит валидность и внутреннюю надежность результатов исследования [Култыгин 2004]. Мы использовали несколько типов триангуляции: а) триангуляция источников – при проведении кейс-стади для повышения достоверности получаемых выводов мы брали разные источники данных об одном и том же

объекте исследования; б) методическую триангуляцию – использование одновременно различных методов сбора и обработки данных. Это также позволило взглянуть на объект с разных сторон.

Теоретическая рамка исследования

Для объяснения различных процессов, метаболических связей и трансформаций, происходящих в Казани, были использованы возможности междисциплинарных подходов и частносоциологических теорий, которые предлагают поиск комплексных путей решения сложных метаболических процессов в городах, позволяющих изучить и найти практические пути преодоления возникающих противоречий между природной средой и развитием общества в междисциплинарном критическом контексте.

Из всего многообразия подходов к определению СЭМ мы будем ориентироваться на подход М. Ганди [Gandy 2004]. Он понимает под СЭМ пространство потоков, которое напрямую зависит от внешних факторов, таких как энергия, материалы и информация. Восприятие города в терминах метаболизма неизбежно приводит к вопросам о соотношении между социальным и биофизическим в пространстве города. Отвергая функционалистское восприятие данного концепта, автор понимает его диалектически как взаимодействие между природой и культурой в городской среде. В этом смысле данный подход выгодно «уводит» нас от подсчета потоков материалов к переосмыслению социальных отношений в городах – разделению труда и конфигурации властных отношений, особенности расстановки политических сил [Martinez-Alier 2015].

При анализе метаболических трансформаций и связей между средами автор будет опираться на научную школу О.Н. Яницкого, Б. Коммонера по изучению метаболических взаимоотношений [Яницкий 2016; Коммонер 1974]. Во-первых, город будет рассмотрен с опорой на критический и междисциплинарный подходы как социобиотехническая система. Во-вторых, при анализе связей между средами и процессами автор будет опираться на подход о том, что жизнь «отходов», выброшенных в среду обитания, включая биосферу, также предполагает их дальнейшие метаболические трансформации – «все связано со всем», «все должно куда-то деваться», «ничего не делается даром» [Коммонер 1974]. Также при анализе потоков материалов будут использованы идеи О.Н. Яницкого [Яницкий 2016] о сетевых процессах, которые, пересекаясь, создают узлы социального метаболизма, являющиеся наиболее рискованными. Сами метаболические трансформации будут разделены на «полезные» и «вредоносные» [Там же].

При описании города как сложной системы будет применена акторно-сетевая теория Б. Латуре [Latour 2000],¹ которая поможет нам описать

¹ Сам Латур не был согласен с тем, что акторно-сетевая теория является теорией. О ней он рассуждал следующим образом: «существует 4 аспекта, которые не работают с акторно-сетевой теорией: понятие “актор”, понятие “сеть”, понятие “теория” и дефис между ними!»



скрытые процессы, происходящие в городе в рамках социобиотехнической системы. Эта система состоит из сети людей и не-людей (*non-humans*). Данная сеть активна, все люди и не-люди, составляющие ее, участвуют в коллективном действии. Революция заключается в приписывании материальным объектам равного с людьми статуса в производстве коллективного действия [Степанцов, Ерофеева 2015]. Например, при переводе специально к Универсиаде транспорта на более высокие экологические стандарты приходит в действие целая сеть: нефтяные компании, которые перерабатывают нефть более высокого класса очистки, продают бензин и строят заправочные станции нового поколения, формируется инфраструктура по созданию транспорта с более высокими экостандартами, а также создаются новые маркетинговые и логистические сети для реализации данного транспорта и т. д. Каждый элемент системы, будучи человеческим и не-человеческим, вносит вклад в создание данной сети. Каждый из элементов этой сети – актанты, вовлеченные в коллективное действие. Причем фокус внимания на несоциальные объекты тем выше, чем хуже они работают. Релевантность физического контекста нарастает, когда технологии либо недостаточно совершенны, либо дают сбой. Вместе с тем уравнивание социальных и несоциальных актантов не означает признания, что они онтологически подобны людям. Это не говорит о том, что они действуют так же и в той же форме. Но означает, что с ними необходимо считаться при описании сложных социально-экологических процессов в городе, какими бы онтологически отличными они ни были.

Акторы (социальные и несоциальные), взаимодействуя друг с другом, образуют конфигурации сетей. Операция, которая называется «трансляция», объединяет разнородные по интересам акторы. Взаимодействуя друг с другом, они находят общие рамки (*obligatory passage point*), которые являются медиаторами для формирования новых отношений по поводу граничного объекта (*boundary object*). К примеру, несмотря на различное трактование социально-экологических последствий Универсиады разными акторами, для большинства акторов Универсиада представляет собой важное социокультурное мегасобытие.

При написании рекомендаций будет приниматься в расчет то, что на сегодняшний день ощущается дефицит исследований, выполненных в качественной парадигме, а также практико-ориентированных исследований, которые бы позволили вместо бесконечного подсчета потоков материалов и построений сложных математических моделей выйти на формирование адекватной социальной политики для повышения устойчивости городов.

Также при медиации интересов разных социальных стейкхолдеров в рамках написания рекомендаций будут учтены положения концепции А. Лефевра «Право на город» [Lefebvre 1996], идеи Д. Харви [Harvey 2003]. Согласно данной концепции, принятие решений в городе необходимо переориентировать с государственного уровня на уровень микрогрупп, жителей и городских сообществ. Причем под правом имеется в виду не только право на жилье,

работу и образование, но, в более широком смысле, право принадлежать городу, обитать в нем и его изменять.

Результаты исследования.

Между сотрудничеством и сопротивлением: экологические мероприятия – драйверы городских изменений и их последствия для СЭМ Казани

Экологические мероприятия, повлиявшие на изменение СЭМ Казани, можно отнести к тем, которые вызвали улучшение окружающей среды, и к тем, которые привели к экологическим конфликтам, нарушению экологического равновесия города. Другими словами, в категориях О.Н. Яницкого они будут разделены на «полезные» и «вредоносные». Причем в большинстве случаев те мероприятия, которые были значительно растражированы политической элитой в СМИ как экологически значимые, принесли в конечном итоге незначительные временные изменения в СЭМ города, тогда как экологические конфликты или значительное сужение природного пространства (парков, зеленых зон) за счет появления новых торговых центров, парковочных стоянок имело для СЭМ города – в частности, для здоровья и жизнедеятельности населения – более существенный и необратимый эффект. Предлагаем рассмотреть каждый из этих «узлов» по отдельности.

Программа «Зеленый десант» была специально организована непосредственно перед проведением Универсиады – серия акций, направленных на посадку деревьев, а также организацию субботников и общее облагораживание облика города. В общей сложности озеленением в рамках «Зеленого рекорда» было охвачено 2656 площадок по всему городу, 638 участков улиц и 1615 придомовых территорий – практически каждый третий двор в городе. Население оценило данную инициативу положительно: город стал чище (47,8%), более «зеленым» (30,4%) [Ермолаева 2013]. Однако эксперты дали более сдержанные оценки в отношении данной инициативы: было высказано мнение, что озеленение произошло только в публичных местах: окраины города и «спальные» районы не были охвачены акцией, отсутствовали поддерживающие мероприятия: *«Лично у меня во дворе по этой программе было высажено 2 или 3 дерева, и эти деревья по прошествии буквально полугода исчезли, не прижились»* (эксперт 3). Большинство из *«деревьев, посаженных в зеленых зонах, было задавлено частным автомобильным транспортом, в ряде спальных районов просто катастрофически не хватает мест для парковки машин»* (эксперт 5).

Вся трагедия мировоззрения «парадного подъезда» заключается в том, что такое озеленение – внешнее облагораживание города, которое не решает проблемы восстановления в нем экосистемы, поскольку нет юридического закрепления основных мероприятий и понимания важности их со стороны ресурсных групп. Однако это мероприятие, несмотря на его незначительный эффект для озеленения города и минимальный вклад в «экологическое



оздоровление» города (улучшение качества воздуха и шумоизоляции, обеспыливание и т. д.), стало катализатором множества других (не менее важных) метаболических трансформаций, которые вызвали цепные взаимозименения в разных городских средах. Это в первую очередь изменения в дискурсивной среде: мощный пропагандистский характер и совместное гражданское экотворчество (в акцию были вовлечены разные слои населения – экодвижения, трудовые и семейные группы), безусловно, повлияли на экопросвещение разных слоев населения, экообучение через деятельность.

К похожему по сути мероприятиям, специально организованным к Играм, было отнесено *временное появление контейнеров для сортировки мусора*. Одной из площадок по формированию «поддерживающей» инфраструктуры стала пилотная программа по сортировке бытовых отходов. В городе были поставлены 47 контейнеров, предназначенных для сортировки стекла, пластмассы и бумаги. Неоднократно представители Министерства экологии и природных ресурсов республики проводили общественные рейды для того, чтобы узнать реакцию казанцев на новые контейнеры, собрать мнения по поводу усовершенствования их дизайна и необходимости в разных районах города. *«Эти контейнеры – единичное явление, но почти в каждом дворе появились контейнеры для сбора пластиковых бутылок»* (эксперт 8).

Однако так же, как и в случае с озеленением, несмотря на его временный характер, данный проект инициировал ряд важных метаболических процессов: с одной стороны, проект был направлен на усиление «поддерживающей» инфраструктуры и обеспечение условий для экологических практик, повышение экологической культуры и сознания населения. *«То есть с точки зрения, когда засыпали реку и люди привыкали, что такое возможно, так и с точки зрения контейнеров: когда их вводят, начинают люди понимать, что это возможно. Вода камень точит, постепенно привыкнуть»* (эксперт 3).

С другой стороны, контейнеры были поставлены, но не проводилось широкой информационной кампании по сортировке бытовых отходов: согласно опросу, 11,4% населения отметили, что не знают, как пользоваться такими контейнерами. Это приводило к тому, что контейнеры использовались неправильно, после чего следовала целая цепочка реакций и метаболических изменений во внешнюю среду (загрязнение почв, сточных вод и т. д.), не было построено самого важного «актана» цепи – мусороперерабатывающего завода. Произошло вскрытие «черного ящика» [Latour 2000], когда внимание на несоциальные предметы перетянуло внимание с коммуникации между акторами, поскольку эта коммуникация была нарушена несовершенством материальной среды.

Помимо практик городского сотрудничества можно наблюдать практики сопротивления («вредоносные» метаболические трансформации), организованные группами гражданских инициатив по поводу строительства стадиона «Казань-Арена» на правом берегу реки Казанки, кейс Гребного канала и отъем собственности, частные экологические конфликты – организация гражданских инициатив против вырубки деревьев в Приволжском районе

Казани под строительство дороги к Деревне Универсиады, отстрел бездомных собак и т. д. [Ermolaeva 2014]. Указанные экологические конфликты и протесты, озабоченность населения отсутствием общественных слушаний вокруг строительства объектов Универсиады совершили революционные изменения в СЭМ города, стали наиболее рискованными точками для городского пространства.

Самый резонансный экологический конфликт возник из-за строительства стадиона «Казань-Арена» на правом берегу реки Казанки. Конфликт развернулся вокруг отведения площадки под строительство стадиона, которая являлась природоохранной зоной территории Казанки. Из-за опасений опоздать к сроку проект реализовывался поспешно. *«Это привело к тому, что сначала площадка была выбрана не там, срубили под тысячу деревьев, и оказалось это напрасно»* (эксперт 2). Как полагается, проект сопровождался организацией публичных слушаний, которые были проведены неоднократно с участием разных городских сообществ.

Вместе с тем *«массово население не вовлекалось, потому что не были затронуты личные интересы и было сложно вообще оценить, как воздействие на Казанку скажется на личных интересах горожан»* (эксперт 8). Однако строительство стадиона началось задолго до фактического утверждения проекта общественностью. Гражданские инициативы вместе с местным офисом «Гринпис» подавали в суд и в Олимпийский комитет петицию о нарушении экологического законодательства. *«Площадка была засыпана с нарушением законодательства об охране животного и растительного мира красной книги Татарстана и т. д. Вот это и вызывало определенные напряжения и пикеты»* (эксперт 10). В итоге суд, удовлетворив все претензии, «не смог найти» заказчика проекта. Несмотря на поражение гражданских инициатив, этот кейс получил огромный общественный резонанс. В результате множественных эпизодов сопротивления был найден компромисс – стадион перенесли на 100 метров от заповедной зоны реки Казанки. Визуализировать изменения в социально-экологическом пространстве города до и после строительства можно через приложение карт Timelapse (рис. 1–2, цв. вклейка).

Подобный конфликт породил множество прямых и косвенных процессов, которые отразились на экологическом и социальном ландшафте города, имели необратимые последствия для СЭМ Казани. Среди них прежде всего следует отметить экологические последствия (уничтожение биоразнообразия, ухудшение качества питьевой воды, «упущенные» экологические и рекреационные возможности). Вот что говорят по этому поводу эксперты:

«При строительстве объектов Универсиады было засыпано около 70–80 гектаров поймы и протока территории реки Казанки. Учитывая, что река Казанка с ее зелеными берегами является стержнем экологического каркаса города, поэтому уничтожение значительной части зеленой зоны сказалось на экологической ситуации в городе» (эксперт 3).



«Подготовка к Универсиаде и строительство нового стадиона затронули берега Казанки, уничтожили некоторые места, где произрастали растения, занесенные в Красную книгу Татарстана» (эксперт 5).

«Кроме того, Казанка является притоком реки Волги, а на Волге находятся водозаборы, в том числе обеспечивающие питьевой водой жителей нашего города нескольких крупных районов. Естественно, уменьшение поверхности реки привело к снижению ее способности к самоочищению, что гораздо ухудшило качество воды в реке» (эксперт 10).

«Проект, которым был парк-универсиады, там планировался и был принят с опозданием, и в результате весь берег оказался просто засыпанным. А там можно было организовать очень интересную рекреационную природную зону» (эксперт 12).

«В реке Казанке резко увеличилось на период строительства сооружений Универсиады количество взвешенных частиц, содержание хлоридов и других компонентов, которые приносит строительная деятельность» (эксперт 15).

Помимо негативных последствий для экологии строительство объектов Универсиады имело положительный эффект для городского пространства – значительно разнообразило эстетический ландшафт города, что благоприятно сказалось на общепсихологическом восприятии городской среды: «С позиции видеоэкологии, я считаю, сооружения Универсиады очень разнообразили общий облик города. Дело в том, что однообразная многоэтажная застройка, и это уже доказано многочисленными исследованиями, приводит к ухудшению психологического состояния горожан, то есть эти большие кварталы, которые созданы по программе социальной ипотеки, с точки зрения визуализации крайне неблагоприятны» (эксперт 7).

В социальной сфере также можно проследить появление множественных цепей взаимосвязанных и взаимоопорождающих событий – последствий для СЭМ города и разных групп городских стейкхолдеров. С одной стороны, данный конфликт объединил разнородные социальные группы (экологов, академическое сообщество, местных жителей, молодежь и т. д.) в единое крупное движение сопротивления решениям политических элит. Это позволило укрепить существующее гражданское ядро активистов за счет привлечения новых членов. Коммуникационный резонанс (конфликт получил международную огласку) создал положительный стимул для организации сопротивления и усиления данных групп на перспективу.

С другой стороны, значительный перевес в политическом, экономическом и социальном капиталах у ресурсных групп вызвал апатию среди гражданских инициатив, что могло повлиять на их размывание и усиление патерналистской позиции. Данные опроса показывают, что население переносит экологическую ответственность с себя на государство (48,9%) [Ермолаева 2014].

Также данный конфликт укрепил мнение о легитимности позиции властей – «цель оправдывает средство». Это создало прецедент, к примеру, с засыпкой реки Волги и других объектов: «Им, видимо, так понравилось

засыпать Казанку, что пошли на Волгу, там засыпали 400 гектаров» (эксперт 7), это привело к созданию группы «Народ и Волга – против», члены которой уже достаточно долго и успешно борются против засыпки и уничтожения акватории Волги.

Со стороны политических элит были созданы профанации на тему общественного диалога и участия: «Общий настрой был такой: раз политическое решение принято – значит, работу делаем» (эксперт 2). Это привело к натурализации антиэкологических решений властей: «Вообще, я считаю, что вся эта история с засыпкой реки Казанки для строительства Универсиады нанесла колоссальный урон экологическому воспитанию, мировоззрению, всему городу в целом, всему населению. И вот сейчас у нас население совершенно спокойно смотрит на то, как реку Казанку со всех сторон засыпают под строительство» (эксперт 5).

Кроме того, произошел раскол в среде экологов – они разделились на тех, кто «оправдывал» решения властей, и тех, кто находился в оппозиции: «Произошел такой “водораздел” между экологами, которые говорили, что это строительство нанесет ощутимый вред экологической среде, и специалистами – даже не специалистами в данном случае, а сотрудниками, которые занимали позицию оправдания» (эксперт 2). В совокупности все эти процессы породили необратимые изменения в СЭМ города.

В числе менее резонансных экологических конфликтов, которые также имели огромное значение для СЭМ города, – приостановление работ по очистке озера Средний Кабан для соревнований по гребным видам спорта, отстрел бездомных животных, экологические выступления против засыпки озера Харового. Конфликты все разные, но их объединяют общие цепи метаболических трансформаций и последствий для СЭМ города. Это экологические последствия, связанные с ухудшением метаболических процессов природных систем (например, самоочищения озер в результате их засыпки), обеднение природного ландшафта города, что приводит к ухудшению качества воды и воздуха и, соответственно, сказывается на здоровье и благополучии горожан. В социальном смысле это «привыкание» разных групп городских стейкхолдеров к тому, что деревья можно вырубать, озера засыпать, животных убивать (цепочку можно продолжить). «Раз могут убить животное – могут засыпать реку. Могут засыпать реку – могут убить человека, понимаете» (эксперт 6).

Вместе с тем можно выделить примеры «победы» общественников – укрепление городских *grassroots*. В Казани прошедшие публичные обсуждения в отношении изъятия частной собственности и недвижимости в районе строительства Гребного канала привели к изменению первоначального плана и свели необходимость переезда для представителей данной территории к минимуму и, соответственно, способствовали снижению социальной напряженности и протестных движений. Жители, выступавшие против засыпки озера Харового, вырученные деньги благополучно перенаправили на то, чтобы устроить себе рекреационную и детскую зоны за счет берегов озера.



Выводы и обсуждения

Для каждой страны проведение спортивных мегасобытий – гордость и большая ответственность. По статистическим данным, порядка 80% городов, в которых проводились Игры после 1972 г., сегодня входят в число 200 самых популярных мегаполисов мира. Так, благодаря Играм в Барселоне в 1992 г. этот город превратился из непопулярного промышленного в один из крупнейших мировых туристических центров. За пять лет он претерпел такие изменения, на которые при других обстоятельствах ушло бы не меньше трех десятилетий [Олимпийское наследие 2012]. Подобные изменения являются революционными для городов-хозяев мегасобытий и его жителей, которые всего лишь за несколько лет меняют до неузнаваемости сложившиеся десятилетиями социальные, биохимические, технологические процессы в городских системах. Таким примером на постсоветском пространстве стала Казань, которая за относительно небольшой период времени прошла целый ряд метаболических взаимоотношений, которые мы концептуализировали в группы практик экологического сотрудничества и экологического сопротивления. При проведении исследования автор ориентировался на традицию Ганди, согласно которой акцент делался на тематизации социально-политических отношений в городе, особенностях распределения власти и ресурсов у основных групп стейкхолдеров, а не подсчета потоков материалов.

На рис. 3 (цв. вклейка) мы попытались визуализировать данные изменения – построить междисциплинарную качественную модель СЭМ для Казани под воздействием спортивных мегасобытий с акцентом на сетевые и причинно-следственные характеры процессов. В качестве ключевых «узлов» СЭМ были взяты основные экопрактики сотрудничества и сопротивления.

К важным социально-экологическим последствиям «узлов городского экологического сотрудничества» (метаболически «полезные» трансформации) мы отнесли: улучшение в экологической и социальной обстановке города (улучшение качества воздуха и шумоизоляции, обеспыливание, улучшение эстетического восприятия города, повышение привлекательности города, рост патриотизма, улучшение общего самочувствия горожан и т. д.) за счет создания временной «поддерживающей инфраструктуры», совместное гражданское экодействие путем вовлечения разных слоев населения в экопрактики, экообучение через деятельность и т. д.

К основным социально-экологическим последствиям «узлов городского экологического сопротивления» (метаболически «вредоносные» трансформации) мы отнесли: экологические последствия (уничтожение биоразнообразия, ухудшение качества питьевой воды, «упущенные» экологические и рекреационные возможности, разнообразие эстетического ландшафта города за счет строительства новых спортивных объектов, что сказывается на общепсихологическом восприятии городской среды), социальные последствия (усиление гражданских городских инициатив, коммуникационный резонанс, апатия среди населения и рост патернализма как результат победы политической элиты в градостроительных

конфликтах, натурализация вседозволенности антиэкологических решений властей, поляризация в среде профессиональных экологов и т. д.).

Каждый из данных «узлов» порождает множество видимых и невидимых взаимозависимых метаболических трансформаций, которые мы разделили на полезные и вредоносные. Все процессы связаны друг с другом. Причем их сложность такова, что экопрактики сотрудничества (по своей интенции) де-факто могут порождать вредоносные метаболические цепи, тем самым создавая «эффект бабочки». К примеру, отсутствие информированности и процесса обучения населения в отношении сортировки мусора при созданной поддерживающей инфраструктуре (установка баков для сортировки мусора) привело к неправильной сортировке мусора, что негативно повлияло на другие экологические процессы – загрязнение почв, водных объектов, – а это сказалось на здоровье и благополучии горожан. В свою очередь, экопрактики городского сопротивления спровоцировали усиление городских инициатив, что породило целый ряд полезных метаболических цепей – экообучение через деятельность, повышение экокультуры и активности граждан, улучшение окружающей среды, самочувствия и здоровья населения и др.

В рамках традиции Латура каждый элемент системы, будучи человеческим (социальным) и не-человеческим (несоциальным), вносит вклад в создание данной сети. Каждый из элементов этой сети – актеры, вовлеченные в коллективное действие. Пример с отсутствием мусороперерабатывающего завода при введении практик разделения твердых бытовых отходов показал, что степень внимания к несоциальным объектам тем выше, чем хуже они работают.

Мы считаем, что данные, которые были получены нами в результате социологического исследования, подтвердили выдвинутую гипотезу. Прагматический смысл спортивных мегасобытий как мощных локомотивов метаболических трансформаций в городах заключается в необходимости «быстрого освоения федеральных средств» в сжатые сроки. Подобные условия *«ставят местные организации в тяжелое положение – нужно освоить выделенные средства во что бы то ни стало к определенному времени... поэтому принимают поспешные решения»* (эксперт 2). Это порождает иллюзию «скачка» экологической озабоченности властей в период проведения мегасобытий, что воспринимается, скорее, как необходимость, вызванная экономическими стимулами (рост туристического потока и т. д.), а не как забота об окружающей среде и здоровье горожан. Это отражается на метаболических процессах в городе, многие из которых протекают в ненормальном режиме в ходе подготовки к Играм.

Самое печальное, что непродуманная и поспешная городская политика может привести к потерям не только для социально-экологического каркаса города, но и будет невыгодна для самих властей. В результате, например, сначала деревья вырубаются под строительство (которое «замораживается»), а потом тратятся огромные ресурсы на посадку деревьев; экономия на городских сетях приводит к убыткам в транспортной сфере, конфликту с существующим генеральным планом города, негативно сказывается на здоровье населения.



Список экспертов

Мухачев Сергей Германович, кандидат технических наук, заместитель председателя республиканского совета Всероссийского общества охраны природы, руководитель татарстанского отделения Социально-экологического союза.

Мингазова Нафиса Мансуровна, доктор биологических наук, заведующая лабораторией оптимизации водных экосистем, профессор кафедры градостроительства КГАСУ.

Яо Любовь Маркеловна, доктор социологических наук, профессор кафедры государственного, муниципального управления и социологии Казанского государственного технологического университета.

Валиуллин Дамир Фаргатович, начальник отдела экологического просвещения и взаимодействия с общественными организациями Министерства экологии и природных ресурсов Республики Татарстан.

Минакова Елена Анатольевна, доцент кафедры биоэкологии Казанского (Приволжского) федерального университета, член регионального отделения в Республике Татарстан Общероссийской общественной организации «Центр экологической политики и культуры».

Рысаева Юлия Сергеевна, исполняющая обязанности главного инженера проекта ГУП «Татинвестгражданпроект».

Хасанова Диляра, руководитель пресс-службы «Дирекция спортивных и социальных проектов».

Нищенко Анастасия Сергеевна, менеджер по работе с волонтерами во время проведения Универсиады.

Юзекаева Алсу Мансуровна, социолог, работает в сфере социологических исследований, реализуемых для мэрии Казани.

Толкачева Анна, кандидат политических наук, менеджер образовательной программы «Современный социальный анализ» в НИУ ВШЭ / Санкт-Петербургская школа социальных и гуманитарных наук. В 2012–2015 гг. работала в КФУ, жила в Казани, являлась непосредственным свидетелем проведения спортивных мегасобытий в республике.

Яцык Александр, кандидат социологических наук, доцент, эксперт в области изучения спортивных мегасобытий.

Валеева Гузель Равильевна, кандидат химических наук, доцент кафедры прикладной экологии Казанского федерального университета, по совместительству член центрального совета российской экологической партии «Зеленые».

Галицкая Полина Юрьевна, кандидат биологических наук, доцент кафедры ландшафтной экологии Казанского федерального университета.

Никитин Олег Владимирович, ассистент кафедры прикладной экологии факультета географии и экологии Казанского федерального университета.

Фархутдинова Эльвира Анасовна, инженер ГУП «Татинвестгражданпроект».

Литература

Ермолаева П.О. Социально-экологические барьеры при подготовке городов постсоветской России к спортивным мегасобытиям (на примере Универсиады 2013 г. в Казани) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 5 (70). С. 141–155.

Ермолаева П.О. Новые тенденции в экологическом потреблении россиян под влиянием спортивных мегасобытий (на примере Универсиады 2013 г., Казань) // Лабириинт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 2. С. 52–63.

Коммонер Б. Замыкающийся круг. Л.: Гидрометеиздат, 1974.

Култыгин В.П. 2004. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/392/599/1231/004.KULTYGIN.pdf>.

Олимпийское наследие. В чем оно? 2012 // Аргументы и факты. URL: <http://www.kuban.aif.ru/politic/details/100798>.

Степанцов П.М., Ерофеева М.А. Новые горизонты теории социальных событий: создание ивент-аналитической модели исследования социального действия. 2015. URL: <ftp://ftp.repec.org/opt/ReDIF/RePEc/rnp/ppaper/060915.pdf>.

Юдина Т.А. Разработка концепции устойчивого развития волонтерства в РФ как эффективного института гражданского общества // Известия Сочинского государственного университета. 2014. № 3 (31).

Яницкий О.Н. Социобиотехнические системы: новый взгляд на взаимодействие человека и природы // Социальная наука и социальная практика. 2016. № 3 (15).

Bratt C. Additions to the lichen flora of San Clemente Island, California // Bulletin of the California Lichen Society. 1999. Vol. 6. P. 19–21.

Broto V.C., Allen A., Rapoport E. Interdisciplinary perspectives on urban metabolism. Journal of Industrial Ecology. 2012. N 16 (6): 851–861.

Ermolaeva P. Citizen (Dis)engagement during Assessment of Sports Mega-events: the Case of the 2013 Universiade in Kazan, Russia // Impact Assessment and Project Appraisal. 2014. Vol. 32. Issue 1. P. 66–71.

Fischer-Kowalski M., Weisz H. Society as hybrid between material and symbolic realms: Toward a theoretical framework of society-nature interaction. Advances in Human Ecology. 1999. N 8. P. 215–251.

Gandy M. Rethinking urban metabolism: water, space and the modern city: City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action. 2004. N 8:3. P. 363–379.

Harvey D. The right to the city // International journal of urban and regional research. 2003. Vol. 27. N 4. P. 939–941.

Kommoner B. Zamykajushhijsja krug. Priroda, chelovek, tehnologii. [Closing circle. Nature, people, technology]. L.: Gidrometeoizdat, 1974.

Latour B. When things strike back. A possible contribution of 'science studies' to the social sciences // British Journal of Sociology. 2000. N 51. P. 105–123.

Lefebvre H. Writings on cities. Oxford: Blackwell. 1996. Vol. 63. N 2. P. 147–159.



Martinez-Alier 2014; Contesting Urban Metabolism: Struggles Over Waste-to-Energy in Delhi, India; Federico Demaria, Seth Schindler // *Antipod, A Radical Journal of Geography*, 2015.

Yanitsky O.N. Metabolism as a master frame for globalization analysis. 2017. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4930>.

М.Р. Арпентьева (Калуга)

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ЧЕЛОВЕКА: ПАРТИСИПАТОРНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ СООБЩЕСТВАМИ В СУБЪЕКТ(ИВ)НОЙ И ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОЙ МОДЕЛЯХ

Введение

В рамках модели интерсубъективного управления [Vittikh 2015 (a)], выступающей основной частью науки об интерсубъективном управлении эвергетики [Виттих 2014; Vittikh 2015 (b); Vittikh 2016], человек рассматривается в его повседневной жизни как актер, мотивированный к урегулированию проблемных ситуаций в процессе взаимодействия с другими актерами (достижению конкретного результата, эффективности), а также к гармонизации отношений в сообществе (достижению продуктивного результата) и к самореализации – самоосуществлению (достижению нужного результата) в процессе принятия решения, работе в рамках ситуативных ассоциаций, возникающих для решения тех или иных проблем.

В ходе изучения и осмысления проблемной ситуации акторы осуществляют согласование своих целей и ценностей как сотрудников и/или оппонентов, а также приходят к осознанию собственных позиций и важности собственных вкладов в принятие решения (своих свобод и обязательств, прав и обязанностей по отношению к себе и обществу). Общность реализует вклады в развитие отдельных своих членов и, таким образом, в развитие самой себя – и наоборот.

В модели субъективного управления, выступающей частью исследований в области самоуправления человека, человек рассматривается как субъект, мотивированный к гармоничным отношениям с собой и миром, то есть к эффективности и самоэффективности, продуктивности и самопродуктивности, а также к воздействию на окружающий мир в процессе решения актуальных для него и окружавшего мира проблем (достижению нужного ему и выбранного им для жизни сообществу) [Адлер 1997].

В ходе изучения и осмысления проблемной ситуации человек реализует свои права и свободы наряду с обязанностями и нуждами, выступающими в качестве внутренне осмысленного долженствования, регулирующего процессы согласования своих целей и ценностей с целями и ценностями других людей как сотрудников и/или оппонентов. Человек реализует собственный вклад в развитие общности и, таким образом, в развитие самого себя – и наоборот.



При этом очень важна ориентация акторов как индивидуальных субъектов, действующих и живущих вместе с другими субъектами, как акторов – членов «дейтельных сообществ» – ситуативных ассоциаций:

- на принятие альтернативных точек зрения, учета мнения всех субъектов, вовлеченных в диалог по поводу решения проблемы;
- на достижение общих целей – на разрешение проблемы;
- на достижение/сохранение гармонии акторов друг с другом и с самими собой, обеспечиваемой ориентацией каждого из акторов на глубокое и разностороннее понимание своих собственных нужд, возможностей и ограничений, а также возможностей, ограничений и нужд окружающего мира – мира людей, вместе с которыми каждый человек как самоуправляющийся субъект и как актер – член ассоциации – принимает решение в данной ситуации.

Человек живет вместе с другими людьми – это фундаментальный факт его биографии, рождающий как свободы, так и ограничения в жизни человека и окружающих его людей. У гармоничного человека и у гармоничного сообщества права и обязанности – это права и обязанности любви: заботы и взаимопомощи, уважения и подтверждения, нравственного развития и самосовершенствования. У дисгармоничного человека и дисгармоничного сообщества права и обязанности – это права и обязанности отчуждения: равнодушия и конкуренции, неуважения и отрицания, десаκραлизации и аномии, деградации и разрушения культуры.

1. Сравнительный анализ моделей интерсубъективного и субъективного управления

1.1. Интерсубъективная и субъективная модели управления: диалогичность и единство бытия

Интерсубъективный подход к разрешению проблемных ситуаций ориентируется в основном на внешний консенсус – консенсус относительно решения проблем внешнего, социального мира [Vittikh 2015 (a)]. В достижении внешнего консенсуса перед людьми встает задача, связанная со следующими факторами: 1) знанием и умением договариваться – приходить к общему пониманию ситуации; 2) способностью и готовностью строить уважительные, включенные, развивающие отношения, помогающие договариваться; 3) способностью и готовностью воздействовать на знания и умения окружающих. Субъективный подход к разрешению проблемных ситуаций ориентирован преимущественно на внутренний консенсус, гармонию отношений человека с самим собой [Адлер 1997]. Однако ни внешний консенсус и интерсубъективный подход, ни внутренний консенсус и субъективный или интрасубъективный подход невозможны друг без друга и друг друга предполагают, акцентируя разные аспекты единой реальности: субъективный подход дополняет подход интерсубъективный. В достижении внутреннего консенсуса перед каждым актором встает задача, связанная с рядом моментов: 1) со способностью и готовностью

воздействовать на знания и умения окружающих, опираясь на наличные или формирующиеся в процессе обсуждения знания и умения, среди которых знания и умения «договариваться» с самим собой, достигать и удерживать в противостоянии с внешними и внутренними воздействиями состояние внутренней гармонии, оптимального для самого себя понимания ситуации и себя в ситуации; 2) со способностью и готовностью строить уважительные, включенные, развивающие отношения, помогающие договариваться с собой и миром.

Субъективное управление предполагает включение индивидом в свой внутренний мир позиций других людей, их осмысление, освоение, трансляцию как позиций в разной мере «своих», «собственных» и «чужих», «чуждых», и в этом смысле является производной от интересубъективного управления. Поэтому, с одной стороны, можно говорить о субъективности (как о неутраченной индивидуальности) в рамках интересубъективности: понятие «подхода» здесь отражает лишь различие фокусу исследователя или практика, в сущности же речь идет о том, что субъективный подход может быть рассмотрен как компонент интересубъективного. Личность как диалог, как система присваиваемых и транслируемых отношений – связей между разными позициями, пониманиями, моделями поведения – по своей сути, выступает как группа. С другой стороны, группа выступает как «групповая личность», целостность. Для индивидуального субъекта эта целостность – признак здоровья и необходимость продуктивного и успешного функционирования и развития. Для группового субъекта ценностно-ориентационное единство, сходство миропониманий и самопониманий членов группы, включая процессы «группового мышления» и феномены «групповой идентичности», а также групповые ритуалы и нормы поведения, – также свидетельство и условие продуктивного и успешного функционирования и развития. Другой вопрос – о том, насколько в современном мире группам и личностям удастся быть целостными, насколько диссensus не превращается в повод для разрушения, войны, но становится поводом для диалога, исследования, выбора и подтверждения той или иной позиции, понимания и модели поведения и продуктивной трансформации внутреннего и внешнего мира субъекта/актора. Важным для обоих этих подходов является и значимость присутствия у акторов знаний и умений, позволяющих находить и удерживать оптимальную (для индивида или группы) ценностно-смысловую позицию, а также наличие знаний и умений, позволяющих строить уважительно-паритетные, включенные – искренние и значимые – развивающие отношения с людьми, окружающими индивида, и группу как сложные системы «системами среды».

1.2. Системная модель управления: целостность и развитие бытия

Важнейшими моментами в этом процессе являются моменты, связанные с пониманием того, что взаимодействие сложных систем подчиняется не только линейным, но в основном нелинейным закономерностям, и более «хаотично», чем упорядоченно, в том числе:



1). Сложные системы имеют свойство развиваться как самостоятельно (будучи отчасти изолированными), так и совместно (взаимосвязанно), что проявляется в феноменах параллельности/параллелирования (отрабатывая определенные «циклы» трансформаций, естественным образом включенные в жизненный цикл систем).

2). Сложные системы развиваются целенаправленно, и вместе с тем их развитие стадийно и зависит от «стартовых состояний», а также состояний трансформаций – смысловых и транстерминаций – «точек невозврата», «точек поворота» (феномены гистерезиса и фрактальности). Таким образом, сложная система – это система, имеющая не только настоящее, но и прошлое и будущее.

3). Сложные системы обладают свойствами голографичности и эмерджентности: они включают подсистемы, функционирующие по единым принципам и обладающие единой структурой, имеют сильные и слабые тенденции, которые могут быть оценены как таковые лишь в определенный момент времени в определенной точке пространства, в ином времени-пространстве слабые тенденции могут становиться сильными, а сильные – слабыми («эффект бабочки», эффекты «черного лебедя» (джокера) и другие эффекты значительного и определяющего влияния незначительных или маловероятных событий и факторов на состояние и развитие системы).

4). Системы имеют несколько областей и порядков «равновесия», системы стремятся к состояниям равновесия, выбирая в каждый момент то или иное возможное и оптимальное для данных внутренних и внешних условий состояние, системы содержат как области (относительной) упорядоченности, так и области (относительного) хаоса, управление системами и их развитие осуществляется за счет упорядочивающего воздействия на зоны хаоса и деструктурирующего воздействия на зоны порядка.

5). Социальные системы организуются и существуют в рамках упорядочивающей взаимодействия культуры: культура создает рамки-предписания и рамки-запреты, содержит зоны жесткой упорядоченности, принуждения и насилия и зоны хаоса, свободы и произвола. Развитие культуры связано с взаимодействием этих зон, выстраиванием гармоничного соотношения прав и обязанностей. Нарушение гармонии прав и обязанностей членов сообщества приводит к дестабилизации и разрушению системы, в том числе изменениям «равновесных состояний» системы и изменениям силы и слабости трансформирующих систему факторов.

6). Интерсубъективное управление воссоздает социальную гармонию, возвращая людей к культуре построения взаимоотношений, учету рамок-запретов и рамок-предписаний человеческого взаимодействия в процессе принятия значимых для всех акторов решений. Субъективное управление также обращает внимание человека и группы на культуру взаимоотношений, взаимную трансформацию и взаимное подтверждение людей, обращает внимание на необходимость учета и гармонизации системы их прав и обязанностей.

1.3. Интерсубъективность человеческого бытия и интеграция подходов к организации и изучению управления

В.А. Виттих неоднократно подчеркивает, что эвергетика является не альтернативой, а дополнением традиционных, классических и неклассических моделей управления. На наш взгляд, она выполняет интегрирующую разные модели функцию. В рассматриваемых нами моделях по-разному выставлены акценты и описываются разные компоненты управления, однако в любом случае в рамках всех моделей управления главное действующее лицо – это актер или субъект, выполняющий познавательную-созидательную функцию в обществе, имеющий субъективную точку зрения на процессы, происходящие в нем, и обладающий особой жизненной позицией, интересами (нуждами и желаниями), обменивающийся знаниями и умениями с другими актерами в процессе поиска решения [Адлер 1997]. Люди и группы как акторы оказываются в разных проблемных ситуациях, осознавая большую или меньшую дисгармоничность и проблемность внутри и вне себя, в разной мере понимая, как найти и реализовать правильное решение. В сознании каждого актора, причастного к проблемной ситуации, происходит конституирование ее смысла, которым акторы обмениваются – и в процессе обмена воздействуют друг на друга, сопresentствуют, «свидетельствуют» бытие друг друга и принятие решений. Как только неоднородные акторы (поначалу индивидуально) начинают осознавать проблемную ситуацию, они приступают к коммуникативным действиям с тем, чтобы согласованно понять ситуацию, то есть достигнуть взаимопонимания, а затем найти совместными усилиями устраивающее всех решение по ее урегулированию. Поскольку каждый отдельный актер чаще всего не в состоянии понять все или хотя бы «основное» многообразие смыслов ситуации, он должен воспринять от других то, чего недостает в его собственном опыте, а также активировать «скрытые» знания и умения, не востребованные жизнью ни у него самого, ни у других акторов. С этой целью организуется (или самоорганизуется) интерсубъективное сообщество, призванное сформировать общее смысловое пространство, способное и должно принять решение об оптимальном выходе применительно к данной ситуации. Участники интерсубъективного сообщества пытаются найти выход из ситуации, применяя различные формы диалога, включая диалог посреднический, направленный на гармонизацию отношений в группе и сообществе, к которому принадлежит группа; диалог рефлексивный, направленный на исследование смыслов происходящего путем обобщения смыслов всех участников группы; диалог преобразующий, направленный на трансформацию смыслов и поиск конкретных решений и осуществление преобразований внутри и вне группы. В таких диалогах рождаются интерсубъективные знания и умения, выступающие как продукт соглашения.

В эвергетике предполагается, что для достижения взаимопонимания акторами разрабатываются компоненты модели и технологии интерсубъективного управления: осуществляется процедурное творчество, результаты которого –



технологии и принципы взаимодействия – содействуют сближению их позиций и играют роль «интеграционной платформы», обеспечивающей продуктивное и эффективное соотнесение позиций, включая возникновение или активизацию новых и «скрытых» знаний и умений, возникновение параллельных процессов (синхроний).

В модели субъективного управления первичным является не столько «целенаправленное» построение отношений взаимопонимания, сколько «интеграционная платформа», в качестве которой и выступает сам субъект, обладающий высокогармоничной, активно и «автоматически» воздейственной и обращенной к нуждам человечества ценностно-смысловой позицией. Эта позиция «автоматически» определяет характер его «присутствия» в группе (гармонизирующий или дисгармонизирующий, отвергающий или подтверждающий) и воздействия на группу, а также особенности его понимания себя и других людей, конкретной проблемы и мира в целом, которые обнаруживаются и подобно «лакмусовой бумаге» проявляют особенности пониманий, позиций и моделей поведения других людей. Группа сталкивается в каждом из своих акторов с определенной позицией и в процессе конфронтации первоначально разрозненных интересов, нужд и желаний (диссенсусе) «проверяет» эту позицию на «прочность» и действенность: необходимость, продуктивность, нужность. Она рефлексировывает основные смыслы и ценности субъекта – их носителя, а также принимает решение о присоединении или непри присоединении к этим смыслам и ценностям и автоматически ко всем иным ценностям и смыслам субъекта как носителя определенной картины мира, «ценностно-смыслового универсума». Она выбирает – сохранять диссенсус, различие, множественность или перейти к консенсусу, единству, целостности. Если субъект, «говорящий себя», целостен, то шансы на принятие его позиции, понимание себя и мира, моделей общения очень высоки. И наоборот: «лоскутное сознание», «лоскутная религиозность», фрагментарные навыки общения и неадекватное ценностям и пониманию поведение («говорит одно, делает другое, делает третье») не вызывают стремления присоединиться.

Фактически эти модели описывают одни и те же процессы с разных, взаимодополняющих сторон, позволяя интегрировать классическую теорию управления, утверждающую роль руководителя как субъекта управления, его возможности и ограничения, и постнеклассическую модель управления, развиваемую эвергетикой как наиболее общую модель управления в целом. В любом случае и групповое осмысление, и осмысление индивидуальное не противоречат, но взаимно пересекаются: иначе не было бы консенсуса, обращенного ко всем, удовлетворяющего всех и предлагающего лучшее из существующих – нужное для всех участников – решение [Hartnett 2011]. Консенсус, как отмечалось нами ранее, призван обеспечить наилучшее, признанное всеми участниками сообщества, решение, равный вклад всех участников в процесс принятия решения, поскольку они имеют одинаковую возможность внести или изъять предложение, дополнить его или трансформировать,



наилучшие отношения в группе участников, которые стремятся к приемлемому для всех эффективному решению, используют компромисс и другие методы принятия консенсусных решений, стремясь к экономии ограниченных временных, финансовых и прочих ресурсов [Арпентьева, Моисеева 2017].

2. Проблема прав и обязанностей в традиционном управлении

2.1. Государство, общество и человек в решении общественно значимых проблем

2.1.1. Проблемы управления в цефаличных сообществах: деформации управления и отношений в сообществах

На уровне государства мы видим, что современный мир – мир «глобализованной культуры», это мир, живущий и вне нравственности, и вне превозносимого на словах закона (права), в нем права и обязанности людей выступают в основном как фикции, поскольку исходно не обладают нефиктивным, нравственным содержанием, но созданы для того, чтобы полностью отсечь общество от управления страной, человека – от управления организацией и т. д. Государство как общность/группа действует как управляющий, «бюрократический монолит», не заинтересованный во вмешательстве граждан в процессы и результаты управления. Отчужденность, арефлексивность, репрессивность государства транслируется и ретранслируется в общественных отношениях, эскалация конфликта между системами завершается разрушением самих систем:

1). Многие государства мира демонстрируют увлеченность отстаиванием своих «геополитических интересов»: ложь о сущности этих интересов, конфликтогенный характер способов «отстаивания» и сам процесс отстаивания создают мощнейший «центробежный» эффект, а также эффекты «неработающих» соглашений и сообществ, которые лишь декларируются и манифестируются, но не выполняются и не включают страны в реальное сотрудничество, поскольку манифестируется отсутствие, симулякр: мультикультурализм, вытеснивший интернационализм, обнаруживает себя даже в рамках различных «содружеств» – например, таких как штаты США или государства СНГ. При этом государственная власть не замечает молчаливо звучащего «колокола»: подавленное и лишенное возможности управлять своей судьбой и жизнью, обманутое, введенное в невежество население дает единственно возможный в этой ситуации отпор – «недеяние», «усталость», которые способны превратиться в революционные взрыв в любом удобном для этого месте [Бодрийяр 2006]. Государства игнорируют закон маятника или гомеостаза: ничто не вечно и при несоблюдении нравственных норм («золотой середины») оборачивается своей противоположностью. Помимо собственного народа в этот процесс необходимым образом будут включены мигранты-гастарбайтеры и преступники, «неграждане» и «люстрированные» – та, наиболее униженная



часть населения, положение которой во многих странах сведена к полному и откровенному рабству.

2). Государственная власть – власть отдельных лиц – преследует интересы этих лиц, но не интересы населения своей страны: компрадорская буржуазия демонстрирует свойственную ей и всей буржуазии в целом лень как нежелание перемен и труда, отчуждение и аномичный консюмеризм, а также нежелание отвечать – народу и миру – за содеянное, кажущееся единственно правильным в силу отсутствия нравственной составляющей кругозора [Сафонов 2009]. В результате в сообществах возникает культ людей, представляющих идеалы консюмеризма – таких как нацистские преступники или «вожди народов» прошлого и настоящего, реформация истории – формирование нового мифа, новых интерпретаций потерь и приобретений народа. Осуществляется травля этически отличающихся политических и иных оппонентов, создается институт «неграждан», проводятся «люстрации», стерилизации, а также переселения и выселения. Формируются резервации/концлагеря, происходит лишение той или иной части населения политических и иных прав, а также принудительное лишение народа элементов национальной идентичности (языка, ритуалов и норм, ценностей – исторической памяти) на фоне отказа признавать конфликт, замалчивание конфликтов и преступлений против своего и других народов, введение «двойных стандартов» и стандартизация коррупции, лжи и иных манипулятивных практик в отношении общества. На поверхность выходит «агрессивный либерализм», лишенный и проповедующий лишение нравственных ограничений. Политическая «элита» этих стран – сообщество, образующее бюрократический монолит, – абсолютно не имеет понимания и потребности понимания нужд населения, занято пестованием необходимых желаний и соответствующих им реакций (манипуляция общественным мнением – пониманием себя и мира, отношением к ценностям, введением новых и искоренением старых норм и ритуалов) [Шкаратан 2011]. Она лишена потребности и понимания необходимости покаяния и трансформации, связанной хотя бы с минимальным следованием Конституциям и законам, не говоря о нравственных императивах.

3). Государственная власть перекрывает меритократические лифты, закрывает доступ к управлению организациями и учреждениями на всех уровнях людей, не входящих в бюрократический монолит ни по своим ценностным ориентациям, пониманиям и ритуалам, ни по рождению. Напротив, государство и буржуазия пестуют наследование статусов, а также «прилагаемых к ним» ценностей, пониманий, ритуалов, наслаждаясь «административным восторгом» как потребностью и состоянием власти над жизнями лишенных права «голоса» (собственных ценностей, понимания и ритуалов) населения [Ладягин 2005]. Поддерживаются военно-промышленный комплекс и наращивание внешних и даже внутренних войск (гвардии, полиции, спецслужб), наркоторговля (включая торговлю винно-водочными и табачными изделиями), торговля рабами, активно развивается сеть правоохранительно-



правозащитных организаций и структур, призванная рекрутировать в социальные изоляты – тюрьмы и т. п. – граждан с отклоняющимися от «нормативных» ценностями, пониманиями, ритуалами. Создается государство «всеобщего изобилия»: кризис перепроизводства низкокачественных продуктов и денег, необходимых для создания иллюзии (симулякра) полноценной жизни населения. Удовольствие власти перерастает в удовольствие насилия и страха: активно растет преступность (в том числе грабежи и убийства), поддерживаются и провоцируются аборт и домашнее насилие, суициды и массовые расправы («террористические акты»). Государство без справедливости и других нравственных ценностей превращается поистине в большую банду преступников. К государству присоединяются некоторые церкви, активно стремящиеся «коммодифицировать» духовную власть, превратив ее во власть мирскую, чем изобличают суть своей деятельности и развращают население демонстративным пренебрежением нравственными ценностями.

2.1.2. Проблемы управляемого сообщества: деформации отношений к управлению

Теперь обратимся к процессам на уровне отдельных людей и групп людей (сообщества).

1). Происходит тотальное отчуждение людей от государства, общества и самих себя. Ответственность уходит не только из повседневных отношений, но и из потребностей: как отмечалось, отсутствие необходимости трудиться, искать, любить приводит человека в состояние усталости [Бодрийяр 2006], грозящей взрывом неизрасходованной жизненной силы, подавляемой и постоянно отнимаемой симулякрами жизни. Гласность как «всеобщая прозрачность» приводит к росту репрессивности и ауторепрессивности в обществе: формируется и закрепляется состояние внутренне «узаконенного» рабства (маленького человека, предназначенного для продажи и эксплуатации). Нарастают стремление к сепарации и терроризму: значимость отношений между людьми, понимание жизни и осознание ценности жизни своей и другого человека заменяются представлением о значимости потребления и симулякров жизни. Попытка осознания реальности ведет к усилению репрессий: наказание и самонаказание за развенчание фикций и псевдоценностей.

2). Самоотчуждение и отчуждение провоцируют ксенофобию, в том числе мигрантофобию (страх «нашествия мигрантов»), страх перемены мест и страх оставаться на одном месте. Другие – семья, соседи, сослуживцы и т. д. – воспринимаются как конкуренты в борьбе за жизненные ресурсы, не люди, незаконно посягающие на принадлежащее человеку и поэтому необходимо должны быть наказанными, изгнанными или обязаны заплатить «дань». Возникают отношения социального каннибализма, градация людей на «слабые» и «сильные» звенья. Человек-обыватель, мещанин, – база массовых националистических, фашистских движений, обслуживающих интересы компрадорского государства [Сафронов 2009].



3). Человек отказывается от развития и саморазвития, вниз падают показатели образованности, психического и физического здоровья, рождаемости, вверх поднимаются показатели аутоиммунных и иммунных заболеваний, психические отклонения, психосоматические нарушения, инвалидизация и суициды, преступность возводится в ранг нормы. Рынок разрушает как запреты, так и предписания: человек не знает, как себя вести, что понимать и переживать, какие ценности можно и нельзя разделять, становится рабом существующей системы массовой пропаганды, организованной буржуазией в собственных интересах. Происходят десакрализация, отказ от семьи и рода, массовое вымирание населения (падение продолжительности жизни и снижение репродуктивных способностей). Человек теряет умение различать добро и зло, а вместе с ними – уважение и самоуважение.

В целом государства, сообщества, организации, личности современного мира выбирают различные пути решения проблемы совместной жизни и развития. Однако центральным аспектом их решения оказывается вопрос о соотношении нравственных и правовых, содержательных и формальных аспектов взаимодействия людей, а также о необходимости противостояния асимметрии управления, сложившейся в классический и неклассический период: преобладание «бюрократических монолитов» над интересубъективным управлением и самоуправлением, отсечение групп и людей от прав и обязанности участия в управлении и от самоуправления. Игнорирование, неуважение нравственных ценностей ведет к коллапсам, гибели сообществ, на пути которых они постигают различные грани социальной аномии и социального каннибализма, репрессий и подавления, фашизма и рабства.

И государство, и общество отказываются от своих обязанностей по отношению к себе и друг к другу. Государство лишает многих обязанностей общество, заменяя обязанности тотальным подчинением с помощью запугивания и иных репрессивных акций. Но вместе с этим государство отказывается и от собственных обязанностей и затем полностью теряет легитимность. Общество, лишенное обязанностей государством и переложившее обязанности на государство, внутренне сливается с ним, его идеологией, пониманием происходящего, формами взаимодействия, усваивает репрессии и в итоге уничтожает государство и само себя. Личность имеет возможность выбирать, однако и ее выбор ограничен: возможностями и пределами, предоставляемыми государством и сообществом. Выход за эти границы, существование в транскультурном пространстве и времени, требует усилий и означает создание новых, альтернативных систем управления и самоуправления: более гармоничных, целостных, гибких. В этом – суть подхода субъективного: целостное, гибкое и гармоничное «выигрывает», трансформирует дисгармоничное, фрагментарное и ригидное. На это нужны только время и пространство. Деревференция понятий «культура», «нравственность», «достоинство», «служение», «близость» и т. д. носит в этом контексте временный и локальный характер: в процессе разрешения внутренних и внешних конфликтов, исследования

диссенсусов и конфронтации интересов человек и общество восстанавливают сами себя и культуру вместе со всеми иными составляющими того, что называется «быть человеком». Культура и человек едины, управление лишь активизирует и актуализирует это единство для нахождения оптимального с точки зрения диахронной и гетерохронной логик решения.

2.2. Поиски путей решения проблемы управления во взаимодействии индивидов и групп

2.2.1. Транскультурная модель решения проблем управления во взаимодействии индивидов и групп

Таким образом, помимо констатации проблем управления исследователям и практикам необходимо понимание механизмов и путей, которыми проблемы современного мира, а точнее, проблемы отношений «бюрократических монолитов» – государств и общественности, людей, могут быть решены более простым, внутренне и внешне правильным (отвечающим нуждам человеческого существа и человечества), продуктивным и эффективным способом. Каковы же возможные пути решения этой проблемы?

Противостояние и поиск таких путей возможно на нескольких уровнях, обозначенных, в частности, транскультурализмом: интерессубъективность, принятие субъектности/субъективности, их особенностей, слушание «слабых» голосов [Арпентьева 2017; Ле Коадик 2015; Anzaldúa 2012]. Транскультурализм, феномен постбуржуазного, посткапиталистического мира, пытается решить эти проблемы, не отворачиваясь ни от чего. Транскультурализм расцветает «на границах», в зонах «несостыковок», зонах, отношения в которых не могут регулироваться одной системой прав и одной идеологией. Столкновение, взаимодействие, взаимный обмен и диалог этих идеологий и ценностей, пониманий себя и мира (переживаний и представлений), норм и ритуалов приводит к возникновению новой, «гибридной» идентичности. «гибрид» сознает противоречивость, но относится к ней и к противоречащим тенденциям с принятием и смирением [Бенхабиб 2003].

Отношения людей и групп строятся ацефалично (без государства), кланово: государство все более перерастает в государство-церковь, живущее не по законам человеческим, но по законам духовно-нравственным. Отношения строятся как отношения значимого и ответственного дарообмена, как попытка «заслужить собеседника» – уважительное отношение к себе и к нему, понимание взаимодействия людей и групп как праздника, как повода для развития, открытия неведомого и постижение неведомого в себе и в другом. «В транскультурации “иное” не просто видимо, но и рассматривается не как препятствие, а как самостоятельный субъект, общение с которым может происходить только на подлинно паритетных условиях». При этом «в отличие от мультикультурализма, строящегося по-прежнему на западной игре со временем и игнорировании пространства, транскультурация смело развоплощает



эту модель и реабилитирует пространство и субъектность “иного”, ставя под сомнение сами изобретенные в западноевропейской культуре понятия модерна и традиции и выступая за реальный диалог равных культур в настоящем» [Тлостанова 2008: 126, 143]. Транскультурная идентичность выступает как результат эгалитарного культурного взаимодействия, она скорее гибридна, чем маргинальна, и при этом скорее целостна, чем лоскутна. Транскультурация, согласно Ф. Ортису, «прославляет самосознание периферии, точку схождения противоположностей, которая позволяет людям превратить границу в центр и создать текучие, но значимые идентичности взамен фрагментированных историй» [Coronil 1995: XLI; Ortiz 2012]. Она формирует своеобразное двойное сознание, существующее между мирами и культурами, в пограничье – “la frontera”, в котором сталкиваются, смыкаются и перетекают друг в друга сущности и смыслы. Это две целостные в своей основе системы, развивающиеся и функционирующие во взаимодействии и параллельности. Идентичности «пограничья», которые воссоздает транскультурализм, по Г. Ансальдуа, основаны на понимании «иного» как самостоятельно-го голоса: «Пограничье – неопределенное и расплывчатое место, возникающее в результате <...> реакции на неестественную, навязанную кем-то границу. Оно в постоянном состоянии метаморфозы, и его населяют отверженные и объявленные вне закона» [Anzaldúa 2012: 3]. Человек с такой идентичностью – «метис»: «Mestiza выживает путем культивирования в себе терпимости к противоречиям и неоднозначности. Его личность плюралистична и действует в плюралистичном мире – ничто не отвергается – ни плохое, ни хорошее, ни уродливое, ничто не исключается и не выбрасывается. Он не только сохраняет противоречия, он переводит амбивалентность в иное качество» [Anzaldúa 2012: 79].

2.2.2. Модель глубинной демократии в осмыслении проблем взаимодействия человека и организации

В российской науке одно из решений предложено в работах С.Л. Франка и идее всеединства, развиваемой в том числе в эвергетике и иных постнеклассических моделях управления – например, модели «глубинной демократии». Современная постнеклассическая модель управления опирается на фундаментальное единство человека и культуры, в том числе первичность «Мы», всеединство человечества. Эвергетическая и другие модели и теории управления опираются на представление о том, что человеческая общность и человек не противопоставлены, но, напротив, едины. Если же рассматривать их со стороны вопроса о первичности и вторичности, то человек неразрывно связан с культурой, с общностью. Общность «конституирует» человека как человека, человек образует общности, социум. Культура, которую человек создает, им же и создается, и воссоздается. Поэтому в управлении сообществами, государствами, организациями и людьми, человека – самим собой, существуют и взаимно дополняют друг друга модус «индивидуальный»

(предполагающий существование стоящего «над» обществом менеджера, руководителя, лидера) и модус «коллективный» (предполагающий прямое участие людей в решении касающихся их вопросов). Глубинная демократия – это взгляд, который сосредотачивается на осознании как общепринятых, так и маргинальных, как «сильных», так и «слабых» позиций, пониманий, моделей интересов-голосов. Данный тип отношений может быть отнесен к группам, организациям, личному внутреннему опыту, конфликтующим людям и т. д. Серьезное отношение на первый взгляд к неважным событиям или чувствам часто может привести к неожиданному разрешению групповых или внутренних конфликтов. В отличие от «классической» демократии, которая сосредотачивается на имитации «власти большинства» с введенным к власти управляющим бюрократическим монолитом, глубинная демократия предлагает считать все варианты поведения, понимания и все ценности важными [Mindell 1992; Mindell 2010; Schupbach 2004; Schupbach 2007].

Глубинная демократия также предполагает, что информация – знания и умения, которые содержатся в этих вариантах поведения, понимания и ценностях, нужны в своей полноте для того, чтобы целостно понять процесс, протекающий в системе: консенсус невозможен без диссенсуса. Значение этой информации становится понятным, когда различные структуры и точки зрения вступают в отношения друг с другом. Глубинная демократия – это процесс построения и развития реальных, включенных, нравственных отношений, а не схема статичных состояний или набор правил: «Глубинная демократия – это наше ощущение того, что мир существует, чтобы помочь нам обрести свою полноту, и что мы здесь для того, чтобы помочь миру обрести целостность» [Mindell 1992: 20].

Государству и иным бюрократическим монолитам часто весьма сложно поддерживать проявления протеста и неподчинения, так как идеологическая и структурная – бюрократическая – инерция не позволяет ему быть открытым для изменений извне, а также изнутри. Подавление даже мирного протеста во имя «порядка» как сохранения власти приводит к репрессиям, а неконтролируемый, в том числе вооруженный, направленный на свержение власти протест приводит к анархии. Поэтому, если говорить о гармонизации управления в системах цефаличных, задача заключается в достижении баланса: защитить право свободы слова и собраний, одновременно поддерживая порядок и предотвращая попытки запугивания и насилия. Данный баланс в цефаличных структурах почти невозможно поддерживать. В целом это определяет приверженностью властей идеалам демократии, правам общества личности (не только правам государства) и пониманием своих и общества обязанностей, а также поддержкой этих идей большинством населения и добровольным регулированием (управлением) форм выражения своего протеста со стороны несогласных, угнетаемых групп. Глубинная демократия реализует концепцию принятия разнообразия и диалога между разными точками зрения. Одна из ключевых фигур в ней – модератор/медиатор, или фасилитатор,



который принимает и не принимает, любит и отстраняется, заботится и игнорирует, ведомый неподдельным стремлением достичь консенсуса. Он использует свои внутренние реакции для более полной поддержки собственных интервенций, высказываний, осмыслений, поэтому огромное значение имеют человеческое развитие, внутренний психологический и духовный рост и внутреннее спокойствие фасилитатора. Основой глубинной демократии является принцип мировой работы (*world work*). Этот термин предложен А. Минделлом и М. Шупбахом. Мировая работа является инновационной системой организации, развития и управления общественной жизнью в любых структурах, подразумевающих коллективное участие и совместный труд людей (от нескольких человек до миллионов людей).

Важный феномен в этой теории – феномен бессознательной, необъяснимой с точки зрения формальной логики, синхронии и единства (действий, понимания действительности и духовных устремлений) членов одного социума, или «процессуальный ум». Условием процветающего существования является не противостояние сторон – большинства и меньшинства (как в классической демократии), – а справедливый и равный учет мнения каждого члена общества: любой член сообщества может рассчитывать на то, что его голос будет не только услышан, но и учтен независимо от того, идет ли он вразрез с позицией большинства или наоборот – вторит ей. «То, кем мы являемся во всей сложной полноте, определяет то, как мы управляем <...> “программы лидерства” зачастую терпят неудачи потому, что они пытаются выпускать готовых “лидеров”, а не глубоко осознающих себя людей. <...> следование своей, глубинной сути усиливает потенциал... Однако эта глубина, существующая в людях и в группах, не является явной. Это траектория, которая следует скрытым организующим принципам», – пишет М. Шупбах [Schupbach 2007: 14–15]. Он говорит о том, что целью глубинной демократии является раскрытие естественных решений и использование их во всех областях. Она обращена к «эволюционному лидерству»: не устранимому, а принимающему «преграды» как часть пути. «Глобализация», которая необходима миру, «вторая глобализация» – это формирование большой семьи, члены которой учатся гордиться своими знаниями и умениями, ценностями, убеждениями и традициями, умениями и знаниями управлять конфликтами, развивать коммуникативные, перцептивные и интерактивные навыки, которые позволят повысить сотрудничество внутри и между группами. Эта концепция также расширяет понимание социального несогласия и согласия, а также раскрывает некоторые проблемы прямого и структурного насилия. С насилием как подавлением нужд связан основной конфликт отношений, основные причина и цель конфликта. Разрешение как прекращение подавления приводит к тому, что разнородные желания перестают переживаться и осознаваться как разнородные, достигается консенсус – внутренне целостное, универсальное постижение сути происходящего вне и внутри человека [Schupbach 2004; Гальтунг, Икеда 1995; Тойнби, Икеда 2008].

2.3. Модель всеединства в осмыслении проблем взаимодействия человека и культуры

В теории всеединства основной проблемой стала проблема отношения человека и культуры. В работах А. Адлера, опиравшегося на исследования в области фикционализма Г. Файхингера, эта проблема рассматривается и в контексте отношений власти и насилия, в контексте деформаций развития личности и группы и в контексте решения проблемы истинных и фиктивных жизненных ориентаций. В работах И. Канта было сформулировано и позднее развито Г. Файхингером представление о том, что принципы (культурные универсалии) культуры как условия человеческого существования обладают своим особым существованием: люди руководствуются ими так, как будто (*als ob*) эти принципы имеют объективное основание («укоренены в реальности»), хотя научного доказательства их объективности нет [Кант 1964: 571–572], как нет и полного понимания, в результате чего возникает необходимость упрощения до фикций, как это описано Г. Файхингером [Vaihinger 1921: 177–178], или симулякров, как это описано Ж. Бодрийяром и другими постмодернистами [Бодрийяр 2006]. Культурные универсалии помогают человеку «нести груз нравственной жизни» [Тевзадзе 1979: 316]. Однако культурные ценности – не простые утилиты, подчеркивал Г. Файхингер, которые нужно пользоваться или которые требуется заменять, но основы бытия человека. Тем не менее эти универсалии подвергаются пересмотру, и в моменты попыток опасного для жизни человека и общества отказа от нее культура поддерживает себя «материально-весомыми», в том числе насильственными, средствами, без которых нет никакой реальной власти. Тогда для человека и общества, государства и т. д. культура предстает как то, что приходится терпеть, чтобы выжить, как совокупность условий, при которых противоположные воли и направляющие их желания не уничтожают друг друга во взаимных столкновениях, а находят компромисс. Но если взять «естественную волю», то она, как и «естественное право», упирается в нужды человека и общества, обращение к которым способно «снимать», преодолевать конфликты подчас простым выяснением сути происходящего, соотнесения стратегических и преобразовательно направленных действий людей. В этом смысле развитие и существование культуры зависит от того, насколько приспособление к меняющимся условиям успешно. При неуспехе культурные принципы перестают быть основами общественной жизни, ориентирами поступков, их ценность падает (десакрализуется). Тогда власть культуры над людьми становится условной, разрыв индивидуального и социального увеличивается. Так происходит, например, потому, что культурные универсалии вырождаются в свои противоположности [Хоркхаймер, Адорно 1997; Адорно 2003: 327]. Это согласие с гибелью и соучастие гибели культуры наказуемо и пресекается быстро: «...вслед за универсалиями в небытие отправляется и человек, оставляя взамен <...> только свою природную массу» [Межуев 2006: 273]. Человек без ценностей, человек, приспособивший ценности к «своей самодовольной



малости», – всего лишь бутафория посткультуры: «человек вне культуры – фикция человека; культура, отчужденная от человека, подавляющая или приносящая его, провоцирующая на бунт, – фикция культуры. Но ни человеку, ни культуре нельзя быть фикциями, это их небытие», – пишет В. Порус [Порус 2012: 376–377].

Необходимо бытийное единство человека и культуры. Это центральная проблема для религиозной философии России, в том числе для С.Л. Франка, развивавшего идею всеединства, и охватывает также отношения «человек – культура». С.Л. Франк полагал, что всеединство человечества, преодолевающее индивидуализацию как распад человека и бытия, не может быть достигнуто усилиями духовных лидеров, наставников, то есть усилиями одного человека. Однако ученый и не разделял эсхатологизма, представлений о неминуемой смерти общества и человека как результата неразрешенного противоречия свободы и принадлежности, не рассматривал вопросы свободы и всеединства (в нашем исследовании – прав и обязанностей) как противоречия у Н.А. Бердяева. С.Л. Франк стремился вывести принципы культуры из внутренних оснований бытия. Он отвергал упрощенный фикционализм, так же как утилитаризм и аскетизм: «Утилитаризм ни во что не ставит отвлеченные, даже полагаемые абсолютными, ценности, предпочитая им практическую пользу; его антипод – аскетизм – выпячивает мораль как единственную опору культуры, провозглашая анафему земным стремлениям и нуждам. «Оба не достигают высшего единства трансцендентного с эмпирическим и его не допускают» [Струве 2001: 46]. Конечно, отказ от культуры и Бога имеет в жизни человека и группы основания. В мире постмодерна отказ от Бога – результат «эпистемологического разочарования» (идея Бога выглядит слишком иррациональной на фоне культа научных знаний и методов), «нравственного разочарования» (страх перед божьей карой не удерживает людей от греха, но служит орудием обмана верующих) и «утилитарного разочарования» (идея Бога не дает комфорта и благополучия, но вносит неоправданное беспокойство о бытии, которое не гарантировано в том числе культурными ценностями) [Хаутепен 2008]. Но все эти разочарования снимаются: «Бог поругаем не бывает», – жизнь возвращает человека к истинным ценностям, восстанавливает понимание себя и мира, исправляет поведение и поступки. Из мира ущербного, превозносящего или преуменьшающего себя «Я»-человек выходит в мир «Мы».

По сути, многие вопросы и проблемы отношений связаны с постоянными попытками нового решения вопроса о первичности «Я» или «Мы», на который достаточно давно Э. Гуссерль, А. Шюц, Л. Выготский, А. Адлер и другие исследователи дали однозначный, но не вполне эмпирически понятный ответ. Они обосновали изначальную intersubjectивность человеческого сознания: «Мы» предшествует «Я». Эта фундаментальная идея и положена в основу эвергетики и иных теорий intersubjectивного управления, так же как концепции «второй демократии» А. Адлера. Аналогична и позиция С.Л. Франка

с его идеей «всеединства». Все эти концепции и модели раскрывают диалектичность развития человека и общества, основанную на внутреннем единстве этих многоаспектных и часто сложно управляемых систем. В работах С.Л. Франка «культура есть совокупность абсолютных ценностей, созданных и создаваемых человечеством и составляющих его духовно-общественное бытие» [Струве, Франк 2001: 49]. Однако «парадокс культуры» в том, что ее основания не укоренены в эмпирических условиях жизни людей, но и не являются внешними по отношению к этим условиям: «Все старые – или, вернее, недавние прежние – устои и формы бытия гибнут, жизнь беспощадно отменяет их, избочивая если не их ложность, то их относительность <...> Кто ориентируется только на них, рискует <...> потерять разумное и живое отношение к жизни <...>, а если он ограничивается их отрицанием – духовно развратиться и быть унесенным потоком всеобщей подлости и бесчестности» [Франк 1990 (а): 114]. Этот «парадокс» неразрешим, пока составляющие оппозиции «человек – культура» отделены, нужна их целостность – «культура в человеке». На пути к «онтологии культуры» С.Л. Франк приходит к положению об онтологической значимости личности [Евлампиев 1995], духовной жизни личности [Струве, Франк 2001: 50]. Поэтому «мир должен мыслиться состоящим из реальных деятельных существ или индивидов» [Франк 1910: 183]. Культура предстает как сфера непрерывного творчества личностей, направляемого общей для них целью. При этом «свободное культурное творчество отдельного человека должно быть ограничено всеобщностью культурных целей. Но признание может быть и не свободным, а вынужденным», – отмечает В. Порус [Порус 2012: 383]. «Отсюда невольно рождается убеждение, что развитие культуры может быть обеспечено только подчинением личностей воле целого, только разумным, руководимым общими идеалами деспотизмом» [Струве, Франк 2001: 54]. Однако «прямо на этом убеждении общество и въедет в “скотный двор”: деспотизм не был бы самим собой, если бы не подменял “общие идеалы” <...> своими частными интересами, а разумность – софистическими парадоксами» [Порус 2012: 384]. Именно эти две подмены мы и наблюдаем в классической и неклассической науке и практике управления. С.Л. Франк полагал, что когда противоречие непреодолимо, то его нужно признать фундаментальной чертой онтологии, а не фактом ее неприемлемости [Порус 2012: 385; Франк 1990 (б): 548]. Ни Бог, ни культура не нуждаются в оправдании, но в усилии веры, любви и творчестве. Жизнеспособная культура не является внешней; если «овнешнение» возникает – это симптом утраты жизнеспособности, кризиса: духовный мир человека превращается в сферу имитаций, игры с «фикциями» и симулякрами: «Подлинность вытесняется подделками, ценности – ценниками, жизнь людей – театром марионеток» [Порус 2012: 387]. Призрак этой культуры как культуры, лишенной Бога, не безобиден: «доверившись ему, человечество сползает в пучину мировых катастроф».

Заключение

В современной науке и практике в рамках данных идей предложено несколько технологий и подходов, предполагающих с содержательной стороны ряд компонентов:

- восстановление утраченных/разрушенных связей между людьми, людьми и культурой за счет обогащения человеческой жизни нравственными ценностями, ценностями культуры, возвращение к предписаниям и запретам общечеловеческой культуры и национальных культур, то есть процесс ресакрализации;
- нравственное развитие / совершенствование человека и сообщества как вклад в развитие культуры, сообщества, человечества, обогащение культуры за счет самореализации индивидов;
- трансформация содержания и формы отношений в сообществе: движение к ацефаличным сообществам, живущим по нравственным законам; восстановление национальных, родовых и семейных отношений на основе современных и традиционных представлений о важности нравственной основы человеческой жизни.

Это позволит гармонизировать потоки сепаратизма – отчуждения и единения – слияния народов и этносов, других социальных групп, освободит сообщества и человечество в целом от ставшей нормативной ситуации предательства себя и своего народа: отсутствие государственных рамок существования этносов и народов снимет вопрос сепарации и позволит народам и отдельным индивидам осознать свободу и важность самоопределения, а также выбор социального служения и взаимопомощи как оптимального выбора, позволяющего и обществу, и человеку развиваться, получать поддержку жизни друг от друга – как значимых, нефиктивных, целостных процессов (феноменов).

Интерсубъективный подход к разрешению проблемных ситуаций базируется на внешнем консенсусе, субъективный подход – на консенсусе внутреннем. В модели интерсубъективного управления (эвергетике) управление предполагает привлечение к решению непосредственно касающихся их проблем гетерогенных акторов, организуемых в ситуативные ассоциации [Витих, Моисеева 2016; Vittikh 2015 (с)]. В рамках таких форм работы (ситуативных ассоциаций, деятельных групп и иных коллабораций временного и постоянного типа), как переговоры и медиации, дискуссии и фокус-группы, участники ситуативных ассоциаций, используя аргументированный дискурс, в процессе непосредственной коммуникации двигаются в направлении достижения консенсуса и принятия общего, одобряемого всеми участниками обсуждения, решения [Fyke et al. 2016; Shabana, Ravlin 2016]. В модели субъективного или субъектного управления или самоуправления ведущим моментом оказывается способность и готовность человека/сообщества управлять самим собой: выстраивать свою позицию, поведение, понимание происходящего независимо от влияния окружающих и среды, опираясь на глубокое и разностороннее понимание самого себя, своей сущности как человека

[Адлер 2002 (а); Адлер 2002 (б)]. Это своего рода умение договариваться с самим собой, находить и реализовывать оптимальное для себя самого решение с учетом всех ограничений и возможностей, существующих вне и внутри себя.

Субъективное управление по своей сути есть интроекция интересубъективного управления: человек договаривается с **другими людьми, ищет и находит консенсус** с собой и миром внутри себя, осознавая и аргументируя вероятные и желательные следствия каждого предпринятого шага, каждого поступка, будучи уверенным в его внутренней и внешней эффективности (эффективности и самооэффективности). Как и социальное самоуправление, субъективное предполагает диалог ценностных позиций, пониманий себя и мира, моделей поведения, их гармонизацию, рефлексия и реализацию в процессе принятия решений и преобразования проблемы. Вместе с тем этот подход дополняет коммуникативный фокус интересубъективной модели более выраженными акцентами таких модусов диалога, как социальная перцепция, «со-присутствие» и интеракция как взаимное преобразование голосов/акторов. Этот подход позволяет дополнить описание интересубъективного управления как сотворческого, паритетного, развивающего сообщества диалога в форме переговоров и дискуссий человека с человеком в целях создания интересубъективных смыслов (знаний и умений) и активизации «скрытых» знаний и умений акторов как членов ситуативной ассоциации.

Дополняется этот подход описанием управления как процесса взаимного осмысления самого себя и других акторов, трансформирующего, целенаправленного взаимо(воз)действия человека и мира, в ходе которого отбираются и реализуются наиболее оптимальные решения, удовлетворяющие как требованиям среды (решаемой ситуации и окружающего мира в целом), так и требованиям человека (как актора – члена ситуативной ассоциации и как субъекта жизнедеятельности в целом). При решении проблем акторы реализуют не только свои права, но и обязанности: аргументированный дискурс есть дискурс ответственный.

Литература

- Адлер А. Понять природу человека. СПб.: Академический проект, 1997.
- Адлер А. Психология власти // Адлер А. Очерки по индивидуальной психологии. М.: Когито-Центр, 2002 (а). С. 203–207.
- Адлер А. Спасение человечества с помощью психологии // Адлер А. Очерки по индивидуальной психологии. М.: Когито-Центр, 2002 (б). С. 47–52.
- Адорно Т. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003.
- Арпентьева М.Р. Мультикультурализм и миграция: беженцы, гастарбайтеры, кочевники. Калуга: КГУ, 2017.
- Арпентьева М.Р., Моисеева Т.В. Переговоры как интересубъективная технология // Онтология проектирования. 2017. № 1. С. 102–114.
- Бенхабиб С. Притязания культуры. М.: Логос, 2003.



Бодрийяр Ж. Усталость // Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция; Республика. 2006. С. 230–234.

Виттих В.А. Проблемы эвергетики // Проблемы управления. 2014. № 4. С. 69–71.

Виттих В.А., Моисеева Т.В. Интерсубъективное управление: от теории к практике // Проблемы управления и моделирования в сложных системах: Труды XVIII Международной конференции (20–25 сентября 2016 г., Самара, Россия). Самара: Офорт, 2016. С. 53–62.

Гальтунг Дж., Икеда Д. Выбирайте мир: диалог между Й. Гальтунгом и Д. Икеда. Sterling, VA: Pluto Press, 1995.

Евлампиев И.И. Человек перед лицом абсолютного бытия: мистический реализм Семена Франка // Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. СПб.: Наука, 1995.

Кант И. Сочинения: В 6 тт. М.: Мысль, 1964. Т. 3. С. 571–572.

Ладагин Ю.С. Русский административный восторг // Проблемы теории и практики управления. 2005. № 3. С. 8–15.

Ле Коадик Р. Диалоги об идентичности и мультикультурализме / под ред. Е.И. Филипповой, Р. Ле Коадика. М.: ИАЭ РАН, Наука, 2005. С. 78–104.

Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006.

Порус В.Н. Онтология культуры С.Л. Франка // Семен Людвигович Франк / под ред. В.Н. Поруса. М.: РОССПЭН, 2012. С. 373–416.

Сафронов А. Компрадорская буржуазия и проблема «экономической отсталости» // Свободная мысль. 2009. № 12 (1607). С. 77–92.

Струве П.Б., Франк С.Л. Очерки философии культуры // Франк С.Л. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания. М.: Московская школа политических исследований. 2001. С. 46–54.

Тевзадзе Г. Иммануил Кант. Проблемы теоретической философии. Тбилиси: Мецниерба, 1979.

Глостанова М.В. От философии мультикультурализма к философии транскультурации. М.: РУДН, 2008.

Тойнби Ар., Икеда Д. Избери жизнь. Диалог Ар. Тойнби и Д. Икеды. М.: МГУ, 2008.

Франк С.Л. Личность и вещь // Франк С.Л. Философия и жизнь. СПб.: Типография т-ва «Общественная Польза», 1910.

Франк С.Л. Крушение кумиров // Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990 (а).

Франк С.Л. Непостижимое // Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990 (б).

Хаутепен А. Бог: открытый вопрос. Богословские перспективы современной культуры. М.: БИИ, 2008.

Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.-СПб.: Медиум, Ювента, 1997.

Шкаратан О.И. Российская «псевдоэлита» и ее идентификация в мировом и национальном контекстах // Мир России: Социология, этнология. 2011. Т. 20. № 4. С. 68–88.

Anzaldúa G. Borderlands / La Frontera: The New Mestiza. San Francisco: Spinners / Aunt Lute, 2012.

Coronil F. Transculturation and the Politics of Theory: Countering the Center, Cuban Counterpoint // Ortiz, F. Cuban Counterpoint. Durham, N.C.: Duke Univ. Press, 1995.

Fyke J.P., Feldner S.B., May St.K. Discourses about Righting the Business Society Relationship // Business and Society Review. 2016. Vol. 121. Issue 2. P. 217–245.

Hartnett T. Consensus-Oriented Decision Making. Gabriola Island, BC, Canada: New Society Publishers, 2011.

Mindell A. The leader as martial artist: An introduction to deep democracy. San Francisco: Harper, Deep Democracy Exchange, 1992.

Mindell A. Processmind: A user's guide to connecting with the mind of god. San Francisco: Quest Books, 2010.

Ortiz F. Cuban Counterpoint. Durham, N.C.: Duke University Press, 1995, Durham, N.C.: Knopf, 2012.

Schupbach E. The Gold at the End of the Rainbow: A Hermeneutic Study of a Therapist's Spiritual Experience. Cincinnati, Cincinnati. Union Institute, 2004.

Schupbach M. Worldwork: Ein Multidimensionales Change Management Modell // Organisations Entwicklung. 2007. N 4 (Erfahrung). P. 56–64.

Shabana K.M., Ravlin E.C. Corporate Social Responsibility Reporting as Substantive and Symbolic Behavior: A Multilevel Theoretical Analysis // Business and Society Review. 2016. Vol. 121. Issue 2. P. 297–327.

Vaihinger H. Wie die Philosophie des Als-Ob entstand // Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen. 1921. Bd. 2.

Vittikh V.A. Introduction to the theory of intersubjective management // Group Decision and Negotiation. 2015 (a). Vol. 24. Issue 1. P. 67–95.

Vittikh V.A. Evolution of ideas on management processes in the society: from cybernetics to evergetics // Group Decision and Negotiation. 2015 (b). Vol. 24. Issue 5. P. 825–832.

Vittikh V.A. Heterogeneous Actor and Everyday Life as Key Concepts of Evergetics // Group Decision and Negotiation. 2015 (c). Vol. 24. Issue 6. P. 949–956.

Vittikh V.A. Evergetics: science of intersubjective management processes in everyday life // Int. J. Management Concepts and Philosophy. 2016. Vol. 9. Issue 2. P. 63–72.

И.Ю. Сарбаева (Самара)

МЕНТАЛЬНОЕ КАРТИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ СТРАХОВ В ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

В современных социологических исследованиях наметилась тенденция «открытия эмоциональности» в человеческом поведении в противоположность традиционному рассмотрению рациональной составляющей поступков индивидов. Об этом свидетельствуют институционализация такой отрасли социологического знания, как социология эмоций, а также возросший интерес ученых к анализу эмоций в рамках таких направлений социологии, как культура, труд и организация, здоровье и спорт, безопасность и преступность. Своеобразный «эмоциональный поворот» переживает и социология пространства и города, а особым интересом у исследователей жизнедеятельности индивидов в городской среде пользуется такая эмоция, как страх [Симонова 2014].

Пространство города имеет свою локальную составляющую – место, связанное отношениями, историй, идентификацией с человеком, оно социально обусловлено в ходе символического наполнения и определения его значимых свойств. Место имеет ярко выраженную смысловую нагруженность и эмоциональную окраску, а различение мест друг от друга и их взаимное соотношение осуществляется посредством практической схемы, которая представляет собой «смысловой комплекс знаний и умений» [Глазков 2013].

Размышляя над мнениями горожан о «страшных местах» в городе, Н.К. Радина рассматривала «городские страхи» как реальные (не фобии), опираясь на связь между реальным страхом и риском. В качестве основного методологического инструмента в изучении страхов в городе была использована теория социальных представлений. Предполагалось, что страхи горожан – это определенные знания и практики, разделяемые городскими жителями относительно «опасных мест» в городе, сформированные в процессе социального опыта и взаимодействия, обусловленные влиянием СМИ [Радина 2012].

Страхи-риски включают в себя зоны движения автомобильного транспорта («проезжая часть»), лесопарки и парки, «точки» продажи наркотических средств: клубы, притоны и т. п., места публичных увеселений и развлечений, общественный транспорт, «дворовые территории» (дворы рядом с домом), подъезды многоквартирных домов, районы с дешевым жильем, «точки» контроля правоохранительных органов, зоны экологических бедствий, не-город (гаражные массивы, нежилые здания).

Методологически неверно было бы исключать из страха все иррациональное, такие ответы были тематизированы отдельно, в результате получилась некая карта города в призме иррационального компонента реального страха. В результате получилось семь тем, представляющих город как «фабрику иррационального страха»: темнота, тоннели и подземные переходы, чужаки и рынки, «свои другие», места движений и перемен, места разрушений и смерти, безлюдные места.

Другой спектр видения дает экзистенциальная традиция, которая предлагает интерпретировать и рассматривать страх в трех аспектах: страх экзистенциальный, порождаемый любой угрожающей ситуацией, страх социальный, связанный с сосуществованием людей, и страх смерти как специфическая категория бытия человека [Фаизова 2008].

В данном исследовании будет осуществлена попытка совмещения этих двух исследовательских интерпретаций к анализу страхов в городском пространстве.

Метод ментальных карт является одним из наиболее информативных и широко используемых для изучения городского пространства. Ментальная карта – это отражение внутреннего образа города, базирующегося на его объективных характеристиках (географическое положение, планировка, административное деление и т. д.), но вместе с тем этот образ субъективен и содержит много важной личной информации (отношение к городу, значимые объекты и места, ассоциации, связанные с городом, и т. д.) [Звоновский и др. 2015].

Любая ментальная карта как индивидуальный субъективный образ территории, существующий в сознании индивида, как результат конструирования реальности на основе усвоенного в процессе взаимодействия знания и общественных образов, всегда социальна. Карта конструируется под исследователя как зрителя, и он поймет ее только при знании или при доступе к интерпретации заложенных в нее интересубъективных кодов. При таком рассуждении «картирование» понимается как символическая форма презентации себя, а значит, от исследователя требуются интерпретация и расшифровка субъективных смыслов, которые заложены в построение этих своего рода «ментальных» карт. Интерес представляют ментальные карты стороннего человека (взгляд извне) и коренного жителя, сочетающего как публичный, так и приватный взгляд (взгляд изнутри), – туристский взгляд и взгляд «туземца».

Эмпирическое исследование ментальной репрезентации страхов в пространстве города началось в марте 2017 г. Поскольку страхи по своей природе относятся к области иррационального и субъективного, то на практике была реализована идея не пользоваться реальными картами и реконструировать индивидуальные «субъективные» карты городских страхов самостоятельно. Материалом послужили ментальные карты, которые выполнили студенты Самары. Сбор данных проводился стихийно в учебных аудиториях, где студентам были выданы листы формата А4. В процессе выполнения задания

студенты самостоятельно выбирали средства рисования. Процедура выполнения заданий проходила в присутствии исследователя. Необходимо отметить тот факт, что инструкция исследователя различалась для четырех групп студентов.

Первой группе студентов было дано задание просто изобразить границы любого микрорайона города. Это было учебное задание в рамках курса «Социология города». Исследователь обратил внимание, что информанты предпочитают рисовать свой микрорайон как наиболее «легкую» и узнаваемую единицу. Помимо того, что на ментальных картах студентов были отобразены реально существующие объекты (дома, магазины, другие постройки, дороги), некоторые из них изображали свои маршруты следования или «тропы» и эмоциональные отношения к различным объектам, либо выделяя их цветом, либо используя графические символы. Этот факт побудил в дальнейшем изменить инструкцию задания для другой группы и сосредоточить внимание не на субъективно определяемых границах микрорайона, а на его эмоциональной окраске.

Задача второй группы заключалась в том, чтобы предоставить рисунок собственного микрорайона с маршрутами следования и нанесением на карту тех мест, которые вызывают чувство страха. Впоследствии исследователя заинтересовал вопрос: а что получится, если сравнить между собой ментальные карты с учетом позиции, в которой находятся студенты-информанты в момент рисования?

Третьей группе была поручена просьба на выбор нарисовать микрорайон с позиции его «жителя» либо «гостя» («не-жителя»). Вполне ожидаемым был результат, что студенты в основном выбирали более «удобную» позицию «жителя», ведь свой микрорайон лучше осваивается в процессе повседневного взаимодействия с окружающей городской средой. Остальные ментальные карты были, скорее, вынужденного характера, так как студенты либо проживали в соседнем городе, либо считали свой микрорайон совершенно лишенным страхов и изображали более интересный «неблагополучный» микрорайон.

Представители четвертой группы должны были поставить себя в позицию «гостя» микрорайона. Однако данное задание по просьбе студентов было частично изменено на задание третьей группы, так как многие отказывались рисовать «чужой» микрорайон, ссылаясь на незнание подробностей расположения объектов на территории.

Данное разделение на группы позволило сформулировать предварительную гипотезу о том, что неизвестные и незнакомые места пугают сильнее, страхи «гостей» более разнообразны по типам и многочисленны по своей локализации в пространстве, чем страхи «местных жителей».

В ходе сбора документальной информации в виде ментальных карт автор столкнулся с рядом сложностей и затруднений, одна из которых – невозможность получить информацию от информанта. Данная проблема была обусловлена несколькими факторами: стеснительностью и неумением «красиво»



рисовать, общей дезориентацией на местности, незнанием подробного расположения объектов на территории, ссылкой на проживание в другом месте.

В своих ментальных картах информанты были субъективны, они искажали пространственные характеристики объектов, более подробно и детализированно, ярко и крупно изображая значимые для них места. К социально значимым были отнесены объекты, связанные с различными видами деятельности информантов: здания университетов, школ, торгово-развлекательные центры, магазины, кинотеатры, заведения общепита, спортивные объекты. Популярность изображений объектов образовательного значения связана с референтностью информантов, характерной для данного этапа их жизни. Встречаемость торгово-развлекательных центров и магазинов, скорее всего, является свидетельством набирающего обороты в молодежной среде вида досуговой деятельности – шопинга. Помимо этого данные объекты предлагают различные виды проведения развлекательного досуга для всей семьи.

Дороги и транспортные узлы – пожалуй, наиболее часто встречаемые объекты. Можно утверждать, что они тесно переплетаются с географическим основанием анализа и конструируют пространственные границы микрорайона в сознании информантов.

На некоторых ментальных картах помимо явного масштабного выделения такие «значимые» объекты еще дополнительно обозначались цветом и символами в противовес страху. При этом места в микрорайоне, которые не освоены в рамках повседневного взаимодействия индивида с окружающей средой часто остаются «белыми пятнами» на карте.

Применяя в своем исследовании типологию Н.К. Радиной к изучению страхов в сознании «местных жителей», можно выделить ряд страхов, о которых речь пойдет ниже.

«Иррациональные страхи» по своей сути повторяют полностью предложенную типологию – это темнота, тоннели и подземные переходы, чужаки и рынки, «свои другие», места движений и перемен, места разрушений и смерти, безлюдные места.

«Страхи-риски» также активно присутствуют – зоны движения автомобильного транспорта («проезжая часть»), лесопарки и парки, «точки» продажи наркотических средств (клубы, притоны и т. п.), общественный транспорт, «дворовые территории» (дворы рядом с домом), подъезды многоквартирных домов, районы с дешевым жильем, «точки» контроля правоохранительных органов, не-город (гаражные массивы, нежилые здания). Единственное отличие от предложенной типологии Н.К. Радиной в том, что в ментальных картах студентов не оказалось таких «страхов-рисков», как места публичных увеселений и развлечений, зоны экологических бедствий. Возможно, за счет увеличения выборки и расширения территориальных и возрастных границ информантов данные типы страхов будут присутствовать.

Как и любая типология, предложенная имеет свои ограничения. Поэтому анализ страхов был расширен за счет использования экзистенциального подхода.



Экзистенциальные страхи, порождаемые любой угрожающей ситуацией, в ментальных картах студентов – это места негативного опыта в прошлом, безлюдные места, разрушенные здания и сооружения, движущийся транспорт, стройка, лес, река, темнота, места скопления собак.

Социальные страхи, связанные с сосуществованием людей, – «иные» люди (или «не такие, как мы») представлены в основном маргинальными группами бездомных, наркоманов, алкоголиков, курильщиков, мигрантами и лицами другой национальности, индивидами с сексуальными отклонениями.

Страх смерти был представлен не конкретными отмеченными местами на ментальных картах, а выявился в процессе пояснений информантов к своим рисункам. Смерть в возрастной молодежной группе информантов определялась как несчастный случай, который может произойти на дороге (авария), около нежилых зданий и сооружений (разрушение конструкции), в метро (теракт), в парках, в лесу и на реке (провалиться под снег или лед), или как причинение вреда другими людьми (изнасилование, вооруженное нападение, убийство). В этом проявляется социальная обусловленность страхов «жителей» (особенно тех, кто длительно живет в микрорайоне), которая была определена предварительным знанием истории места и связанных с ним слухов. Например, фиксация на карте места страха, воспринимаемого как препятствие, и в связи с этим изменение кратчайшего маршрута следования на более длительный («обхожу тут»). Идентификация угроз способна изменить маршрут и траекторию движения «жителей». В итоге «местные жители» проецируют уже имеющийся негативный опыт взаимодействия с окружающей средой и стараются исключить в дальнейшем из своих маршрутов следования опасные участки.

Интересно то, что «гости» изображали на ментальных картах маршруты прогулки. В них представлены такие же страхи, как и страхи «жителей», однако они более многочисленны по своей локализации в пространстве. Страхи «гостей» микрорайона менее детализированы и подробны. Таким образом, была частично подтверждена предварительно сформулированная гипотеза о том, что неизвестные и малознакомые места пугают сильнее, чем свой микрорайон проживания. Данная гипотеза требует проверки на основе новых данных с учетом уровня благоустроенности рассматриваемого микрорайона. Например, городские окраины формируют образ «опасного места» или «места вынужденного посещения» в сознании «гостей». Они по своей воле вернуться в такие микрорайоны не планируют, а их пребывание в них будет, скорее, исключением и носит не добровольный, а вынужденный характер. В отличие от периферии, центр формирует позитивные представления и желания побывать там еще раз с тем, чтобы развлечься или просто погулять, «насладиться красотой и видами» места.

В общем, противоречивым получилось восприятие таких мест, как парки, лес, река, у различных информантов. Для одних данные места символизируют страхи, а для других – места отдыха и комфорта. Это несовпадение, возможно,

объясняется различным уровнем тревожности и мнительности студентов, а также дополнительными знаниями специфики места.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что потенциал метода ментального картирования пространства городской среды (К. Линч, С. Милграм, П. Гоулд, Р. Уайт) раскрывается в том числе при изучении страхов горожан. Особый интерес при этом представляет акцентирование внимания на эмоциональной окраске места в индивидуальном видении городских жителей. Дальнейшее изучение городских страхов посредством ментального картирования выдвигает ряд требований: учитывать длительность проживания в микрорайоне «жителя», частоту посещения и время пребывания в микрорайоне «гостя» и другие показатели.

Литература

Глазков К.П. Экскурсия по городу: ментальные карты как инструмент изучения образа города // Мониторинг. 2013. № 5 (117). С. 136–151.

Звоновский В.Б., Меркулова Д.Ю., Соловьева Ю.В. Образ города как ресурс // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 4. С. 104–113.

Радина Н.К. Социальная психология городского образа жизни: город страха // Социальная психология и общество. 2012. № 1. С. 126–141.

Симонова О.А. Современная социология эмоций: взаимовлияние обыденного и научного знания // Вторые Давыдовские чтения: сборник научных докладов симпозиума, 9–10 октября 2014 г. / под ред. И.Ф. Девятко, Н.К. Орловой. М.: Институт социологии РАН, 2014. С. 254–278.

Фаизова Г.И. Страх как важнейшая характеристика человеческого бытия // Вестник Башкирского университета. 2008. № 3. С. 628–629.

О.С. Сидорова, Н.Л. Мосиенко
(Новосибирск)

РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СЕГРЕГАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ (НА ПРИМЕРЕ РЫНКА ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ НОВОСИБИРСКА)

Городские сообщества – это основа социальной активности, так как, решая совместные проблемы, такие сообщества способны менять существующую социальную реальность, поэтому необходимо понимать, как и под воздействием каких факторов формируются городские сообщества.

Тема формирования городских сообществ очень обширна и требует поступательного изучения, поэтому мы пока не рассматриваем сам процесс формирования городских сообществ и в этой статье заострим внимание на роли социально-пространственной сегрегации в формировании городских сообществ.

Какова роль социально-пространственной сегрегации в формировании городского сообщества? Само понятие «сообщество» включает в себя несколько обязательных элементов. Во-первых, сообщество объединяет людей, проживающих на определенной территории. Во-вторых, оно требует определенного качества отношений внутри группы. Ее члены объединены определенной культурой, ценностями. В-третьих, сообщество требует от людей определенного устойчивого социального взаимодействия.

Как видим из определения городского сообщества, общая территория является одной из трех базовых составляющих для формирования городских сообществ, а социально-пространственная сегрегация может способствовать, хотя и не всегда, концентрации на одной территории большей доли жителей со схожими социальными характеристиками, ценностями и интересами, что впоследствии повышает вероятность возникновения сообщества на этой территории.

Социально-пространственная сегрегация, являющаяся одним из естественных процессов, существующих в социальном пространстве города и городской агломерации, затрагивает различные аспекты жизнедеятельности горожан и функционирования города. Сложность данного феномена обусловлена связанностью в нем процессов, происходящих одновременно в физическом пространстве города и в социальных отношениях. В социологии города под социально-пространственной сегрегацией обычно понимается полное или частичное обособление в физическом пространстве социальных групп, обусловленное различиями в их социальных характеристиках.

В статье рассматривается сегрегация по статусному признаку, выраженная в концентрации групп со схожими статусными характеристиками в городском пространстве. Актуальность исследования сегрегации в пространстве города обусловлена прежде всего социальными негативными и позитивными последствиями, которые возникают в результате данных процессов. Наиболее явными негативными последствиями являются ухудшение жизненных шансов некоторых групп горожан и сложности интеграции и взаимодействия различных социальных групп. К положительным последствиям можно отнести, например, возможность проживания среди «своих» и актуализацию самоидентификации, способствующих формированию локальных городских сообществ, что является необходимым условием повышения социальной активности и развития местного самоуправления. Кроме того, современное управление городской средой невозможно без участия городских сообществ, различных групп населения в процессе принятия решений. Так, одним из примеров является реформа жилищной сферы, подразумевающая активность жителей многоквартирных домов, без которой невозможно принятие ряда решений в сфере управления жилым домом. В то же время нельзя однозначно говорить о влиянии процессов сегрегации на формирование локальных сообществ, это сложный механизм, включающий множество разнонаправленных процессов и факторов.

В работах советского периода по проблемам социальной сегрегации признавалось наличие в структуре города историко-социальных районов, различающихся преобладанием представителей тех или иных социальных групп. Однако идеологический контекст данных исследований обуславливал их слабую применимость в качестве методологической основы к изучению современной социальной сегрегации [Барсукова 2000].

Среди западных исследователей существенный вклад в развитие идей городской социологии внесли, в частности, работы Р. Парка [Парк 2011] и Э. Бёрджесса [Бёрджесс 2000]. Важным постулатом данных исследований являлось утверждение, что социальные отношения материализуются в социальном пространстве города.

Вклад в теоретическое осмысление взаимосвязи между статусом индивида и местом его проживания внесли работы П. Бурдьё [Бурдьё 1993; Бурдьё 1994]. Он, в частности, отмечал, что «почти повсюду можно наблюдать тенденцию сегрегации в пространстве, когда люди, близкие в социальном пространстве, стремятся стать близкими – по выбору или вынужденно, – в географическом пространстве» [Бурдьё 1994: 187].

В работах Е.Л. Строковой дан обзор литературы по социально-пространственной сегрегации и подходов к определению этого понятия [Строкова 2008]; в трудах С.Ю. Барсуковой проанализированы тенденции социального зонирования российских городов [Барсукова 2000]; О.Е. Трущенко исследованы социальные законодатели городской сегрегации – категории жителей, которые имеют приоритет в выборе места жительства



в городе [Трущенко 1995]; П.П. Кротов с соавторами дает характеристику рыночной эволюции советской модели жилищной стратификации города: как влияют место работы, образование, возраст, длительность проживания в городе, иными словами, принадлежность человека к определенной социальной группе на то, где он живет, каковы тенденции формирования нового социально-жилищного облика города и в чем его отличия от западного города [Кротов 2003].

Несмотря на обширный круг исследований по данной проблематике, остается потребность в разработке методологических и методических подходов для изучения проблем сегрегации города в современных условиях: меняется ситуация на жилищном рынке, в том числе заметны новые тенденции в жилищном строительстве. Так, по оценкам специалистов, если до 2000 г. жилищное строительство в российских городах осуществлялось в основном в форме точечной застройки, затем изменения в нормативном регулировании привели к появлению крупных проектов по комплексному освоению территории (и одновременно экономических границ, обусловленных экономической целесообразностью освоения окраинных территорий городов), намечилось зарождение тенденции реновации (строительство взамен сноса ветхого жилья) [Косарева 2015].

В данной статье показаны подходы к выявлению социально-пространственной сегрегации города через оценку процессов, происходящих на рынке жилой недвижимости. Разработан методический подход, основанный на сочетании картографического метода и экспертного опроса, позволивший зафиксировать процессы сегрегации. Приводятся результаты апробации методического подхода на примере рынка новостроек Новосибирска.

На данном этапе исследования важно было также выработать понимание того, что представляет сегодня рынок жилой недвижимости с социологических позиций. В.В. Радаев, например, дает следующее определение рынка: это «система регулярного, преимущественно денежного, взаимовыгодного, добровольного и обязательного обмена благами, в которой действия его участников регулируются (помимо цен) их структурными связями, институциональными формами, властными иерархиями и культурными конструкциями» [Радаев 2008: 50].

Экономико-социологическое понимание рынка недвижимости и концепция соотношения физического и социального пространства П. Бурдьё [Бурдьё 1993] хорошо сочетаются вследствие общих точек в рассмотрении категории социальных отношений. С одной стороны, рынок недвижимости естественным образом «привязан» к территории; с другой – он проявляет ряд своих характеристик и в социальном пространстве. Эта взаимосвязь физического и социального пространств проявляется, в частности, в престижности одних территорий и непрестижности других. Также стоит отметить, что недвижимость, будучи воплощением экономического капитала,

конвертируется и в другие виды капитала. Все это делает рынок недвижимости одним из возможных оснований исследования процессов социально-пространственной сегрегации.

При разработке методики исследования процессов социально-пространственной сегрегации важно было найти индикаторы рынка жилой недвижимости, через которые можно выявлять социально-пространственную структуру города. В качестве таких дифференцирующих индикаторов были выбраны стоимость жилья и его престижность. Стоимость жилья в данном случае является в большей мере экономической характеристикой, а престижность – социальной; тем не менее эти два индикатора взаимосвязаны: как стоимость жилья часто зависит от его престижности, так и престижность – от стоимости. Далее опишем более подробно данные индикаторы.

Стоимость жилья. Для разделения новых жилых домов на группы рассматривались различные варианты индикаторов: средняя стоимость квадратного метра, медианная стоимость квадратного метра, средняя стоимость квартиры и др. У каждого из этих показателей есть недостатки, поэтому за основу взята минимальная стоимость квадратного метра, которая отражает распределение жителей по социальному составу в пространстве города, так как право выбора места жительства всегда является более реальным для одних групп населения и номинальным для других, а минимальная стоимость квадратного метра вкупе с размером выбранной квартиры составляет своего рода входной билет в то или иное городское сообщество. Минимальная стоимость квадратного метра жилья является универсальным показателем, а кроме того, более дифференцирующим, чем, к примеру, та же минимальная стоимость квартиры. Источником информации о минимальной стоимости квадратного метра жилья послужили данные сайта www.2gis.ru (раздел «Новостройки»). Недостающая информация собиралась с сайтов компаний-застройщиков.

Чтобы выявить особенности социально-пространственной сегрегации Новосибирска через стоимость жилья, была сформирована база новых жилых домов и комплексов города, которая включает 198 объектов, введенных в эксплуатацию не ранее 2012 г. и еще полностью не реализованных, включая почти введенные в эксплуатацию дома на стадии котлована.

Первый этап исследования включал анализ только новостроек, поскольку именно рынок новой жилой недвижимости наиболее ярко отражает процессы социально-пространственной сегрегации в городе. Во-первых, новые жилые дома, как правило, строятся сразу с учетом того, какая именно доходная группа в них будет жить. Во-вторых, застройщики новых жилых домов и комплексов обычно учитывают все рыночные факторы и условия (в том числе социальные), которые позволили бы назначить ту или иную стоимость. После разделения всех жилых домов и комплексов было получено 6 групп, разбитых по интервалам минимальной стоимости квадратного



метра жилья. Затем эти группы были отражены на карте Новосибирска в программе 2ГИС¹, после чего полученное территориальное распределение было проанализировано.

Престижность жилья. Вторым индикатором, позволяющим фиксировать социально-пространственную сегрегацию, является престижность жилья. Понятие «престижность» широко используется в социологии и означает своего рода меру социального статуса индивида, используемую для разделения общества на страты. Применительно к городскому пространству можно говорить, что одни территории, районы являются более престижными, чем другие, а следовательно, ассоциируются с более высокостатусными группами, их населяющими. Под престижностью мы понимаем сравнительную оценку обществом или группами социальной значимости жилья – его позиции в ценностной системе, включая символическое значение.

Французские социологи М. Пэнсон и М. Пэнсон-Шарло в своих работах рассматривают престижные адреса как специфические социальные блага, как символическую ценность городского пространства. По их утверждению, «богатые так же вынуждены жить в определенных местах, как и бедные» [цит. по: Барсукова 2000: 47–48].

Чтобы выявить особенности социально-пространственной сегрегации Новосибирска через престижность жилья, был проведен ряд экспертных интервью с представителями рынка недвижимости. Экспертами выступали 14 человек: руководители, риелторы и маркетологи агентств недвижимости, аналитики рынка недвижимости, представители застройщиков. Большинство из экспертов – риелторы, работающие с покупателями недвижимости и обладающие информацией о критериях выбора жилья разными социальными группами, о расположении в городе районов с различной стоимостью и социальным составом и т. п. Были опрошены риелторы из крупных агентств недвижимости, имеющих развитую сеть филиалов, из средних, имеющих менее пяти филиалов, и мелких без филиалов агентств недвижимости. Среди экспертов были как те, кто специализируется на продаже новостроек, так и те, кто в основном работает со вторичным рынком недвижимости.

Исследование проводилось на примере рынка жилой недвижимости Новосибирска как типичного крупного российского города. Город включает в себя десять административных районов и промышленно-жилой район Пашино; естественной границей, разделяющей город на две части, является река Обь. Населенные пункты, входящие в Новосибирскую агломерацию, не рассматривались.

Экспертное интервью включало в себя три блока вопросов. Задачей первого блока было выяснить, характерно ли для Новосибирска явление социально-

¹ 2ГИС – карта города со справочной информацией о городских объектах. В программе для персонального компьютера есть возможность дорисовки карты, что позволило нанести на нее территории с различной стоимостью жилья. Так как карта интерактивная, то нет технической возможности изобразить ее в данной статье. Карту можно получить по запросу на e-mail: o.sidorova.s@gmail.com.

пространственной сегрегации, какова социально-пространственная структура города и как она менялась со временем. Второй блок вопросов был направлен на выяснение типичных портретов покупателей различного жилья, расположенного в разных районах города. Третий блок вопросов помог выявить инструменты поддержания определенного социального состава жителей определенных территорий: как именно обеспечивается однородность социального состава жителей в новых жилых домах и комплексах. А также понять, какова роль социально-пространственной сегрегации в формировании городских сообществ.

В экспертных интервью акцент делался на характеристиках рынка новостроек, но эксперты говорили в том числе и о вторичном рынке. В связи с тем, что престижность той или иной территории формируется не одномоментно, необходимо учитывать социально-исторический контекст, в котором формируется тот или иной территориальный кластер.

Результаты анализа интерактивной карты и экспертных интервью.

На основе описаний социально-пространственной структуры города, которые приводили эксперты в интервью, а также анализа интерактивной карты – базы новых жилых домов и комплексов, была построена карта-схема, наглядно иллюстрирующая особенности социально-пространственной структуры Новосибирска (рис. 1).



Рис. 1. Социально-пространственная структура Новосибирска на основе индикаторов рынка новой жилой недвижимости

Как показал анализ интерактивной карты новостроек и экспертных интервью, территория Новосибирска разбита на множество участков, районов, отличающихся друг от друга стоимостью и степенью престижности. Данные территориальные единицы мы условно назвали «территориальными кластерами» как относительно однородные по стоимости и престижности и компактно расположенные участки города, обычно застроенные жильем одного типа. Эмпирическим референтом территориального кластера является городской микрорайон или его часть. При этом внутри городского микрорайона при определенных условиях можно выделить несколько территориальных кластеров (например, если внутри микрорайона есть разные виды застройки, значимо отличающиеся друг от друга по стоимости и/или престижности жилья).

Анализ выделенных территориальных кластеров позволил классифицировать их в шесть типов, характерных для рынка нового жилья:

- дорогостоящее жилье в центре города;
- дорогостоящее жилье за городом в наиболее благоприятных природных условиях;
- дорогостоящее жилье в уникальных районах (например, в районах, имеющих уникальный социальный состав жителей);
- жилье среднего класса недалеко от центра города;
- жилье среднего класса на периферии города;
- бюджетное жилье на периферии города.

Первые три типа условно можно отнести к более престижному жилью, последние три – к менее престижному и непрестижному. Ниже будет дана детальная характеристика каждого из выделенных типов территориальных кластеров, но сначала охарактеризуем общие тенденции процесса социально-пространственной сегрегации города.

На вопрос о наличии в Новосибирске социально-пространственной сегрегации большинство опрошенных экспертов отвечали, что данное явление действительно наблюдается. При этом, как показал анализ составленной карты и экспертных интервью, наиболее заметной тенденцией социально-пространственной сегрегации Новосибирска является деление города на две части: правобережную с преобладанием нового жилья среднего и высшего ценового сегмента и левобережную с подавляющим количеством нового жилья из низшего и среднего ценового сегмента.

Часть экспертов подтвердила общее убеждение, что чем дальше от центра находится жилье, тем оно дешевле. Однако карта новых жилых домов и комплексов, а также интервью с экспертами показывают, что это утверждение верно лишь частично, так как в отдаленных районах города также можно выделить очаги престижного жилья. Это говорит о том, что снижение престижности территории не имеет прямой связи с расположением от центра к периферии. Скорее, можно утверждать, что город состоит из множества территориальных кластеров, различающихся степенью престижности. Где-то эти

кластеры группируются, образуя плавный переход от более престижной территории к менее престижной, а где-то престижный жилой район может граничить с непрестижным. Это подтверждает и тот факт, что многие районы неоднородны по стоимости жилья.

Вероятно, кластер престижного жилья может граничить с непрестижным лишь при определенных условиях: во-первых, если территория будет достаточно привлекательна для элитного слоя населения (к примеру, рядом будут крупный водоем, зеленая зона или важные городские объекты); во-вторых, если престижный кластер будет располагать собственной инфраструктурой, которая позволит свести к минимуму контакты с жителями соседней непрестижной территории (например, будут построены свои магазины, детские площадки, медицинские центры, детские сады и школы). Если эти условия не выполнены, то непрестижный кластер в итоге может «поглотить» более престижный. Возможна и обратная ситуация.

Далее более подробно опишем выделенные типы территориальных кластеров.

Как уже было сказано выше, практически все престижное жилье сосредоточено на правом берегу Новосибирска. Можно выделить три типа наиболее престижного и дорогого жилья: комфортабельные многоэтажные дома бизнес-класса в центре города, загородное дорогостоящее жилье в наиболее благоприятных природных условиях, дорогостоящее жилье в уникальных районах.

К первому типу территориальных кластеров – **дорогостоящее жилье в центре города** – относятся комфортабельные многоэтажные дома бизнес-класса в центре города. Отличительной особенностью этих домов является то, что данные жилые комплексы состоят из одного или нескольких многоэтажных домов, имеющих уникальные планировки, архитектурные и технические решения, собственную инфраструктуру и т. д.

Престижным жильем второго типа – **дорогостоящее жилье за городом в наиболее благоприятных природных условиях** – являются дорогостоящие дома в коттеджных поселках, расположенных недалеко от лесных массивов, крупных водоемов, рек. При этом важна удаленность от крупных промышленных предприятий, автомагистралей и т. д. С одной стороны, это дома (так же как и жилье первого типа) повышенного комфорта; с другой стороны, они позволяют жить в экологически чистом месте, что улучшает качество жизни их обладателей. Жилье второго типа используют как в качестве основного и единственного жилья, так и в качестве дополнительного – для семейного отдыха по выходным дням.

К третьему типу территориальных кластеров относится **дорогостоящее жилье в уникальных районах** с уникальным социальным составом жителей: городки для ученых, работников высокотехнологичных предприятий, IT-специалистов и т. п. Ценность данных территорий состоит в их культурном потенциале. Повседневное общение с жителями этих территорий, совместное



пользование инфраструктурой от детских садов и школ до больниц и магазинов повышают социальный капитал проживающих здесь.

Жилье среднего класса недалеко от центра города и жилье среднего класса на периферии города, по словам экспертов, похожи на жилье первого типа по большей части лишь внешне: эти территории имеют определенный уровень благоустройства, но менее комфортабельны; у домов тоже нетипичный дизайн, но они уже более многочисленны и менее уникальны.

Основная часть **бюджетного жилья на периферии города** сосредоточена на левом берегу, но и в правобережье эксперты также называли непрестижные территории. Основная масса бюджетного жилья относится к старому фонду. Это либо старые хрущевки с изношенными коммуникациями, либо деревянные бараки, которые городские власти планируют снести. Тем не менее часть новостроек тоже относится к числу непрестижных. Это в основном новые панельные дома с квартирами по более низкой стоимости. Часто данные территории описываются как более криминогенные, с плохой экологией, неблагополучным социальным составом населения.

Экспертам также задавался блок вопросов о фильтрах социально-пространственной сегрегации. В качестве примеров можно привести следующие: «Вероятно ли, что человек предпочитает, чтобы рядом с ним жили люди примерно его социального положения либо выше? Как это обеспечивается жильцами, проявляется в запросах покупателей недвижимости? Стараются ли застройщики сделать так, чтобы жители одного дома / жилого района имели примерно один социальный статус или нет? Если да, то какими способами это обеспечивается?»

Проведенные экспертные интервью показали, что существуют социальные механизмы поддержания более гомогенного социального состава жителей, а также обеспечивающие возможность вхождения в престижные городские сообщества. Это естественный процесс, связанный со стремлением занять наивысшую из возможных позиций в социально-пространственном континууме. Условно эти социальные механизмы были названы фильтрами.

На основе анализа данных интервью были выделены следующие фильтры:

- высокая стоимость жилья – основной из фильтров, изначально ограничивающий возможность вхождения в престижные сообщества горожан с более низким статусом;
- улучшенная инфраструктура – фильтр, тесно связанный с первым; так как поднимает стоимость жилья (наиболее распространены организация охраны и видеонаблюдения, найм консьержей и т. п.);
- высокие коммунальные платежи;
- статус дома клубного типа;
- принадлежность жителей к профессиональной группе (существует и в современных условиях, примером может служить выделение жилья военнослужащим, научным сотрудникам);

– принадлежность к социальной группе (когда государство на постоянной или периодической основе внедряет жилищные программы для определенных категорий – например, малоимущие, многодетные семьи, воспитанники приютов и др.).

Это не все, но наиболее распространенные способы поддержания гомогенности и «отфильтровывания» представителей других социальных групп, «чужаков». Существуют также так называемые физические и ментальные границы, которые создаются застройщиками и жителями дома.

Фильтры обеспечивают своеобразную экономическую и социальную однородность проживающих в доме и на территории кластера, способствуя социально-пространственной сегрегации. В то же время можно предположить, что они могут способствовать и формированию сообщества жителей со схожими менталитетом, интересами, установками.

Интервью с экспертами также помогли выявить, что через ряд факторов происходит постоянное увеличение гомогенности состава жителей определенных территорий, которое в свою очередь может приводить к увеличению интенсивности взаимодействия, способствующего формированию сообщества на данной территории. Такими факторами, в частности, могут быть наличие обособленной инфраструктуры, наличие обособленных образовательных учреждений, необходимость управления жилым многоквартирным домом, а также технические характеристики дома, такие как этажность, количество подъездов, квартир, конфигурация дома. Данный процесс больше актуален для кластеров дорогостоящего жилья и жилья для среднего класса. Это не исчерпывающий список факторов, в дальнейшем он будет расширен.

Ниже более подробно рассмотрим каждый из перечисленных факторов.

Наличие обособленной инфраструктуры. На интенсивность взаимодействий среди жителей влияет наличие обособленной инфраструктуры – общей для данной территории детской площадки, спортивной площадки, места для выгула собак, магазинов, салонов красоты, кафе, прачечных и т. п., обособленных от соседних территорий. Как правило, в новых домах высшего и среднего ценового сегмента более развиты подобные общественные места, в то время как в бюджетных домах зачастую организуют лишь детскую площадку. Так, в качестве примера можно привести один из жилых комплексов среднего ценового сегмента, где помимо детской площадки есть волейбольная площадка и площадка для выгула собак: *«Есть активные люди, которые играют, они группу создали. Есть договоренности, когда, кто, с кем. Еще есть большая площадка для выгула собак, я вижу, как туда вечером одни и те же люди ходят, собираются группками, то есть люди общаются».*

Наличие обособленных образовательных учреждений. Школы и детские сады следует выделить отдельно – именно они являются точками наиболее тесного контакта жителей одной территории, поскольку, обучаясь в одной школе, дети постоянно общаются друг с другом, а вслед за детьми включаются во взаимодействие и их родители.



Кроме того, школьная система косвенно способствует социально-пространственной сегрегации, так как, согласно Федеральному закону № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», каждый дом строго привязан к определенной школе². Изначально эта привязка дома к школе влияет на стоимость квартир: чем к более престижной школе привязана территория, на которой стоит или строится дом, тем более дорогие квартиры будут в этом доме. Это подтвердили эксперты: «...если к гимназии дом приписывается по месту жительства, то ценник тоже может прилично вырасти»; «Можно отдельно выделить зону, которая в районе гимназии “Горностай” (одна из самых престижных школ), то есть там сейчас держатся цены, туда не просто попасть, и люди для того, чтобы просто ребенок попал в эту гимназию, покупают квартиру»; «Если говорить про район 130-й школы (одна из самых престижных школ), то там очень завышенные цены, неоправданно завышенные».

Имеет место и обратная ситуация – в непрестижных районах расположены малопривлекательные школы: «...в Калининском районе (непрестижный район. – Авт.) можно было по пальцам посчитать в школы, которые были бы хорошими. Заходишь в школу, а там по детям сразу видно, дети сразу отражают социальные слои. Смотришь на то, как дети себя ведут, и все понятно. В одной школе было даже патрулирование».

Ценность хорошей школы, по словам экспертов, особенно актуальна для элитного слоя населения и среднего класса: «Люди, которые хорошо зарабатывают и реально хотят, чтобы дети учились хорошо, они покупают квартиры однокомнатные [в престижном районе]. У них никто в этой квартире не живет, а они детей возят. <...> Но это если думать о будущем детей, в этом плане, и об этом думают в основном люди с деньгами, люди без денег этим не заморачиваются». При этом даже застройщики элитного жилья не могут по своей инициативе построить муниципальную школу или детский сад, потому что необходимо разрешение мэрии: «...чтобы государственный детский сад построить, нужны субсидии, инвестор для государственного садика – только мэрия. А чтобы мэрия начала субсидировать, это должны звезды сойтись: чтобы появился деньги, чтобы количество заявок в детский сад было такое, что понятно: «Да, надо строить!» – и чтобы появился застройщик, который, грубо говоря, за эти копейки готов был построить. То есть застройщики даже готовы строить себе в убыток, если какие-то субсидии есть. Школы – та же ситуация, но еще сложнее». Даже если застройщик сможет получить разрешение на строительство школы или детского сада либо построит частную школу или детский сад, он вряд ли сможет сделать эти объекты престижными, привлекательными для элиты, потому что престижность школы – это результат долгого кропотливого труда директора школы и педагогов. Возможно, этим частично объясняется, что новые жилые комплексы для элиты представляют собой в основном точечную застройку в районах, близких к хорошим учебным заведениям.

² URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.

Необходимость управления жилым многоквартирным домом. Как правило, жители новых многоквартирных домов сталкиваются со множеством нерешенных проблем, которые касаются не только их лично, но и остальных жителей дома, поэтому постоянно возникает необходимость взаимодействия. Если состав жителей дома или территории не гомогенен, то договориться о совместных инициативах, требующих финансовых вливаний, становится сложно или даже невозможно, поскольку денежные средства, которые могут выделить состоятельные люди на благоустройство дома или территории, гораздо больше, чем могут себе позволить малоимущие жители. Если данная ситуация повторяется часто, то энтузиазм жителей по решению совместных проблем исчезает, а как сказал один из экспертов, *«цветы растут полностью на энтузиазме людей»*.

Этажность, количество подъездов, квартир, конфигурация дома. Важен и размер дома, выраженный в этажности, количестве подъездов, квартир, конфигурации дома: чем более состоятелен человек, тем более малонаселенное жилье он стремится выбирать. От размера дома зависит интенсивность взаимодействия: *«Как обычно, в маленьком жилом комплексе, как в маленьком коттеджном поселке, люди начинают друг с другом общаться. А в большом жилом комплексе уже меньше. <...> Чем меньше квартир, тем больше взаимодействие. У нас в 10-этажных домах 6 квартир на площадке, а у них (у высоких многоэтажных домов) почти 10. Естественно, будет меньше взаимодействие. Плюс они еще расположены по кругу, поэтому некоторые друг друга совсем не видят»; «Если это дом, хрущевка, 4–5-этажная, то они все друг друга знают»; «В малоэтажках и в коттеджах люди чаще общаются. А в таких местах много лиц. Человек технически может помнить человек 200. Получается, что если это многоквартирный дом на 600 человек, то всех не запомнишь. А если это коттеджный поселок, в котором 100 коттеджей, то запомнишь, наверное. И все друг друга знают»*. Как правило, в престижных домах и домах среднего класса гораздо меньше квартир, чем в непрестижных домах, которые иногда называют «муравейниками» за многочисленность проживающих в них людей.

* * *

Конечно, нельзя говорить об абсолютной социальной гомогенности полученных территориальных кластеров, так как социально-пространственная сегрегация – это сложный многофакторный процесс. Подчеркнем, что описанные типы кластеров были выделены на основе анализа первичного рынка жилья, новостроек. На данном рынке наиболее ярко проявляются процессы социально-пространственной сегрегации в связи с действием специфических рыночных механизмов, способствующих поддержанию гомогенного состава жителей формирующихся кластеров.

Литература

Барсукова С.Ю. Тенденции социального зонирования российских городов // Российское городское пространство: попытка осмысления / отв. ред. В.В. Вагин. М: Московский общественный научный фонд, 2000. С. 39–57.

Бёрджесс Э. Рост города: Введение в исследовательский проект // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Серия 11. Социология. 2000. № 4. С. 122–136.

Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: SocioLogos, 1993.

Бурдьё П. Начала / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994.

Косарева Н.Б., Пузанов А.С., Полиди Т.Д. Основные тенденции жилищной экономики российских городов // Городские исследования и практики. 2015. Т. 1. № 1. С. 33–54.

Кротов П.П., Буравой М., Лыткина Т.С. Жилищная стратификация города: рыночная эволюция советской модели. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2003.

Парк Р.Э. Избранные очерки. Сборник переводов / сост. и пер. с англ. В.Г. Николаева; отв. ред. Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2011.

Радаев В.В. Современные экономико-социологические концепции рынка // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 1. С. 20–50.

Строкова Е.Л. Социально-пространственная сегрегация города: проблемы определения и исследования // Городской альманах. Вып. 3. М.: Фонд «Институт экономики города», 2008. С. 237–246.

Трущенко О.Е. Престиж центра: городская социальная сегрегация в Москве. М: Socio-Logos, 1995.

А.В. Варсопко (Санкт-Петербург)

БЕЗДОМНЫЕ В ОФИЦИАЛЬНОМ ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ И СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ИСКЛЮЧЕННОСТЬ

Доклад посвящен положению бездомных людей и граждан без регистрации в официальном пространстве российских городов – в первую очередь на примере Санкт-Петербурга.

Автор работает в петербургской благотворительной организации «Ночлежка» и хорошо знает о ситуации в Северной столице. Благодаря командировкам и регулярному мониторингу СМИ имеет представление о ситуации в российских регионах: Москве, Воронеже, Ярославле, Костроме, Калининграде, Ижевске, Волгограде, Мурманске¹.

К бездомным людям относятся:

- люди, не обладающие правами на жилое помещение (соответственно, не имеющие регистрации по месту жительства), живущие «на улице» – как правило, неимущие;
- люди, обладающие правами на жилое помещение (имеющие в паспорте штамп о регистрации по месту проживания) либо в регионе фактического проживания, либо в другом регионе, но по разным причинам не имеющие возможности там проживать, то есть формально не бездомные, но фактически им негде ночевать, хранить свои вещи и т. д. – как правило, неимущие;
- так называемые латентные бездомные – люди, имеющие жилье (снимающие, проживающие у друзей, родственников, знакомых, в помещениях, предоставляемых работодателем), но не имеющие регистрации; отсутствие регистрации ограничивает реализацию ряда их прав, в том числе на получение некоторых видов социальной помощи; в случае потери имеющегося жилья из-за невозможности его оплачивать или выселения из служебного жилья такие люди могут оказаться на улице.

¹ Ситуации в российских городах могут сильно отличаться: самое лучшее положение в Санкт-Петербурге и Москве, где имеется большое количество профильных общественных организаций и государственных учреждений, далее следуют со снижением масштабов (что в какой-то степени может быть объяснено меньшим числом бездомных) и со снижением количества видов помощи названные города; наихудшее положение – в тех, в которых вообще нет ни государственных учреждений, ни негосударственных организаций. Есть регионы, где отсутствуют специальные госучреждения, однако есть общественные, – и наоборот. В связи с этим возникает вопрос, насколько ситуация в Санкт-Петербурге (или Москве) является типичной для России.

Под официальным городским пространством подразумеваются легальные, то есть действующие в рамках правового поля, проекты помощи как государственных, так и зарегистрированных в Минюсте общественных организаций.

В Санкт-Петербурге осуществляются следующие виды помощи бездомным:

- срочная социальная (гуманитарная) помощь – питание, одежда, спасение от холода зимой (ночные пункты обогрева). Как правило, пункты обогрева возникают по инициативе общественных организаций. Реализация данного вида помощи осуществляется при взаимодействии общественных организаций и государственных служб; в некоторых случаях государственные учреждения социальной защиты устраивают дневные пункты обогрева. В редких случаях к спасению людей от холода подключаются службы МЧС²;
- социальная стационарная помощь – круглосуточный приют, дом ночного пребывания: человек получает свое место в тепле и безопасности, проживание с соответствующими санитарно-гигиеническими условиями, имеет социальное сопровождение (для осуществления программы социальной реабилитации), – такой вид помощи оказывают и государственные, и общественные организации;
- медицинская помощь – государственные медицинские учреждения (скорая помощь, стационарная и амбулаторная) и несколько общественных организаций оказывают первичную медицинскую помощь и предоставляют нерецептурные лекарства;
- правовая помощь: восстановление документов, оформление пенсии, инвалидности – в этом бездомным помогают государственные учреждения; некоторые общественные организации имеют проекты юридической помощи (например, в штате консультационной службы «Ночлежки» – три юриста).

В аспекте темы доклада одна из главных характеристик официального городского пространства связана с наличием или отсутствием учреждений помощи, приютов, других видов стационаров для бездомных.

Сравним ситуации в Петербурге и в других городах.

В Петербурге довольно развитая система государственных учреждений для бездомных. В нее входят дома ночного пребывания, отделения социальной помощи как подразделения районных комплексных центров социального обслуживания населения, здравпункт для бездомных при городской

² МЧС разворачивает свои проекты при экстремальных погодных условиях: например, продолжительном периоде температур ниже -15°C. Вместе с тем в июне 2017 г. по средствам массовой информации прошло сообщение о смерти женщины на улице от переохлаждения (температура ночью +3–4°C). Источник: <http://www.fontanka.ru/2017/06/03/027/>.

инфекционной больнице им. Боткина, центр социальной адаптации для освободившихся из мест лишения свободы, специнтернат для бездомных инвалидов и пенсионеров. Общее количество мест в них – около 300.

Также в Петербурге есть приюты для бездомных у нескольких общественных организаций («Ночлежка», «Покровская община», «Мальтийская служба помощи»). Общее количество мест – около 100.

«Ночлежка» оценивает количество бездомных в Петербурге в несколько десятков тысяч³ – понятно, что существующее число мест не покрывает даже 1% нуждающихся.

То есть возникает проблема недоступности помощи из-за ее отсутствия в необходимых объемах. Например, очередь в интернат для инвалидов двигается только за счет смертности проживающих в нем⁴.

В других регионах таких точек оказания помощи бездомным может быть одна-две (либо одно государственное учреждение, либо одна общественная организация, либо и то и другое). Есть регионы, где подобные государственные учреждения могут вообще отсутствовать – например, Ленинградская область. В результате встает вопрос о возможности получения помощи бездомными.

Также следует рассмотреть ситуацию в регионах в аспекте предоставляемых видов помощи. Это может зависеть от принятых региональных программ (видов и объемов базовой помощи, заложенных в нормативах), местного законодательства, ресурсов общественных организаций и волонтерских объединений. Скажем, спектр видов помощи, оказываемых благотворительными организациями, может ограничиваться только гуманитарными проектами (раздача питания и одежды) и социально-правовыми консультациями, информированием.

Положение бездомных характеризуется социальной исключенностью – когда бездомным людям, например, из-за отсутствия документов или необходимых справок недоступна помощь государственной системы социальной защиты. «Понаехавшие» бездомные, то есть не имеющие регистрации в данном регионе (которых как раз может быть большинство среди бездомных), исключены из принятого алгоритма получения социальной помощи. Более того, этот алгоритм отсутствует. (Причины недоступности будут изложены ниже.) То есть даже при наличии профильного государственного учреждения бездомные люди не могут обратиться туда за помощью.

Также в силу специфических условий проживания, отсутствия доступа к источнику чистой воды, туалету, душе, прачечной бездомным могут быть недоступны общественные пространства или ограничен свободный вход в них.

³ С таким количеством не согласны городские власти, оценивающие количество бездомных в 6–8 тыс. человек.

⁴ В 2016 г. в Петербурге заработал временный приют для инвалидов, ожидающих очередь в интернат.



Например, в общественном транспорте плохо пахнущий человек в грязной одежде, с грязными вещами может стать источником конфликта с пассажирами и сотрудниками; в Москве существуют специальные бригады, которые контролируют ситуацию с такими людьми. Причина же использования ими метро – потребность в тепле и безопасности.

Доступность/недоступность государственных учреждений помощи бездомным может рассматриваться в двух аспектах: территориальном и правовом.

Территориальная удаленность учреждения в масштабе городов затрудняет получение помощи. Даже при наличии такого учреждения до него может быть трудно добраться: если надо использовать общественный транспорт, а средств на проезд нет; если у бездомного человека есть опасение, что его в общественный транспорт не пустят; если учреждение находится вдали от района, в котором бездомный находится в дневное время (например, где благотворительная организация кормит бездомных).

В Петербурге по сравнению с другими регионами данная проблема решена более оптимально: дома ночного пребывания есть практически в каждом районе. То есть человек, ранее проживавший в этом районе и оказавшийся в трудной жизненной ситуации, попадая в районное учреждение, не теряет связи со своей прежней зоной проживания⁵, с устоявшимися контактами, с местом работы.

По-другому решена данная проблема в Москве. Учреждения расположены на окраинах, добираться до самого крупного приходится на электричке. Частично проблему закрывает проект «Социальный патруль» – единственный в своем роде в России. Это микроавтобусы с бригадами соцработников, курсирующие по городу, с единым диспетчерским центром. Бездомного могут забрать и отвезти в один из центров социальной адаптации. Но возникает вопрос: даже если бездомный согласится ехать, как он будет добираться обратно?

В Петербурге возможность переночевать в «пунктах обогрева» в зимний сезон (с ноября по апрель) 2017 г. есть только в трех районах, что не обеспечивает территориальной доступности для всех нуждающихся. Непринятие критерия доступности, вместо которого используется критерий количества получателей помощи, приводит к отказу властей от организации большего количества пунктов обогрева – обширных палаток на 50–60 человек, которые, кстати, не всегда заполняются полностью.

Отсутствие нормативов на проекты срочной социальной помощи означает зависимость проектов общественных организаций от доброй воли властей. Если последние захотят закрыть проект, то проблем с поиском соответствующих причин у надзорных органов не будет. Такое положение не прибавляет общественным инициативам стабильности, устойчивости. При этом сами

⁵ Впрочем, иногда эти контакты могут иметь негативное влияние: круг прежних знакомств может поддерживать, например, алкогольную зависимость, рассматриваемую как фактор, препятствующий социальной реабилитации, – соответственно, такие негативные контакты надо, наоборот, ограничивать.

государственные службы за такие проекты не берутся, а откликаются на инициативы общественных организаций только при наличии у себя средств на реализацию подобных совместных проектов.

Обязательное согласование с местными властями мест расположения пунктов обогрева не означает их стабильной территориальной фиксации. Вынужденное изменение расположения точки помощи, ее перенос в другое место⁶ означает прекращение на некоторое время работы проекта и к тому же приводит к дезориентированию бездомного в городском пространстве. Стоит напомнить, что речь идет о помощи, которая может спасти человека от переохлаждения и, возможно, смерти.

Правовая недоступность городских учреждений для лиц без документов, без последней регистрации в Петербурге определяется тем, что городские учреждения не могут принимать бездомных из числа приезжих. Аргумент законодательный: система социальной помощи оплачивается из средств местного бюджета, то есть тратится на тех, кто платит налоги в данном регионе⁷. Аргумент риторический, популистский: «Если будем помогать всем, то к нам все бездомные с России поедут».

К территориальной и правовой недоступности государственных учреждений следует добавить их высокопороговый характер – завышенные требования к получателю социальной помощи. Чтобы иметь на нее право, необходимо собрать и представить большой пакет документов. Требования к получателю помощи исходят из положения о том, что у клиента есть немалые внутренние ресурсы, а именно хорошее здоровье, необходимые социальные навыки, отсутствие зависимостей и т. д. Требования к клиенту не учитывают характерный для ситуации бездомности парадокс: если человек стал бездомным по причине отсутствия вышеуказанных навыков и ресурсов, то это отсутствие будет мешать ему вернуться к обычной жизни.

Городское пространство для бездомных следует рассматривать также с точки зрения доступности/недоступности медицинской помощи для бездомного.

Чтобы ее получить, необходимо обязательно наличие полиса ОМС, паспорта, часто еще требуют СНИЛС. Это при том, что у многих бездомных отсутствуют документы – для оформления полиса ОМС нужен паспорт. В некоторых регионах требуют еще и наличие обязательной местной регистрации.

При угрозе жизни медицинские услуги оказываются скорой помощью: человека могут отвезти в стационар, но если исчезла угроза для жизни, то дальнейшее лечение без полиса невозможно – за незастрахованного больного медучреждению никто платить не будет.

⁶ Подобный случай произошел в Петербурге в январе 2017 г. URI: <http://www.fontanka.ru/2017/01/11/123/>.

⁷ Ситуация изменилась с 2017 г. Согласно новому Федеральному закону «Об основах социального обслуживания населения» такой привязки теперь нет, но и достаточный опыт реализации соответствующих положений закона пока отсутствует.



И даже при наличии всех документов оказание медицинской помощи заканчивается выпиской для лечения по месту жительства, которого у бездомного может не быть. Проблема не только в привязке к определенному поликлиническому учреждению, но и в том, что для качественного выздоровления необходимы соответствующие условия проживания.

В Петербурге существует межведомственное соглашение между учреждениями здравоохранения, социальной помощи и УМВД, чтобы человек, попадающий в медучреждение без документов во время лечения смог бы их восстановить, а в дальнейшем не выписывался на улицу, а «подхватывался» соцучреждениями. Но по факту эта схема часто не работает.

Стоит отметить, что в Петербурге в штате крупных медицинских стационаров появились социальные работники, в задачи которых входит социальное сопровождение: восстановление документов, полиса ОМС.

Также одна из особенностей Петербурга – наличие здравпункта для лиц без документов при больнице им. Боткина. Такой же есть в Москве. Стоит особо отметить: по одному на мегаполис. Здравпункты работают вне системы ОМС – за счет средств бюджета города. Богатые и имеющие традицию оказания такой помощи регионы могут себе это позволить, аргументируя свои расходы тем, что такая помощь – это в том числе профилактика инфекционных заболеваний среди населения. Для бедных регионов подобный аргумент уже не работает.

Правовая помощь и, в частности, восстановление документов относительно доступны во всех учреждениях МВД, которые занимаются этой услугой. Но стоит отметить, что для сбора всех необходимых документов даже для социализированного человека требуются финансовые средства. Пошлина за восстановление паспорта – 1500 руб., также деньги нужны на фотографии. Могут назначить штраф за проживание без паспорта или проживание по недействительному документу – от 2000 до 5000 руб. Соответственно, надо как-то зарабатывать. Но без паспорта не устроиться на легальную работу. А на работе требуют еще и регистрацию...

Возникает казус: чтобы оплатить пошлину за восстановление паспорта, надо внести номер документа, удостоверяющего личность.

Особую роль в социальной исключенности бездомных играет отношение общества к бездомным. Неприязнь, враждебность, основанные на стереотипах, стигматизации, на устоявшихся моделях социальной этики (например, феномен так называемого тунеядства бездомных), являются причиной территориальной маргинальности учреждений, точек помощи бездомным. Негативное, доходящее до угроз, отношение местных жителей вынуждает «прятать» учреждения или организовывать их в видимой недоступности (в том числе за счет переезда на окраины, в промзоны) «добропорядочных горожан», чье мнение власти не могут не учитывать.

Примером такого негативного отношения является вышеприведенный случай с пунктом обогрева «Ночлежки». Еще один свежий пример – ситуация вокруг московской организации «Дома трудолюбия “НОЙ”», которая решила организовать приют для бездомных на территории неработающей базы отдыха в Московской области и столкнулась с сильным противодействием местных дачников⁸.

Следует отметить, что отсутствие или удаленность точек помощи бездомным является препятствием для социализации этих людей, их возвращения в общество, что характеризует доступность городской среды для тех, кто оказался в сложной жизненной ситуации. Отсутствие социальных навыков у человека, с одной стороны, при отсутствии инструментов социальной инклюзии (готовности общества принять людей, находящихся в особой ситуации) – с другой, вместе являются факторами, препятствующими вторичной профилактике бездомности – возвращению в общество тех, кто имеет опыт бездомности.

Парадокс общественной позиции в отношении бездомных заключается в том, что им за нарушение общепринятых норм отказывают находиться внутри сообщества, но при этом само общество не создает возможностей для приобретения таких норм.

Литература

Вышинский О. Духовные, психологические и практические особенности помощи бездомным. М., 2014. URL: <http://www.diaconia.ru/book/52f9eaea03a15ce23e3c9869>.

Карлинский И.З. Комплексный подход к решению проблемы бездомности на уровне субъекта Российской Федерации (практические рекомендации). СПб., 2013. URL: http://homeless.ru/about/usefull/Karlinsky_podhod_k_probleme_bezdomnosti.doc.

Коваленко Е., Строкова Е. Бездомность: есть ли выход?. М., 2009. URL: http://www.urbaneeconomics.ru/sites/default/files/3030_import.pdf.

Павлюткина Е. Поле помощи бездомным в России: государственный и негосударственный сектор. М., 2012. URL: socrel.pstgu.ru/wp-content/uploads/2013/04/WP_2012-11.pdf.

Сборник лучших практик: работа НКО с социально исключенными категориями / под ред. Е.А. Коваленко. М., 2013. URL: <http://nko.economy.gov.ru:81/GoodProktikShow.aspx?id=13>.

Социальные и правовые аспекты проблемы бездомности в России. По материалам межрегионального исследования / под ред. А. Осипова, И. Карлинского и А. Никифорова. СПб., 2007.

⁸ URL: https://vk.com/doc6810250_437806443.



С.Н. Игнатова (Санкт-Петербург)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЕВРОПЕЙСКИХ СИСТЕМ ПОДДЕРЖКИ ИНВАЛИДОВ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И СТРАН БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА)

Инвалиды и их восприятие в общественном пространстве города

Изучение пространства города, публичного и непубличного, – очень важное направление городских исследований. Существует физическое пространство возможностей потребления пространства города, зависящее от дохода, мотиваций и физического состояния потребителя. Оно по-разному доступно для низкостатусных и высокостатусных групп, для работающей публики, детей и пенсионеров, тех, кто здоров или болен. «Исследование пространственного неравенства и права на город сегодня – это вопрос о власти и привилегиях, которые предоставляет город для разных социальных групп населения. Итак, город порождает вопрос о пространственной справедливости, то есть о том, как это место влияет на стратификацию и реализацию гражданских прав разных людей» [Наберушкина 2012: 8]. Именно в публичном пространстве города граждане встречают «других», «иных», отличных от них. В нашем случае «иными» являются инвалиды, граждане, существенно ограниченные в передвижении по городу, в реализации взаимодействия с услугами и благами, предоставляемыми городской инфраструктурой. Концептуальные основы городских исследований как исследований пространства для людей заложил Д. Харви [Харви 2007]. Он рассматривал городское пространство как социальный продукт, как результат экономического и культурного производства. Однако еще в 1974 г. А. Лефевр в своем программном труде «Производство пространства» ставил вопрос о праве индивида на город с позиции пространственной справедливости. Р. Имре предложил концепцию универсального или инклюзивного дизайна, в рамках которой город производится как социальный конструкт, удобный для жизни горожан, с разным набором возможностей [Imrie 2001]. А. Браун вывела городские исследования на осознание решающего значения публичных пространств в реализации права на город, их доступности для различных социальных групп [Brown 2008].

Исследователи в настоящее время исходят из положения Конвенции ООН о правах инвалидов (2006 г.), рассматривающей инвалидность как «эволюционирующее понятие, являющееся результатом взаимодействия, происходящего между людьми с нарушениями здоровья и средовыми барьерами, которые мешают полному и эффективному участию людей с ограниченными

возможностями в жизни общества наравне с другими» [Конвенция 2006]. Традиционно считается, что инвалиды – это малоресурсная группа, отчужденная от многочисленных возможностей, которые предоставляет город и его социальное пространство. Однако такое утверждение не совсем соответствует действительности. Данная социальная группа дифференцирована по уровню доходов, по уровню возможностей взаимодействия с внешним миром, передвижения, самообслуживания, типу инвалидности, месту проживания и т. д. Инвалиды существуют в пространстве семьи и друзей и, соответственно, используют их ресурсы и капиталы. Кроме того, они сами могут финансово обеспечивать или не обеспечивать свои потребности, будучи включенными или исключенными из производственной деятельности.

Инвалиды стратифицируются также и властью по степени инвалидности, то есть возможности справиться с возникшей проблемой, сменить свой статус, вернувшись в общество «нормальных» людей. Таким образом говорить об инвалидах как однообразной социальной группе во многих случаях не вполне корректно. Есть множество факторов, которые определяют отношение самого инвалида к своей инвалидности. Отнюдь не все воспринимают ее как стигму, включаясь в разнообразные повседневные взаимодействия. Как пишут П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова, «большее значение приобретает процесс повседневного взаимодействия, определения и переопределения жизненных ситуаций их участниками, насущных трудностей и стратегий адаптации, вырабатываемых самими людьми, их окружением, системами поддержки» [Романов, Ярская-Смирнова 2006: 48]. Есть инвалиды, которые не знают жизни «нормальных» людей, и инвалиды, оказавшиеся таковыми в результате разнообразных жизненных ситуаций. Можно выделить ситуации явного предьявления своего недуга, когда его не скрыть и следует создать новые ежедневные практики, переосмыслить свою повседневность. А есть ситуации, когда явного проявления нет и можно его скрыть. Тогда возможности взаимодействия с обществом могут быть совершенно иными, зависящими от желания поделиться или нет своей проблемой, уровня ее принятия. Гофман называл это «самопрезентацией» стигмы, или «зримостью» [Goffman 1963].

Многое в восприятии инвалида обществом зависит от характера заболевания. Вполне работоспособный и мало отличающийся от остальных человек на коляске резко отличается в восприятии от того, кто имеет внешние увечия, какие-то сложности в общении из-за болезни и прочие характеристики, которые могут быть неприятны в бытовом взаимодействии обычному человеку. Однако в остальном такой индивид может оказаться профессионально компетентным, интересным и информированным собеседником, веселым, легким в общении. Таким образом, мы разделяем первое впечатление от стигмы и дальнейшего взаимоотношения с инвалидом. В конце концов, взаимодействующий условно нормальный человек может даже забыть о стигме, которая как бы наложена обществом на его контрагента по взаимодействию. Количество инвалидов в публичном пространстве, несомненно, формирует

общественное отношение к ним. Инвалидов нет – значит, формируются самые разнообразные мифы, так как прямое общение невозможно. В то же время считать себя инвалидом, то есть идентифицировать себя с данной социальной группой, – личный выбор каждого. Сам человек и его окружение создают индивидуальный образ инвалидности, формируют репертуар социальных ролей, которые он может выполнять, социальную идентичность с чертами зависимости или самостоятельности, особенности или исключительности.

Доступная (безбарьерная) среда в городском пространстве

Среда обитания человека является совокупностью условий и элементов, которые необходимы для его жизнедеятельности. Социальное пространство современных городов в разных странах наполнено физическими и символическими барьерами. Выделяют несколько основных принципов безбарьерной среды: доступность, безопасность, информативность, комфортность. Доступность предполагает беспрепятственность передвижения; безопасность – возможность избежать зон риска; информативность – это своевременность получения информации и возможность реагирования на нее; комфортность – создание условий минимальности затрат и усилий для удовлетворения потребностей маломобильных групп [Прохоров 2016: 14].

«В соответствии с Международной классификацией функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (МКФ) доступная среда – это среда, оборудованная с учетом особых потребностей, возникающих у индивида или группы людей. Доступность может рассматриваться в контексте микро- (например, дом и семья), мезо- (местное сообщество) и макромасштаба (общество в целом) окружающей среды» [Романов и др. 2009]. Проблемы доступности городской инфраструктуры, информации, социальных услуг, образования, занятости для людей с ограниченными возможностями становятся фактором воспроизводства социального неравенства и препятствием на пути к независимой жизни. Всесторонняя доступность среды для инвалидов на современном этапе является реализацией принципа интеграции (включения) инвалидов в жизнь общества. Среда жизнедеятельности любого человека включает в себя, по крайней мере, две составляющие. Это физическая, в основном пространственная, среда человека как биологического существа и среда социальная как существа общественного. Отдельно выделяют информационную среду, которая включает в себя все информационные источники. Часто трудно провести четкую границу между социальной и информационной средами, так как вторая во многом обслуживает и наполняет содержанием первую. Доступность социальной среды предполагает наличие разнообразных контактов, участие в общественной жизни, доступ к развлечениям, возможность путешествовать и т. д. В некоторых случаях доступность социальной среды обеспечивается доступностью информационной среды: средств массовой информации, библиотек, современных информационных технологий (телефония, интернет, Skype, электронная почта и т. д.).

Безбарьерными называют строительные и иные сооружения, транспортные средства, технические предметы обихода, системы обработки информации, акустические и визуальные источники информации, средства коммуникации и другие сферы жизни, если они могут использоваться людьми с ограниченными возможностями общепринятым способом, без затруднений и посторонней помощи. Безбарьерная среда включает интерьер жилища, объекты общественного обслуживания, общедоступные пространства коммуникативного характера. С точки зрения доступности городского социального пространства в пятерку приоритетных для инвалидов объектов жизнедеятельности входят:

- подходы и подъезды к жилым зданиям;
- подходы и подъезды к больницам и поликлиникам;
- дороги, тротуары и переходы;
- транспорт общего пользования;
- магазины, торговые центры и предприятия общественного питания.

Также следует отметить объекты культуры, которые вообще малодоступны.

Сравнительный анализ опыта некоторых европейских стран

Инвалидность (или ограниченные возможности) – это социальный конструкт, который имеет разный статус в разных культурах и на разных этапах развития общества. П.В. Романов и Е.Р. Ярская-Смирнова указывают, что «характер влияния любых социально-политических мер на жизнь и социальное положение инвалидов зависит от концептуальной модели инвалидности, распространенной в обществе» [Романов, Ярская-Смирнова 2006: 5]. И таких моделей в истории того или иного государства может быть множество. А поскольку нормы и ценности общества отражают интересы большинства, то именно они ложатся в основу социальной политики по отношению к инвалидам. Проблема безбарьерности городской среды настолько многогранна, что даже страны, начавшие ее решать довольно давно, не могут с ней полностью справиться. Есть проблемы взаимодействия с властью в городе, но есть и объективные факторы – историческая планировка, естественный ландшафт города, старинные здания и т. д.

Созданием и поддержанием безбарьерной среды на уровне ООН занимается рабочая комиссия Международного совета строительных исследований и документации. Цель Совета – способствовать международному сотрудничеству в области строительства, планирования и разработки документации. Совет занимается техническими, экономическими и социальными аспектами строительства и окружающей среды. В рамках Совета работают более ста рабочих комиссий, проводятся конгрессы, симпозиумы и коллоквиумы. Рабочая комиссия W84 «Создание безбарьерной среды» была создана в 1984 г. Соответствующая комиссия ЕС разрабатывает регламенты, обязательные для всех стран-членов ЕС. Они должны однозначно соблюдаться при новом строительстве и по возможности при реконструкции старых объектов.

Работа комиссии фокусируется также на туристических мотивациях, разном уровне требований туристов к поддержке во время путешествия со стороны туристической индустрии. ЮНВТО (United Nations World Tourism Organization; UNWTO) – учреждение ООН, занимающееся развитием устойчивого и общедоступного туризма, – еще в 1991 г. приняло резолюцию «Создание возможностей для туризма людям с ограниченными возможностями в девяностые годы». На базе данной резолюции был разработан документ «Туризм, доступный для всех», принятый ЮНВТО в 2005 г. В нем говорится, что государства-члены должны сделать свои туристические объекты и учреждения доступными для людей с ограниченными физическими возможностями. Доступность туризма означает универсальную возможность людей путешествовать и пользоваться услугами туристической индустрии без каких-либо ограничений. Доступный туризм подразумевает наличие или создание безбарьерной среды как для туристов, так и для местных жителей. Здания и сооружения, средства транспорта и транспортной инфраструктуры (в том числе аэропорты, вокзалы), объекты размещения, достопримечательности (музеи, галереи, театры и т. д.) должны быть доступными для людей независимо от возраста, физического состояния и возможностей. Все эти объекты должны быть оснащены пандусами, инвалидными подъемниками, широкими дверными проемами, лифтами для инвалидов, пиктограммами и пр.

Наибольших успехов в реконструкции городской среды с точки зрения ее безбарьерности добились страны Балтийского региона – Швеция и Финляндия. Опыт Швеции в реорганизации общественного пространства значителен еще и потому, что многие города Швеции имеют исторический центр с организацией, малоприспособленной для учета требований доступности. Однако именно здесь публичные места и достопримечательности максимально приспособлены для посещения инвалидами и другими группами маломобильных граждан. К тому же названные скандинавские страны не останавливаются на достигнутом, постоянно развивая и совершенствуя доступную общественную и частную среду обитания, расширяя ее возможности и с точки зрения удовлетворения нужд жителей, и с точки зрения охвата новых территорий. Три Прибалтийские страны – молодые члены ЕС Литва, Латвия и Эстония – как и Россия, находятся только в начале пути в области создания доступной среды для своих городов.

Швеция

Еще в 1980–1990 гг. в Швеции к инвалидам относились в большей степени как к пациентам, чем как к гражданам. С тех пор мнение шведского общества кардинально поменялось, и сейчас инвалиды – в первую очередь это граждане и лишь потом пациенты. В 2000 г. был принят национальный план действий, который называется «От пациента к гражданину». В Стокгольме за взаимодействие на всех стадиях и уровнях отвечает омбудсмен людей с ограниченными возможностями. Главный документ, которым руководствуются

в отношении политики инвалидов в шведской столице, – это программа «Стокгольм для всех». Она работает с 2011 г. и охватывает все сферы жизни от планировки квартир до трудоустройства инвалидов. На пешеходных переходах светофоры оснащены звуковым сигналом, а тротуар плавно переходит в проезжую часть, что позволяет легко проехать как человеку в инвалидном кресле, так и маме с коляской. Пешеходная часть выложена разной плиткой для людей с проблемами зрения – это дает им возможность ориентироваться в городском пространстве. Исторический центр города максимально, насколько это возможно без изменения исторической среды, приспособлен к нуждам маломобильных граждан, включая плавную брусчатку, лифтовые системы, специально оборудованные входы, хотя городской муниципалитет сталкивается здесь с многочисленными трудностями.

В Швеции довольно много зданий, построенных с учетом требований, приемлемых для инвалидов. Ширина проходов в поездах, электричках и т. д. строго больше 90 см, чтобы без помех проезжали инвалидные коляски. В частных домах нередко есть электрические подъемники. Это достаточно дорогое удовольствие, однако есть государственные пособия на адаптацию жилья под нужды инвалидов. На тротуарах часто можно видеть плитку ярко-желтого цвета с нанесенными полосками – это разметка для слабовидящих. На улицах нередко люди на электрокарах, которые можно взять напрокат бесплатно. Колясочники могут получить от ландстинга (муниципального образования) несколько колясок: для прогулок, для дома, для работы. Считается, что использование сменных колясок более удобно: например, у коляски для прогулок будут грязные колеса, ее требуется каждый раз мыть; коляска для работы обычно менее комфортабельна, чем для дома, но на ней удобнее выполнять рабочие функции. В Швеции это целая индустрия бизнеса – почти 70% всех приспособлений для лиц с ограниченными возможностями производится внутри страны (коляски делают по принципу Lego, подстраивая под каждого человека индивидуально). И хотя каждая коляска обходится в 1200–2000 долларов, их производство обеспечивает стране новые рабочие места и налоговые отчисления.

Проводимый в Швеции курс в отношении инвалидов часто определяют наряду с понятием «интеграция» такие термины, как «нормализация», «равноправное участие» и «равенство». В основе всех названных терминов лежит гуманистическая и социальная философия, утверждающая, что инвалиды принципиально ничем не отличаются от остальных людей, а потому должны иметь равные с ними права и обязанности в обществе. В соответствии с этим утверждением перед принятием каждого решения, касающегося всего общества, следует учитывать и интересы инвалидов. Данная концепция имеет значение не столько как индикатор фактической доступности услуг и других социальных благ в Швеции, сколько как теоретическое обоснование, указывающее тот путь, который выбрала эта страна при конструировании модели для решения вопросов, связанных с проблемой обеспечения доступности среды жизнедеятельности. Цели проводимого курса заключаются



в предоставлении инвалидам таких же, как и для всех остальных членов общества, возможностей самостоятельного проживания, распоряжения своим временем и устройства повседневных дел, встреч с друзьями и общения с другими людьми, прогулок, пользования общественным транспортом, посещения кино, театров, музеев, магазинов, ресторанов и др.

Финляндия

В Финляндии с 1987 г. действует закон об услугах и помощи людям с ограниченными возможностями. Целью закона является улучшение условий инвалидов, чтобы они жили и действовали как члены общества, равные с другими, а также улучшить возможности инвалидов для самостоятельных действий и влияния на планирование и реализацию услуг, предоставляемых обществом. В сентябре 2009 г. закон был реформирован. Например, для людей с серьезной инвалидностью предоставлено право на самостоятельное определение услуг, в которых они нуждаются, и субъективное право на личную помощь. Оказание жилищно-коммунальных услуг позволяет инвалидам жить нормальной жизнью самостоятельно. Большое внимание уделяется тем людям, которые в силу заболевания нуждаются в регулярной помощи в повседневной жизни или на определенный срок. Институциональные услуги гарантируют постоянную заботу и участие на 24-часовой основе. Потребность в услугах меняется, и поэтому они планируются совместно жилищной службой и инвалидом, которому компенсируются затраты за арендную плату и другие расходы. Людям с ограниченными возможностями также возмещаются затраты на изменения в квартире и получение оборудования и устройств, необходимых в ней. Также государственным финансированием охватываются расходы, связанные с планированием изменений и устранением барьеров в окружающей среде. Оборудование и устройства, необходимые в доме, включают фиксированные подъемники, устройства охранной сигнализации, лифты, высокотехнологичное оборудование и индукционные петли. Если человек нуждается в бытовой технике, муниципалитет оплачивает половину расходов или оставляет оборудование бесплатно в распоряжение человека.

В 1993 г. ООН приняла Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов. На основе этих правил в 1995 г. Финляндия изложила свою программу политики в отношении инвалидов. Ее целью является содействие самостоятельной жизни, равных возможностей и участия в жизни общества лиц с инвалидностью. Эти цели достигаются за счет увеличения инициативности и самостоятельности инвалидов и устранения физических, поведенческих и коммуникационных барьеров на пути доступа. В контексте реформы законодательных актов в Конституцию Финляндии были внесены поправки, которые предусматривают правовую поддержку людей с ограниченными физическими и умственными возможностями на «независимую», самостоятельную жизнь. Конкретное содержание прав человека основывается на соблюдении интернациональных норм. В случае людей с ограниченными

физическими и умственными возможностями данные права включают множество факторов, таких как персональная свобода, физическая неприкосновенность, возможность принятия самостоятельных решений, касающихся собственной жизни, возможность заявлять о своих проблемах и требовать их разрешения. Существует Национальный совет по вопросам инвалидности, связанный с Министерством социальных дел и здравоохранения. Что касается организации и доступности публичного городского пространства, то на данный момент Финляндия является одной из образцовых стран, хотя и здесь отмечается множество проблем, связанных с непростым ландшафтом страны и наличием сложившейся городской планировки. Многие здания, особенно общественного значения, оборудованы подъемниками, специальными лифтами, автоматическими дверями, проезжая часть и тротуары имеют низкобордюрные переходы и т. д.

Страны Прибалтики

Страны Прибалтики достаточно сильно отстают от своих соседей в плане организации доступной городской среды. Закон «О социальной интеграции инвалидов» в Литве был принят еще в 1991 г. В 2005 г. были приняты поправки к этому закону, которые приближали модель интеграции инвалидов к принятой в ЕС. Однако в Литве отказались от понятия инвалидности, появились понятия степени недуга и трудоспособности. В Эстонии государственная программа по защите прав инвалидов разработана на 2014–2020 гг. Она сосредоточена на обеспечении прав инвалидов и поддержке их способности самостоятельно справляться с жизненными ситуациями, включая вовлечение в социальную и общественную жизнь, доступность образования и приобретение жизненного опыта, участие в трудоустройстве и трудовой жизни, использование социальных услуг и здравоохранения. При этом Европейский комитет по социальным правам отмечает, что законодательство Эстонии не отвечает многим положениям европейских программ. Негативный вывод напрямую связан с формулировкой закона о равном отношении, согласно которому дискриминация инвалидов не запрещена в следующих сферах: социального обеспечения, здравоохранения и социального страхования, включая получение социального пособия; в образовании, товарах и услугах, предлагаемых общественности; доступности жилища. В 2012 г. Эстония присоединилась к Конвенции ООН о правах инвалидов. Однако на данный момент, хотя законодательство Эстонии и соответствует принципам Конвенции, это не является гарантией прав инвалидов. Самой большой проблемой в социальном обеспечении становится недостаточная доступность услуг и пособий, которые помогают самостоятельно справляться ежедневно в быту. Прежде всего транспорт для инвалидов, услуги персонального помощника, услуги опорного лица, приспособление жилья, услуги по обслуживанию социального жизненного пространства, услуги по переводу языка жестов, пособие попечителю. Однако нельзя не отметить некоторые удачные примеры. Например,

концепция безбарьерной среды в историческом центре города Кулдига в Латвии признана наилучшей не только для Северных стран, но и для всех исторических городов Европы. Латвийское правительство утверждает, что при работе над Стратегией доступности среды и Стандартом доступности среды для общественных и жилых зданий эксперты будут опираться на опыт работы над Концепцией безбарьерной среды исторического центра города Кулдиги. В целях обеспечения недискриминации и доступности среды и информации для лиц с ограниченными возможностями Министерство благосостояния и Фонд выравнивания ЕС еще только планируют разработать стратегии и стандарты в области доступности общественных зданий и открытых публичных пространств для Латвии. Следует отметить, что реконструкция транспортной инфраструктуры, проезжей части новых районов в столицах трех стран идет по международным стандартам. Однако историческая часть этих городов, за исключением нескольких наиболее значимых туристических объектов, а также все остальные города практически не охвачены программой безбарьерности. В этом отношении ситуация в Прибалтийских странах ненамного лучше российской. Однако есть и существенные отличия.

Российская Федерация

В современном российском обществе инвалиды рассматриваются как отдельная социальная группа, требующая заботы и внимания. Инвалиды являются объектом социальной защиты государства. Задача приспособления жизненной среды к особенностям и нуждам инвалидов проявилась в официальном дискурсе 2 октября 1992 г. с указом Президента «О мерах по формированию доступной для инвалидов среды жизнедеятельности». В 1995 г. был принят Федеральный закон № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», когда государство взяло на себя обязанности по «обеспечению инвалидам равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод, предусмотренных Конституцией РФ». Существуют также нормативные акты регионов Российской Федерации и министерств, которые помогают в реализации описанных выше законов и документов конкретно в каждом регионе. Строительные и планировочные ГОСТы устанавливают доступность общественных объектов, а также требования по сооружению в зданиях и около них конструкций, необходимых для беспрепятственного доступа. Федеральным законом от 28 ноября 2015 г. № 339-ФЗ внесены изменения в статьи 48 и 51 Градостроительного кодекса Российской Федерации, регламентирующие порядок архитектурно-строительного проектирования и получения разрешения на строительство и учитывающие требования Конвенции ООН о правах инвалидов. В апреле 2012 г. Российская Федерация ратифицировала Конвенцию ООН о правах инвалидов. В связи с этим появилась Федеральная целевая программа «Доступная среда – 2011–2020». Программа направлена на формирование к 2020 г. условий, обеспечивающих равный доступ инвалидов

наравне с другими к физическому окружению, транспорту, информации и связи, а также объектам и услугам, открытым или предоставляемым для населения. Программа декларирует задачу не только перекроить рельеф городов, но поменять сознание граждан.

По данным Минтруда, на этапе подготовки в 2015 г. было принято 36 нормативных правовых актов правительства РФ и федеральных министерств, которыми определен порядок обеспечения доступности объектов, услуг и оказания помощи инвалидам во всех сферах жизнедеятельности. Утверждены отраслевые и региональные дорожные карты поэтапного создания безбарьерной среды для инвалидов. По официальным данным, показатель доли доступных для инвалидов приоритетных объектов социальной, транспортной, инженерной инфраструктуры в общем количестве объектов составил в 2015 г. 41%, в 2016 г. – 44,4%, в 2017 г. этот показатель должен достичь 54,2%, в 2018 г. – 64%, в 2019 г. – 66,1%, в 2020 г. – 68,2%. В 2016–2017 гг. с учетом отечественного и международного опыта будут разработаны соответствующие методики для последующей апробации в пилотных проектах и тиражирования в других регионах. Госпрограммой также предусмотрено формирование современной отрасли по производству товаров для инвалидов, в том числе технических средств реабилитации [В России 2016].

Однако общепризнанным в общественном поле является понимание того, что, несмотря на предпринимаемые усилия, условий для полноценного пребывания инвалидов и их участия в жизни общества на государственном уровне не создано. И сделано пока слишком мало [Наберушкина 2010; Терскова и др. 2016]. Среда обитания российских городов, несмотря на принятые на уровне государства законодательные акты, по-прежнему практически не учитывает потребности людей с ограниченными возможностями. Конечно, сломать нормы проектирования, которые десятилетиями действовали в СССР, в одночасье невозможно, как и стереотипы, существующие в обществе в отношении инвалидов. Как отмечают исследователи, многие программы – это, скорее, реверанс в сторону политики ООН, а не осознанная на уровне общественного понимания ценность любого гражданина.

Во исполнении закона при администрациях городов создаются советы по делам инвалидов, различные комиссии по формированию безбарьерной среды, принимаются программы адаптации городского пространства под нужды маломобильных граждан от учета требований строительных ГОСТов до изменений городской инфраструктуры. Однако реализация таких программ во многом зависит от личных позиций руководства регионов и городов, от степени взаимодействия администраций с общественными организациями инвалидов, инициативными группами. При этом прилагаемые усилия очень фрагментарны. Где-то озаботились приобретением общественного транспорта, учитывающего нужды инвалидов, где-то отчитались установкой пандусов и кнопок вызова помощи. Причем подчас данные системы малофункциональны или вообще не работают в силу нарушений правил при их установке.

Финансовая проблема также значима для городских администраций, поскольку адаптация городской среды требует немалых вложений. Пилотные проекты различных регионов в рамках реализации государственной программы «Доступная среда...» пока так и остаются пилотными. Многие социальные и культурные организации (магазины, торговые центры, предприятия питания и бытового обслуживания, музеи, театры, вокзалы, банки) самостоятельно включаются в создание безбарьерной среды на своей территории. Но в силу разрозненности усилий, отсутствия комплексного подхода, финансовой поддержки таких мероприятий результат зачастую получается достаточно парадоксальным. Одна часть общественного пространства того или иного объекта может обладать максимумом признаков безбарьерной среды, в то время как другая – быть совершенно недоступной для лиц с ограниченными возможностями. В условиях малой активности официальных структур по формированию безбарьерной среды ее создание переходит на уровень активности граждан. Например, в интернете стали появляться виртуальные карты доступности: «Казань недоступная», «Доступный Саратов», «Барьеров нет» (Наберушкина, Сорокина 2012).

В Российской Федерации на данный момент существуют лишь обрывочные, эпизодические вкрапления элементов, облегчающих передвижение инвалидов. Например, пандусы для инвалидных колясок позволяют колясочнику беспрепятственно заехать в отделение Сбербанка, но никого особо не волнует, как он доберется до самого здания, ведь ни выехать из своего дома, ни совершить поездку в автобусе, ни пересечь проезжую часть люди этой категории не имеют возможности. В странах же Европы (в частности, Балтийского региона) на деле работает требование не допускать никаких элементов, которые не только могут затруднить или сделать невозможным передвижение человека на коляске, но и вообще будут препятствовать какой-либо его деятельности. Из зарубежного опыта обустройства городской среды важно перенять стремление следовать принципу непрерывности на тех территориях, где людям приходится бывать наиболее часто. Среди таких мест можно выделить тротуары и пешеходные дорожки во дворах, подходы к общественным зданиям, аллеи в парках и скверах, перекрестки, остановки общественного транспорта, подходы к киоскам, банкоматам и т. д. Недостаточно просто установить единичные пандусы для инвалидных колясок, чтобы реально достигнуть поставленной цели – сохранить социальную полноценность такой значительной части граждан страны, как инвалиды.

Заключение

Сравнение опыта стран Балтийского региона и Российской Федерации показывает, что мало принять на уровне правительств правильные законы и законодательные акты, учитывающие все международные требования к созданию безбарьерной среды. Нужна планомерная работа с городской средой, которая требует и немалых финансовых вложений, и заинтересованности

в реализации принятых законов и разнообразных программ. Пока такую заинтересованность в полном объеме демонстрируют только европейские страны. Страны Прибалтики, скорее, находятся в тисках требований ЕС и вынуждены предпринимать какие-то шаги в данном направлении. В РФ ситуацию, по сути, можно назвать работой на показатели. Городские советы отчитываются теми или иными инициативами или обязательными мероприятиями (например, всеобщая установка пандусов около объектов социального назначения). При этом реальные нужды инвалидов мало учитываются, как не учитываются и требования строительных стандартов. Многие учреждения самостоятельно, без всяких программ, решают проблему доступности своих объектов. Например, театры закупают плавные переносные порожки, которые позволяют проехать инвалидным коляскам; малодоступные бытовые объекты устанавливают кнопки вызова помощи; торговые центры имеют лифты, подъемные системы, удобные пандусы, специальные места парковки. При этом следует учесть, что маломобильными в городе являются не только инвалиды, но и родители с маленькими детьми, передвигающиеся с колясками, и пенсионеры, имеющие физические проблемы с передвижением в силу возраста. Поэтому создание инклюзивной городской среды не социальная проблема инвалидов, а, скорее, проблема горожан в целом. Просто инвалиды наиболее стигматизированная группа, которая более интересна в плане общественной активности, а также демонстрации властью заботы об обществе.

Литература

В России начинает реализовываться закон о создании безбарьерной среды для инвалидов. Информационное агентство России ТАСС. 01.01.2016. URL: <http://tass.ru/obschestvo/2565927> (дата обращения 07.09.2017).

Конвенция о правах инвалидов. Принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 г. (Текст). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения 07.09.2017).

Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015.

Наберушкина Э.К. Доступность городской среды для инвалидов // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 58–64.

Наберушкина Э.К. Инвалиды в большом городе: проблемы социального гражданства. М.: ООО «Вариант, ЦСПГИ», 2012.

Наберушкина Э.К., Сорокина Н.В. Картографирование доступности городской среды: аспекты социального неравенства // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 1. С. 27–42.

Прохоров А.В. Доступная среда. Практическое пособие: В 2 ч. Ч. 1. М.: ИПО ДТСЗН, 2016.

Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов: Научная книга, 2006.



Романов П., Ярская-Смирнова Е., Вайтфилд С., Келли С. Социологическое исследование проблем инвалидности и реабилитации инвалидов в Российской Федерации. Анализ основных результатов исследования. М., 2009. URL: <http://kniga.seluk.ru/k-politologiya/1238698-1-sociologicheskoe-issledovanie-problem-invalidnosti-reabilitacii-invalidov-rossiyskoy-federacii-analiz-osnovnih.php> (дата обращения 07.09.2017).

Терскова С.Г., Гаврилова Е.С., Юркова Е.Е. Результаты реализации Федеральной программы «Доступная среда» на 2011–2015 гг.: социологический анализ // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 2. URL: <http://human.snauka.ru/2016/02/14031> (дата обращения 07.09.2017).

Харви Д. Краткая история неолиберализма. М.: Поколение, 2007.

Brown A. Rights to the City for Street Traders and Informal Workers. Copenhagen: UNESCO, 2008. P. 145–171.

Goffman E. Stigma: Notes of the management of spoiled identity. Chapter 1 and 2 (3–6). New York: Prentice-Hall, 1963.

Harvey D. Justice, Nature and the Geography of Difference. Oxford: Wiley-Blackwell, 1996.

Imrie R. Barriered and bounded places and the spatialities of disability // Urban Studies, 2001. Vol. 38. № 2. P. 231–237.

А.В. Лядова, М.В. Лядова (Москва)

ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫЙ ТРАВМАТИЗМ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА МЕГАПОЛИСА: СОСТОЯНИЕ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Одним из характерных признаков современного мегаполиса является разветвленная система коммуникаций – прежде всего дорожно-транспортная сеть. Поэтому сегодня крупные города представляют собой, с одной стороны, комфортную среду для жизнедеятельности, а с другой – ускоренное развитие мегаполисов несет в себе потенциальные угрозы для их обитателей. Одна из них связана с проблемой безопасности на городских магистралях.

Первое в мире официально зарегистрированное дорожно-транспортное происшествие со смертельным исходом произошло в Лондоне 17 августа в 1876 г.: представитель «Англо-французской автомобильной компании», демонстрировавший публике новую автомобильную разработку, превысил скорость и сбил 44-летнюю женщину, которая впоследствии скончалась от травм. В то время суд признал это происшествие несчастным случаем, и уголовное дело не было заведено. С тех пор прошло уже более 120 лет, и в настоящее время дорожно-транспортный травматизм представляет собой одну из актуальных проблем не только здравоохранения, но и других социальных сфер, включая экономическую и политическую.

Во «Всемирном докладе о предупреждении дорожно-транспортного травматизма», подготовленном Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) при участии Всемирного банка и опубликованном в 2004 г., было отмечено, что ежегодно в мире в результате ДТП гибнет почти 1,2 млн человек, а телесные повреждения получают до 50 млн человек, что равно численности населения пяти мегаполисов [Всемирный доклад 2004]. К сожалению, этот показатель остается стабильным уже на протяжении последних десяти лет. И несмотря на то, что в разных странах в рамках разработанного в 2011 г. ВОЗ глобального плана «Десятилетие действий по обеспечению безопасности дорожного движения» активно проводятся мероприятия по повышению безопасности дорожного движения, эксперты прогнозируют дальнейший рост потерь, как людских, так и экономических, вследствие дорожно-транспортных происшествий.

Данная проблема настолько глобальна, что ВОЗ призывает правительства стран, а также другие активно действующие организации, развивать и поддерживать деятельность по предотвращению этого деструктивного социального явления. Эксперты прогнозируют, что если не предпринимать никаких усилий со стороны общества и институтов власти, то число смертельных



случаев и травм в результате ДТП к 2020 г. может увеличиться на 65%, а в странах с низким и средним уровнем дохода смертность вследствие ДТП может вырасти до 80% [Всемирный доклад 2004]. Отметим, что в настоящий момент дорожно-транспортный травматизм занимает 11-е место в структуре причин смертности. По статистике, в России к наиболее повышенным группам риска смертности от травм после ДТП можно отнести представителей мужского пола трудоспособного возраста до 45 лет. Они составляют 70% от всех погибших. Также важно и то, что травматизм как причина инвалидизации к 2020 г. выйдет на 1-е место, при этом потери активных лет жизни составят до 16% [Всемирный доклад 2004]. С экономической точки зрения ущерб от ДТП оценивается примерно в 1% валового национального продукта в странах с низким уровнем дохода, в 1,5% – в странах со средним доходом и в 2% – с высоким уровнем дохода.

Одна из причин роста статистики ДТП – возрастание технической мощности современных транспортных средств и, как следствие, увеличение скорости движения и автомобилепотока. Так, в процессе дорожного движения в России ежедневно участвуют около 20 млн транспортных средств [Губайдуллин 2014]. Эти объективные тенденции вызывают необходимость системного регулирования и решения проблемы.

Следует отметить, что в России в последние десятилетия принято значительное количество программ и нормативно-правовых актов по снижению уровня ДТП [Постановление 2006 (а); Указ 2006]. Кроме того, было проведено значительное количество аналитических исследований по выявлению проблемы в системе организации оказания экстренной помощи населению. На основе этого были пересмотрены существовавшие подходы и приняты меры к их усовершенствованию. Например, динамика развития догоспитальной травматологической помощи на территории РФ претерпела ряд существенных изменений [Дартау 2009; Евдокимов 2010; Елфимов 2005]. Были разработаны программы стандартизации оказания помощи пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях [Постановление 2006 (б)]. Кстати, как отмечают аналитики, подобные программы и стандарты, введенные в западных странах еще в 1990-х гг., оказались достаточно эффективными и позволили снизить летальность при тяжелой сочетанной черепно-мозговой травме до 7% [Disability-adjusted 2012; Eid 2007]. **В нашей стране также был разработан комплекс мероприятий, которые вошли в так называемую формулировку «Золотой час» при ДТП [Интервью 2010].** В принятом 25 ноября 2009 г. Федеральном законе от № 267-ФЗ «О внесении изменений в основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан и отдельные законодательные акты Российской Федерации» было четко сформулировано понятие первой помощи как немедикаментозного лечения до оказания медицинской помощи, то есть комплекс простейших мероприятий, направленных на временное устранение причин, угрожающих жизни пострадавших, и предупреждающих развитие тяжелых осложнений [Интервью 2010].

Во исполнение этого закона Минздравсоцразвития РФ были изданы приказы от 08.09.2009 № 697н «Об изменении состава аптечки первой помощи» (автомобильной) и от 17.05.2010 № 353н «О первой помощи», в которых был утвержден перечень мероприятий по оказанию первой помощи, включающий: порядок оценки обстановки при ДТП, вызова СМП и других служб; определение признаков жизни пострадавшего и его извлечение из транспортного средства; перемещение в безопасное место; восстановление и поддержание проходимости верхних дыхательных путей; проведение сердечно-легочной реанимации; правила остановки кровотечения и наложения повязок; проведение опроса больного на наличие сердечного приступа, герметизацию раны, фиксацию шейного отдела позвоночника; проведение фиксации конечностей; местное охлаждение; термоизоляцию при холодовой травме; придание оптимального положения [Приказ 2012]. Кроме того, были внесены изменения в комплектацию автомобильной аптечки – в частности, такие лекарственные средства, как анальгин, раствор бриллиантовой зелени, активированный уголь, были изъяты, а введены средства для временной остановки наружного кровотечения и устройство для проведения искусственного дыхания.

Реализация этих проектов позволила снизить смертность от ДТП более чем на 15% по сравнению с предыдущим периодом. Из анализа данных ежегодных отчетов МВД России об обстоятельствах и количестве дорожно-транспортных происшествий в стране очевидно, что число погибших в результате ДТП в 2007 г. составило 33 308 человек, в 2012 г. – 27 991 человек [База данных Росстата]. По данным ГИБДД на 2016 г., всего на дорогах страны произошло 72 886 ДТП, что на 9,2% меньше, чем в предыдущий год, когда погибло 8149 человек (что меньше по сравнению с предыдущим периодом на 17,1%), и ранено 92 321 человек (что меньше на 8,7% человек) [Гончаров 2013]. Однако, по сведениям экспертов, каждое десятое ДТП – все-таки со смертельным исходом.

При анализе статистических данных обращает на себя внимание сезонный и временной характер происшествий. Так, наибольшее количество ДТП (11 295 ДТП; удельный вес 15,5%) зарегистрировано в субботу [Дорожно-транспортная аварийность 2016]. Среди взрослого населения статистический рост ДТП отмечается для периода сентября-октября. Самым аварийно-опасным временем суток является период с 17:00 до 19:00. В это время происходит каждое восьмое ДТП (13,1%). Так, в вечернее время отмечено увеличение числа случаев до 23 605 ДТП (-13,2%), что составило 32,4% от общего их количества. В таких ДТП погибла почти половина численности всех потерпевших (3753 человек, или 46,1%). Тяжесть последствий ДТП этого времени суток составила 11,2, что почти в два раза выше аналогичного показателя ДТП светлого времени суток (6,6).

В первом полугодии 2016 г. шесть из семи ДТП (86,5%) произошли из-за нарушения Правил дорожного движения (ПДД) водителями транспортных средств. Всего совершено 63 069 (-8,9%) таких ДТП, в которых погибло



6816 (-18,0%) и ранено 83 404 (-8,5%) человека. Каждое восьмое (12,8%) ДТП связано с нарушением ПДД пешеходами (9311 ДТП; -10,7%) [Дорожно-транспортная аварийность 2016].

Крупнейший мегаполис нашей страны, Москва, по-прежнему остается в лидерах по числу дорожно-транспортных происшествий (7,9% от общего количества аварий) – 11 312 ДТП за 2014 г, 7507 за 2016 г. Согласно данным статистики ГИБДД Москвы, число погибших на московских дорогах за 2014 г. составило 888 человек, за 2016 г. – 453 человека. Дорожная травма сопровождается значительными последствиями. Известно, что среди повреждений при ДТП преобладают сочетанная или множественная травмы [Москвичева 2014].

В силу вышеуказанных обстоятельств оказание экстренной помощи больным травматологического профиля остается одним из актуальных вопросов организации системы медицинской помощи населению. За последние 30 лет доля пациентов, госпитализированных по экстренным показаниям, увеличилась в три раза по сравнению с предыдущим периодом [Багненко 2013].

Рассматривая проблему оказания ургентной помощи, важно понимать, что экстренная медицина – это самостоятельный специализированный вид помощи, что связано с особенностью состояния пациентов [Там же]. Как отмечают исследователи, быстротечность развития острых патологий ставит вопрос о разработке особых подходов к организации, характеру оказания экстренной помощи, порядку использования медицинских ресурсов [Там же]. Так, если при проведении плановых ортопедических операций для усиления контроля качества тщательный отбор пациентов возможен и необходим, то при экстренных состояниях это представляется трудновыполнимой задачей. Более 90% больничной летальности связано с экстренным характером госпитализации.

Авторами настоящей статьи был проведен анализ 340 сопроводительных листов скорой медицинской помощи (СМП) пострадавших с травмами, которые были доставлены СМП в приемное отделение крупного многопрофильного стационара мегаполиса. Выборка сопроводительных листов была случайной (в среднем по 20 человек), в течение одного месяца прослежен год поступления пострадавших.

Статистика свидетельствует, что в возрастной группе от 20 до 44 лет преобладали лица мужского пола, в возрасте 45–54 лет процент лиц мужского и женского пола одинаков, а от 55 до 70 лет и старше – преобладали лица женского пола, которые по статистическим данным чаще мужчин доживают до старческого возраста. Причем 60,1% – женщины старше 70 лет, у которых был перелом проксимального отдела бедренной кости, подтвержденный в 94,4% случаях. Эти показатели указывают на актуальность проблемы выбора тактики ведения таких больных.

Среди доставленных пациентов в приемное отделение больницы жителей Москвы было 254 (74,7%), Московской области – 30 (8,8%), других городов

РФ – 28 (8,2%), стран СНГ – 20 (5,9%), других государств – 6 (1,8%) и лиц без определенного места жительства – 2 (0,6%).

Третье место по обстоятельствам занимает травма в результате ДТП – 43 пострадавших (12,6%), из которых большая часть – пешеходы (21 человек, или 6,2%), затем пассажиры (12 человек, или 3,5%), водители (10 пострадавших, или 2,9%).

Таким образом, наши статистические данные тождественны средним показателям, полученным по стране: среди всех участников дорожного движения наибольшая доля пострадавших выявлена среди пешеходов: от 30,0 до 85,2%, среди водителей число пострадавших варьируется от 6,6% до 58,4%, пассажиров – в пределах между 10,6% и 50% [Гончаров 2013].

Большое количество работ посвящено влиянию алкогольного и наркотического опьянения на участников дорожного движения, приема ими психотропных средств, других лекарственных препаратов, снижающих их внимание, а также наличию у пострадавших в ДТП того или иного соматического заболевания, которое послужило непосредственной причиной несчастного случая. Так, в Москве с начала 2016 г. сотрудники ГИБДД задержали на дорогах около 5,7 тыс. нетрезвых водителей. По официальной статистике ГИБДД, в 2010 г. было зафиксировано 11 845 ДТП с участием нетрезвых водителей, в 2011 г. – 12 252, а в 2012 г. – 12 843 [Там же].

Статистические данные указывают, что проблема пьянства за рулем – по-прежнему одна из насущных. В нынешнем году федеральные законы РФ ужесточили наказание для пьяных водителей за рулем, увеличив срок лишения прав и объем штрафа. Ответственность за повторно выявленное вождение в пьяном виде усилена уголовными статьями, предусматривающими лишение свободы и общественные работы. Порядок наказания и лишения прав за вождение в нетрезвом виде регламентирован новыми поправками в административный и уголовный кодекс РФ. Поправками в УК РФ помимо лишения прав предусмотрено введение статьи, увеличивающей срок заключения под стражу водителя. В частности:

а) ст. 264 УК устанавливает период заключения под стражу от 4 до 9 лет, если водитель сел за руль пьяным и стал причиной серьезного происшествия;

б) новая статья 264.1 увеличивает ответственность за системное вождение транспортного средства в стадии опьянения, а также при отказе от медицинского освидетельствования. Штраф в этом случае увеличивается до 300 тыс. рублей, период заключения под стражу составляет 2 года, и назначаются принудительные работы.

Административная ответственность, согласно новым поправкам в КоАП 2014 г., увеличивает размер штрафа за управление автомобилем в пьяном виде до 30 тыс. рублей и устанавливает срок лишения водительских прав до 2 лет. Административная ответственность за вождение в нетрезвом виде наступает только при первичном выявлении нарушений ПДД. Пьянство за рулем, выявленное повторно, переводит водителя в разряд уголовных



преступников. Такие ужесточения наказания направлены на выявление потенциально опасных пьяниц и ограничение их возможности лишний раз находиться за рулем автомобиля.

Принятые меры позволили снизить число правонарушений, связанных с вождением в нетрезвом виде. Так, по данным МВД за первое полугодие 2016 г. произошло 5780 ДТП (снижение на 26,2% по сравнению с последующим периодом) [Дорожно-транспортная аварийность 2016].

Однако, как показывает анализ данных по структуре ДТП, часть из них связана с неудовлетворительными показателями здоровья водителей. Так, имеются сведения о транспортных происшествиях среди водителей, страдавших ишемией миокарда, гипертонической болезнью, выраженным кардиосклерозом, желчнокаменной болезнью, онкологическими заболеваниями, сахарным диабетом, эпилепсией, нарушением функции органа слуха и органа зрения, болезнью Альцгеймера.

В связи с данным фактом в апреле 2011 г. был принят приказ Минздрава № 302Н, определяющий полный перечень заболеваний, наличие хотя бы одного из которых является основанием для отказа в выдаче положительного заключения о состоянии здоровья, которое необходимо для получения водительского удостоверения. Так, к самым распространенным болезням, препятствующим гражданину управлять автомобилем, относятся: тяжелая форма заболевания глаз, значительные отклонения в функционировании слуховых органов, серьезные проблемы с сердечно-сосудистой системой, психические припадки различных характеристик, приобретенные после травмы или от рождения изменения конечностей, присутствие слабой координации вестибулярного аппарата, отсталость в умственном развитии, зависимость по отношению к наркотическим средствам, а также к алкоголю, склонность к гипертоническому кризу, наличие заболевания психического характера [Приказ 2011].

Также, начиная с прошлого года, во всех российских регионах вступили в силу единые правила, определяющие процедуру выдачи водительских прав и порядок сдачи экзамена на право управления транспортным средством. Данные правила установлены Постановлением Правительства РФ № 1097 от 24.10.2014 (в редакции от 04.02.2016, то есть актуально на 2017 г.) «О допуске к управлению транспортными средствами» (вместе с «Правилами проведения экзаменов на право управления транспортными средствами и выдачи водительских удостоверений») и действуют по всей России [Постановление 2014]. Если гражданин уже имеет водительский стаж и права, но экзамены он сдавал на управление транспортным средством с автоматической коробкой передач, то ему запрещается садиться за руль машины с механической коробкой передач. Самостоятельная подготовка теперь невозможна, и будущим водителям требуется пройти курс специализированного обучения в автошколе. Новые требования стали намного жестче. К тому же они начали предъявляться и к экзаменаторам. Принимать экзамены разрешается лицам, имеющим



высшее образование, достигшим 25-летнего возраста. Эти люди должны иметь права именно той категории, по которой принимаются экзамены на практике вождения. Стаж вождения для экзаменаторов тоже стал больше – он должен быть не меньше 5 лет.

Все указанные выше меры позволили сократить количество ДТП из-за нарушения ПДД водителями со стажем управления транспортным средством до 2 лет. В 5074 (-21,3%) таких ДТП погибло 453 (-29,4%) и ранено 7110 (-20,5%) человек [Дорожно-транспортная аварийность 2016].

Однако сохраняется еще ряд проблем. Так, согласно статистическим данным, более чем в 2 раза увеличились показатели аварийности из-за эксплуатации технически неисправных транспортных средств. Это связано с тем, что теперь технический паспорт привязан к получению полиса ОСАГО, что позволяет недобросовестным страховщикам оформлять его без проверки при покупке у них полиса. Также отмечено увеличение показателей детского дорожно-транспортного травматизма: рост числа погибших в ДТП детей-пешеходов на пешеходных переходах, количества ДТП и числа раненых детей-пешеходов на регулируемых переходах, расположенных на участке улицы и дороги, проходящей вдоль школы или иного детского учреждения; количества ДТП и числа раненых в них детей-велосипедистов. Это связано прежде всего с несоблюдением ПДД возле школ и школьных дворов, где зачастую нет возможности для парковки и родители, привозя в школу своих детей, сами создают аварийную ситуацию.

Таким образом, анализ законодательной и статистической базы по дорожно-транспортному травматизму показывает, что данная проблема является социальной, но комплексной, что требует системного подхода для ее решения и нивелирования негативных последствий. Как свидетельствует проведенный обзор нормативно-правовой базы, законодательные меры являются основой для разработки мероприятий, направленных на снижение отрицательной статистики по ДТП. Однако не подкрепленные в социальном аспекте эти меры не будут эффективными, поэтому необходимо проведение профилактики дорожно-транспортного травматизма. Но и этого недостаточно, если социальная среда не предоставляет возможности участникам дорожного движения избегать дорожных происшествий. Прежде всего речь идет о дорожной инфраструктуре. Понимая потребность Москвы как мегаполиса расширять транспортную систему для увеличения автомобилепотока и решения проблемы транспортных коллапсов, следует иметь в виду, что город – это место не только для деловой активности, но и для жизни миллионов людей, и в конструировании транспортной системы должны быть учтены интересы как тех, кто за рулем, так и пешеходов. Пешеходные зоны должны быть расширены, увеличено их число на крупных магистралях, чтобы не было вынужденной необходимости из-за отсутствия пешеходных переходов вблизи жилой зоны «перебегать» дорогу. Более того, из-за повышенных технических мощностей автомобилей и протяженности автомобильных трасс нерегулируемые



наземные пешеходные переходы уже не являются безопасными, поэтому необходимо при планировании новых магистралей учитывать и данный факт. Наконец, это дорожно-транспортная культура автомобилистов и пешеходов в нашей стране. Она отсутствует. Ее формирование возможно, с одной стороны, через повышение правового сознания участников дорожного движения, а с другой – с помощью социальных конструкторов, позволяющих реализовать указанные в законодательстве меры по обеспечению безопасности дорожного движения.

Литература

Багненко С.Ф. Современное состояние и перспективы развития скорой медицинской помощи в Российской Федерации // Скорая медицинская помощь. 2013. № 3. С. 4–9.

База данных Росстата. URL: <http://www.fedstat.ru/indicators/start.do> (дата обращения: 08.08.2017).

Всемирный доклад о предупреждении дорожно-транспортного травматизма / пер. с англ. М.: Весь Мир, 2004.

Гончаров С.Ф. Федеральная целевая программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах»: основные итоги выполнения // Медицина катастроф. 2013. № 1 (81). С. 5–9.

Губайдуллин М.И. Судебно-медицинская оценка степени вреда здоровью и дефектов оказания медицинской помощи на госпитальном этапе пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях. Автореферат дис. ... доктора медицинских наук. М., 2014.

Дартау Л.А. Здоровье человека и качество жизни: проблемы и особенности управления. М.: СИНТЕГ, 2009.

Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за I полугодие 2016 года. Оперативный информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ НИЦ БДД МВД России, 2016.

Евдокимов Е.А. Дорожно-транспортный травматизм и неотложная помощь // Неотложная медицина. 2010. № 1–2. С. 4–6.

Елфимов П.В. Организационно-экономические аспекты внедрения модели многопрофильного дневного стационара в муниципальном лечебном учреждении // Организационно-управленческие и экономические аспекты деятельности здравоохранения. Екатеринбург, 2005. С. 205–212.

Интервью с руководителем Минздравсоцразвития РФ Татьяной Голиковой // Коммерсант. Фармацевтика: тематическое приложение к газете. 2010. № 33.

Москвичева М.Г. Непосредственные причины смерти пострадавших в дорожно-транспортных происшествиях и оценка эффективности работы трехуровневой системы травмоцентров на территории Челябинской области // Вестник травматологии и ортопедии им. Н.Н. Приорова. 2014. № 3. С. 5–9.

Постановление Правительства РФ от 20.02.2006 № 100 «О федеральной целевой программе “Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах”» // Российская газета. 27.02.2006 (а). URL: <https://rg.ru/2006/02/27/programma-dok.html> (дата обращения 02.09.2017).

Постановление Правительства РФ от 20.02.2006 № 100 «О федеральной целевой программе “Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 гг.”» (ред. от 14.02.2009). Собр. законодательства РФ. 2006 (б). № 9. Ст. 1020.

Постановление Правительства Российской Федерации от 24.10.2014 № 1097 г. Москвы «О допуске к управлению транспортными средствами» // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2014/10/31/dopusk-dok.html> (дата обращения 02.09.2017).

Приказ Минздравсоцразвития РФ от 04.05.2012 № 477-н. «Об утверждении перечня состояний, при которых оказывается первая помощь, и перечня мероприятий по оказанию первой помощи» // Российская газета. 2012. URL: <http://www.rosminzdrav.ru/document/> (дата обращения 02.09.2017).

Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации (Минздравсоцразвития России) от 12 апреля 2011 г. № 302н г. Москвы «Об утверждении перечней вредных и (или) опасных производственных факторов и работ, при выполнении которых проводятся обязательные предварительные и периодические медицинские осмотры (обследования), и Порядка проведения обязательных предварительных и периодических медицинских осмотров (обследований) работников, занятых на тяжелых работах и на работах с вредными и (или) опасными условиями труда» // Российская газета. 28.10.2011. URL: <https://rg.ru/2011/10/28/medosmotr-dok.html> (дата обращения 02.09.2017).

Указ Президента РФ № 1042 от 22.09.2006 «О первоочередных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения» // Российская газета. 26.09.2006. URL: <https://rg.ru/2006/09/26/bezopasnostj-dvizhenia-dok.html>.

Disability-adjusted life years (DALYs) for b291 diseases and injuries in 21 regions, 1990–2010: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2010. Lancet. 2012. Vol. 380. № 9859. P. 2197–2223.

Eid H.O. Biomechanics of road traffic collision injuries: a clinician's perspective. Singapore Med. J. 2007. Vol. 48. № 7. P. 693–700.

СЕКЦИЯ 2. ГОРОДСКАЯ ЭКОНОМИКА И ГЛОБАЛЬНЫЕ ГОРОДА

В.Н. Блохин (Минск)

ГЛОБАЛЬНЫЙ ГОРОД: СПЕЦИФИКА ЖИЗНИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматривается специфика образа жизни жителей крупнейших городов планеты. Внимание акцентируется на изменении жизненных ценностей, поведения, мировоззрения горожан. Особенности городской среды являются причиной множества социальных проблем и конфликтов. Научное объяснение специфики глобальных городов предоставляет возможность снижения негативных последствий глобализации для населения.

Глобализация развивается на протяжении нескольких столетий через развитие населенных пунктов и появление между ними транспортных, миграционных и **торговых взаимосвязей. Однако с конца XX в. темпы развития** глобализационных процессов **стали особенно стремительными. Причиной быстрого развития** глобализации являются новые возможности и конкуренция. Данные факторы преобразуют предпринимателей и работников по всей планете, а они, в свою очередь, изменяют города, где эти предприниматели и работники концентрируются [Глобальный город 2007].

На специфику городов и их определяющую роль в инновационном развитии обращал внимание немецкий социолог Макс Вебер. Он утверждал, что города (особенно крупные) отличаются анонимностью общения, то есть большинство горожан не знакомы между собой, что приводит к снижению социального контроля над поведением людей. Широкие рамки свободы способствуют развитию научно-технических и социальных новаций, что является главным условием быстрого развития.

Таким образом, именно крупные города, по мнению классика социологии, преодолевают консерватизм и приводят к историческим изменениям, формированию принципиально нового типа общества и образа жизни людей.

Города являлись первым местом, куда прибывали иностранцы. Поэтому городское пространство получало большой импульс для развития взаимоотношений между народами как в области торговли, культуры, так и в сфере дипломатии. В настоящее время городские центры оказались

в глобальном пространстве, где они вынуждены конкурировать друг с другом, что является стимулом для наиболее динамичного развития.

Начало XXI в. стало временем расцвета больших городов: агломерации, мегаполисы, сверхгорода, альфа-города превратились в ведущие центры международной политики, бизнеса, культуры, науки. Возрастанию роли больших городов способствует ряд факторов, имеющих различное происхождение и причины возникновения: географические, исторические, политические. Актуальность изучения проблем и специфики крупнейших городов определяется, с одной стороны, растущей их ролью в общемировом масштабе, а с другой – крайней сложностью и слабой управляемостью социокультурными процессами, происходящими в этих новых территориальных системах, созданных в условиях информационного общества.

Крупнейшие социологи современности, такие как Энтони Гидденс, предложили свои концепции, следуя от изучения общества к изучению большого города. Представители авторитетной социологической ассоциации – Чикагской школы – считают, что изучать современное общество необходимо именно через город [Лотье 2017].

Специфика современного этапа – распространение и рост значения информационных технологий и связанное с этим увеличение мобильности и ликвидности капитала. Крупные города превратились в стратегические центры привлечения глобального капитала и инвестиций, также они оказывают ключевое влияние на транснациональное движение трудовых ресурсов, что интернализирует социальные общности, группы, приводит к формированию идентичностей нового типа. В этом контексте города выступают в роли места, где появляется **принципиально иной тип политической деятельности и возникает совокупность новых культурных движений**.

Статистика Организации Объединенных Наций доказывает, что в условиях постоянного роста абсолютного числа городов все большее количество населения планеты аккумулируется крупными мегаполисами и агломерациями. **Такие центры стали важными элементами всей мировой экономики, оказывают ключевое влияние на развитие больших регионов планеты.** Для характеристики крупнейших и влиятельнейших городов всё чаще используется понятие «глобальный город».

Термин «глобальный город» появился относительно недавно, в 1990-е годы, в работах профессора социологии Чикагского университета Саскии Сассен.

Глобальные города делят на типы в зависимости от уровня их влияния. Важную роль в определении значения глобального города играет уровень развития следующих услуг: финансы и банки, бухгалтерский учет и аудит, реклама, система страхования.

По мнению американского ученого П. Тейлора, глобальные города можно разделить на 12 категорий: 1-я категория – наименее влиятельные; 12-я категория – наиболее влиятельные (табл. 1).

Таблица 1

Категория мировых городов	Ранг	Численность населения в агломерациях, миллионов человек				
		более 15	10–15	5–10	1–5	менее 1
Ведущие	12	Токио, Нью-Йорк		Лондон, Париж		
	10		Лос-Анджелес	Сянган, Чикаго	Милан, Сингапур, Франкфурт-на-Майне	
Главные	9				Сан-Франциско, Сидней, Торонто, Цюрих	
	8	Мехико, Сан-Паулу			Мадрид, Брюссель	
	7			Москва, Сеул		
Второстепенные	6		Джакарта, Осака	Сантьяго	Амстердам, Бостон, Вашингтон, Даллас, Дюссельдорф, Йоханнесбург, Мельбурн, Прага, Тайбэй	Женева
	5		Пекин	Бангкок	Варшава, Монреаль, Рим, Стокгольм	
	4	Буэнос-Айрес, Стамбул, Манила, Шанхай		Атланта, Барселона, Берлин, Будапешт, Гамбург, Копенгаген, Куала-Лумпур, Майами, Мюнхен		

В территориальном плане мировые города распределены неравномерно и точно соответствуют географии экономически наиболее развитых и богатых стран мира. Они образуют три главные зоны концентрации:

- западноевропейская;
- североамериканская;
- азиатско-тихоокеанская.

Для остальных регионов планеты категория глобальных городов представлена только единичными центрами: Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айрес – в Южной Америке, Йоханнесбург – в Африке, Сидней – в Австралии и некоторые другие.

Главная особенность западноевропейской зоны глобальных городов – самая продолжительная история урбанизма, на протяжении которой происходили формирование городов – лидеров региональной и глобальной экономики и их постоянная ротация. В свое время ведущую роль играли Антверпен, Венеция, Генуя и ряд других центров. В настоящее время особенно высока конкуренция за лидерство между столицами Великобритании и Франции, которые входят в высшую категорию мировых городов. При этом большинство специалистов отдают предпочтение Лондону, который как глобальный центр оформился еще в XVIII–XIX вв.

За длительную историю развития в регионе возникла густая сеть глобальных городов, для которых зачастую типична весьма узкая функциональная специализация. Например, швейцарский Цюрих выделяется как один из важнейших финансовых центров, нидерландский Роттердам – ведущий порт Европы. В совокупности они образуют своего рода трансъевропейский хребет, протянувшийся от Дублина через Лондон, Париж, города долины Рейна до Милана и Рима. Этот ареал хорошо читается на карте. В 1990-е гг. начинает формироваться второй – восточный хребет городов на территории Центральной Европы, состоящий в основном из центров второго поколения (столиц).

Североамериканская зона глобальных городов моложе западноевропейской, но она является крупнейшей и наиболее глубоко втянутой в систему мирового хозяйства. Ее основу составляет сложная сеть городских центров США. Расположенные по контуру страны, они создают своего рода кольцо глобальных центров. Ключевые позиции среди них имеют Нью-Йорк, Лос-Анджелес и Чикаго, которые тесно взаимодействуют с глобальными центрами из Канады и Мексики – Торонто, Мехико.

Азиатско-тихоокеанская зона глобальных городов (самая молодая по времени образования) носит линейный характер и формируется по оси Токио – Сингапур. Для нее типична, с одной стороны, явно доминирующая роль столицы Японии, а с другой – многочисленность и высокая динамика роста второстепенных мировых городов. Это крупнейшие центры быстро развивающихся новых индустриальных стран – Бангкок, Сингапур, Сеул, Манила. За последнее десятилетие заметно увеличилась степень



конкурентоспособности триумвирата центров Китая – Сянгана, Шанхая и Пекина.

По основным параметрам жизнедеятельности каждый из ведущих глобальных центров – **Нью-Йорк, Лондон, Токио и Париж – сопоставим, а часто и превосходит** целые государства [Слука 2007].

Несмотря на различия по численности населения, экономическому и политическому влиянию, для глобальных городов характерны особенности урбанизированного стиля жизни, которые детерминированы социальными и экологическими факторами.

Социально-экологические характеристики урбанистических условий жизни представляют город как специфическую, искусственную среду обитания человека, кардинально отличную от сельских условий [Матвеева 2015].

Искусственная, материально-вещественная среда и чрезвычайно высокая степень концентрации населения, занятого «неприродным» трудом, определяют образ и стиль жизни горожанина. Усложнение и развитие производства ведет к повышению требований к компетенциям и профессионализму работников, их уровню образования, квалификации. Большой выбор сфер занятости предоставляет потенциальную возможность для более универсального (в сравнении с сельской местностью) развития личности. Отход от земли и аграрного сектора приводит к возникновению развитой сферы услуг. В то же время наличие доступа к разнообразным культурным образцам и информации предоставляет возможность развития духовной сферы.

Высокая плотность населения в мегаполисах и агломерациях не означает решения проблемы разобщенности между социальными группами населения, то есть не происходит перехода к коллективности качественно нового типа. Пространственная близость людей является вынужденной, поэтому единство оказывается в реальности мнимым. В таких условиях возникает, скорее, разобщенность людей, которую не удается преодолеть даже благодаря развитию средств массовой коммуникации и транспортной инфраструктуры. Горожане живут рядом, но одновременно очень далеки друг от друга – социальное разобщение принимает невиданные масштабы, что связано с разностью социальных интересов и приоритетов.

Одной из проблем глобальных городов является духовная отсталость, что в прошлом было характерно прежде всего для деревни. В городских условиях духовная деградация принимает иные формы и выражения – это доминирование массовой культуры, разрушение установок на высокие, истинно духовные ценности, происходит стандартизация и универсализация потребностей и вкусов.

Таким образом, социокультурная бедность и ограниченность в развитии личности воспроизводится не только в деревнях, но и в глобальных городах. Различаются лишь формы и образцы этой ограниченности. Причину

социокультурной деградации часто связывают с особенностями городских социально-экономических отношений.

В условиях городов возникает противоречие между социально-биологическими потребностями людей и многочисленными искусственными условиями городской среды. Из-за оторванности, изолированности от природы часто ухудшается физическое состояние горожан. Огромный вред здоровью и психологическому состоянию наносят загрязнение воздуха, воды, постоянный шум, чрезвычайно быстрый ритм жизни, что становится причиной постоянных стрессов и депрессий. Очевидно, что адаптационные возможности человека не безграничны и в условиях глобальных городов защитные механизмы человека работают на пределе возможностей.

Перенаселенность, быстрый ритм жизни, резкое социальное расслоение и постоянные стрессы приводят к нарастанию чувства одиночества среди горожан.

Данные социологических исследований утверждают, что горожане не жалуются на страдания от одиночества (или не хотят признаваться в страданиях) по причине индивидуалистических ценностей, которые характерны для крупных городов. Именно система ценностей оказывает воздействие на отношение личности к социальной изолированности и определяет возникновение чувства одиночества либо же отсутствие такого ощущения.

Примечательно, что в условиях глобальных городов даже семейные люди могут страдать от одиночества, причиной которого является именно наличие семьи, так как коренные горожане по своей природе индивидуалисты. Одиночество может быть обусловлено материальным положением людей, поскольку горожане, для которых уровень доходов приоритетен, в меньшей степени ориентированы на создание семьи, доверительных дружеских отношений. Для таких людей приоритетом является личный социальный статус, карьерный рост.

Горожане зачастую создают кратковременные инструментальные связи, готовы расширять круг общения, но всё это зависит от затрат времени и энергии в расчете на достижение наиболее приоритетных целей [Селина 2017].

Одним из феноменов городской жизни является ее четкое деление на частную и публичную сферы. Значение частной сферы жизни значительно уступает публичной, что приводит к доминированию формальных связей над близкими, доверительными контактами. Такая ситуация способствует невротическому разделению личности горожанина [Бахутина, Литвинова 2011].

В глобальных городах происходит и культурная трансформация, интенсивно развиваются искусство и творчество. Наличие широких возможностей и свобод привело к тому, что глобальные города стали привлекательны для творческих личностей [Матвеева 2015].



Таким образом, жители глобальных городов в условиях развивающейся глобализации утратили большинство традиционных связей и ценностей, произошли кардинальные мировоззренческие трансформации. В многочисленном городском сообществе человек нередко ощущает себя одиноким, даже являясь членом огромной общности; у горожан всё чаще отсутствуют четкие убеждения, которыми они могли бы делиться с другими людьми. На место традиционных ценностей и образцов поведения пришли идеологические штампы, создаваемые массовой культурой и СМИ.

Литература

Бахутина Е.С., Литвинова О.Б. Психотравмирующие факторы мегаполиса / Е.С. Бахутина, О.Б. Литвинова. Сборник материалов научно-практической конференции «Психологическая безопасность: личность в мегаполисе». 22.12.2011. М., МСПП.

Глобальный город: теория и реальность / под. ред. Н.А. Слуки. М.: Аквалион, 2007.

Лотье Ф. Что такое города в условиях глобализации. 2017. URL: http://siteresources.worldbank.org/INTRUSSIANFEDERATION/Resources/chapter1_rus.pdf (дата обращения 03.03.2017).

Матвеева О.Ю. Глобальные города – города, меняющие социально-культурное пространство // Вестник науки Сибири. 2015. № 1 (16). С. 93–97.

Селина М. Жители мегаполисов сознательно выбирают одиночество. 2017. URL: <http://opes.ru/1570056.html> (дата обращения 07.03.2017).

Слука Н.А. Ключевые функции глобальных городов в мировой системе 2007. URL: https://chisineu.files.wordpress.com/2012/10/biblioteca_kluchevie_sluka.pdf (дата обращения 03.06.2017).

Л.В. Клименко, О.Ю. Посухова (Ростов-на-Дону)

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
СТОЛИЧНЫХ ПЕДАГОГОВ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)¹**

Реформирование института школьного образования проводится в России с 2011 г. и вызывает значительные изменения условий и содержания труда педагогов. Внедряются новые стандарты, вводятся новые требования, регламентирующие работу учителя: ОГЭ и ЕГЭ; внедрение новых федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС); переход на электронный документооборот; введение новой системы оплаты труда и пр. [Кулагина, Елисеева 2014: 111–113]. Помимо этого усиливается бюрократический контроль и увеличивается количество административной нагрузки педагогов. С другой стороны, сжимается ресурсная база модернизации института образования. Официальная статистика фиксирует, что на протяжении последних лет расходы консолидированного бюджета РФ на образование стагнируют [Бюллетень 2016].

В условиях ухудшения экономической ситуации в стране формируются риски для поддержания позитивной профессиональной идентичности учителей, что уменьшает реформаторский потенциал школы. Целью настоящей статьи является анализ специфики профессиональной идентичности учителей Москвы в контексте модернизации школьного образования.

Эмпирической базой анализа выступают результаты прикладного социологического исследования, проведенного в столице весной 2017 г. среди учителей общеобразовательных школ. Смысловые блоки анкеты отражали задачи исследования, включающие: 1) анализ восприятия педагогами своего социального и экономического положения; 2) изучение структуры социальной идентичности учителей и определение значимости профессиональной идентичности; 3) выявление характера трудовой мотивации и профессиональных ценностей педагогов; 4) оценку степени прекариатизации труда российских учителей.

По стандартизированной анкете было опрошено 948 учителей государственных общеобразовательных школ Москвы. Выборка социологического опроса – квотно-пропорциональная, статистическая погрешность исследования не превышает 4–5%. В Москве в исследовании приняли участие 89,2%

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда проект № 16-18-10306.

педагогов-женщин, 93,1% опрошенных имеют высшее образование. Преподают в школе гуманитарные дисциплины – 41,6% педагогов, естественно-научные предметы – 40,1%, другие предметы – 18,3%.

Работники гимназий и лицеев не превышали 10% от всей совокупности опрошенных в двух городах.

Таблица 1. Выборка опроса учителей по возрасту и стажу работы, %

Возраст		Стаж работы	
Группы	%	Группы	%
До 30 лет	19,3	До 5 лет	15,8
31–40 лет	23,6	6–10 лет	12,8
41–50 лет	34,7	11–20 лет	30,4
51–60 лет	19,6	21–30 лет	31,0
Старше 60 лет	2,8	Свыше 30 лет	10,0
Всего	100,0	Всего	100,0

Восприятие московскими учителями своего социально-экономического положения. По официальным данным, в 2015/2016 учебном году в России насчитывалось 1,3 млн педагогических работников, из них 1,1 млн учителей². Таким образом, школьные учителя остаются одной из самых многочисленных профессиональных общностей России. Педагогический корпус современных школ представляют преимущественно женщины. Образовательный уровень педагогов уже долгое время остается высоким – около 89% учителей имеют высшее образование³. В целом по России в 2016 г. доля учителей в возрасте до 35 лет составляла 22,2%. С другой стороны, фиксируется высокий удельный вес педагогов пенсионного возраста – 22%.

В Москве в 2016 г. численность педагогических работников составляла 110,2 тыс. человек, из них учителя – 56,4 тыс. человек. По сравнению с общероссийскими показателями в столице немного больше удельный вес учителей пенсионного возраста (27%). Причем доля педагогов, проработавших в сто-

² По данным Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/o-obr2.htm (дата обращения 21.02.2017)

³ Открытые данные Министерства образования и науки Российской Федерации. URL: <http://opendata.mon.gov.ru/opendata/> (дата обращения 22.02.2017).

личных школах свыше 20 лет, в 4 раза больше, чем учителей со стажем от 5 до 10 лет [Государственная программа 2017].

Возрастная структура учительского корпуса и показатели притока молодых специалистов в профессию являются отражением социального статуса педагога, уровня его материальной обеспеченности. Результаты проведенного исследования показали, что большинство столичных учителей рассматривают труд педагога как обычную профессию (выбрали вариант ответа «не слишком престижная, но и непрестижной ее не назовешь» 46,4% опрошенных). Четверть московских учителей характеризуют свою профессию как престижную и пятая часть опрошенных относит педагогический труд к не-престижным занятиям (табл. 2).

Сравнивая результаты исследования учительства с результатами опросов населения России, следует отметить, что пятая доля россиян также считает, что труд учителя престижен. Но 37% населения России относят эту работу к однозначно непрестижной, что превышает аналогичные показатели в группе столичных педагогов (табл. 2).

Таблица 2. «Как Вы считаете, в наше время профессия учителя является престижной или нет?» (закрытый вопрос, один ответ, %)

Ответ	Опрос московских учителей, 2017 г.	Опрос населения РФ ¹ , 2016 г.
Да, это вполне престижная профессия	25,3	21
Это обычная профессия, не слишком престижная, но и не-престижной ее не назовешь	46,4	37
Эта профессия сегодня однозначно непрестижная	21,9	37
Затрудняюсь ответить	6,4	5
Всего	100	100

Очевидно, что экономическое положение учителя, его заработная плата выступают ключевым фактором социально-статусной позиции учителя в обществе и его удовлетворенности профессией. По данным Росстата, средний уровень зарплаты школьных педагогов в РФ в номинальном выражении немного вырос – с 28,8 тыс. в 2013 г. до 30,1 тыс. – в 2016 г. На этом фоне достаточно большая разница оплаты труда учителей по регионам и городам федерального значения. В 2016 г. средний уровень зарплаты в Москве составлял

⁴ Дано по: [Профессия «учитель» 2016].

55,9 тыс. рублей. А по данным Департамента образования Москвы, средняя заработная плата педагогических работников государственных школ столицы в 2016 г. достигла 77,6 тыс. рублей [Государственная программа 2017], что обеспечивается государственной программой «Развитие образования города Москвы» («Столичное образование») на 2012–2018 годы»⁵.

Вместе с тем ухудшение экономической ситуации в стране влияет на снижение удовлетворенности столичных педагогов своим материальным положением в текущем году. В частности, московские учителя в 39% случаев оценивали свой достаток 2–3 года назад как хороший, тогда как в нынешнем году такую оценку демонстрируют практически вдвое меньше столичных педагогов (22,8%). Характеризуют свое материальное положение как «скорее хорошее, чем плохое» в текущем году 51,5% опрошенных и прогнозируют сохранение данного уровня достатка через 2–3 года еще 47% респондентов (табл. 3).

Таблица 3. «Постарайтесь оценить свое материальное положение» (закрытые вопросы, один ответ %). Опрос московских учителей, 2017 г.

Ответ	Хорошее	Скорее хорошее, чем плохое	Скорее плохое, чем хорошее	Плохое
2–3 года тому назад	39,0	43,6	14,4	3,0
В текущем году	22,8	51,5	24,1	1,7
Через 2–3 года	29,7	47,0	17,4	5,9

Характеризуя свою покупательскую способность, большая часть опрошенных учителей отмечает, что может позволить себе вещи длительного пользования (телевизор, холодильник и пр.) при покупке в кредит (44,5%). Для четверти опрошенных не является проблемой покупка продуктов и одежды, но приобретение вещей длительного пользования уже затруднительно (26%). И менее пятой доли московских педагогов указывают, что могут без труда приобретать вещи длительного пользования за собственные средства (17,2%).

Структура многоуровневой идентичности школьных учителей. Для изучения структуры социальной идентичности педагогов использовались две распространенные социально-психологические методики: 1) измерение «я-идентификаций» как индикатора структуры и приоритетных позиций в личностной самоидентификации; 2) анализ «мы-идентификации» как

⁵ Утверждена постановлением Правительства Москвы от 27.09.2011 № 450-ПП.

показателя включенности людей в социально-групповые общности. Различия методик в том, что они акцентируют внимание на разных механизмах идентификации. В «я-идентификациях» респондент фокусирует внимание на самохарактеристиках, рационализируя наиболее значимые для него социальные роли, а в вопросах о «мы-идентификациях» акцент смещается на более эмоциональное отношение респондента к окружающим группам или воображаемым сообществам, соотносясь с которыми он чувствует их близость или отторжение [Денисов, Клименко 2013: 27].

Методика фиксирования «я-идентификаций» была предложена М. Куном и Т. Макпартлендом в тесте «Кто Я?». Различные модификации данной методики предлагались российскими учеными Т.В. Румянцевой [Румянцева 2006], Т.З. Козловой [Козлова 1995], польскими исследователями К. Косэлой, М. Грабовской, Т. Шавелем и др. [Данилова 2006: 75–76]. В нашем исследовании респондентам предлагалось ответить на открытый вопрос (не предполагающий сформулированных заранее вариантов ответа) «Кто я в обществе? Напишите десять различных ответов на этот вопрос. Отвечайте так, как будто Вы отвечаете самому себе, а не кому-то другому. Располагайте ответы в том порядке, в котором они приходят вам в голову. Не заботьтесь об их логичности».

Результаты социологического исследования показали, что по степени распространенности (совокупные показатели упоминания позиции вне зависимости от места расположения) лидируют примордиальные «я-идентификации». Опрошенные педагоги отождествляли себя с различными семейными ролями в 1983 ответах из 7107 указанных респондентами вариантов идентичности, что составляет 27,9% от общего числа ответов. К этой группе аскриптивных статусов относится и гендерная идентичность (61,6%). На втором месте по степени распространенности располагается абстрактно-социальная идентичность. На вопрос «Кто я в обществе?» дали ответы «человек, личность, индивид» в 15,2% случаев (табл. 4).

Конкретно профессиональная позиция (учитель, педагог) характерна для «я-идентификации» опрошенных в 10,8% случаев от общего числа ответов, что соответствует третьему рангу в рейтинге распространенности. Идентификация себя как субъекта общения (друг, товарищ, приятель) фиксируется в 7,5% случаев. Вне зависимости от приоритетности расположения часто встречаются самоотождествления по социально-групповому членству (член общества – 6,7%), а также персональная идентичность (личностные качества, особенно сти характера, описание индивидуального стиля поведения – 6,9%) (табл. 4).

Если посмотреть на порядок упоминания «я-идентификаций», то можно увидеть, что первичные человеческие идентичности (семейные) располагаются в первую очередь (первое упоминание – 29,1%, второе – 39%, третье – 36,3%) и гендерные роли (первое и второе упоминание 11,8% и 8,9% соответственно). Конкретно профессиональная позиция в этом случае опережает абстрактно социальную идентичность (первое упоминание – 27,4% против 19,4%; второе упоминание – 16,1% против 9,3%) (табл. 4).



Таблица 4. «Кто я в обществе?» (открытые вопросы, несколько вариантов ответа, %). Опрос московских учителей, 2017 г.
(расположено в порядке убывания частоты идентификаций)

Ответ	Степень распространённости	Место расположения				
		1	2	3	4	5
Семейная принадлежность	27,9	29,1	39,0	36,3	42,2	32,5
Абстрактно социальная идентичность (человек, личность, индивид)	11,5	19,4	9,3	9,7	–	9,3
Конкретно профессиональная позиция	10,8	27,4	16,1	17,7	14,8	10,1
Дружба или круг друзей	7,5	2,1	4,2	7,2	8,0	9,7
Персональная идентичность	6,9	2,1	2,5	2,5	3,8	5,9
Групповая принадлежность	6,7	1,3	3,4	3,8	4,2	8,0
Прямое обозначение пола	6,2	11,8	8,9	4,6	4,2	5,1
Гражданская идентичность	4,6	2,5	3,0	4,2	3,4	4,2
Обобщенно-профессиональная позиция	3,7	1,3	4,2	4,2	4,2	2,5
Занятия, деятельность, интересы, увлечения	3,6	0,4	3,4	1,7	3,0	2,1
Общение или субъект общения	3,2	0,8	2,5	3,4	2,5	5,1
Самооценка способности к деятельности, компетенции, знаний	1,4	0,2	0,3	1,7	2,1	0,4
Проблемная идентичность	1,3	0,8	1,3	0,4	0,8	0,8
Субъективное описание своих физических данных, внешности	1,0	–	0,8	0,5	1,3	0,4
Политическая идентичность	0,9	–	–	–	0,4	0,4

Учебная позиция	0,6	–	0,8	0,4	0,4	1,3
Территориальная идентичность	0,4	–	–	–	0,4	–
Оценка своей обеспеченности, отношение к материальным благам	0,4	–	–	0,8	–	0,4
Глобальное, экзистенциальное «Я»	0,2		0,3	0,4	0,1	–
Созидатель, творец, вдохновитель, просветитель	0,2	–	–	–	–	0,4
Фактическое описание своих физических данных	0,2	–	–	–	–	0,8
Ситуативное состояние	0,2	–	–	0,5	–	0,2
Достиженческое Я	0,1	0,4	–	–	0,4	–
Этническая идентичность	0,8	0,4	–	–	–	–
Конфессиональная идентичность	0,4	–	–	–	3,8	0,4
Всего	99,6	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Анализ групповой идентификации учительства реализовывался по методике, используемой в работах В.А. Ядова, Н.Е. Тихоновой и их коллег [Ядов 1993; Тихонова, Мареева 2009; Данилова 2000]. Респондентам необходимо было ответить на вопрос: «Мы часто встречаем различных людей. С одними мы быстро находим взаимопонимание, другие нам представляются скорее чужими. С какими группами и в какой степени Вы испытываете чувство общности?»

Материалы социологического опроса показали, что в устойчивых «мы-идентификациях» московских учителей решающую роль играют самоотжествления с людьми из ближайшего окружения (члены семьи и друзья). Второй по значимости ряд групповых идентификаций образует чувство близости с абстрактно-символическими общностями (людьми, разделяющими общие взгляды на жизнь, людьми одного поколения, людьми той же профессии и рода занятий) и конкретные социальные группы (товарищи по работе). Здесь стоит отметить, что с коллегами по работе часто себя отождествляют 61,9% московских педагогов, что соответствует четвертой позиции в рейтинге процентных показателей (табл. 5).

В третью очередь устойчивые «мы-идентификации» образуют национальные и конфессиональные общности. Общегражданская идентификация по степени устойчивости располагается ниже и конкурирует с чувством близости с людьми, схожими по материальному достатку (табл. 5).

Таблица 5. «С какими группами и в какой степени Вы испытываете чувство общности?» (закрытые вопросы, один ответ, %).

Опрос московских учителей, 2017 г.

(расположено в порядке убывания частоты идентификаций)

«Мы-группы»	Часто	Иногда	Практически никогда
С членами своей семьи	68,2	26,2	5,6
С друзьями	67,1	31,6	1,4
С людьми, разделяющими общие взгляды на жизнь	62,6	31,5	6,0
С товарищами по работе	61,9	37,3	0,8
С людьми одного поколения	60,9	34,0	5,1
С людьми той же национальности	56,3	38,1	5,6
С людьми той же профессии, рода занятий	53,2	43,8	3,0
С людьми того же вероисповедания/религии	47,9	42,3	9,8
С россиянами / гражданами России	44,3	47,2	8,5
С людьми того же материального достатка	41,3	43,8	14,9
С людьми, близкими по политическим взглядам	40,0	42,6	17,4
С людьми, живущими в том же городе	39,1	48,5	12,3

В результате можно отметить, что в более рациональной «я-идентичности», социально-профессиональная роль учителя более значима для московских педагогов, тогда как в более эмоциональных «мы-идентификациях» она уступает отождествлениям с ближайшим окружением и общностями, близкими по мировоззрению.

Опрошенные учителя московских школ демонстрируют социально-ориентированную профессиональную мотивацию. В качестве наиболее ценных характеристик в профессии педагога чаще всего назывались любовь к детям и умение с ними общаться (68,8%). Профессиональные компетенции также являются ведущими в профессии учителя с точки зрения опрошенных педагогов – глубокие знания в своем предмете (60,3%), творчество и разнообразие в работе (43,5%), умение передавать свои знания другим (57%), методическое мастерство (35,9%) (табл. 6).

Таблица 6. «Какие основные черты Вы считаете наиболее ценными в профессии учителя?»
(несколько вариантов ответа, %).
Опрос московских учителей, 2017 г.

Ответ	%
Глубокие знания и способность в своем предмете	60,3
Творчество и разнообразие в работе	43,5
Любовь к детям и умение общаться с ними	68,8
Умение передавать свои знания другим	57,0
Инициатива и самостоятельность	33,3
Методическое мастерство	35,9
Умение сформировать и утвердить ценности, нравственные нормы у детей	34,2
Высокий уровень общей культуры	21,9
Всего	354,9

Эмпирические замеры зафиксировали высокую степень лояльности своей школе. Подавляющее большинство педагогов отметило, что им нравится работать в их школе (совокупный процент ответов «скорее согласен» и «полностью согласен» – 77%), они готовы рекомендовать свою школу как хорошее место работы (71%) (табл. 7). Эта тенденция была также зафиксирована и ранее, когда, по данным исследования ученых МГУ в 2011 г., основная масса московских педагогов не хотела менять профессию, они были привязаны к своему месту работы и трудовому коллективу. Хотя немало педагогов также демонстрировали инертную социальную позицию, когда они оставались в школе по привычке [Аналитический отчет 2011: 60–61].

В нашем исследовании большинство учителей довольны результатами своей работы в школе (74%) и не жалеют о том, что выбрали профессию учителя (70%). Хотя более низкий процент согласных фиксируется в отношении позиции «преимущества педагогической профессии превышают ее недостатки» (55%). И только четверть столичных педагогов готовы рекомендовать профессию учителя своим детям (25,5%) (табл. 6).

Таблица 6. «Насколько Вы согласны со следующими утверждениями?»
(закрытые вопросы, один ответ, %). Опрос московских учителей 2017 г.

Ответ	Полностью не согласен	Скорее не согласен	Скорее согласен	Полностью согласен
Преимущества этой профессии явно перевешивают недостатки	19,0	26,4	40,7	13,9
Я сожалею, что решил стать учителем	36,3	33,3	23,6	6,8
Мне нравится работать в этой школе	7,8	15,6	55,0	21,6
Я бы рекомендовал мою школу как хорошее место для работы	6,5	22,5	50,6	20,3
Я доволен результатами своей работы в этой школе	7,7	18,3	46,8	27,2
Я рекомендовал бы своим детям выбрать профессию учителя	40,4	34,1	20,9	4,6

Таким образом, профессиональная идентификация не выходит на приоритетные места в структуре индивидуальной и групповой идентичности опрошенных школьных педагогов и конкурирует с примордиальными и абстрактно-символическими «мы-группами». В то же время сложившаяся модель профессиональной идентичности московских учителей отличается высокой степенью корпоративной лояльности. Учительский корпус московских школ характеризуется наличием высокой доли педагогов старшего возраста и недостаточно высоким притоком молодых специалистов. Реализация государственных программ поддержки столичных педагогов приносит плоды в сфере социально-экономического самочувствия московских учителей. Они оценивают статус педагогического труда выше, чем российское население в целом. Но в условиях череды экономических кризисов фиксируют ухудшение за последние 2 года своего материального положения.

Литература

Аналитический отчет по результатам социологического исследования «Московский учитель сегодня» Института комплексных исследований образования МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2011. URL: http://www.msu.ru/projects/amv/doc/h2_1_2_1_an.pdf (дата обращения 18.02.2017).

Бюллетень о сфере образования. 2016. № 9. № 10. Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: <http://ac.gov.ru/publications/4411/> (дата обращения 08.06.2017).

Государственная программа города Москвы «Развитие образования города Москвы (“Столичное образование”» (в редакции постановления Правительства Москвы от 28.03.2017 № 134-ПП) // Официальный сайт Департамента образования г. Москвы. 2017. URL: <http://dogm.mos.ru/guidelines/documents/5668751/> (дата обращения 03.06.2017).

Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 76–86.

Данилова Е.Н. Гражданские и этнические идентификации в России и Польше // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: ИС РАН, 2006.

Денисов Г.С., Клименко Л.В. Особенности региональной идентичности населения Юга России // Социологические исследования. 2013. № 7.

Козлова Т.З. Самоидентификация некоторых социальных групп по тесту «Кто Я?» // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 76–80.

Кулагина Е.В., Елисеева М.А. Ресурсы педагогических работников школ на этапе модернизации образования: опыт Москвы, России и развитых стран // Социологические исследования. 2014. № 4.

Профессия «учитель»: вчера и сегодня // Пресс-выпуск ВЦИОМ. 2016. № 3185. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115829> (дата обращения 21.02.2017).

Румянцева Т.В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. СПб.: Речь, 2006. С. 82–103;

Тихонова Н.Е., Мареева С.В. Средний класс: теория и реальность. М.: Альфа-М, 2009.

Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1993. № 3–4. С. 167–174.

В.А. Андрианова (Москва)

МИГРАЦИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ ГОРОДЕ

Миграция является одним из основообразующих процессов возникновения глобальных городов. Благодаря данному процессу города развиваются и приобретают свои социокультурные и пространственные очертания. Например, большинство москвичей так или иначе являются потомками мигрантов. Когда-то кто-то из их предков переехал в Москву из дальнего или соседнего города, деревни или села.

Трудовая миграция как доказательство в последние годы показывает, что с точки зрения географии и продолжительности этот необратимый поток продолжает расти [Sassen 1999: 134]. Происходит столкновение локальностей (глобализации и глокализации). Очень часто ассимиляция мигрантов затруднительна: они пытаются сохранить свою идентичность и культуру, к которой принадлежали до приезда в новый город. В глобальном городе они чаще всего относятся к депривированному слою населения, оказавшись на стыке новой и старой культуры.

Впервые изучение образа отчужденного человека можно встретить в работах Г. Зиммеля, который использовал понятие «чужак». Понятие «маргинальная личность» ввел представитель Чикагской школы социологии Р.Э. Парк, отмечавший, что в результате культурного конфликта мигранта возникает человек со специфическими психологическими чертами, такими как неуверенность, эгоцентричность, агрессивность. Позже Э. Стоунквист отмечал, что маргинальная личность по происхождению – расовый и культурный гибрид, культурная самоидентификация которого объективно не может быть целостной, однозначной [Стоунквист 2006: 94]. Он оказался на стыке двух разных образцов групповой жизни и не знает, к какому из них принадлежит.

В контексте современной социальной реальности можно говорить о всеобщей маргинализации. Сейчас маргинальный статус стал уже не исключением, а нормой существования миллионов людей [Сайнаков 2013: 97]. Виной тому урбанизация, массовые миграции, интенсивные взаимодействия между носителями разнородных этнокультурных и религиозных традиций. Происходит размывание вековых культурных барьеров. Огромное влияние на население оказывают СМИ. Маргинальность очень уязвима: она выступает благоприятной средой для развития преступности. Именно поэтому внимание социологов особенно привлекают районы с высокой концентрацией противоправного поведения.

Маргинальность мигрантов проявляется в их практической и отчасти органической неспособности совладать с двойственностью, порожденной разрывом между желаниями и возможностями [Бауман 2002: 25]. В основном данный поток обусловлен экономической необходимостью. Пример западных демократий помогает нам вспомнить, что рабочие-иммигранты подвергались дискриминации и воспринимались как нежелательные побочные продукты многих секторов в обществе. «Тотальная оккупация маргинализации – стратегия выживания глобальной включенности и глобальной исключенности – является новой формой городов» [Кастельс 2000: 334]. На взгляд С. Сассен, установление трудовой миграции является неотъемлемой частью развития экономической и социальной системы.

Миграция является одной из причин дуальности глобального города. Малые города теряют, большие приобретают. Глобальные города являются крупнейшими принимающими центрами миграционных потоков со всех регионов планеты. На протяжении многих тысячелетий миграция оказывает огромное влияние на количественные и качественные показатели населения городов. Нерегулируемость международной миграции признана одной из проблем на официальном уровне [Розанов 2011: 19].

Миграция – один из главнейших ресурсов для городского развития, способствующий привлечению людей с творческим потенциалом. В открытых глобальных городах всегда имеется значительное количество иностранных работников, которые, как правило, занимают должности ниже своей профессиональной квалификации. Ученые выделяют следующие черты миграционных связей глобальных городов:

1. Нарастание функции передаточного звена между близлежащими городами и остальным миром.
2. Усиление фокуса временной международной миграции.
3. Нацеленность центров на обогащение при приеме мигрантов.
4. Рост интенсивности миграционных связей между глобальными городами [Город 2011: 99].

Например, большинство москвичей, как отмечалось выше, так или иначе являются потомками мигрантов. Численность населения была бы гораздо более внушительна, если принять во внимание незарегистрированное количество людей, проживающих в городе, транзит и дневную трудовую миграцию из соседних регионов, что, по данным потребления, составляет до 4–5 млн человек дополнительно к официальным цифрам. По статистике, ежегодно в город прибывает около 100 тыс., а убывает примерно 40–50 тыс. человек [Там же: 246].

Мигранты из других стран в глобальном городе сохраняют многие признаки привычного для них образа жизни. Они несут с собой воспоминания о своем прошлом, своих традициях и обычаях. В любом случае при переезде в новую городскую среду в их жизни остается след прошлого. По мнению чикагских урбанистов, полная ассимиляция приехавших мигрантов происходит

только в третьем поколении. Миграция способствует разнообразию ценностей и культур, а также создает неповторимый облик города. Этот процесс приводит к трансформации всей городской социокультурной сферы. Социальная память коренных горожан подвергается опасности.

Миграция, с одной стороны, позволяет решить часть проблем в экономической и демографической сферах, а с другой – представляет собой стихийный наплыв мигрантов. Международный опыт показывает, что подобная миграция ведет к быстрому изменению социального и национального состава, трансформации всей социокультурной среды. В результате «замещающей миграции» возникает немало проблем, в их числе усиление процессов городской социально-этнической дифференциации и поляризации, а также обострение межэтнических взаимодействий.

Миграция – это важная составляющая урбанистической истории, касающаяся самых разных аспектов культурного наследия человека. Среди основных задач мигранта – сохранить свою идентичность. Одной из причин формирования маргинальной личности является утрата своей идентичности (социальной, религиозной, этнической и т. д.). Это происходит в результате отчуждения человека от самого себя или вследствие процесса деструктуризации социальной жизни общества. Вырисовывается социально-психологический портрет личности, характеризующейся следующими чертами: одиночество, подавленность, чувство изолированности, отчужденности, неопределенности, растерянности.

Крайние формы процесса ощутимы в глобальных городах. Увеличивающиеся миграционные потоки обостряют конфликты: усиливают конкуренцию за рабочие места, жилье и государственную поддержку. Мигранты привозят с собой также частички своей культуры, которые при столкновении с коренной тоже могут вызвать конфликтные ситуации. Могут образовываться обособленные кварталы и даже анклав. Увеличение числа мигрантов становится фактором появления следующих социальных проблем: нелегальной миграции, роста преступности, появления этнических конфликтов, заболеваемости и возникновения дополнительной колоссальной нагрузки на всю городскую инфраструктуру. С одной стороны, исторические памятники, названия улиц и музеи сохраняют и воспроизводят городскую социально-историческую память. С другой стороны – миграция является фактором постоянных изменений и привносит новое в городское наследие.

К примеру, москвичи нередко относятся к мигрантам не слишком дружелюбно. Впервые оказавшись в столице, приезжие тоже испытывают довольно сложную гамму эмоций, на основе которой и формируется неприязнь к Москве и ее жителям. «Неприятие вызывают в первую очередь слишком быстрый ритм жизни, диктуемый теми расстояниями, которые необходимо преодолевать в течение дня, анонимность и безразличие, характерные для всех мегаполисов и ставшие следствием высокой плотности населения» [Вершинина 2014: 57]. В результате мигранты остаются чужаками для

большей части населения Москвы, что неизбежно провоцирует конфликтные ситуации.

Мигранты относятся к «культурному исключению» города: вроде бы они живут в городе, но все же находятся в меньшинстве. Данный феномен в основном присущ трущобным районам, которые имеют низкий уровень безопасности и отличаются отсутствием действующих предприятий. «Трущоба – это ареал свободы и индивидуализма» [Зорбо 2004: 163]. Здесь не доверяют своим ближним, и поэтому тут ярко выражены законы естественного отбора. Происходит формирование враждебности к действующим социальным институтам, появляются крайние формы нетерпения и крайний индивидуализм. Эти маргинальные ценности могут распространяться на широкие социальные круги и даже влиять на политическое развитие общества.

Многозначность и многоаспектность понятия маргинальности привлекают внимание современных междисциплинарных исследователей. Маргинальность – результат конфликта с общепринятыми нормами и общественным строем. Маргинал, если говорить дословно, – это личность, которая находится на «окраинах», на «обочинах» или попросту за рамками характерных для данного общества основных социальных групп или господствующих социокультурных норм и традиций.

В условиях анонимии городское общество перестает решать проблемы коллективным путем. Социальная память города на грани разрыва. Отсюда следует то, что люди теряют контроль над главными социальными процессами. А «за потерей контроля следуют возрастающая неопределенность и прогрессирующая незащищенность личности перед лицом неконтролируемых перемен» [Кемалова 2008: 94].

Маргинальное поведение характеризуется также неустойчивостью, несогласованностью норм и ценностей индивида. Для маргинального сознания свойственно чувство моральной дихотомии, раздвоенности и постоянного конфликта, когда прежние нормы и ценности отброшены, а новые еще не сформированы. Парк характеризовал данное явление как «чувство моральной раздвоенности». Таким образом, мы можем выделить следующие составляющие характеристики маргинальной ситуации: промежуточность, окраинность, пограничность положения индивида; погруженность индивида в процесс переходности или в контекст смены социокультурных парадигм, которая характеризуется дезадаптацией; феномен психологической «двойной» адаптации, когда индивид оказывается между двумя местами или сразу в двух местах [Банникова 2000].

Все эти аспекты в своей совокупности формируют особый тип личности, имеющий отличительные характеристики [Феофанов 1992]. Можно выделить следующие черты маргинального человека: обостренные рефлексия и самосознание; критическое, скептическое, иногда циничное отношение к миру; релятивизм и безочечность мировоззрения; отстраненность, психологическая отчужденность.

В каждой стране маргинализация зависит от специфических локально или исторически обусловленных социокультурных влияний. В России маргинализация обусловлена в большей мере историческим характером. По мнению российских социологов, причинами возникновения маргинальных социальных групп являются как переход общества к новой социальной системе, неуправляемое поведение, так и перемещение больших масс людей путем миграции.

Можно сделать вывод о том, что любой город имеет собственных представителей маргинальной среды. Считается: чем выше дифференциация общества, тем больше маргинальных и отграниченных друг от друга групп создают свои условия жизни, свои особые миры, чем больше замкнуты и обособлены друг от друга индивиды.

В контексте современной социальной реальности можно говорить о всеобщей маргинализации. Сейчас маргинальный статус стал уже не исключением, а нормой существования миллионов людей [Сайнаков 2013: 97]. Виной тому урбанизация, массовые миграции, интенсивные взаимодействия между носителями разнородных этнокультурных и религиозных традиций. Происходит размывание вековых культурных барьеров. Огромное влияние на население оказывают СМИ. Маргинальность очень уязвима: она выступает благоприятной средой для развития преступности. Именно поэтому особенно привлекают внимание социологов районы с высокой концентрацией противоправного поведения.

Миграция является одной из причин дуальности глобального города. Международный опыт показывает, что миграция ведет к быстрому изменению социального и национального состава, трансформации всей социокультурной среды. Малые города теряют, большие приобретают. Глобальные города являются крупнейшими принимающими центрами миграционных потоков со всех регионов планеты. На протяжении многих тысячелетий миграция оказывает огромное влияние на количественные и качественные показатели населения городов. Нерегулируемость международной миграции признана одной из проблем на официальном уровне.

Литература

Банникова Л.М. Маргинальность как социально-патологическая форма адаптации населения к меняющимся условиям жизни (к постановке проблемы) // Ползуновский альманах. 2000. № 2. URL: <http://elib.altstu.ru/>.

Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. URL: <http://5fan.info/yfsatypolotrmerbew.html>.

Вершинина И.А. Трансформация идентичности мигрантов в мегаполисе: анализ социальных проблем на примере Москвы // Сборник статей конференции «Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития». Екатеринбург: Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, 2014. С. 56–58.

Город в контексте глобальных процессов / под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина, Н.А. Слуки. Библиотека факультета глобальных процессов МГУ. М.: Издательство Московского университета, 2011.

Зорбо Х.У. Золотой Берег и трущобы (избранные главы) // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Серия 11. Социология. 2004. № 3. С. 115–154; № 4. С. 140–178.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.

Кемалова Л.И. Маргинальная личность: социально-психологический портрет // Вестник СевДТУ. Севастополь: СевНУ, 2008. С. 94–97.

Розанов А.С., Румянцева М.В. Глобальные метрополии. Москва – российский глобальный город // Отчет «Создание и внедрение инновационной образовательной программы «Мониторинг и управление глобальными процессами в больших городах» в рамках деятельности Московской кафедры ЮНЕСКО МГУ по глобальной проблематике». М., 2011.

Сайнаков Н.А. Маргинальность как понятие. Методологические перспективы в историческом исследовании // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 97–101.

Стоунквист Э.В. Маргинальный человек: Исследование личности и культурного конфликта // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. VIII. Вып. 1. С. 9–36.

Феофанов К.А. Социальная маргинальность. Характеристика основных концепций и подходов в современной социологии // Общественные науки за рубежом. Серия 11. Социология. М., 1992. № 222.

Sassen S. *Guests and Aliens*, New York: The New press, 1999.

К.Л. Грибова (Москва)

ПУТИ И ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ГОРОДА КАК ИНСТРУМЕНТА РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Современные города представляют собой сложные административно-территориальные, экономические и социокультурные образования, включенные в систему отношений между субъектами экономики на локальном и глобальном уровнях. В условиях возрастающей конкуренции за различные ресурсы становится необходимым выявление факторов, определяющих положение города в сети конфигурации интересов множества элементов системы. В связи с этим особую значимость приобретает теоретико-концептуальное исследование имиджа города, основных механизмов и перспектив его формирования с целью реализации экономического потенциала территории.

Интенсивный процесс урбанизации обуславливает особый статус города как среды социального взаимодействия и жизнедеятельности индивидов. По оценкам ООН, доля городского населения в мире к 2050 г. составит 2/3 жителей всего земного шара – 66% (в некоторых регионах – в частности, в Латинской Америке, в Северной Америке – городское население будет составлять 80%) [World Urbanization 2014]. В этих условиях грамотно сформированный имидж города является одним из ключевых параметров экономико-социального развития (наряду с такими общепринятыми экономическими показателями, как ВВП на душу населения, темпы роста, уровень безработицы и т. д.), определяющих степень его привлекательности для внешних инвестиций (материальных и нематериальных), обеспечения благосостояния и комфортных условий жизнедеятельности горожан.

Для анализа проблематики соотношения имиджа города и перспектив развития городской экономики были проанализированы теоретические источники (работы, посвященные исследованию городов как глобальных субъектов мировой финансово-экономической системы, труды в сфере маркетинга территорий, PR и маркетинговых коммуникаций и т. д.). Кроме того, было проведено эмпирическое исследование, в качестве методики выступило экспертное неформализованное интервью. Данный метод исследования был выбран в связи с отсутствием в массовом сознании четкого разграничения понятий «образ город», «имидж города» и «бренд города», а также в связи со специализированным, дискуссионным характером исследуемого явления.

Целенаправленный характер конструирования имиджа городов предполагает одновременно существование определенных способов, техник и практик, формирующихся по мере осознания данного феномена как ресурса и его

использования в интересах современных городов. Действия субъектов, ответственных за проведение мер, направленных на создание имиджа города, условно по степени последовательности проводимой политики, ее согласованности и структурированности можно разделить на пути формирования имиджа города и практики его конструирования.

Путем создания имиджа городов мы будем называть комплекс мер, реализация которых осуществляется согласно сформированной последовательной стратегии. В данном случае политика формирования имиджа вписана в общую систему развития городской территории, является одной из составляющих повышения уровня благоустройства, налаживания взаимодействия между властными структурами, внешним окружением и городским населением.

Под *практиками* мы будем подразумевать способы коммуникации между горожанами, посредством которых конструируется имидж городов и поддерживается непрерывный процесс его формирования. Применяя понятийный аппарат современных исследователей медиасреды Дж. Берноффа и Ч. Ли, имидж городов представляет своего рода «Web_Волну» [Ли, Барнофф 2010: 30], которая подразумевает постоянное взаимодействие субъектов, в процессе которого становится возможным создание и непрерывное воспроизводство имиджа города.

«Одни субъекты создают контент (ведут блог о регионе/городе, поддерживают сайт, посвященный региону/городу, размещают свои видеоролики на видеохостингах и т. п.), другие – критикуют и рецензируют контент (оставляют комментарии к постам в блогах и на форумах, редактируют статьи о регионе в интернет-энциклопедиях, пишут отзывы на туристических сайтах и т. д.), третьи – отслеживают контент и анализируют его. При этом все они принимают участие в формировании имиджа территориального субъекта» [Таранова 2015: 89].

Следует отметить, что с момента первых попыток создания имиджа городов и до сегодняшнего дня пути и практики формирования имиджа постоянно трансформировались, в зависимости от ситуации и социально-исторических условий возникали все новые актуальные модели конструирования представлений о городе. Особенности эволюции механизмов формирования имиджа подтверждают тезис о гибком характере феномена имиджа городов и, как следствие, о существовании способов, с помощью которых можно на него повлиять.

Прежде чем перейти непосредственно к выявлению путей и практик конструирования имиджа городов на примере Российской Федерации, необходимо выделить типы факторов в зависимости от различных оснований, которые оказывают существенное влияние на имидж городов.

Так, по природе возникновения и направлению влияния можно выделить *экзогенные* и *эндогенные* факторы. К первому типу относится совокупность детерминант внешнего окружения города, среди которых выделяются геополитические отношения, степень экономической стабильности, особенности

городов-соседей, экологические факторы и т. д. К эндогенным факторам можно отнести комплекс условий и особенности внутреннего развития городской территории. В частности, «историческое прошлое; впечатление от города (архитектурные памятники, парки и т. д.); ритм жизни города; общая безопасность; благоприятные условия для отдыха и туризма; располагаемые ресурсы» [Калиева и др. 2014: 441].

К внутренним свойствам городов, оказывающих влияние на построение имиджа, исследователи также относят качество политического и административно-правового управления территориями («уровень и качество руководства» [Люлько 2011: 72], «репутация руководства» [Важенина, Важенин 2013: 5]). Так, по данным исследования оценки факторов, влияющих на имидж г. Волгограда, негативной оценки удостоилась деятельность региональной и муниципальной власти. Данные компоненты были предложены респондентам как возможные сильные стороны города, которые могли бы использоваться в качестве «ядра имиджа города». «56,5% респондентов считают, что деятельность властей не является преимуществом Волгоградской области, 52% также негативно охарактеризовали деятельность муниципальных властей» [Дроздова 2014: 168].

Особенно значимым данный фактор является в регионах и городах с высокой степенью персонификации власти. Так, «Кемерово ассоциируется с Тудлеевым, Москва – с Собяниным (раньше – с Лужковым), Томск – с Крессом, Грозный – с Кадыровым» [Имидж города 2011: 79]. Профессиональные и личные качества управленческого аппарата, имидж конкретного политика могут определять имидж города в целом.

В зависимости от степени переменчивости условий влияния выделяют *постоянные факторы, условно-переменные и переменные факторы*. К первому типу относятся детерминанты, оказывающие постоянное влияние на имидж города, существующие объективно и независимо от города. В частности, это природно-климатические условия городской территории, особенности территориально-географического положения (включая принадлежность к конкретной стране). Кроме того, данная группа факторов объединяет памятники культурно-исторического наследия города (значимые исторические события, памятники архитектуры, литературы и живописи и т. д.).

Примером влияния географического положения на процесс формирования имиджа территории является город Мурманск, имидж-стратегия развития которого была разработана группой *Stat Marketing*¹. Основу тезиса «Мурманск – форпост России в Арктике» составили результаты анализа представлений о городе, детерминируемых его географическим положением, а также историко-культурной ролью. По словам управляющего партнера *Stas Marketing* Андрея Стась, «в Мурманске у жителей очень целостное и понятное восприятие города через ключевые символы (Ледокол “Ленин”, рыба,

¹ Stas Marketing. URL: <http://stasmarketing.ru/> (дата обращения 31.01.2017).

северное сияние, Северный флот) и историческую роль в освоении севера и Арктики» [Stas Marketing и LINII 2014].

Следует отметить, что данные факторы могут являться одновременно стратегией, выступать в качестве так называемого «ядра имиджа города», представляя комплекс имманентно присущих характеристик города, которые могут использоваться в качестве основы конструирования его имиджа. Для каждой территории характерно существование «географических образов – системы взаимосвязанных и взаимодействующих образов, символов, архетипов и стереотипов» [Замятин 2010: 128], которые могут использоваться для формирования ее имиджа. «Роль и значение подобных стратегий состоит в выборе и известном культивировании наиболее «выигрышных» в контексте сферы деятельности элементов географического пространства, которые замещаются сериями усиливающих друг друга, взаимодействующих географических образов» [Там же: 129].

В группу условно-переменных факторов входит совокупность характеристик целевой группы как объекта, на который направлено непосредственное влияние имиджа города. Выделение условного характера целевой аудитории как фактора формирования имиджа городов диктуется различием характеристик (демографических, социальных, культурных, профессиональных) слоев и групп населения, оказывающих непосредственное влияние на определение ключевого элемента «ядра имиджа города», который будет выступать центральным компонентом его продвижения.

Отнесение комплекса свойств целевой аудитории к условно-переменным детерминантам обуславливается также высокой вероятностью изменчивости ее характеристик – в частности, половозрастного состава, социально-экономического положения, потребностей и интересов, социально-психологического состояния и т. д.

Выделение типов целевых групп может осуществляться в зависимости от множества различных оснований, определяющихся теоретико-методологическими и практическими задачами исследования. В частности, по мнению К. Динни, «целевые аудитории, как известно, бывают разными: жители города, потенциальные инвесторы, туристы, внутренние стороны влияния» [Dinnie: 28]. Ю.В. Таранова указывает на значимость ориентации имиджа на инвесторов, туристов и квалифицированных мигрантов. «Для работы с каждой из выделенных ключевых групп целесообразна разработка коммуникативной стратегии формирования и продвижения имиджа: определение целевых аудиторий, выявление ожиданий каждой из аудиторий по отношению к региону, формулировка адресованных им сообщений, содержащих решение их проблем и задач, определение приоритетных каналов коммуникации и инструментов» [Таранова 2012: 119].

Особое место в системе формирования имиджа современных городов занимают переменные факторы, отличающиеся высокой скоростью и принципиальным качеством трансформаций. Наряду с такими динамическими

условиями, как постоянно меняющаяся экономическая обстановка (объемы использования ресурсов, курс валют, инновационные технологические изобретения, ситуация на фондовом рынке и т. д.), геополитический климат (взаимоотношения между мировыми, региональными и местными субъектами), значимым элементом внешнего контекста является информационное поле, формирующееся вокруг имиджа города.

Значимый характер влияния медиа в социальных процессах подчеркивался в трудах современных теоретиков социальной коммуникации, таких как М. Маклюэн (H.M. McLuhan), М. Кастельс (M. Castells), Дж. Мейровиц (J. Meurowitz), С. Маккуайр (S. McQuire). В контексте рассмотрения проблематики элементов глобальной коммуникативной среды следует обратиться к концепции медиатеоретика С. Маккуайра.

Австралийский ученый отмечает принципиально иной характер современных городов, возникающий в результате повсеместного проникновения медиа: «...образ города и наши представления о существовании в нем постоянно меняются. Под вопросом уже функции не только стены в качестве одного из основных элементов архитектуры, но и дома как частного пространства и улицы как общественного» [Маккуайр 2014: 33].

Основываясь на результатах сравнения индустриальных и современных урбанистических систем, приведенных С. Маккуайром, можно выделить первую сложность в процессе формирования имиджа городов, которые утрачивают свой «стержень», «размываются» в процессе сложно регулируемых информационных потоков. В подобных условиях непросто выработать единую концепцию позиционирования города, которая выражалась бы в гибком и одновременно устойчивом имидже.

Социальные трансформации в результате влияния медиа обуславливают еще одно затруднение в процессе формирования имиджа городов с помощью механизмов «снизу» в связи с утратой «чувства места» граждан по отношению к своему городу. По мнению профессора Нью-Йоркского университета Дж. Мейровица, в результате влияния глобальных медиа происходит «размывание границ» восприятия пространства: «...электронные медиа воздействуют на нас не своим содержанием, а путем изменения границ “ситуационной географии” социальной жизни» [Meurowitz 1985]. Изменение особенностей определения личностью ее групповой идентичности, трансформация процесса социализации и перераспределение социальных ролей происходят не изолированно. Вместе с этим меняются особенности образно-символического и эмоционального восприятия города, которое, как будет показано в дальнейшем, имеет принципиальное значение в создании городского имиджа.

Итак, обозначенный комплекс факторов, оказывающих непосредственное влияние на процесс конструирования имиджа города, свидетельствует о сложности исследуемого явления, неоднозначности степени и характера влияния каждой детерминанты, а также возможности их дополнительного выделения. Учет большего числа факторов позволит создать имидж, в полной мере

отвечающий требованиям коммуникативной среды и поддерживающий благоустройство горожан.

Прежде чем перейти к выявлению и описанию механизмов формирования имиджа городов, следует обозначить специфику российских городов, комплекс условий и характеристик, определяющих выбор путей и практик развития территории. Во-первых, стоит принять во внимание особенности территориального распределения городов, входящих в состав России, демонстрирующих высокую концентрацию в европейской части страны, особенно в Центральном федеральном округе, где расположено около 230 городов (почти каждый пятый город)².

Во-вторых, российские города занимают различное положение в национальной социально-экономической системе в связи с неравномерным распределением политико-административных, финансово-экономических и других типов ресурсов. В связи с этим актуальным является вопрос формирования имиджа малых городов, а также «депрессивных» городов РФ с проблемами инфраструктурного развития, социального обеспечения нуждающихся слоев населения и другими компонентами жизнеобеспечения горожан.

В-третьих, отличительной особенностью значительной части городов России является искусственный характер их возникновения согласно плану освоения территории советского государства. «Почти треть российских городов появились искусственно – при заводах, в ходе строительства железных дорог, портов и др. Искусственный город обычно монофункционален, нацелен на решение одной задачи. Тут нет органического разнообразия, создаваемого длительным эволюционным развитием, а эффект масштаба работает в большей степени для производства»³. Данная особенность также воздействует на процесс формирования имиджа территории, выбор основного элемента «ядра» и его трансляцию в качестве информационного сообщения.

В зависимости от конфигурации актуальных для города условий существования в российской практике можно выделить следующие пути формирования имиджа городов, представленные в табл. 1.

² Росстат. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения 01.04.2017).

³ Особенности российских городов. URL: <http://ufa-room.ru> (дата обращения 02.02.2017).

Таблица 1. Пути формирования имиджа городов

Целевые аудитории имиджа города	Субъекты формирования имиджа города			
	Главы и администрации федеральной, региональной и местной власти	Профессиональные брендологи и имиджмейкеры, межрегиональные и городские маркетинговые центры	Бизнес, предприниматели, туристические и гостиничные сети	Городское население, общественные организации, группы интересов
Политические организации, правительства и элиты федерального и регионального уровней (внешние и внутренние)	Программы развития территории и сотрудничества, встречи руководителей администрации, проведение государственных встреч и переговоров	Исследование ценностей городского населения, менталитета, особенностей восприятия городского пространства + Вовлечение горожан	Размещение крупных предприятий, офисов, торговых и развлекательных центров в городах	Проявление гражданской позиции, артикуляция интересов
Бизнес-инвесторы (внешние и внутренние), акционеры компаний резидентов	Крупные события мирового масштаба (спортивные, культурные и др.)		Лофты	Накопление интеллектуального капитала
Туристы (реальные и потенциальные)	Программы развития туризма, сохранение памятников историко-культурного наследия		Задействование «постоянных» факторов (географическое положение, историческое наследие и т. д.)	Tourism promotion [Anholt 2007: 89]
Потенциальные мигранты, необходимые территории (учащиеся, студенты, специалисты дефицитных профессий, высококвалифицированные работники)	Программы обучения по обмену, увеличение рабочих мест		Выделение грантов на обучение, расширение рабочих мест	
Лидеры мнений в интернете и пользователи сети	Региональные и городские сайты, блоги и аккаунты губернаторов		Интернет-дайджесты, информационные агентства, сетевые версии «офлайн-ового» СМИ [Лашова 2015: 125]	Личные блоги, аккаунты в социальных сетях, форумы



В результате глубинных интервью был определен круг проблем, связанных с выявлением путей и практик формирования имиджа города как инструмента развития городской экономики. В частности, экономическая конкуренция как свойство глобальной коммуникативной среды и условие возникновения понятия «имидж города» в научно-академической и практической сферах отмечалась также не всеми экспертами. Согласно одной из точек зрения, метафора «конкуренция» не применима, когда речь идет о городе. *«Понятие конкуренции плохо применимо к городам в принципе. Если речь идет о компании, она может проиграть, обанкротиться, выиграть, но с городом этого не может произойти. Что означает успешность для города? Москва, Париж – очень успешные города. Однако это означает то, что всегда есть часть населения выигравших, а часть – проигравших, что является проблемой для города. Город не может “уволить” людей и оставить их со своими проблемами, подобно тому, как это делает компания. Поэтому идея конкуренции хороша как метафора, но плоха как исследовательский инструмент» (О. И.).*

Социологический подход в исследовании имиджа предполагает обращение к вопросу о том, должен ли имидж города отражать реальную социально-экономическую ситуацию, сложившуюся в городе. Иными словами, на чем должен основываться успешно сформированный имидж территории и должны ли субъекты, ответственные за его формирование, понимать городскую специфику и учитывать объективные факторы социальной действительности (например, разветвленность транспортной инфраструктуры, уровень жизни населения, состояние дорог и т. д.).

По мнению всех опрошенных экспертов, имидж города должен формироваться с учетом двух типов особенностей территории. Во-первых, все специалисты отмечали важность соответствия имиджа реальной ситуации в городе: *«Имидж как инструмент оружия в конкурентной борьбе может эффективно работать только в случае, если за ним “что-то стоит”. Если вы продвигаете город как туристически привлекательный, а в реальности нет гостиниц, закрыты музеи, то имидж можно “надувать” сколько угодно, но работать это не будет» (М. Д.). «В одних случаях пользуются имиджевой политикой, в других – предпочитают делать ставку на реальные деньги, реальные проекты, вкладываются не только в имидж как в нечто “виртуальное”, а в общественное пространство, в то, что может имидж поддерживать» (О. И.). «Основная идея должна быть направлена не на имидж, а на создание экономического, экологического и дружелюбного города не только на бумаге и в логотипе, но и во всем действиям» (И. В.). «Здесь нельзя действовать по методу исключения, то есть мы делаем дороги, но не занимаемся продвижением в социальных сетях. Или, наоборот, мы создали только прекрасную “обертку”, но внутри ничего не меняем, не проводим активностей» (П. Е.).*

Актуальным в связи с этим является вопрос о целесообразности формирования имиджа малых городов, так как не являются очевидными смысл и последствия инвестирования средств федерального или регионального

бюджета в мероприятия по продвижению городов со сложной социально-экономической ситуацией. В целом исследователи отмечают актуальность возможности для успешного формирования имиджа малых городов, приводя примеры из своей практики (*«Мышкин, Байкальск, Осташков и Торопец, Великий Устюг и Карпов, Пермь, Уфа, Мурманск, Урюпинск и т. д.»*).

При этом мнения экспертов по поводу возможностей для малых городов в формировании имиджа разделились. В некоторых интервью эксперты затрагивают проблему доступа малых городов на федеральное телевидение, что заметно усложняет процесс продвижения их имиджа: *«...многие регионы находятся в информационном “пузыре”, их активности редко выходят на федеральный уровень, так как федеральной медийной повестке это не очень интересно»* (П. Е.). *«Больше всего на имидж российских городов влияет телевизор»* (В. А.). Однако, по мнению другого специалиста, заниматься формированием имиджа малых городов существенно легче, чем в случае с крупными городами. *«Я думаю, что проще с малыми городами, так как мегаполисы слишком многогранные и сложные. У Москвы, например, есть образ “черной воронки, засасывающей все деньги России”, однако есть и позитивные образы. Очень сложно подстроиться под всех. У Кинермы в этом плане все намного проще»* (М. Д.).

Второй тип особенностей города, которые необходимо учитывать в процессе формирования имиджа, – это специфика целевых аудиторий. Ее мы также можем проследить в ответах экспертов. Так, *«у бренда территории может быть несколько целевых аудиторий со взаимоисключающими требованиями – например, туристы и инвесторы»* (П. Е.). *«Вопрос в том, на какую аудиторию мы работаем, кто субъект, для которого мы это делаем»* (И. В.).

В оценке политики формирования имиджа городов России специалисты отмечают ряд проблем, характерных для российских городов. В частности, это *«излишняя ориентация в процессе его формирования вовне. Зачастую власти приглашают специалистов по брендингу (например, из Москвы, из Питера), которые смотрят на город “глазами туристов” и, на самом деле, принимают решения не в интересах города»* (М. Д.); *«В России есть огромный потенциал для развития городов, которые пока что “рыхлые” и требуют серии реорганизаций. Они расположены на огромной территории, все они разные. Когда встанет вопрос об их развитии, тогда станет актуальным вопрос имиджа, который самих людей волнует, на самом деле, в последнюю очередь, но волнует правительство городов – в первую. Конечно, как и у любой компании, должен быть имидж, логотип и фирменный стиль, но при этом компания должна производить качественный продукт. Только в таком случае его логотип будет кому-то нужен»* (И. В.); *«В России новый глава региона перечеркивает все и отмежевывается от всего того, что было до него сделано. Это уже не его политический проект, ему нужен свой, который он рассматривает как источник имиджевых политических дивидендов, и все начинается заново, что является большой проблемой»* (П. Е.).

По мнению экспертов, можно выделить следующие критерии успешного имиджа города:

- соответствие реальной социально-экономической и политико-правовой ситуации в городе;
- соответствие ценностям местного населения;
- учет интересов и потребностей местного населения;
- формируется не одним, а несколькими субъектами (с привлечением экспертов и местного населения);
- конструируется систематически;
- должен быть оригинальным.

«С Россией все сложно, потому что, во-первых, непросто наладить систематическую деятельность и деятельность, которая не прерывалась бы со вступлением в должность нового мэра или губернатора. Потому что для создания полноценного времени должно пройти какое-то время, и все мировые известные потребительские бренды – это результат планомерной целенаправленной работы на протяжении последних 50 лет» (П. Е.).

Таким образом, были выявлены механизмы формирования имиджа города в условиях глобальной коммуникативной среды и его роль в условиях информационно-коммуникационного и социально-экономического взаимодействия между субъектами на микро- и макроуровнях. Предпринятые действия в рамках данной цели характеризуются стремлением к теоретико-концептуальному обобщению на основании анализа частных проявлений исследуемого явления.

Литература

Важенина И.С., Важенин С.Г. Типологизация и ранжирование территорий на основе характеристик имиджа и репутации // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 31 (310).

Дроздова Ю.А. Имидж региона: коммуникативные аспекты определения, структурирования и продвижения // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 4 (29).

Замятин Д.Н. Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития // Общественные науки и современность. 2010. № 4.

Имидж города и факторы, влияющие на его формирование // Власть. 2011. № 8.

Калиева О.М., Вакунова И.В., Марченко В.Н., Большакова Ю.С. Факторы, влияющие на формирование имиджа города // Молодой ученый. 2014. № 2 (61).

Ли Ч., Барнофф Д. Взрывная Web_Волна: Как добиться успеха в мире, преобразованном интернет-технологиями / пер. с англ. М.: Альпина Паблишерз, Юрайт, 2010.

Лашова С.Н. Основные каналы имиджа региона в Интернете // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2015. № 4.



Люлько А.Н. Имидж города и факторы, влияющие на его формирование // Власть. 2011. № 8. С. 72.

Маккуайр С. Медийный город. М.: Strelka Press, 2014.

Таранова Ю.В. Формирование имиджа региона в условиях глобализирующегося сетевого общества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 5 (64).

Таранова Ю.В. Коммуникативные тенденции формирования туристического имиджа городов и регионов в условиях сетевого общества // Гуманитарные исследования. 2015. № 2 (6).

Anholt S. Competitive Identity. New Brand Management for Nations, Cities and Regions. 2007.

Dinnie K. City Branding Theory and Cases.

Meyrowitz J. No Sense of Place: The Impact of Electronic Media on Social Behavior, New York: Oxford University Press, 1985.

Stas Marketing u LINII раскрасили Мурманск. 25.02.2014. URL: <http://www.sostav.ru/publication/stas-marketing-i-linii-raskrasili-murmansk-8557.html> (дата обращения 31.01.2017).

World Urbanization Prospects The 2014 Revision. Department of Economic and Social Affairs. United Nations, 2014. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/news/population/world-urbanization-prospects-2014.html> (дата обращения 12.07.2016).

О.Б. Божков (Санкт-Петербург)

РАЗВИТИЕ ГОРОДА: ДЕНЬГИ VS СТРАТЕГИИ (НА ПРИМЕРЕ ОДНОГО МИКРОРАЙОНА)

Экспозиция

Северо-восточная часть Аптекарского острова еще с дореволюционных времен была своеобразной промзоной. С 1896 г. здесь располагался завод Дюфлон и К° (впоследствии завод «Электрик», Химфармзавод (созданный уже в советское время, ныне его обнаружить не удалось) и завод «Красногвардеец», существующий до сих пор, но отнюдь не преуспевающий, – его экономические показатели весьма красноречивы¹). В советское время тут появились Институт экспериментальной медицины (ИЭМ) и Институт мозга. Тем не менее это был (по современным понятиям) экологически чистый, зеленый район.

Петербург изначально строился по определенному плану. Генеральная идея второй Венеции, к сожалению (или к счастью), провалилась. Однако и в дальнейшем, вплоть до предвоенного 1939 г., город развивался в соответствии с некими стратегиями. В моей семье сохранился генеральный план развития Ленинграда, изданный как раз в 1939 г. (*фото 1*).

¹ Чистый убыток ОАО «Красногвардеец» за 2015 г. по РСБУ составил 15,47 млн руб. против прибыли в 8,50 млн руб. годом ранее. Это следует из отчета компании. Продажи компании за 2015 г. сократились в 2,68 раза – до 66,93 млн руб. «Красногвардеец» завершил 2015 г. с валовой прибылью в 9,78 млн руб., что в 4,12 раза меньше показателя прибыли годом ранее – 40,34 млн руб. Убыток до налогообложения компании «Красногвардеец» за 2015 г. составил 18,63 млн руб. против прибыли в 10,92 млн руб. годом ранее. Чистая прибыль ОАО «Красногвардеец» за 2014 г. по РСБУ достигла 8,50 млн руб. по сравнению с убытком в 6,89 млн руб. годом ранее. Это следует из отчета компании. Объем продаж «Красногвардеец» за отчетный период повысился в 3,58 раза – до 179,12 млн руб. с 50,08 млн руб. годом ранее. Продажи ОАО «Красногвардеец» сократились на 28,63% – до 50,08 млн руб. Об этом свидетельствуют материалы компании. Себестоимость продукции компании за 2013 г. повысилась на 30,69% – до 43,77 млн руб. Чистый убыток компании «Красногвардеец» за 2013 г. по РСБУ снизился на 47,35% – до 6,89 млн руб. с 13,09 млн руб. за аналогичный период прошлого года. В 2012 г. себестоимость продукции компании выросла на 2,51% – до 63,15 млн руб. Чистый убыток компании «Красногвардеец» за 2012 г. по РСБУ снизился на 5,39% – до 13,09 млн руб. с 13,84 млн руб. за аналогичный период прошлого года. Подробнее: URL: <https://www.k-agent.ru/catalog/7813047223-1027806885963>.





Фото 1. Фрагмент карты Ленинграда 1939 г.

На этом плане обозначен Электросварочный пр. Он был так назван потому, что на нем находился завод «Электрик», производивший электросварочное оборудование. После войны, будучи ребенком, я не раз ходил по тому месту, которое на карте 1939 г. было обозначено этим названием. Тогда это была тропинка. Слева от нее на углу ул. Профессора Попова строился корпус КБ п/я 333 – впоследствии одно из подразделений объединения «Позитрон». Далее находился завод «Электрик». Справа были здания Института гриппа, дворы двух жилых домов, а за ними – стадион «Медик». Между стадионом и заводоуправлением «Электрика» располагался ледник. Каждую зиму здесь намораживали огромную гору льда, которую весной засыпали опилками, а летом снабжали этим льдом морозильники мясных и рыбных магазинов. Как видим, на карте 1939 г. еще не было моста.

Многие мои ровесники помнят 1990-е гг., когда рушилась прежде всего отраслевая наука (многочисленные отраслевые НИИ и КБ), когда проектировщики, инженеры, лишаясь работы, переквалифицировались в «челноков»; когда «рассыпались» некогда мощные научно-промышленные объединения – «Кировский завод», «Светлана», «Позитрон», «Сестрорецкий инструментальный завод» и др.

На IV Всероссийский социологический конгресс (Уфа, 2012) я заявил VI чтения памяти Валерия Голофаства в качестве сессии конгресса «Социология и мир труда». Поначалу я задумал выстроить свой доклад именно на примере тех предприятий, где мне довелось работать в разное время и в разном качестве. В интернете я нашел сайты этих предприятий. Мой «первенец» –

завод «Электрик» – меня даже как-то окрылил. На его сайте говорилось о том, что он вполне успешен, что его продукция (высокоточное сварочное оборудование) вполне конкурентно на мировом рынке. «Вот здорово, – подумал я, – будет и положительный пример!»

Но рано радовался. В ленте новостей случайно увидел строчку «На месте завода “Электрик” строится элитный жилой квартал». Попытался дозвониться до администрации завода – безуспешно. Телефон отвечал бесконечными длинными гудками. И справочная служба не помогла.

Поехал на завод. Нашел... огромный пустырь, или – точнее – стройплощадку (фото 2–3), и ни одного здания, кроме бывшей проходной с вывеской «Открытое акционерное общество – завод “Электрик”» и с мемориальной доской, сообщающей, что здесь работал видный деятель Коммунистической партии и советского правительства Николай Михайлович Шверник. Перефразируя Маяковского, в «груде дел, в суматохе явлений» я прозевал тот момент, когда здесь всё – причем кардинально – изменилось.



Фото 2. Стройплощадка на месте завода, 2012 г.



Фото 3. Памятная доска, которой теперь уже нет

Расследование

Тогда же, в 2012 г., я заинтересовался судьбой не только этого завода, но и других предприятий, на которых мне довелось работать. А это и типография им. Володарского, и объединение «Светлана», и тот самый «ящик» КБ № 333 – одно из подразделений объединения «Позитрон», – что непосредственно граничило с «Электриком».

Сайт завода «Электрик» еще в 2012 г. «трубил в фанфары» о своей успешности, о длинной линейке собственной продукции, которая используется не только отечественными предприятиями в разных отраслях промышленности, но и многими зарубежными фирмами. А в лентах новостей попадались тревожные сведения о частой смене директоров завода, о том, что его собираются переводить то ли в Кикерино, то ли в Волосовский район Ленинградской области. В общем, тогда концов так и не удалось найти. Одно стало известно, что на месте завода фирмой ЛСР должен быть построен элитный жилой комплекс.

Еще раньше, в 2007 г., мне пришлось побывать на территории бывшего объединения «Светлана», где в 1960-е довелось работать более шести лет. Привел меня туда случай: типография, в которой издательство «Алетейя» печатало книгу Валерия Голофаства «Социология семьи. Статьи разных лет», находилась именно здесь. От когда-то могучего объединения уже тогда остались «только рожки да ножки», на его территории располагалось неисчислимое множество контор, конторочек и прочих малых предприятий. Больше всего, пожалуй, не повезло заводу им. Энгельса – одному из предприятий объединения. Здесь напрочь был разрушен один из производственных корпусов, представляющий типичный образец промышленной архитектуры конца XIX – начала XX вв., а на его месте сооружен современный многоэтажный, сияющий стеклом амбар, так называемый торговый центр.

Не удалось отыскать и объединения «Позитрон» – нашлись только два предприятия из тех, что ранее входили в его состав. Да и типография им. Володарского и весь «Дом печати» трансформировались в БЦ «Лениздат».

В общем, в 2012 г. обнаружился полный развал в недавнем прошлом мощных производственных структур.

Интерпретация

В той или иной мере все названные предприятия были мне не чужды. Есть такое чувство – самоидентификация; моими первыми ощущениями на эмоциональном уровне стали боль и шок. А потом включился мозг. И я понял, что многое из того, что произошло, вполне закономерно. «Светлана» выпускала огромное количество радиоламп, в том числе стеклянных, которые были никому не нужны, поскольку уже нет оборудования, в которых эти лампы используются. Да и транзисторы (с тремя ножками) давно канули в Лету, их заменили интегральные схемы и чипы. Та же судьба постигла и конденсаторы, в больших количествах выпускавшиеся «Позитроном».

Технический прогресс покончил с традиционной высокой типографской печатью, а следовательно, с громоздкими ротационными печатными машинами. Их заменили более оперативные и технологичные офсет и электронная фотопечать.

Другой важный аспект состоит в мировой тенденции вывода промышленных предприятий (особенно загрязняющих экологическую среду) за пределы городов. Кстати, этот процесс начался еще в Советском Союзе. Достаточно вспомнить открытие в 1960–1970-е гг. филиалов Кировского завода, «Электро-силы», той же «Светланы» в разных городах Ленинградской области. Правда, в других странах при этом не разрушают до основания старые промышленные корпуса, а трансформируют их либо в фешенебельные гостиницы или торговые центры (Лондон), либо в многофункциональные арт-пространства (Тампере). Таких зарубежных примеров можно привести огромное множество.

Счастье, что еще стоят на своем месте здания «Красного треугольника» и еще не разрушены промышленные корпуса ПНК им. Кирова на Синопской набережной (более того, в интернете выложена концепция развития этой территории).

Все же удалось найти не только следы, но и конкретные адреса многострадального завода «Электрик». Вот короткая выдержка из информации с сайта этой компании: «Основу нашей компании составляют ведущие специалисты по контактной сварке, которые в течение многих лет проработали в старейшем в России Санкт-Петербургском заводе электросварочного оборудования «Электрик». Наша продукция имеет надежный, проверенный временем фундамент и соответствует высоким стандартам качества **бывшего лидера отечественной сварочной индустрии** (выделено мной. – О. Б.). После ликвидации завода «Электрик» в 2006 г. нам удалось не только сохранить инженерно-технические кадры, огромную базу уникальных конструкторских решений в области контактной сварки, но разработать и изготовить более 20 новых видов электросварочного оборудования»².

Во-первых, продукция завода «Электрик» вполне современная, инновационная – и это, безусловно, хорошо. Во-вторых, данное предприятие (случайно или нет) осталось в пределах города: его склады и производство находятся на Коломяжском пр., а управление – на ул. Курчатова. Конечно, молодцы его руководители, что сохранили костяк квалифицированных кадров старого завода. Непонятно одно: зачем понадобилось рушить до основания старый завод. Пожалуй, единственное, что стоило бы вынести за пределы города (но не разрушать при этом здание), – экологическое вредное литейное производство, продукция которого – в основном силуминовое литье – использовалась как для основной, так и преимущественно для непрофильной для завода продукции.

² URL: <http://electric-npo.ru/o-kompanii/>.



К вопросу о стратегии развития города

Сам по себе Аптекарский остров отличался зеленью, по соседству с ним находился Каменный остров, который в годы моего детства назывался островом Трудящихся. В 1950–1960-е гг. он был куда более, чем ныне, доступен для трудящихся, хотя и тогда на нем располагались так называемые государственные резиденции К-3 и К-5. Это сегодня он оккупирован олигархами и чиновниками и перегорожен вдоль и поперек высоченными заборами. С одной стороны, это почти центр города, а с другой – тихий и экологически чистый район. Конечно, это очень лакомый кусочек города с точки зрения современно-го рынка.

Естественно, строительная компания ЛСР положила на него глаз в предвкушении баснословных прибылей. И при той финансовой мощи, которой эта компания обладает, выжить отсюда небольшой заводик (какой бы ценностью для экономики города он ни являлся) для нее не составило труда. Но ведь этим лакомым куском можно было распорядиться более эффективно с точки зрения сохранения и развития городского пространства. Думается, что совершенно не обязательно было сравнивать с землей и архитектурно ценные здания, и уж тем более зеленые насаждения, а также спортивные площадки (например, стадион «Медик»).

«Элитный жилой комплекс» – просто заманчивое название. Уродливые коробки (фото 4) насажены друг перед другом «окно в окно». Может быть, со временем между ними вырастут какие-нибудь кустики или жильцы когда-нибудь разобьют вокруг этих коробок клумбы. Но сейчас этот комплекс производит очень унылое, вполне казарменное впечатление. В нем нет ничего ни ленинградского, ни петербургского. Зато квадратный метр жилья стоит здесь бешеных денег. С этой точки зрения вложения ЛСР, безусловно, сверхэффективны. А то, что безвозвратно утрачено тихое обаяние Петроградской стороны, что в этом отдельно взятом месте ничего не осталось от петербургского духа – это такие мелочи на фоне безумной прибыли застройщика.



Фото 4. Бывшая территория завода, 2017 г.

Еще в 1999–2000-х гг. в небольшой заметке «Меморандум Квиллера» Валерий Голофаст пунктиром отметил данную тенденцию, отнес ее к «стихии власти»: «Рождение и смерть проектов, связанных с властью: скоростная дорога, **вытеснение промзон в пользу офисов и новых территорий для жилья-люкс** (выделено мной. – О. Б.), гостиницы, небоскребы или их зоны, вокзалы и порты, дамба, окружная дорога, западный диаметр, размыв метро, рокадная дорога на юге, жилые массивы, борьба за церковную собственность. Короче, борьба денег с участием властей»³.

Уместно вспомнить и историю с высотным регламентом, и эпопею с «Охта-Центром» (знаменитой «кукурузиной» высотой почти 400 метров), которая всколыхнула петербургскую общественность. Это были, скорее всего, стихийные попытки поставить вопрос о стратегии развития города. Локальная победа состояла в том, что «кукурузину» отодвинули в Лахту, но вопрос об осмысленной стратегии городского развития так и не был поставлен со всей серьезностью. И сегодня мы наблюдаем, что по-прежнему деньги определяют хаотичное использование территории города. А стратегия осталась в далекой истории – по крайней мере, план Ленинграда 1939 г. свидетельствует, что 78 лет назад городские власти еще думали о городе стратегически.

Вместо заключения. Наступление девелоперов продолжается

Понятно, что когда какая-то тема или проблема овладевает тобой, то взгляд обостряется. Буквально на днях прошел по Фурштатской, по которой довольно давно не ходил. Я несколько лет жил на этой улице и более 50 лет живу в нынешнем Центральном районе. А уж на Фурштатской, 24, где располагалась детская поликлиника № 8, мне приходилось бывать очень часто, пока сын был маленьким, а потом и с внучкой. Так вот, когда я проходил мимо этого дома, меня удивил его новый декор, а еще более – вывески «Ресторан» и «Кочубей Клуб» (фото 5).



Фото 5. Бывшая детская поликлиника на Фурштатской, 24

³ Голофаст В.Б. «Меморандум Квиллера», впервые публикуется в настоящем сборнике (см. с. 7–9).

Придя домой, я нашел справочник по Центральному району 1998 г., а также зашел в интернет, чтобы узнать, куда же переместили детскую поликлинику. При этом был уверен, что детей в Центральном районе меньше не стало и что ликвидировать детскую поликлинику ну никак не могли. Оказалось, переместили ее действительно недалеко – на ул. Чайковского, 73, в бывший жилой дом (фото 6).



Фото 6. Нынешняя детская поликлиника, ул. Чайковского, 73

Очевидно, что и в этой ситуации всё решали только деньги. Ведь понадобилось расселить целый жилой дом, затратить немалые средства на капитальный ремонт бывшего жилого дома. Капитальный ремонт бывшей поликлиники также потребовал больших денег. Хотя обе точки на карте города (и Фурштатская ул., 24, и ул. Чайковского, 73), на мой взгляд, одинаково привлекательны и удобны для бизнеса.

Но что интересно. Как заявил не так давно премьер-министр, в стране «денег нет» – но вот для такой рокировки они же нашлись! А то, что масса людей какое-то время металась (вместе с больными детьми) в поисках исчезнувшей вдруг поликлиники, это никто не взял в голову ни на одну секунду.

Такова, к сожалению, сегодня безумная стратегия развития городского пространства у власти и у бизнеса. Обычные граждане, да и архитекторы, здесь совершенно ни при чем.

СЕКЦИЯ 3. КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ, КУЛЬТУРНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ

К.А. Куркова (Санкт-Петербург)

ОЦЕНКА КОМПОНЕНТОВ КРЕАТИВНОГО КАПИТАЛА РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Введение

Промышленные кризисы, ограниченность ресурсных экономик, глобальное разделение труда – на смену этим трендам приходит необходимость в формировании принципиально новой экономики [Флорида 2016]. Бум интеллектуальной собственности (1990–2000-е) [Доклад 2016], вытеснение игроков, создающих материальный продукт (Exxon, PetroChina, ICBC, Shell, Total, Walmart, Citi) из пятерки компаний с самой высокой капитализацией (в разы большей, чем, например, ВВП России) технологическими компаниями [Storper, Scott 2009], расцвет креативных кластеров, а также сенсационные очереди на выставки Серова и Айвазовского – индикаторы новой эпохи, пришедшей на смену постиндустриальному времени, ключевые единицы ценности которого – креативность и знание. На смену информации как базовой единицы ценности приходят способности генерировать идеи и создавать инновации в нестандартных условиях [Бурдьё 2002]. Большую роль в формировании данных способностей играет культура – образ жизни и система ценностей современного человека. Однако каким же образом связаны вышеуказанные способности и создание валовой добавленной стоимости на уровне региона? Может ли креативность стать новой формой капитала и фактором производства? Какие компоненты входят в креативный капитал и возможно ли его оценить?

Способы актуализации креативного капитала как объекта исследования экономики

Зарубежные авторы оценивают креативный капитал регионов (и в частности, креативность) тремя способами:

1. Подсчетом интегральных индексов, включающим множество прокси-показателей креативности региона.



II. Объемом капиталовложений в отрасль (с учетом их влияния на ВРП через модели экономического роста).

III. Емкостью/объемом рынка креативных индустрий/кластеров.

Чтобы получить наиболее реальное значение креативного капитала для регионов, мы объединили методы I и II, включив в модель эндогенного роста различные показатели структурного, отношенческого, креативного, человеческого и социального капитала. Таким образом, в модель входил не только объем капиталовложений, но и объемы инновационных рынков, объем финансирования образования, научных разработок внутри компаний и т. д.

Модели эндогенного экономического роста изучают различные причины повышения благосостояния [Schütt 2003]. Прорыв в таком моделировании был совершен в середине XIX в. с обоснованием концепции человеческого капитала [Guiso, Sapienza, Zingales 2010; Johnson 1999; Schütt 2003; Storper, Scott 2009]. Тем не менее современные ученые утверждают, что данная концепция имеет существенные ограничения [Бурдье 2002; Седлачек 2016; Тросби 2013; Хокинс 2011; Cushing 2011; Johnson 1999]. Методология человеческого капитала вполне может объяснить роль специалистов, обладающих креативными компетенциями, в качестве драйверов регионального экономического развития, однако не может объяснить мотивы индивидуального, а не корпоративного поведения в контексте приобретения карьерного потенциала и места его реализации в современном мире. В статье «Города и креативный класс» [Florida 2003] Ричард Флорида сравнивает вклад социального, креативного и человеческого капитала в объяснение экономического роста и приходит к выводу, что социальный капитал совсем не годится для описания экономического развития регионов и стран, тогда как человеческий капитал не дает ответа сразу на ряд вопросов [Florida 2003; Florida 2008]. Почему, если «накачать» знаниями и научными степенями людей определенного региона, эффекта Кремниевой долины не произойдет? Почему высококвалифицированные люди предпочитают одни города другим и кластеризируются в одних и тех же местах? Почему «создание» новых опытных и перспективных специалистов не создает рабочие места в регионах, а, скорее, наоборот, опытные и перспективные уезжают туда, где эти места уже есть? Таким образом, мы принимаем необходимость изучения и моделирования для прогноза экономического роста совершенно иной формы «капитала» — креативной, которая сможет дать ответы на все вышеперечисленные вопросы.

Однако в силу недостаточной длины выборки, отсутствия явных компонентов модели креативного капитала (скорее — теории по данному вопросу, как в случае с требуемой доходностью капитала компании и моделью WACC, развитых для реального бизнеса), а также нарушения предпосылки о наличии фонда (*stock*) и потоков (*flow*) креативного капитала у креативного нет *stock*, согласно Ричарду Флориде [Флорида 2016; Florida 2003; Florida 2008], — моделирование эндогенного экономического роста произвести на российском рынке не представилось возможным. Кроме того, непринятие

экономическим мейнстримом формулировки «капитала» по отношению к любому его виду, который нельзя обменять на рынке на постоянной основе или которым не могут владеть индивиды [Пикетти 2016], также затрудняло использование моделей экономического роста для оценки влияния креативного капитала на экономику.

Если на объем выборок и отношение к креативному и человеческому капиталу современных исследователей неравенства доходов мы повлиять не можем, то определить составные части креативного капитала, руководствуясь теоретическими предпосылками международно признанных авторов, вполне в наших силах.

Исследователь символического капитала (возможности, которыми обладает человек или сообщество в рамках общества, обусловленные его престижем, честью, признанием или вниманием) Александр Долгин указывает на различные попытки экономистов и социологов в подсчете символического капитала: «Сколько ни собирай количественные показатели – о кассовых сборах, числе посадочных мест или количестве учреждений культуры, об ассортименте товаров и услуг и прочее, – желаемой ясности не достичь. Нет и не может быть индексов, позволяющих судить о культурной динамике. Их нет хотя бы потому, что в рамках существующей методологии учета негде взять необходимые данные. Ни бухгалтерские, ни любые другие виды учета не отражают сути символической коммуникации» [Долгин 2006].

Таковыми же соображения Долгин обуславливает трудности в оценке благосостояния и счастья в мире: исследователь считает, что существующие численные показатели социальной (в широком смысле) сферы не дают отчетливого представления о том, как и чем на самом деле живут люди в промежутках между все учащающимися покупательскими/пользовательскими операциями, которые фиксируются в финансовой отчетности. «Символическая компонента действия остается за рамками статистики, а все самое важное, из чего и рождается ощущение счастья (включая императив о необходимости быть счастливым), связано именно с ней» [Там же].

Тем не менее при отсутствии методологической согласованности в оценке креативности регионов РФ и мира составление индексов и оценка статистических моделей из существующих показателей – первая ступень к поиску взаимосвязей креативной среды. Данные взаимосвязи в дальнейшем можно использовать для оценки качественно новых показателей: так, например, делают крупнейшие технологические и аналитические компании мира, оценивая уровень проникновения интернета («Яндекс») или объем рынка *e-commerce* (J'son & Partners).

Ключевая задача исследования после неудачного моделирования экономического роста с помощью креативного и других форм капиталов была переопределена в выявление компонентов креативного капитала для формирования авторской модели его оценки. Это стало возможным благодаря *Методу оценки факторной структуры (Exploratory Factor Analysis (EFA))* [Fabrigar,

Wegener 2011]. Данный метод машинного обучения позволяет лучше выявить латентные переменные, которые являются первопричиной для наблюдаемых показателей (рис. 1). В контексте креативного капитала, чьи внутренние взаимосвязи и составляющие методологически не определены, Метод оценки факторной структуры является крайне полезным. Как следствие, факторный анализ уменьшает количество переменных в модели.

Описание переменных

Для выявления компонентов креативного капитала методом оценки факторной структуры (Exploratory Factor Analysis (EFA)) нами была произведена оценка 49 социально-экономических показателей семи регионов РФ (Свердловская область, Москва, Санкт-Петербург, Воронежская область, Тюменская область, Республика Татарстан, Красноярский край) по семи группам: базовые экономические показатели, образование, наука, предпринимательство, корпоративное развитие, культура, городское развитие. В ходе исследования были получены существенные методологические взаимосвязи компонентов креативного капитала (в том числе латентных, подобные анализу табл. 2), которые могут быть использованы в последующих исследованиях с целью оценки креативного капитала финансовыми методами.

Все вышеперечисленные предпосылки учитывались при формировании моделей следующим образом: 49 социально-экономических показателей были сгруппированы на основе содержательного смысла и корреляционного анализа на семь групп (табл. 1).

Таблица 1. Описание переменных, используемых в исследовании

№	Название группы	Показатели группы	Единицы измерения	Источник	Обозначение
1	Базовые экономические показатели	ВРП	млн руб.	ЕМИСС [*]	VRP
		Оплата труда наемных работников (без учета скрытой оплаты труда и смешанных доходов)	млн руб.	ГКС ^{**}	TRUD
		Численность занятых	тыс. чел.	ЕМИСС	EMP
		Инвестиции в основной капитал	млн руб.	ЕМИСС	I
		Расходы на финансирование затрат по капитальным вложениям	тыс. руб.	ЕМИСС	K
		Выручка (нетто) от продажи товаров, продукции, работ, услуг (за минусом налога на добавленную стоимость, акцизов и иных аналогичных обязательных платежей)	тыс. руб.	ЕМИСС	V
		Численность населения	тыс. чел.	ЕМИСС	POP

2	Показатели образовательного сектора	Объем финансирования образовательных организаций высшего образования	тыс. руб.	ЕМИСС	VUZ
		Общий объем финансирования всех образовательных организаций, реализующих программы общего образования	тыс. руб.	ЕМИСС	SHK
		Численность студентов в государственных и муниципальных образовательных организациях	чел.	ЕМИСС	STUD
		Школьники	чел.	ЕМИСС	SHKOL
		Оплата сторонних организаций по предоставлению услуг образования	тыс. руб.	ЕМИСС	PEREP
		Численность работников, получивших дополнительное профессиональное образование	чел.	ЕМИСС	DOPOBR
		Число ПК в вузах	шт.	ЕМИСС	PC
3	Показатели научной деятельности	Численность исследователей	чел.	ЕМИСС	ISSL
		Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками	чел.	ЕМИСС	ALLISL
		Внутренние затраты на научные исследования и разработки	млн руб.	ГКС	I S S L - COST
		Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП	%	ГКС	I S S L - PROD
		Удельный вес исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности исследователей, направленных за рубеж	%	ЕМИСС	EXCH
		Удельный вес исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности исследователей	%	ЕМИСС	ISSL39
		Объем инновационных товаров и услуг в области научных исследований и разработки в области естественных и технических наук	тыс. руб.	ЕМИСС	INW7
		Объем инновационных товаров и услуг в области научных исследований и разработки	тыс. руб.	ЕМИСС	INW8
4	Показатели культурного сектора	Число музеев	ед.	ЕМИСС	M U S - COUNT

		Число зрителей, присутствующих на мероприятиях, проводимых театрами Министерства культуры РФ	тыс. чел.	ЕМИСС	TEATR
		Число посещений музеев Министерства культуры РФ	тыс. чел.	ЕМИСС	MUS
		Число посещений киносеансов	тыс. чел.	ЕМИСС	KINO
		Среднее число выставок в расчете на 10 тыс. человек населения	ед.	ЕМИСС	EXHIBIT
5	Показатели предпринимательской активности	Объем выручки ИП	тыс. руб.	ЕМИСС	IP
		Оборот продукции малых предприятий	тыс. руб.	ГКС	MAL
		Объем инновационного рынка	млн руб.	ГКС	INNOV
		Объем инновационных товаров и услуг в области создания и использования баз данных и информационных ресурсов, в том числе ресурсов сети Интернет	тыс. руб.	ЕМИСС	INW1
		Объем инновационных товаров и услуг в области права, бухгалтерского учета и аудита, консультирования по вопросам коммерческой деятельности и управления предприятием	тыс. руб.	ЕМИСС	INW3
		Объем инновационных товаров и услуг в области деятельности, связанной с использованием вычислительной техники и информационных технологий	тыс. руб.	ЕМИСС	INW4
		Объем инновационных товаров и услуг в области издательской и полиграфической деятельности, тиражирования записанных носителей информации	тыс. руб.	ЕМИСС	INW5
		Объем инновационных товаров и услуг в области наукоемких видов экономической деятельности	тыс. руб.	ЕМИСС	INW6
		Объем инновационных товаров и услуг в области обработки данных	тыс. руб.	ЕМИСС	INW9
		Объем инновационных товаров и услуг в области рекламной деятельности	тыс. руб.	ЕМИСС	INW10

6	Показатели корпоративного развития	Нематериальные активы	тыс. руб.	ГКС	HMA
		Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов	тыс. руб.	ГКС	ENVIR
		Численность работников, работавших неполное рабочее время по соглашению с работодателем	чел.	ГКС	FRELL
		Затраты на технологические инновации организаций	тыс. руб.	ЕМИСС	INNOV-COST
		Затраты на технологические инновации малых предприятий	млн. руб.	ЕМИСС	INNOV-COSTMAL
		Затраты на информационные и коммуникационные технологии	тыс. руб.	ЕМИСС	IKT
7	Показатели городского развития	Объем инновационных товаров и услуг в области архитектуры, инженерно-технического проектирования, геолого-разведочных и геофизических работ, геодезической и картографической деятельности	тыс. руб.	ЕМИСС	INW2
		Количество кафе, ресторанов и баров	ед.	ЕМИСС	CAFE
		Объем инновационных товаров и услуг в области связи	тыс. руб.	ЕМИСС	INW11

* ЕМИСС – Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://fedstat.ru/> (дата обращения 13.03.2017).

** ГКС – Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения 13.03.2017).

Описание модели факторной структуры

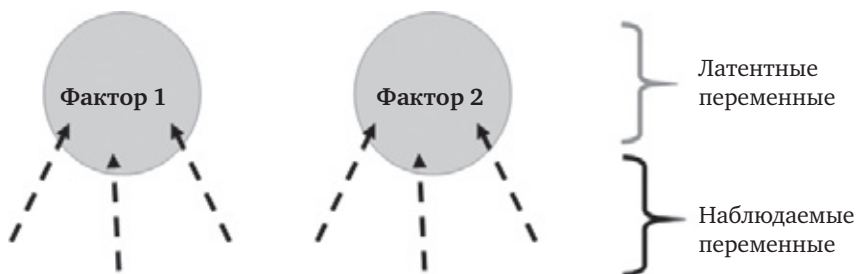


Рис. 1. Иллюстрация механизма модели факторной структуры (составлено автором)

Модель оценки факторной структуры считается следующим образом: $x = \Lambda f + e$, где x – это вектор наблюдаемой переменной длины p ; Λ – это матрица $p \times k$ «наполнителей» или коэффициентов, с которыми наблюдаемые переменные входят в тот или иной фактор; f – вектор длины k , состоящий из предсказанных значений фактора для каждого наблюдения исходных данных, аналогичных предсказанному «игрек» в множественной регрессии.

Наполнители (коэффициенты, с которыми наблюдаемые переменные входят в тот или иной фактор) выводятся путем минимизации функции несогласия методом максимального правдоподобия для матриц $\tilde{\Lambda}$ и $\tilde{\Psi}$, где ковариационная матрица наблюдаемых переменных S состоит из оцененных матриц наполнителей и ошибок $S = \tilde{\Lambda}\tilde{\Lambda}' + \tilde{\Psi} + E = \Sigma + E$.

Из необходимых предпосылок модели [Fabrigar, Wegener 2011]:

- а) переменные должны иметь идентичную дисперсию;
- б) переменные должны быть коррелированы между собой;
- в) минимальное количество наблюдений – 5–10;
- г) квадрат множественной корреляции переменных не должен быть близок к 0 или 1;
- д) переменные, не удовлетворяющие пункту г, должны быть удалены из модели;
- е) интерпретация переменных, не имеющих сильной корреляции с другими в модели, не имеет смысла;
- ж) латентные переменные и наблюдаемые связаны линейно через факторные нагрузки (полученные из модели коэффициенты).

Таким образом, модель делит наблюдаемые переменные на независимые источники вариации – факторы. Наполнения показывают, насколько каждая конкретная переменная связана с латентным фактором. Если значение наполнения больше 0.7, то переменная хорошо описывает латентный фактор; если ниже 0.7 и стремится к нулю, то не описывает или плохо описывает. Если же значение наполнения отрицательное и меньше -0.7, то переменная противоположна фактору. Таким образом, если 3 из 5 переменных полностью описывают Фактор 1, но не описывают Фактор 2, и, наоборот, 2 другие из 5 переменных полностью описывают Фактор 2, но не описывают Фактор 1, то можно говорить не только о смысловых группах переменных «Фактор 1» и «Фактор 2», но и противопоставлять их друг другу (рис. 2).

Например, оценка базовых экономических показателей для Санкт-Петербурга выглядит следующим образом (табл. 2). Видим, что показатели первой группы (Инвестиций в основной капитал (I); **Выручки (нетто) от продажи товаров, продукции, работ, услуг (V)**; Численности населения (POP)) и показатели второй группы (Расходов на финансирование затрат по капитальным вложениям (K); **Валового регионального продукта (VRP)**) находятся в противовесе: в каждый из факторов они входят с противоположными по смыслу весами. Фактор 1 ВРП и расходы на финансирование затрат по капитальным вложениям описываются плохо, зато Фактор 2 – отлично (наполнения больше 0.75). И наоборот для остальных трех показателей.

Таблица 2. Оценка факторной структуры базовых экономических показателей для Санкт-Петербурга (составлено автором)

Уникальность переменной (от 0 до 1)				
VRP	I	K	V	POP
0.00	0.07	0.07	0.00	0.25
Наполнения:	Фактор 1		Фактор 2	
I	0.78		0.56	
V	0.88		0.46	
POP	0.81			
VRP	0.39		0.92	
K	0.41		0.88	
Кумулятивная дисперсия	0.47		0.92	
P-value	0.0126			

На основе данного анализа были сформулированы следующие выводы:

1. Объем капиталовложений в Санкт-Петербурге связан с ВРП.

2. Валовая выручка от реализации товаров и услуг связана с численностью населения.

3. Анализ противодействия первой группы базовых экономических показателей Санкт-Петербурга (Инвестиции в основной капитал (I); Выручка (нетто) от продажи товаров, продукции, работ, услуг (V); Численность населения (POP)) со второй группой (Расходы на финансирование затрат по капитальным вложениям (K); Валовой региональный продукт (VRP)) даст понимание того, почему ВРП связан только с капиталовложениями, а не с инвестициями или выручкой нетто бизнеса.

4. Валовая выручка от реализации товаров и услуг связана с численностью населения.

В ходе анализа было выявлено, что для всех блоков, кроме сектора научной деятельности, существует набор переменных, находящихся в противове-се по отношению к другим (рис. 2). Совокупность таких противоречащих друг другу наборов переменных показывают латентные переменные (табл. 3), описывающие креативный капитал регионов.

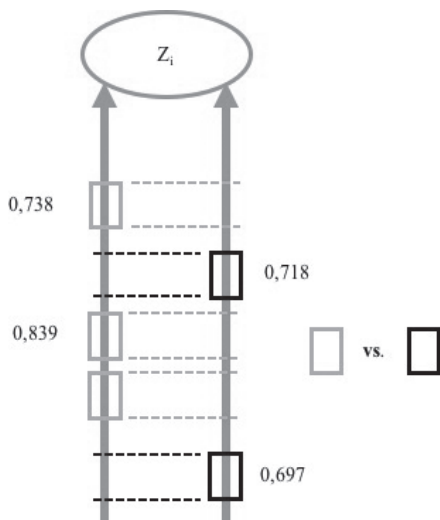


Рис. 2. Противостояние наблюдаемых переменных при вхождении в латентные факторы (составлено автором)

Таблица 3. Структура латентных компонентов (Zi) креативного капитала (составлено автором)

Переменная	Блок переменной	Структура переменной		№ вывода, к которому относится переменная
		Группа X	Группа Y	
	Базовые социально-экономические показатели	ВРП Расходы на капиталовложения (приобретение новых объектов)	Инвестиции в основной капитал (создание и воспроизводство основных средств) Выручка от реализации продукции за вычетом налогов	IX



	Показатели культурного сектора	Дигитализация музеев Посещаемость выставок Посещаемость киносеансов	Посещаемость традиционных музеев Посещаемость театров	VIII, II, IV
	Показатели научной деятельности	ВРП на душу населения Внутренние затраты на исследования и разработки (собственными силами организаций)	Доля продукции высокотехнологических отраслей в ВРП Численность персонала, занятого научными исследованиями Исследователи в возрасте до 39 лет	I
	Показатели корпоративного развития	<i>(Могут находиться в разном противовесе в зависимости от региона)</i> Численность работников, работавших неполное рабочее время по соглашению работодателя и работника Объем инвестиций в охрану окружающей среды Внутренние затраты малых предприятий на исследования Затраты на ИКТ ВРП на душу населения		III

	Показатели образовательного сектора	Объем финансирования общего образования	Объем финансирования высшего образования	X
		(Может находиться как в Y, так и в Z в зависимости от региона) Оплата сторонним организациям по предоставлению услуг образования		
	Показатели образовательного сектора	(Могут находиться в разном противовесе в зависимости от региона) Инновационная деятельность в сфере права, бухгалтерского учета и аудита, консалтинга Инновационная деятельность по обеспечению связи Количество кафе, ресторанов и баров Оборот продукции малых предприятий		XI, XII
	Показатели предпринимательской активности	Объем выручки ИП	(Различные виды инновационной деятельности из списка) Архитектура Издательская деятельность Право/аудит/консалтинг Обеспечение связи Научные виды экономической деятельности	XI, XII

Методологические разъяснения исследователя

В данном разделе мы определяем понятия исследования с целью избежания методологических разночтений в процессе работы над оценкой компонентов креативного капитала. Определения являются прямым переводом или интерпретацией статистических докладов ООН, ЮНЕСКО, OECD, а также уполномоченных органов государственной власти Великобритании, представителей страны, где темпы роста креативной экономики опережают остальные индустрии в среднем в два раза (34% против 17,4%) [UK Creative Industries Value].

Культура в определении ЮНЕСКО от 2001 г. – это комплекс особых духовных, материальных, интеллектуальных и эмоциональных характеристик общества или социальной группы, которые охватывают не только искусство и литературу, но и образ жизни, уклад совместного проживания, системы ценностей, традиции и верования [Tourism and the Creative Economy 2014].

Креативная экономика определяется Департаментом культуры, медиа и спорта Великобритании [Creative Industries Economic 2015] как часть современной экономической системы, которая включает в себя вклад занятых на креативных карьерных позициях не только в креативных индустриях, но и вне их.

Основой креативной экономики является использование людьми творческого потенциала для повышения ценности той или иной идеи. Джон Хокинс [Хокинс 2011] разработал концепцию креативной экономики, чтобы описать экономические системы, в которых ценность зависит от оригинальности и креативности, а не от традиционных ресурсов, таких как земля, труд и капитал. В отличие от креативных индустрий, которые ограничены конкретными отраслями, термин «креативная экономика» описывает креативность экономики в целом.

Креативные индустрии определяются как подмножество креативной экономики, которые включают только занятых непосредственно в креативной отрасли (в компаниях соответствующего профиля), основываются на индивидуальной креативности, навыках и таланте, а также имеют потенциал к генерации благосостояния и рабочих мест через создание и использование интеллектуальной собственности.

«**Креативные индустрии**» и «**культурные индустрии**» – взаимозаменяемые понятия, хотя компании и специалисты, занятые в креативных индустриях, могут не иметь никакого отношения к культуре или иметь опосредованное (например, журналистика или IT), однако ключ в тождественности данных терминов лежит в понятии креативности или творчества. Творчество как базовый элемент генерации культурных ценностей отразилось в названии «креативные индустрии» напрямую (от слова *creativity* (англ.) – творчество), так и опосредованно в названии «культурные индустрии».

Понятие «креативного капитала» является стихийно определенным, сформированным под воздействием теории креативного класса Флориды



и исследований профессора социологии Университета Техаса Роберта Кушинга [Cushing 2011].

Креативный капитал мы понимаем как совокупность особенностей социальной и культурной инфраструктуры, возможности инновационно-креативного сектора и свойства институциональной среды, способствующие привлечению представителей креативных профессий и реализации их потенциала в экономическом разрезе (вклад в муниципальный валовой продукт, стоимость креативных брендов, влияние на инвестиционную и туристическую привлекательность, вклад в обеспечение занятости населения) в рамках отдельно взятого города [В поисках новых ресурсов 2016].

В процессе работы над оценкой креативного капитала также неизбежно встает вопрос о разграничении сферы действия смежных характеристик социально-экономической реальности: социального, культурного, человеческого, креативного, экономического, репутационного, структурного и интеллектуального капитала. Важно отметить, что под термином «капитал» мы вслед за ACCA (*the Association of Chartered Certified Accountants*) подразумеваем любое накопление ценности, которое может быть использовано в производстве товаров и услуг любыми юридическими лицами и институтами [Capital 2013].

Проанализировав работы ведущих экономистов и социологов [Бурдье 2002; Тросби 2013; Эдвинссон 2005; Хокинс 2011], задававшихся данным вопросом, нами была выведена классификация.

Современную социально-экономическую среду можно разделить на следующие виды капиталов (табл. 3).

Таблица 3. Классификация видов социально-экономических капиталов, их накопленной компоненты (*stock*) и потоковой компоненты (*flow*)
(составлено автором)

Капитал	Описание	Stock	Flow
Экономический	Активы и средства производства, которые могут быть использованы для производства дохода	Наличные деньги, финансовые активы, материально-производственные запасы	Продажи, инвестиции, погашение задолженности
Финансовый [Пикетти 2016]		Акции компании, облигации (бонды), казначейские билеты	
Промышленный	Материальные блага и внеоборотные активы, которые являются средствами производства, а не готовой продукцией	Здания, машины, станки	Затраты на капитальный ремонт

Интеллектуальный [Johnson 1999]	Совокупность интеллектуальных ресурсов, умений, навыков и взаимоотношений, нематериальных активов, включая патенты, базы данных и корпоративные тайны, которые используются для получения прибыли	Патенты, торговые марки, нематериальные активы	Оплата государственной пошлины при заявке о патенте, приобретение прав интеллектуальной собственности на логотип, ROS
Человеческий	Совокупность знаний, умений, навыков, используемых для удовлетворения многообразных потребностей человека и общества в целом	Численность сотрудников предприятия, уровень компьютерной грамотности персонала, компетенции топ-менеджеров	Затраты на переподготовку, переквалификацию персонала, оплата труда сотрудников предприятия, ROI
Реляционный/отношенческий	Драйвер ценности взаимоотношений с клиентами, поставщиками, партнерами и другими контрагентами	Активная база клиентов и партнеров, объем успешно заключенных сделок	Затраты на организацию отраслевых мероприятий, оплата участия сотрудников в конференциях
Структурный	Знания, интегрированные в производственные и внутрифирменные процессы с целью построения уникальной корпоративной культуры	Патенты, торговые марки, корпоративные правила и нормы, дресс-код, базы данных	Производительность труда
Социальный	Социальные связи и социальные сети, рассматриваемые как ресурсы, используемые для достижения экономических, политических, социальных и других целей	Индекс доверия в компании или регионе	Ежегодный уровень экономических преступлений, реципрокный обмен

Культурный [Бурдье 2002; Тросби 2013]	Актив, воплощающий, хранящий или обеспечивающий культурную ценность в дополнение к любой экономической ценности, которой он может обладать	Количество музеев, объекты всемирного культурного наследия на территории страны, картины признанных классиков в ведущих музеях страны	Кассовые сборы фильмов, посещаемость музеев
Креативный [В поисках новых ресурсов 2016]	Свойства институциональной среды, способствующие привлечению представителей креативных профессий и реализации их потенциала в экономическом разрезе	Согласно Ричарду Флориде, не существует для креативного капитала, однако можно определить, например, как количество несетевых кофеен в городе, Индекс богемы, количество обучающихся в вузах по направлению «Урбанистика» и т. д.	Инвестиции в развитие велосипедной инфраструктуры города, объем отрасли дополнительного образования в сфере графического дизайна

Оценка компонентов креативного капитала

В результате оценки Индекса креативного капитала (рис. 3) и модели факторной структуры были получены следующие выводы (табл. 4).

При расчете Индекса креативного капитала мы использовали следующую схему:

Нормировали все исследуемые переменные на максимальное значение из семи городов и получили субиндексы локальных показателей: например, субиндекс финансирования высшего образования (I_i , где i – финансирование высшего образования):

$$I_i = \sqrt[2]{\frac{x_i}{\text{Max}(x_i^{\text{Москва}}, \dots, x_i^{\text{Красн. край}})}}$$

Получили произведение всех показателей группы и взяли корень степени количества переменных в данной группе (k): например, индекс образования (I_j , где j – образование):

$$I_j = \sqrt[k]{\prod I_i}$$

Получили произведение индексов всех групп и взяли корень степени количества групп:

$$I_{KK} = \sqrt[7]{\prod I_j}$$

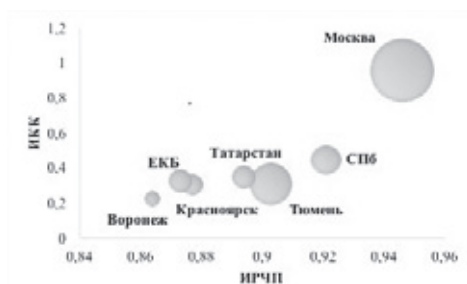


Рис. 3. Взаимосвязь Индекса креативного капитала (расчеты автора) и Индекса развития человеческого потенциала [Доклад 2016]

Заключение

Таблица 4. Результаты факторного моделирования для исследуемых городов (составлено автором)

Регион	Результаты моделирования
Москва	Численность населения – очень отдаленное, однако прокси для измерения креативности города. Кино имеет чуть большее значение, чем у Санкт-Петербурга. Доля наукоемких отраслей в ВРП непосредственно связана с количеством исследователей в регионе. Внутренние затраты на научные исследования и разработки связаны с ВРП. Количество школьников и студентов кардинально различается по структуре: в регион приезжает много иногородних студентов. Дополнительное образование работников – их личная прерогатива, которая мало связана с оплатой услуг образования работодателями. ВРП на душу населения связана с численностью школьников, но не студентов. ИП зарабатывают на услугах по созданию и использованию баз данных и других информационных ресурсов, в том числе в сети Интернет.

	Объем инновационного рынка определяется деятельностью наукоемких видов экономических услуг и деятельностью, связанной с использованием вычислительной техники и информационных технологий. ВРП на душу населения и численность исследователей сильно связаны. ИП вообще не ведут деятельность в области права, бухгалтерского учета и аудита, консалтинга и управления. Кафе, рестораны и бары, а также деятельность по обеспечению связи и в области архитектуры неразрывно связаны и наиболее репрезентативны для блока городского развития. Нематериальные активы имеют большее значение, чем в Санкт-Петербурге. Компании, которые много тратят на технологические инновации, найм фрилансеров и инвестиции в ИКТ, скорее всего, не имеют больших расходов по защите окружающей среды (если имеют вообще).
Воронежская область	Численность населения и объем занятости мало связаны. Экономических показателей, которые позволяют сделать какие-либо значимые выводы, нет. Тенденции рынка культуры идентичны рынкам Санкт-Петербурга и Москвы: театры и музеи связаны с ВРП на душу населения, а объемом выставок и дигитализация музеев – нет. Секторы образования и предпринимательства невозможно оценить ввиду сингулярности переменных. Тенденции сектора науки идентичны рынкам Санкт-Петербурга и Москвы: численность исследователей и объем наукоемкой продукции неразрывно связаны с ВРП. ИП не зарабатывают на архитектуре. Наиболее репрезентативный показатель городского развития – ВРП на душу населения. Компании, которые занимаются ИКТ, не нанимают фрилансеров.
Санкт-Петербург	Анализ противодействия инвестиций в основной капитал, выручки (нетто) от продажи товаров, продукции, работ, услуг, численности населения с расходами на финансирование затрат по капитальным вложениям и валовым региональным продуктам даст понимание, почему ВРП связан только с капиталовложениями, а не с инвестициями или выручкой нетто бизнеса. Объем капиталовложений связан с ВРП. Оплата труда работников связана с инвестиционной активностью. Валовая выручка от реализации товаров и услуг связана с численностью населения. Дигитализация музеев неразрывно связана с посещением выставок.

	Музейная деятельность в широком смысле схожа с театром. Музеи и театры более связаны с ВРП на душу населения, чем выставки. Все показатели научной деятельности крайне взаимосвязаны, в том числе с ВРП на душу населения. Международная мобильность научных сотрудников не влияет на ВРП. Доля наукоемких отраслей в ВРП непосредственно связана с количеством исследователей в регионе. С ВРП на душу населения парадоксально связаны инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды. Нематериальные активы никак не участвуют в развитии корпоративного сектора. Затраты на технологические инновации связаны с затратами на ИКТ, что не случайно. ИКТ – единственные инновации для корпоративного сектора Санкт-Петербурга. Инновации малых предприятий сопряжены с развитием фриланса, однако данная взаимосвязь не является сильной. Компании, которые много тратят на окружающую среду, мало связаны с теми, что нанимают фрилансеров. Кино не имеет никакого влияния на культурную сферу.
Республика Татарстан	ВРП и численность занятых мало связаны друг с другом, зато ВРП связан с объемом капиталовложений. В секторе культуры тенденции, схожие с Москвой, Санкт-Петербургом и Воронежской областью. Школьники, как и в других регионах, не репрезентативны. ВРП на душу населения связан с численностью компьютеров в вузах. Тенденции сектора науки кардинально отличаются от остальных регионов: объем отправленных за рубеж исследователей значим, однако, как и в других регионах, противостоит остальным показателям. Деятельность по предоставлению связи не играет никакой роли в городском развитии. ИП приносят крайне незначительный вклад в ВРП на душу населения. Кафе, рестораны и бары, а кроме того, та же деятельность в области архитектуры неразрывно связаны. Фрилансеров нанимают инновационные малые предприятия.
Свердловская область	Численность населения и численность занятых не связаны. Данные подвержены сингулярности: построить модели невозможно.

Тюменская область	Объем капиталовложений и занятость противостоят друг другу так же, как и для Татарстана. Сфера кино более связана с посещаемостью выставок и дигитализацией музеев, чем для других регионов. Дополнительное образование специалисты получают не в местных вузах. Малые предприятия связаны с производством инновационной продукции. Инновационная деятельность малых предприятий связана с наймом фрилансеров, а крупных предприятий – с расходами на ИКТ.
Красноярский край	Численность населения и численность занятых не связаны. Внутренние затраты на научно-исследовательские разработки не связаны с объемом продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП. Тенденции сектора культуры те же, что и для остальных регионов.

Таким образом, чтобы оценить креативный капитал регионов, необходимо иметь в виду следующие выводы, полученные в ходе данного исследования.

1. Наука во всех регионах неразрывно связана с ВРП, и показатели научной сферы крайне коррелированы между собой. Сектор научной деятельности не говорит о креативности ничего, так как не диверсифицирован.

2. Для выявления прокси креативного капитала необходимо оценить дигитализацию в сфере образования и культуры в контексте противопоставления ее традиционным явлениям социально-экономической среды. Ответ на вопрос, каким образом и насколько эффективно имплементируются базовые технологии XXI в. **в сферах культуры и образования, может серьезно продвинуть сферу изучения креативного капитала в стране вперед, ибо выявленные тенденции для культурной сферы одинаковы для всех регионов.**

3. Ответ на вопрос о том, где работают фрилансеры и работники с частичной занятостью, диверсифицирует регионы и показывает тенденции в корпоративном развитии.

4. Сфера кино и ее связи с другими сферами культуры также служит инструментом диверсификации регионов.

5. Необходимо начать вести учет международной мобильности на уровне школ и вузов.

6. Дигитализация музеев неразрывно связана с посещением выставок.

7. Музейная деятельность в широком смысле схожа с театром.

8. Музеи и театры более связаны с ВРП на душу населения, чем выставки.

9. Взаимосвязи трех базовых экономических показателей региона (численность населения, занятость, объем капиталовложений) дают понимание общей картины на рынке труда и капитала.

10. Численность школьников и объем финансирования общего образования, как и высшего, ничего не говорит о креативности.

11. Какими видами деятельности занимаются малые предприятия – крайне важный вопрос в определении креативности региона.

12. Предпринимательскую активность нужно измерять более чувствительными показателями, чем оборот и объем.

Литература

Аюпов Р.Ф. Влияние креативного капитала на развитие инновационной экономики // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана. 2012. Т. 209. С. 357–361.

Бурдье П. *Формы капитала* // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5.

В поисках новых ресурсов: креативная среда российских городов // Креативные практики, Calvert 22. Родные города. СПб., 2016.

Всемирная организация интеллектуальной собственности. URL: <http://www.wipo.int/about-wipo/ru/> (дата обращения 20.04.2017).

Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 год / под ред. С.Н. Бобылева, Л.М. Григорьева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2016.

Долгин А.Б. Экономика символического обмена. М.: Инфра-М, 2006.

Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://fedstat.ru/> (дата обращения 13.03.2017).

Индекс креативного капитала российских городов / PwC, Calvert 22. СПб., 2016.

Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.

Седлачек Т. Экономика добра и зла. В поисках смысла экономики от Гильгамеша до Уолл-стрит. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.

Тросби Д. Экономика и культура. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013.

Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения 13.03.2017).

Флорида Р. Креативный класс: люди, которые создают будущее. Манн, Иванов и Фербер. 2016.

Хокинс Д. Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги. М.: Классика-XXI, 2011.

Эдвинсон Л. Корпоративная долгота. Навигация в экономике, основанной на знаниях. М.: ИНФРА-М, 2005.

Capital / ACCA, NBA, KPMG. Amsterdam, 2013.

Creative Industries Economic Estimates / Department for Culture, Media and Sport. London, 2015.

Cushing R. Creative Capital, Diversity and Urban Growth / Unpublished Manuscript. Austin, 2011.

Fabrigar L.R., Wegener D.T. Exploratory factor analysis. Oxford University Press, 2011.



Florida R. Cities and the creative class // *City & Community*. 2003. Vol. 2. N 1. P. 3–19.

Florida R., Mellander C., Stolarick K. Inside the black box of regional development–human capital, the creative class and tolerance // *Journal of economic geography*. 2008. Vol. 8. N 5. P. 615–649.

Guiso L., Sapienza P., Zingales L. Civic capital as the missing link // *Social Economics Handbook*. 2010. Vol. 1. P. 417–480.

Johnson W. An integrative taxonomy of intellectual capital: measuring the stock and flow of intellectual capital components in the firm // *Int. J. Technology Management*. 1999. Vol. 18. N 5/6/7/8. P. 562–576.

Managing Networks of Creativity / Taylor & Francis. New York, 2011.

Schütt F. The importance of human capital for economic growth // *Inst. Für Weltwirtschaft und Internationales Management*, 2003.

Storper M., Scott A.J. Rethinking human capital, creativity and urban growth // *Journal of economic geography*. 2009. Vol. 9. P. 147–167.

The Largest Companies by Market Cap Over 15 Years // *Visual Capitalist*. URL: <http://www.visualcapitalist.com/chart-largest-companies-market-cap-15-years/> (accessed date 20.04.2017).

Tourism and the Creative Economy, OECD Studies on Tourism / OECD Publishing. Paris, 2014.

UK Creative Industries Value // The Creative Industries Council. URL: <http://www.thecreativeindustries.co.uk/resources/infographics> (accessed date 20.04.2017).

М.А. Привалова, К.А. Пузанов (Москва)
КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ МОСКВИЧЕЙ

В фокусе этой статьи находятся культурные практики москвичей – как и где они проводят свое свободное время и от чего зависит их удовлетворенность городской культурной жизнью. Речь в статье пойдет не только и не столько об учреждениях культуры как таковых, сколько о повседневной жизни горожанина. Культура для нас – точка входа, начало разговора о качестве городской среды, жизненных стратегиях и факторах, влияющих на них. Потенциал культуры в городе распространяется далеко за пределы музеев, театров, домов культуры. Зарубежные [Begren et al. 2009; Grossi et al. 2011] и российские опросы говорят о том, что развитая городская культурная жизнь улучшает социальное самочувствие горожан и, как следствие, вероятно, их качество жизни в целом.

Однако качество жизни горожанина – еще более запутанный концепт. Мы не всегда можем сказать, что человек имеет в виду, оценивая во время опроса свою субъективную удовлетворенность. Это комплексное понятие включает множество переменных. Более того, в разные периоды времени и в зависимости от разных жизненных обстоятельств качество жизни может зависеть от разного набора показателей.

Команда Московского института социально-культурных программ (МИСКП)¹ с 2012 г. изучает городскую среду, культурные практики москвичей и то, как они влияют друг на друга. В исследованиях, на которых основываются выводы в этой статье, наша цель была не только разобраться, как связаны культурная активность и удовлетворенность жизнью, но и понять, какие факторы влияют на культурную активность горожан.

Опросы москвичей в 2012–2015 гг. показали, что между удовлетворенностью жизнью и культурным участием существует прямая корреляция (рис. 1, *цв. вклейка*) [Пузанов, Степанцов 2015].

А раз эта зависимость есть, то важно найти ответ на вопрос: «От чего зависит культурное участие?» Можно выделить две группы условий формирования культурного участия: эндогенные – определенные характеристики горожанина, и экзогенные – особенности городской среды. К эндогенным факторам мы в первую очередь относим привычку. При выборе форматов досуга

¹ С 2017 г. проекты Московского института социально-культурных программ (miscp.ru) перешли в Центральную универсальную научную библиотеку им. Н.А. Некрасова (nekrasovka.ru).

для горожан важную роль играет сформированность, привычность той или иной практики. Если человек никогда не ходил в музеи, маловероятно, что он вдруг решит отправиться туда в свободное время. И наоборот, те, кто часто бывает в учреждениях культуры, склонны поддерживать эту практику. Экзогенные факторы — это объективная доступность соответствующей инфраструктуры, то есть учреждений культуры разных видов, и ее восприятие как доступной горожанам.

Разделение на эндогенные и экзогенные факторы будет сопровождать нас на протяжении всей статьи. Описываемые в статье кейсы структурированы именно по этому основанию. В заключение мы поговорим о том, как можно использовать полученные данные в культурном программировании города.

Актуальные изменения культурной жизни столицы.

Методология исследования

Москва уже сейчас предлагает горожанину огромный выбор возможностей интересно и с удовольствием провести свободное время. При этом часто в борьбе за свободное время горожанина выигрывают фудкорты торговых центров, бесцельные прогулки по городу или – и это еще более сильный соперник – возможность остаться дома, где есть диван, телевизор и интернет.

Тенденции последних лет показывают, что интерес к культурной жизни у москвичей вырос. Свои свободные полдня в 2012 г. более половины москвичей предпочли бы провести дома. К 2016 г. доля «домоседов» снизилась до 22%. За этот же период возросли показатели посещаемости многих учреждений культуры (рис. 2, цв. вклейка).

При этом рост культурной активности происходит в основном за счет молодого экономически активного населения, 10–15% москвичей до сих пор остаются исключенными из культурной жизни.

Чтобы понять причины этого и найти те ниточки, за которые учреждения культуры могут ухватиться, чтобы привести к себе новых посетителей, важно разобраться в механизмах того, как горожане принимают решения о проведении досуга. Для этого мы обращаемся к данным трех исследований, проведенных МИСКП в 2012–2015 гг.

«Изучение вкусовых предпочтений в сфере культуры и ценностных ориентаций москвичей» проводилось общегородским телефонным опросом с объемом выборки почти 3 тыс. человек. На основе полученных данных мы определили факторы, влияющие на общий уровень культурной активности и на посещение в отдельности музеев, театров и парков.

«Исследование возрастных групп, наименее вовлеченных в культурную жизнь Москвы» посвящено трем возрастным группам, представители которых реже всего посещают учреждения культуры и городские культурные мероприятия: это подростки от 13 до 18 лет, люди среднего возраста от 35 до 54 лет, люди старшего поколения от 55 лет. Для каждого из трех возрастов был проведен опрос тысячи респондентов по квотированной репрезентативной

выборке. Количественные данные были дополнены данными, полученными в ходе экспертных, глубинных и групповых интервью и фокус-групп².

«Механика Москвы: исследование городской среды» [Пузанов, Степанцов 2015]. Исследование основано на анализе социологических данных, полученных в результате двух телефонных опросов жителей Москвы в 2013 и 2015 гг. Объем выборочной совокупности для каждой волны составил более 12,5 тыс. респондентов. Социологические данные дополнены статистикой, полученной из открытых источников, от официальных органов и сервисов геоданных. Это позволило оценить обеспеченность территорий города инфраструктурой (в том числе культурной) и понять, как эту инфраструктуру используют жители, насколько она отвечает их потребностям и как она влияет на их поведение в городе. В качестве единицы репрезентации в «Механике Москвы» выступает не город в целом и не административный округ, а отдельный район (муниципальный округ) – это делает «Механику» уникальным проектом для Москвы и России в целом.

Экзогенные и эндогенные факторы вовлечения в культурную жизнь

Посещение и непосещение учреждений культуры – во многом вопрос привычки. В целом горожане склонны к повторению своих практик: те, кто раньше часто ходил в учреждения культуры, стараются продолжать это делать. Причем чем дольше человек вовлечен в ту или иную культурную практику, тем эта практика устойчивее и тем легче человеку сохранить ее на протяжении всей жизни. Многие сегодняшние посетители учреждений культуры – это те дети, которых десятилетия назад водили туда их родители.

Как правило, именно в детстве культурные практики встраиваются в жизнь горожан и становятся привычными. Привычка посещать учреждения культуры может также сформироваться, когда молодые люди начинают самостоятельно взаимодействовать с городом. Часто это связано с окончанием школы, когда меняются круг общения, уровень доходов и маршруты перемещения по городу. В процессе такой «пересборки» города в поле зрения могут попасть и учреждения культуры. Триггерами формирования привычки могут быть новые возможности (бесплатное посещение для студентов, более гибкий график) или новые знакомства – 80% молодых людей посещают культурные акции в компании.

Далее мы рассмотрим основные факторы, которые влияют на практики вовлечения в культурную жизнь города. Первая группа факторов – эндогенные, связанные с социально-демографическими и личностными особенностями людей. Вторая – экзогенные факторы, особенности городской среды, мешающие или помогающие вовлекаться в культурную жизнь.

² Результаты первой части исследования опубликованы, см.: [Талавер, Черныш 2016]. Остальные части готовятся к публикации в 2017 г.

Эндогенные факторы

В среднем взрослые москвичи посещают учреждения культуры раз в несколько месяцев и реже. Люди среднего и старшего возраста чаще всего объясняют свое нежелание участвовать в культурной жизни города отсутствием времени (рис. 3, *цв. вклейка*). Но, скорее всего, дело в том, что посещению учреждений культуры и культурных мероприятий они предпочитают другие виды времяпрепровождения. Культурный досуг интересен только каждому пятому москвичу среднего и старшего возраста. Остальные предпочитают сидеть дома или гулять в парках – это наименее ресурсозатратные форматы досуга, поэтому их особенно часто выбирают люди, недовольные своим здоровьем и материальным положением.

Сильнее всех остальных факторов на частоту посещения учреждений культуры влияют возраст и образование. Чем моложе человек и чем выше его образование, тем с большей вероятностью он будет активно вовлечен в культурную жизнь. Также на культурной активности сказывается состояние здоровья: плохое самочувствие снижает вовлеченность в культурную жизнь почти вдвое. Поэтому в целом люди старшего возраста меньше посещают учреждения культуры.

Но при этом в старшем возрасте происходит «поляризация» культурных практик: горожане третьего возраста либо начинают ходить в учреждения культуры очень активно, либо, наоборот, практически перестают их посещать. Наиболее важную роль в поляризации культурных практик играют здоровье, образование, а также сохранение социальных контактов. Учреждения культуры в целом чаще посещают с кем-то, чем в одиночку, но для людей старшего возраста наличие компании особенно важно – это помогает им преодолеть ощущение, что они попали туда, где им не место.

Еще один фактор, прямо влияющий на культурную активность, – это доход. Основная тенденция: «чем выше доход, тем активнее культурное участие». Однако она не работает для группы населения с самым высоким уровнем доходов – эти люди посещают учреждения культуры реже, чем менее обеспеченные. Можно было бы предположить, что такая особенность связана с большей нагрузкой на работе и недостатком свободного времени. Но в действительности у самой высокодоходной группы москвичей свободного времени на 3 часа в неделю больше, чем у горожан в среднем – 28 часов против 25. Вероятно, сниженная вовлеченность в сферу культуры связана с тем, что высокодоходные группы по-другому распоряжаются своим досугом. В частности, они на 24% чаще, чем горожане в среднем, посвящают свободное время спорту.

Ребенок служит для взрослых триггером посещения учреждений культуры, потому что у многих родителей есть нормативная установка приобщать детей к культуре. Возраст ребенка влияет на то, как часто и какие учреждения культуры посещают родители (рис. 4, *цв. вклейка*).

До трех лет ребенок, скорее, ограничивает культурную активность родителей, но затем уровень их вовлеченности в культурную жизнь начинает превышать средние по городу значения. С дошкольниками родители в основном гуляют в парках и посещают районные праздники. Позднее к «простым» формам культурного досуга добавляются более сложные – походы в кино, музей, театр, а также посещение кружков в домах культуры. Начиная со средней школы культурная активность детей становится все более независимой от родителей. Но вовлеченность родителей в культурные практики все равно остается выше средней – по крайней мере до тех пор, пока их дети не оканчивают школу.

Кейс: культурные практики московских подростков

Московские подростки в целом мало вовлечены в культурную жизнь столицы. За 2014–2015 гг. 45% подростков не посетили ни одного из общегородских праздников. Многие из них плохо ориентируются даже в самых известных культурных символах. Основная преграда для вовлечения подростков в культурную жизнь – низкая информированность. Она связана в первую очередь с тем, что между большинством учреждений культуры и подростками нет медиума. Например, не существует достойного подросткового СМИ. Даже школьники, которые ходят в учреждения культуры на кружки, не получают там представления о культурной жизни в городе в целом.

Но внутри своей возрастной группы культурная активность подростков может сильно различаться. В 2016 г. МИСКП провел общегородское исследование свободного времени московских подростков и выделил группы подростков в зависимости от типа досуга и степени участия в культурной жизни Москвы³.

Почти каждый третий подросток в Москве слабо вовлечен в культурную жизнь города. Две основные причины: стремление к автономии от взрослых и возможности устанавливать собственные правила, которое выражается в нежелании включаться в институционализированные культурные активности; ориентированность на досуг дома, преимущественно за компьютерными играми, что в значительной степени связано с финансовыми ограничениями.

Каждый четвертый московский подросток уверенно чувствует себя в городской среде, в том числе в городском культурном пространстве. Эти 26% молодых москвичей активно посещают городские праздники и учреждения культуры, причем не только с родителями и школой, но и на основе самостоятельного выбора. Их интерес к культуре в значительной степени «прагматический» – эти подростки ориентированы на получение знаний и навыков, повышающих шансы на успех в жизни.

Почти половина подростков (44%) испытывают разноплановый, но неустойчивый и несфокусированный интерес к городской культурной жизни.

³ Подробнее о досуговых практиках московских подростков см.: [Талавер, Черныш 2016].

В целом они открыты к посещению учреждений культуры и культурных мероприятий, для них культурный досуг – такой же способ получить удовольствие, положительные эмоции, как поход в ТРЦ.

Экзогенные факторы

Специфика городской среды влияет на то, насколько активно москвичи вовлечены в культурные практики. Главную роль в этом играет наличие досуговой инфраструктуры – это обязательное условие формирования привычки посещения учреждений культуры. Сейчас в Москве наблюдается явный перекос в сторону центральных территорий, где сконцентрировано подавляющее большинство досуговых площадок, в том числе театров и музеев города (рис. 5, *цв. вклейка*). В районах с хорошей транспортной доступностью эта диспропорция частично нивелируется. Поэтому для многих районов в пределах МКАД место жительства практически не влияет на уровень вовлеченности в культурную жизнь.

Самое низкое культурное участие демонстрируют жители районов, которые плохо связаны транспортом с центром города и в которых нет своих альтернатив для культурных активностей. Более того, у жителей этих районов снижается и запрос на культуру и развлечения, то есть они не проявляют желания участвовать в культурной жизни ни в центре города, ни в своем районе.

Заметим, что низкая транспортная доступность района имеет разное значение для различных социальных групп. Наименее остро транспортная проблема стоит для молодых людей (18–25 лет). Во-первых, они менее загружены работой и семьей и им легче найти время на поездку в центр. Во-вторых, они чаще используют для перемещений по городу общественный транспорт, поэтому меньше зависят от транспортной ситуации в районе, чем люди среднего возраста, которые чаще других для перемещений по городу используют личный автотранспорт. Самыми уязвимыми оказываются наименее мобильные группы населения: пенсионеры и семьи с детьми. Для них перемещение по городу связано с наибольшими издержками, и они готовы выбирать ся за пределы своего района, только если у них появляется возможность легко и быстро добраться в центр.

Физическая доступность инфраструктуры не всегда означает ее фактическую востребованность. Инфраструктура должна быть не только объективно доступной, но и восприниматься как таковая. Например, жители центра Москвы меньше участвуют в культурной жизни города, чем жители окраин, и чаще склонны говорить о дефиците общественных пространств, хотя объективно в центре их не меньше, чем в среднем по столице. Парадокс объясняется тем, что из-за дневной трудовой миграции в рабочее время число людей в округе в несколько раз превышает его население. Поэтому местные жители устают от шума и толп и стараются защититься от эффекта «проходного двора», проводя свой досуг дома.

Еще один парадокс: жители некоторых районов, расположенных около крупных парковых массивов, жалуются, что им негде гулять (рис. 6, *цв. вклейка*).

При ближайшем рассмотрении оказывается, что ответ «негде гулять» правильнее читать как «незачем гулять». Само по себе наличие зеленой зоны не обязательно воспринимается горожанами как возможность для прогулок. Яркий пример этого – районы около парка Лосинный остров: их жители видят в нем не парк и место для прогулок, а лес, ходить в который неудобно и опасно. То есть, если горожане считают, что им негде гулять, это не обязательно значит, что им не хватает парка как зеленой территории. Скорее, это говорит о том, что не хватает чего-то в парке или рядом с ним. Многим прогулка в парке не ценна сама по себе, она становится интересной, если совмещается с какими-то другими активностями – например, посещением кафе или торгового центра рядом с парком.

Кейс: субъективная и объективная безопасность

Из восприятия досуговой инфраструктуры видно, что субъективные представления горожан о собственной среде обитания в значительной степени формируют их поведение. Аналогичная ситуация наблюдается с восприятием уровня безопасности района: москвичи менее охотно гуляют в районах, которые они считают небезопасными. При этом субъективные параметры безопасности (обобщенное доверие и в особенности субъективная оценка безопасности) слабо зависят от уровня объективной безопасности (рис. 7, *цв. вклейка*). Более того, иногда наблюдается даже обратная корреляция – районы, в которых совершается меньше преступлений, чаще воспринимаются жителями как небезопасные, и наоборот.

Самыми яркими примерами этой ситуации выступают районы внутри Садового кольца – в особенности Якиманка, Таганский и Арбат. Несмотря на то что там один из самых высоких уровней преступности, у москвичей сложился образ центра как наиболее безопасной территории, в силу того что это: а) туристические места; б) более охраняемые, чем периферия, – например, в центре больше фонарей, слагбаумов на въезде во дворы, камер наблюдения, лучше уличное освещение; в) в этих районах почти в любое время суток можно встретить людей.

Не криминогенны по данным статистики, но очень небезопасны с точки зрения местных жителей районы Мосрентген, Теплый Стан, Орехово-Борисово Южное и Северное. Они стали заложниками своего негативного образа: близкое расположение к МКАД, наличие транспортно-пересадочных узлов создает вокруг них ореол неприветливой и опасной периферии, где лучше не появляться в темное время суток, да и в светлое стоит быть осторожнее.

Многие нецентральные районы воспринимаются жителями как безопасные. Самый показательный пример – районы Молжаниновский и Солнцево, одни из самых криминогенных по данным официальной статистики и безопасных по мнению жителей.

Предопределяющим фактором в отношении к району проживания оказывается наличие сети «слабых связей» с другими жителями района. Самыми защищенными себя чувствуют те, кто знает большинство соседей в лицо. Развитию «слабых связей» способствует, например, опыт участия в решении проблем двора, дома и подъезда совместно с соседями. В тех районах, где люди больше вовлечены в домоуправление и лучше знают своих соседей, уровень субъективной безопасности выше на 60–65%. Наибольший же страх за безопасность у людей вызывает низкий уровень осведомленности – либо о самой территории, либо о людях, которые там живут. Именно поэтому центр воспринимается как безопасный: горожане активно пользуются его пространством и хорошо знакомы с ним.

Заключение

В данной статье мы зафиксировали наличие эндогенных и экзогенных факторов вовлеченности в культурную жизнь и описали проекты, направленные на их изучение в отдельности. Однако среди перспективных направлений исследовательской деятельности мы бы хотели отметить комплексные проекты, ориентированные на «вскрытие» взаимосвязей между ними, определение степени и специфики их взаимного влияния.

Важная цель городской культурной политики – вовлечь в культурные практики как можно более широкую аудиторию. Исходя из наших данных, участие в культурной жизни – это такая же привычка, как и другие практики городской жизни. Поэтому так важно работать с группами, у которых эту привычку легче всего сформировать, – в первую очередь с семьями с детьми дошкольного и младшего школьного возраста и с подростками.

Опросы показывают, что родители в целом более активно посещают учреждения культуры, чем в среднем по городу. Но сам факт посещения учреждений культуры не обязательно означает, что родители действительно находят там для себя досуг. Например, они могут приводить своих детей на кружки или мероприятия, но сами не будут оставаться там. Поэтому учреждения культуры, ориентированным на детей, важно заботиться и об их родителях, которым нужно предоставить выбор: подождать ребенка в комфортных условиях, посетить мероприятие вместе с ребенком или пойти на альтернативное мероприятие, ориентированное на взрослую аудиторию. Такая работа позволит сохранить вовлеченность взрослых в культурные практики и после того, как их дети окончат школу: посещение учреждения культуры будет восприниматься не как обязанность по отношению к ребенку, а как личная потребность.

Подростки – пожалуй, самая перспективная аудитория для учреждения культуры. У них много незанятого времени, они достаточно свободно перемещаются по городу, формируют свои вкусы и досуговые привычки. От их вовлеченности в сферу культуры в конечном счете зависит, будут ли они посещать учреждения культуры во взрослом возрасте. Но только четверть

московских подростков интегрирована в сферу культуры. Остальным или не хватает информации о культурной жизни в городе, или они активно протестуют против навязываемых правил, или выбирают более контролируемые и привычные варианты общения и развлечения в интернете.

Учреждения культуры сейчас воспринимаются подростками как зарегулированные и чуждые, а для них очень важно иметь комфортное и безопасное пространство, в котором они могут самостоятельно создавать правила и язык взаимодействия. Чтобы учреждения культуры стали таким пространством, при работе с подростками важно учитывать специфические потребности этой аудитории. Например, одна из ключевых характеристик подростков – сильные горизонтальные связи. Поэтому в учреждениях культуры важно создавать комфортную среду для «компанейского» посещения – не в формате школьных экскурсий, а в малых группах.

Для формирования привычки важна доступность инфраструктуры для ее реализации. Поэтому закономерно, что в районах города, где ощущается нехватка инфраструктуры сферы культуры и которые плохо связаны с центром города, не только ниже удовлетворенность городской средой, но и в перспективе не будет сформирована привычка посещать учреждения культуры.

Это обращает наше внимание на структурные особенности формирования городской среды столицы – в частности, ставит вопрос о дальнейшем развитии территории Новой Москвы. Сейчас там ведется активное жилищное строительство, но не развивается культурная инфраструктура. Это может привести к тому, что у жителей данных территорий постепенно пропадет привычка посещать учреждения культуры, что, в свою очередь, снизит их уровень удовлетворенности городской средой.

С точки зрения городской политики, здесь может быть как минимум два пути решения. Самый простой, но не обязательно самый эффективный путь – непосредственное создание соответствующей инфраструктуры в новых районах. Альтернативный вариант – улучшение транспортной связанности района с другими частями города. В этом случае жители территорий Новой Москвы получат возможность вовлекаться в культурную жизнь соседних, более развитых территорий. При этом связывать территории Новой Москвы не обязательно с центром города. Может быть выбрана стратегия создания альтернативного культурного центра, к примеру, на базе городского поселения Троицк.

Для формирования привычки важно не только создавать подходящую инфраструктуру, но и учитывать городской контекст, в котором эта инфраструктура будет существовать, и восприятие этого контекста жителями. Как мы видели на примере с уровнем безопасности в разных районах, на отношение к городской среде влияет множество факторов, причем далеко не все из них рационально обоснованы. Официальная статистика может показывать низкий уровень преступности в районе, но если у него уже сложился образ неблагополучной и недружелюбной территории, то в таком районе едва ли будут успешными вечерние мероприятия. Поэтому при принятии управленческих

решений в сфере культуры необходимы исследования, способные выявить такую иррациональность, которая в конечном итоге определяет реальность жителей и их взаимодействие с городской средой. Это позволит сделать культуру в городе мощным ресурсом для повышения благополучия жителей.

Литература

Пузанов К., Степанцов П. Механика Москвы. Исследование городской среды. ГАУ г. Москвы «МИСКП». 2015. URL: http://miscp.ru/assets/docs/Mx2_book_2015.pdf.

Талавер А., Черныш А. Исследование возрастных групп, наименее вовлеченных в культурную жизнь. Свободное время московских подростков. 2016. URL: <http://assets.miscp.ru/teens>.

Begren L.O., Weissglas G., Wikström B.M. et al. Cultural Participation and Health: A Randomized Controlled Trial Among Medical Care Staff. *Psychosomatic Medicine*. 2009. N 7. P. 469–473.

Grossi E., Tavano Blessi G., Sacco P.L et al. The Interaction Between Culture, Health and Psychological Well-Being: Data Mining from the Italian Culture and Well-Being Project. *Journal of Happiness Studies*. 2011. N 13 (1). P. 129–148.

Why cultural organizations are not reaching low-income visitors. URL: <http://colleendilen.com/2016/05/18/why-cultural-organizations-are-not-reaching-low-income-visitors-data/>.

Т.Ю. Шманкевич (Санкт-Петербург)

ШКОЛЬНЫЙ ЭКСТЕРНАТ. ИГРЫ С ПРОСТРАНСТВОМ

Краткое вступление. Пояснение к метафоре

Статью можно рассматривать как результат 10-летнего изучения феномена российского школьного экстерната. За этот период были взяты десятки неформализованных лейтмотивных (фокусированных) интервью с разными участниками образовательного процесса (учащимися, их родителями, учителями, методистами, представителями школьной администрации), изучены государственные документы, относящиеся к образованию, письма и видеопослания выпускников экстернат-школ, материалы СМИ, школьных сайтов и тематических групп в социальных сетях. Главный акцент статьи делается на «дне сегодняшнем», интрига которого заключается в том, что формальное школьное экстерната в российском образовании не существует уже в течение пяти лет. Фактически же все увеличивающиеся ряды экстернов свидетельствуют о сохранении устойчивого социального заказа на образовательную услугу, признанную ненужной российскими реформаторами от образования. В таких условиях школьный экстернат предсказуемо уходит в подполье, как бы ускользая из образовательного пространства города, что крайне затрудняет его изучение. В связи с этим оптимальным исследовательским методом на конкретной стадии видится этнографическое описание случая.

В фокусе данного описания – «игры с пространством» конкретной петербургской (бывшей) экстернат-школы. Помимо метафорического содержания, заключающегося в том, что «несуществующий» школьный экстернат выживает в образовательном пространстве города, взрывая его городские границы, значительно расширяя географию образовательных услуг, у этих пространственных игр есть и вполне конкретное содержание, наполненное реальными квадратными метрами, неразрывными, как увидим, от качества обучения. Основным источником для создания этнографической зарисовки стала взятая с 2014 г. по июль 2017 г. серия лейтмотивных неформализованных интервью с Ольгой Дмитриевной Владимирской¹, директором частного образовательного учреждения «Школа Экспресс».

Об актуальности предмета исследования

Школьный экстернат (от латинского слова “externus” – посторонний) подразумевает обучение вне учебного учреждения с последующей аттестацией в форме экзаменов. Помимо России термин «экстернат» чаще используется

¹ Далее по тексту – О. Д.



в романоязычных европейских странах, тогда как в англоязычной традиции предпочтение отдается понятиям “homeschooling” или “unschooling”, которые переводятся как домашнее или семейное обучение. Несмотря на известное сходство домашнего обучения и экстерната, в российской традиции они исторически рассматривались как две отдельные формы образования. Домашнее обучение, организованное в рамках отдельной семьи, возникло гораздо раньше как образование, доступное только привилегированным слоям общества. Предыстория школьного экстерната в России восходит к первой четверти XVIII в., когда одним из итогов Петровских реформ стало формирование системы гражданского образования, которое трактовалось как образование, поддерживаемое государством и имеющее цель так подготовить граждан, чтобы они своими знаниями приносили пользу государству².

Создание государственной школьной системы послужило предпосылкой для появления школьного экстерната, так как отныне появилась возможность самостоятельно подготовиться и сдать экзамены по программе учебного заведения. Подчеркнем, что для принятия такого решения будущему экстерну необходимо было осознать себя как индивидуальность, личность, а таких понятий в России до XVIII в. не существовало. Поэтому в качестве второй важнейшей предпосылки для возникновения школьного экстерната мы называем идею формирования прогрессивной личности, обеспечившую особое внимание к такой сфере общества, как образование и воспитание будущих граждан. Уже во второй половине XVIII в. острая нужда в профессионально подготовленных специалистах подтолкнула государство объявить народное образование государственной задачей. Одновременно менялось понимание цели образования, ранее сводимой исключительно к пользе государства, к тому, чтобы подготовить человека для несения «государевой службы».

Идеологами российского Просвещения Н.И. Новиковым, А.Н. Радищевым, М.В. Ломоносовым и другими мыслителями в центр внимания впервые был помещен сам человек, его интеллектуальное, культурное, нравственное развитие. Отныне идея образования связывалась с духовно-нравственным совершенствованием личности и активной гражданской позицией. С изменением интерпретации понятия «быть гражданином» трансформировалось и понимание гражданского образования. Гражданская позиция стала рассматриваться не как слепое служение государству, но как критическое отношение к нему во имя блага своего народа и своей родины. В такой общественной атмосфере и оформилась идея школьного экстерната как идея выбора альтернативной образовательной траектории активной личностью, гражданином,

² Приоритеты Петровской России соответствовали идеологии Нового времени. Введенное Т. Гоббсом и Дж. Локком понятие гражданского общества (*societas civilis*) ассоциировалось прежде всего с государством и его властными органами, создаваемыми гражданами. Быть членом гражданского общества означало быть гражданином государства.

осознающим значение образования для своей дальнейшей судьбы и для судьбы своего государства. Отсюда наш вывод об онтологической связи понятий гражданского общества, гражданского образования и школьного экстерната.

Эта неразрывность подтверждается и примерами из новейшей российской истории³ – в частности, легализацией школьного экстерната в результате политики Перестройки (1985–1991), когда гарантия гражданских свобод предполагала и свободу выбора форм обучения. Законом «Об образовании» 1991 г. школьному экстернату возвращалась его первоначальная правовая сущность – право персонального выбора гражданами формы получения среднего образования. С этого времени для всех, кто по разным причинам не вписывался в традиционную образовательную систему, открывалась возможность ускорить свое обучение в общеобразовательной школе или окончить школу, не посещая уроки. Легитимация школьного экстерната не означала его превращения в массовую форму получения образования. По-прежнему преобладающей оставалась классно-урочная школьная система. Но у тех, кто в силу разных причин чувствовал себя в этой системе некомфортно, появилось право выбрать нечто другое.

Очередной поворот к единообразию воспринимается как тревожный симптом состояния современного российского общества и гражданского образования. С принятием 29 декабря 2012 г. нового закона «Об образовании в РФ» понятие школьного экстерната исчезает из образовательного государственного дискурса, предавшего забвению многообразие учебных форм. Количество легальных форм обучения законом сведено к двум: обучению в рамках образовательного учреждения, у которого есть лицензия, или обучению вне образовательного учреждения. Тем самым игнорировался факт, что при всей зыбкости границ школьного экстерната, семейного, дистанционного и интернет-образования именно их легализация позволяла учитывать специфику образовательных потребностей различных групп граждан и организовывать для них профессиональную методологическую поддержку. Новая образовательная парадигма, формально сохранив понятие «экстернов» (теперь это любой, кто выбрал обучение вне образовательного учреждения), фактически разрушила с таким трудом создаваемую систему школьного экстерната, обеспечивающего каждому экстерну организацию индивидуального образовательного маршрута. Итогом стало резкое снижение качества знаний экстернов и закрытие целого ряда экстернат-школ, которые не сумели сориентироваться, что в новой ситуации они оказались вне закона. В связи с этим

³ Формат статьи вынуждает сделать «прыжок» через столетие. Детальный историко-социологический анализ этапов развития школьного экстерната в России см: Шманкевич Т. Эволюция школьного экстерната: концепции, практики, проблемы // СОЦИС. 2016. № 9. С. 73–80; Шманкевич Т. Этапы становления школьного экстерната в России как отражение эволюции гражданского образования, отражение диалога гражданина с государством // Шманкевич Т. Школа в зеркале социологии. LAP, 2017. С. 28–48.

в собранном архиве преобладают негативные интервью, в которых информанты выражают недовольство, возмущение сложившейся образовательной ситуацией. Отсюда особый исследовательский интерес к крайне редким конструктивным интервью, акцент в которых с критики переносится на то, каким образом удается сохранять школьный экстернат в условиях, когда его как бы не существует.

В фокусе статьи – опыт присутствия в городском пространстве конкретной петербургской экс-экстернат-школы. Убрав ради выживания из своего названия приставку «экстернат» и одновременно пытаюсь сохранить его сущность (организацию индивидуального методологического сопровождения каждого учащегося), школа выстраивает свое место в городском образовательном пространстве, отважно играя с его символическими и физическими границами. Совершенно не случайно речь пойдет о частной школе, поскольку в начале 1990-х гг. школьному экстернату удалось сложиться в образовательную систему во многом благодаря так называемому буму частных школ. А поскольку практически каждая частная школа – это в определенном смысле реализация индивидуального авторского проекта, то начнем с обсуждения вопроса, как возникает идея подобной школы.

Идея маленькой школы, или «Ваш сын сидел не в позе ученика»

Из интервью с О. Д. [08.07.2017]⁴

Т. Ш.: Давайте еще раз вернемся к вопросу о том, когда у Вас родилась идея своей маленькой школы.

О. Д.: Понимаете, я не могу назвать какого-то конкретного момента, все это сложилось как-то само собой. Важную роль, конечно, сыграло, что был такой период в моей жизни: я преподавала в маленькой школе в Венгрии. В гарнизонной школе.

Т. Ш.: Вы там работали как жена военного?

О. Д.: Я приехала туда не как жена военного, а по оргнабору, как называлось раньше. И там вышла замуж. Вот потом стала женой военного уже там. Была завучем в этой школе. И школа была маленькая, все дети рядом. Они все живут в пяти домах, которые вокруг этой школы. И все родители, мамы почти все не работают, поэтому любую маму на любую работу можно пригласить. Мы, когда выступали, ездили в международный лагерь «Занка». Еще там был лагерь «Челеверц». Но он далекоовато от нас, а «Занка» близко. И мы туда часто ездили. Вся наша маленькая школа, верней, приглашали школьный хор, а хор – вся школа пела, понимаете, и на два голоса. Нужно было, конечно, подготовиться, а у нас тоже денег не было, костюмы нам не могли делать. Но ткань дешевую синтетику можно было купить. И мы сделали: девочки все в черных колготках, бежевые юбочки на резинке. И вот как

⁴ Транскрипты интервью здесь и далее приводятся в аутентичной версии без редактирования.

эти юбочки мы кроили. Все мамы пришли вечером, сдвинули столы, все с хохотом, все весело...

В доказательство того, что это не просто субъективные воспоминания, когда все, что было в молодости, нередко идеализируется, О. Д. приводит результаты сетевого эксперимента ее сына, который в начале 1980-х гг. как раз был учеником гарнизонной школы, а в последнее время в силу обстоятельств стал активным участником социальных сетей и сумел в «Одноклассниках» установить связь с многочисленными выпускниками, которые сейчас проживают как в России, так и за рубежом.

О. Д.: Откликнулись одноклассники, которые теперь живут и в Америке, и в Финляндии, ребята, которые учились с моим сыном, но я же их и учила. Понимаете, вот он всех поднял, а от них такие воспоминания! Там получилось так, что, поскольку я приехала по оргнабору, мне нужно было какое-то определенное количество часов выработать. А часов физики в школе было меньше. А поскольку я приехала как завуч и учитель физики, мне нужно было часы добрать... я не имела права работать меньше, потому что мне шла какая-то гарантированная оплата. И я взяла труды вести. Там было три швейные машины. С ними мы не совладали, потому что не хватало шпuleк. А подольские машины в Венгрии, конечно, не купить никаких запчастей. То есть я поняла, что шить мы там ничего не сможем. И мы стали вязать. То есть я сделала программу с вязанием, и у меня вязал весь гарнизон! Без всякого преувеличения. И вот одно письмо, я его даже сохранила себе в архиве. Потому что было написано, что большая благодарность за жизнь и особенно за вязание, которое помогло выживать в 90-е годы...

Значительно сократим текст интервью, отметив, что у мамы и сына, вернувшихся в 1984 г. в Ленинград, о венгерской школе остались очень теплые воспоминания, как о родном доме.

Т. Ш.: И что случилось потом? После той чудесной гарнизонной школы Вашему сыну было очень сложно адаптироваться в советской массовой школе?

О. Д.: Нет, он абсолютно адаптировался. Но он хотел заниматься на железной дороге. Понимаете, он был фанатом железной дороги! Он ходил, как мы говорили, мыть рельсы все лето. И прошел там все от проводника, путеобходчика и потом в драку уже в 8-м классе за место машиниста, потому что там только два состава и только два машиниста могли быть, а их, машинистов, было больше. Малая Октябрьская железная дорога – это очень серьезная организация, на мой взгляд, очень грамотно построившая свою систему, которую, к сожалению, сейчас не так уже поддерживают, как в советские времена. Но тем не менее до сих пор она функционирует. В прошлом году был какой-то юбилей, и сын ездил туда. Давал тоже интервью по поводу того, как эта дорога сыграла роль в его судьбе. А вот в обычной школе ему было неинтересно. Там учительница классная требовала, чтобы он обязательно занимался какой-то общественной работой. Я говорила ей, понимаете, у человека не может быть две общественные работы, он на железной дороге занимается

общественной работой, туда он бежит. Он быстро делает уроки и бежит туда. А она требовала, чтобы за цветами он ухаживал. Понимаете, ну шестиклассник, который уже рулит там, условно говоря, паровозом, ну, конечно, у него другая жизнь. Понимаете, и это было очень сложно. И пришлось его тоже в другую школу переводить. И проблем было с ним много. В общем, кончилось тем, что я, будучи инспектором РОНО, даже работала тогда в той школе... Я брала часы в его классе, для того чтобы как-то вот балансировать на уровне. Много было жалоб. Помню учительницу литературы, я получила от нее замечание в дневнике: «Сидел на уроке литературы не в позе ученика».

В итоге к представлению о правильной школе как о маленькой комфортной добавляется выстраданное на собственном родительском опыте убеждение, что школа должна помогать учиться, не унифицируя учащихся, а, напротив, учитывая индивидуальные особенности каждого. Такое убеждение можно было бы назвать идеалистическим. Но в нашей информантке идеалист удивительным образом соединяется с прагматиком. Сначала проект идеальной школы О. Д. выстроила как теоретический конструкт, успешно защитив кандидатскую диссертацию по педагогике. А затем приступила к воплощению этого проекта в жизнь, получив в 1999 г. лицензию на открытие своей частной школы.

Экстернат и частные школы

Хотя Закон 1991 г. правом выбора «иног» образовательного сценария наделил все учебные учреждения, воспользовались им в первую очередь не дневные общеобразовательные школы, а вечерне-сменные⁵. Дневные общеобразовательные школы к освоению нового направления оказались готовы меньше. Проблема не ограничивалась нежеланием школьной администрации использовать непривычную форму обучения. В школьном экстернате видели потакание подростковой асоциальности. Часто причиной перехода от дневного обучения к экстернату служил школьный конфликт, разрешить который в «старых» стенах было практически невозможно. За желающими перейти на экстернат (не только за учеником, но и за его родителями) тут же закреплялась репутация «трудных, скандальных клиентов», и директора «чужих» школ не торопились взять на себя подобную ношу. Все это происходило на фоне интриг, взаимных претензий, взяток, извечного недоверия к новому. Как новая гражданская практика школьный экстернат у многих вызывал боязнь и недоверие, почти сразу был заклеен как «рыночный» и рисковал в дальнейшем оставаться преимущественно сферой образования взрослых.

Повернуть ситуацию в сторону формирования целостной образовательной системы удалось с появлением частных экстернат-школ, как правило,

⁵ Об этом подробнее: Шманкевич Т. Школьный экстернат до и после принятия нового Закона об образовании // Сибирский учитель. Научно-методический журнал. Новосибирск. 2014. № 2 (93). С. 5–11.

являющихся воплощением авторских проектов, требующих гражданской смелости. Первые частные экстернат-школы были открыты в Москве и Санкт-Петербурге, где более полно представлена их целевая аудитория: ученики, мотивированные на новый образовательный сценарий, и родители, готовые и способные этот сценарий оплачивать. Постепенно в эту сеть включались новые города. Школьный экстернат привлекал рекламой методического сопровождения каждого учащегося, акцентом на самообразовании и грамотном распределении собственного времени, которые обеспечат успешность образовательных карьер экстернов и после получения аттестата о среднем образовании. В доказательство на сайтах школ размещали отзывы бывших экстернов, утверждавших, что, в отличие от выпускников обычной школы, они были избавлены от трудностей адаптации после поступления в вуз. Устойчивость социального заказа на экстернат подтвердилась устойчивостью положения частных экстернат-школ в течение кризиса конца 1990-х. Поэтому первое десятилетие XXI в. О. Д. обоснованно вспоминает как время, казалось бы, гарантировавшее, что школьный экстернат в образовательное пространство города вписан прочно и надолго.

Из интервью с О. Д. [08.07.2017]

О. Д.: Первую лицензию мы получили в 1999 г. И вот, значит, с 1999 г. по 2007 г. мы жили на Басковом переулке, дом 8, где у нас было офисное помещение в здании Экономического колледжа. По вечерам, когда колледж заканчивал работать, мы снимали там почасовую аренду, и там дети у нас работали, учились. И хотя с коллективом колледжа у нас были прекрасные отношения, все это было страшно неудобно. А уж когда в 2007 г. мы получили лицензию на среднее звено, то уже продолжать так работать стало просто невозможно: таких экстернов, в отличие от старшеклассников, уже вечером было неправильно приглашать, нужно было организовывать для них утренние занятия. И вообще там в колледже не очень-то... окружение для детей было не всегда благоприятное.

В результате было принято решение поменять адрес школы, арендовав для нее постоянное помещение. Это происходило на подъеме «нулевых», когда вместе с увеличением количества экстернов заметно изменилось родительское отношение к экстернату. Начал формироваться новый тип так называемой клиентской семьи, выбирающей школьный экстернат не в качестве компенсаторной меры для неуспевающих, а как оптимальную форму обучения. Появились первые «династии»: вслед за старшими детьми, окончившими школу-экстернат, в эту же школу родители стали приводить младших. На экстернат переходило все больше талантливых учеников, а лучшей рекламой служили успешные образовательные карьеры выпускников. Как следствие, в экстернат-школу стали приходить по рекомендации тех, кто раньше эту школу окончил. Невзирая на трудности, будущее школьного экстерната виделось весьма перспективным.

О. Д.: Вот мы стали искать помещение, где бы можно было расширяться немножко. И нашли помещение на Казанской улице. Оно нас, в принципе, устраивало. Хотя оно было небольшим, всего 60 квадратных метров. Но они свои.



Т. Ш.: А на Басковом переулке у вас было?

О. Д.: Там 33 квадратных метра. Вот это офисное помещение, и там сколько нам было нужно, мы там брали во второй половине дня классные комнаты в зависимости от потребностей в течение года. Допустим, в первое полугодие меньше. Во втором полугодии больше. Там уже был вот такой порядок. Но там своего закрепленного такого учебного помещения у нас не было. Это всё, конечно, не нравилось тем, кто приходил нас лицензировать. И мы стали арендовать помещение на Казанской улице. И там мы сделали все так, как хотели. Сделали все очень уютно, сделали ремонт, и все там хорошо получилось. Но оказалось, что вот прошло почти 10 лет, и нам опять стало мало. Мы с 2009 г. были на Казанской.

От изменения контингента экстернов к изменению формата экстернат-школ

К началу второго десятилетия XXI в. контингент экстерната значительно расширился. По мотивационному признаку получилось выделить 14 групп экстернов: 1) «конфликтные» дети, не нашедшие понимания в прежних школах; 2) физически ослабленные, спасающиеся от изматывающей школьной нагрузки, в том числе дети-инвалиды; 3) сильные ученики, которым скучна школьная программа; 4) старшеклассники, нацеленные на поступление в конкретный вуз и желающие сконцентрировать свои усилия на определенном блоке предметов; 5) учащиеся, получающие не только общее, но и серьезное дополнительное образование и имеющие профессионально мотивированные цели (юные спортсмены, музыканты, художники, фотомодели, для которых сложно принять традиционный алгоритм школьной жизни); 6) юноши, стремящиеся пораньше окончить школу и поступить в вуз, чтобы избежать призыва в армию; 7) учащиеся, мотивированные на занятие бизнесом еще до окончания школы; 8) так называемые хронические троечники и те, кто «забил» на учебу, для них экстернат – шанс мобилизоваться и получить аттестат; 9) учащиеся младших классов, родители которых были не готовы отдать своих детей в массовую школу; 10) учащиеся из «глубинки», желающие получить образование в губернских или столичных городах; 11) дети иностранцев, с трудом адаптирующиеся к российской школе; 12) учащиеся, недавно приехавшие из ближнего зарубежья или других регионов России, которым сложно адаптироваться в массовой школе; 13) российские дети, выехавшие с родителями за границу, но не желающие там получать школьное образование, либо российские дети, вернувшиеся в Россию после длительного обучения в зарубежной школе и не сумевшие приспособиться к изменившимся условиям; 14) взрослые клиенты, в силу разных обстоятельств не получившие в свое время школьный аттестат.

Не все проходило просто. Успехи экстерната обернулись неожиданными проблемами. Снижение возрастных рамок школьного экстерната (вплоть до учащихся начальной школы) привело к размытию границы между школьным

экстернатом и семейным обучением. В качестве способа решения этой проблемы «сверху» специальными указами существующие Положения о школьном экстернате и о семейном образовании были отменены под предлогом, что их нужно доработать. Положение об экстернате было доработано и принято в 2000 г. Нового Положения о получении образования в семье не вышло. Возникла амбивалентная ситуация, когда по Закону об образовании 1991 г. получение образования в семье считалось легитимным, но юридического сопровождения для этой формы обучения в виде специального Положения не существовало. Поэтому в школьных документах тех лет форма «семейное обучение» нередко подменялась экстернатом, что влекло за собой в том числе методологические трудности.

Школьный экстернат и в прежние годы не был однороден. Он различался по своему социальному составу, по мотивировке выбора этой формы обучения, по способностям учащихся к обучению (главным образом – к самообразованию), по индивидуальному предшествующему школьному опыту. Но это, как правило, была определенная возрастная группа, на которую и ориентировалось методическое сопровождение экстернов. С появлением в экстернат-школе учащихся младших классов стало понятно, что этих детей надо сначала качественно подготовить, прежде чем использовать для них такой способ освоения школьной программы. Однако классическая система экстерната основывается на принципах самообразования, а дополнения, касающиеся домашнего образования, было сложно включить в школьный Устав, так как соответствующего Положения не существовало.

В рамках одной конкретной школы проблемы пытались решать по мере их поступления. Оборудовали классную комнату для малышей. Продумывали новые методические пособия, в том числе и для родителей учащихся, так как с уменьшением возраста экстернов акцент с принципов самообразования переносился на целенаправленное участие родителей (взрослых) в образовательном процессе ребенка. В рамках страны вместо решения сложных финансовых проблем, разведения довольно зыбких границ между экстернатом, семейным образованием, дистанционным и интернет-образованием, волевым законодательным решением все эти проблемы вместе с разнообразными формами обучения с началом 2013 г. были отправлены в прошлое. В новом Законе об образовании сохранили лишь понятие «экстерн», поскольку, если индивидуальный выбор делается в пользу получения образования вне учебного учреждения, учащийся имеет право получить аттестат, сдав экзамены экстерном. Реформаторами объявляется, что школьный экстернат ликвидирован лишь в качестве учебной формы, но сохранен как идея. В ответ звучит критика, что если идея экстерната и сохранена, то в совершенно выхолащенном виде.

Прописанная в новом законе форма аттестации экстерном на первый взгляд формально ничем не отличается от экстерната как формы обучения по старому закону. И прежде все взаимоотношения учащихся и образовательного

учреждения сводились именно к аттестации. Все, что выходило за рамки аттестации, школами проводилось как платные образовательные услуги. По новому закону каждый экстерн, как и прежде, имеет право получать бесплатные консультации (два часа по любому предмету перед каждым экзаменом), брать учебную литературу в школьной библиотеке, посещать лабораторные и практические занятия, принимать участие в олимпиадах, конкурсах и централизованном тестировании. Каждый полгода экстерн должен сдавать промежуточные экзамены – не более двенадцати в год. Особо подчеркивается, что экстерн имеет право прийти в школу и совершенно бесплатно сдать экзамены, чтобы получить школьный аттестат. Но, по замечанию эксперта, проблема заключается в том, *«что просто так этого ребенка никто не возьмет. Потому что кому он нужен-то? У него все равно знания не заточены на таком уровне, на котором они должны быть»* [Из интервью с методистом бывшей экстернат-школы, женщина, 49 лет. 14.11.2014].

Новый закон не учел того, что учащемуся, выбравшему обучение вне образовательного учреждения, необходимо грамотное методологическое сопровождение. За два десятилетия экстернат-школы накопил в этом направлении определенный опыт. Но после вступления в силу нового закона об образовании остаться на образовательном пространстве города смогли лишь те школы, которые не только вовремя прошли лицензирование, но и заранее добавили в свои школьные уставы помимо экстернат-образования другие формы обучения. Теперь эти школы обязаны позиционировать себя как обычные общеобразовательные учреждения, использующие индивидуальные формы работы.

В особо сложном положении оказались «малогабаритные» частные школы, специализирующиеся на экстернат-услугах и арендующие, как правило, небольшие помещения. На потребительском рынке такие школы по-прежнему востребованы, но не всем удалось вписаться в правила нового образовательного стандарта, который, по закону, должен быть не просто выполненным, но выполненным «при условии выполнения условий». То есть если проверка покажет, что все учебные программы пройдены в полном объеме, учащиеся успешно сдали экзамены, но спортивного зала или столовой в школе нет, – условия не соблюдены, стандарт считать выполненным нельзя. В поисках выхода школами заключаются договоры с фитнес-центрами на фиктивное предоставление помещения для уроков физкультуры, с различными столовыми и кафе, которые школу «как бы кормят» и т. п.

Примерно в таком положении находилась переехавшая на Казанскую улицу школа «Экспресс». Что же позволило ей не просто выжить в этих условиях, сохранив свою нишу в образовательном пространстве города, но и выйти на новый уровень, в том числе измеряемый квадратными метрами?

Игры с пространством. Новые бонусы

Для школы «Экспресс» таким выходом стал диалог с городом. Еще накануне принятия Закона об образовании О. Д. участвовала в обсуждении новой редакции Закона в Общественной палате, где, в частности, решался вопрос о том, как согласовать иерархические принципы управления общеобразовательной школой и правила потребительского рынка. Конструктивного профессионального разговора, позволившего проанализировать и успехи, и трудности экстерната, тогда не получилось. Основное время дискуссии заняла эмоциональная критика существующей образовательной системы со стороны представителей семейных школ. Из интервью с О. Д.: *«Родители, принявшие на себя роль директоров семейных школ, эмоционально рассуждали о праве ребенка на гармоничное развитие, с уничтожающей критикой нападая на существующую образовательную систему. Но это ведь утопизм! Не надо забывать, что ты живешь в государстве, где есть правило, согласно которому все должны получить образование определенного формата. И совершенно логично, что есть какая-то проверка в конце этого формата. И это нужно принять, правила нужно соблюдать, а не пытаться их обойти, обмануть»* [17.06.2014].

Представляется, что секрет жизненности школы «Экспресс» заключается не в конформизме, готовности принимать правила системы, но в умении найти в любой системе, даже самой бестолковой, уязвимые места, еще не заполненные лакуны и придать им полезное содержание. По словам О. Д., на этом пути помогают гибкость и мобильность – обязательные качества школ, предполагающих обучение экстерном: «Такие школы могут оперативно перестроить свою деятельность, учитывая изменение социальных потребностей региона и образовательных потребностей населения, ориентируются в работе на принцип опережающего воздействия (не только спрос определяет предложение образовательных услуг, но и предложение стимулирует развитие потребностей)»⁶.

Из интервью с О. Д. [08.07.2017]

О. Д.: *Получилось так, что я выступила по просьбе Комитета по образованию на заседании Правительства. На мой взгляд, я выступила хорошо. Дело в том, что всегда существовало противостояние государственных и негосударственных школ. И мне никогда это не было, честно говоря, понятно. Я считаю, что и дети у нас одни и те же, и учителя у нас те же самые. Просто каждая негосударственная школа подбирает себе свой профиль. Благодаря чему негосударственная система образования не противопоставляет себя государственной, а как раз поддерживает ее. Ну ребенок по каким-то причинам выпал из массовой школы. Пусть даже двоечник, пусть прогульщик, пусть ребенок, который с наркоманией как-то там трагично встретился, а в результате шанс вернуться в государственную школу практически отсутствует. И не*

⁶ Владимирская О.Д. Азбука экстерната. СПб.: Реноме, 2017. С. 119.



потому что эта система плохая, а потому что трудно индивидуально подходить к большому количеству детей. Поэтому негосударственные школы изначально выполняли роль вот этого буфера – и, в общем, хорошо выполняли. Вот, допустим, школа «СТЕРХ», которая просто сразу заявила, что она работает с больными детьми.

Т. Ш.: Это где?

О. Д.: Это на Мучном переулке, дом 5. Они работают с такими детьми. У них целый коридор фактически на реабилитации. Ребенок в течение дня там может полежать, там делают уколы, если нужно диабетикам, и так далее. У этой школы своя ниша, и это нормально, и в этом нет ничего плохого. Я никогда не принимала противостояния государственных и частных школ. А очень часто звучало, что у них так, а у нас так...

Т. Ш.: Звучало от кого?

О. Д.: Ну, понимаете, есть у нас Ассоциация негосударственных школ. И вот от этой ассоциации это часто звучит, и я вышла из нее, потому что я считаю, что это неправильная позиция. Потому что у нас общее дело, педагогическое, независимо от формы собственности. Короче говоря, меня пригласили выступить. Я выступила, и мое выступление понравилось губернатору. Я это видела по тому, как он слушал... и после этого я решила, чем черт ни шутит, напишу письмо губернатору, пойду на прием. Но на прием мне не удалось попасть, а письмо мое передали. И он откликнулся на это письмо и дал распоряжение КУГИ выделить нам помещение.

Т. Ш.: А письмо было о чем?

О. Д.: С просьбой предоставить помещение нашей школе... Губернатор сделал запрос в Комитет по образованию. Там дали очень хорошую аттестацию нашей школе. И как бы процесс прошел. Было специальное решение Совета Правительства. Оно датировано 25 декабря 2015 г. В 2016-м мы об этом узнали. То есть это все было не быстро, и мы стали искать. Нам показывали помещения, ужасные совершенно. Я все лето ходила по дворам, я искала эти помещения, которые гипотетически можно было взять. А потом мы ходили смотреть всем педагогическим коллективом, со всеми учителями – им же потом в этом месте работать.

И снова опустим подробное описание поиска нового здания для школы, сделав акцент на самом факте, что бывшей экстернат-школе не только удалось остаться в городском образовательном пространстве, но и преодолеть противопоставление государственных и частных школ, получив от города новое помещение, три этажа в старом здании на Звенигородской улице.

О. Д.: На самом деле, это сейчас здесь после ремонта все очень приятно, но первое время это была оторопь. Первое время – завалы этой грязи. Поэтому ругаются все: мусор, грязь. Когда пришли смотреть помещение, только первый этаж был открыт. Он был к этому времени заброшен, и в нем нелегально жили художники, не просто неформальные, а какого-то сатанистского толка, все было затянута темно-бордовой тканью, окна замазаны черной

краской, кругом свечи, место для жертвоприношения. В общем, ужас, а второй и третий этажи были закрыты, мы даже не знали, что там. Узнали в тот момент, когда мы пришли подписывать акт о приемке этого помещения. Пришла представитель КУГИ. Она все и показывала.

Как оказалось, наверху располагался нелегальный бордель, как большинство нелегальных борделей, имеющий свой сайт и таким образом не скрывающий своего места в городском пространстве. Тут нужно отметить, что информантка предпочла бы, чтобы эту деталь из интервью мы выпустили. Приношу ей искреннее извинение, но из песни слова не выкинешь, тем более что произошедшая трансформация пространства представляется очень символической (рис. 1, цв. вклейка). Особенно трогает рассказ О. Д. о попытке использовать в ремонте школьного помещения огромные зеркала, которыми были покрыты все потолки второго этажа.

О. Д.: Мы потом отсюда их вывезли в ужасных количествах (О. Д. вздыхает. – Т. Ш.). Я-то хотела сначала зеркалами коридоры оснастить.

Т. Ш.: Чтобы добро не пропадало?

О. Д.: Ну жалко! Конечно, я же тут каждую деревяшку... страдала за нее. Мне казалось, что это все так нужно. Но оказалось, что зеркала нельзя устанавливать в местах эвакуации.

Т. Ш.: То есть вам пришлось немало вложиться в этот подарок от города.

О. Д.: Здание город не подарил. Мы его получили в аренду, мы платим аренду. Но аренда у нас очень небольшая раз в квартал, просто символическая по сравнению с тем, что мы раньше платили... Но понимаете, если учесть, что мы переделали всю электрику, что мы переделали все батареи, что мы переделали всю сантехнику, что мы поменяли фановую трубу... Кроме того, хотя коридор с лестницей нам не принадлежит, лестница – это в ведении жилищно-сервиса. И они должны ее мыть, убирать, ремонтировать. Но ремонт, который сейчас на ней идет, мы делаем. Это как бы не наша работа, но мы не можем ждать. Во-первых, там были безумные ступеньки, они были травмоопасны, сколоты. И зимой дети бегают. У нас не так уж их много, но все равно они будут подниматься. Да и пожилые учителя поднимаются на третий этаж, мы же тоже должны понимать ответственность.

Т. Ш.: А на третьем этаже у Вас сейчас что находится?

О. Д.: Центр повышения квалификации учителей «АНЭКС».

Об этой образовательной инициативе О. Д., открытии в городе частного центра повышения квалификации работников педагогического образования, следует говорить отдельно. А пока в заключение – новый образ «девочка на шаре».

Как эпилог. «Девочка на шаре»

Участие в московских курсах повышения квалификации обогатило О. Д. полезным конструктом под названием «Новое пространство старой школы», который она успешно использует при общении с инспекторами, удивляющимися тому, насколько новое помещение мало напоминает обычную школу.



В ответ О. Д. выдает: *«Это линия Министерства образования – разве Вы не знаете?»* Правда, в отличие от московского опыта превращения старых школьных зданий в подобие турецких отелей, на Звенигородской пришлось превращать в школу помещение совсем иного рода. Чтобы осуществить такого рода трансформацию, О. Д. был взят солидный кредит. Зато для каждой комнаты продумали отдельный дизайн с учетом возрастной группы экстернов. Чтобы уйти от стандартной кабинетной системы, организовали современные пространства-трансформеры. Впечатляет оригинально оборудованный интернет-класс, вся электрика в котором убрана в пол под рабочими столами (дизайн, позаимствованный у финских коллег). О. Д. с гордостью показывает школу: *«Все кабинеты, Вы видите, уже более или менее оформлены. Во всяком случае, начало везде положено, кроме моего кабинета».*

До директорского кабинета руки еще не дошли. Практически пустое пространство привлекает внимание оригинальной покраской стен. Когда принимали работу маляров, учителя пошутили: «Прямо в духе позднего Пикассо». «Среднего» – поправил их присутствовавший тут пожарный инспектор, как оказалось, искусствовед в прошлой жизни, специалист по творчеству Пикассо. Он и посоветовал: «С мебелью, конечно, можете не торопиться. А вот репродукцию картины “Девочка на шаре” обязательно на стену повесьте». Но в условиях ремонта и невыплаченного кредита денег на картину просто взять было неоткуда. Поэтому, когда мама одной ученицы пришла с благодарностью за свою дочь и с вопросом, чем они могут быть О. Д. полезны, та попросила, если это возможно, пусть дочка напишет для школы картину «Девочка на шаре» (рис. 2, цв. вклейка).

Из интервью с О. Д. [08.07.2017]

О. Д.: *«Девочку на шаре» нарисовала наша ученица. В этом году она у нас окончила восемь классов, а до этого три года подряд оставалась в 8-м классе на второй год. Очень тяжело, ну девочка, действительно, реально у нее нет долгосрочной памяти вообще. Вот она что-то делает, через два дня приходит и говорит, я этого никогда не видела. И я понимаю, что она не обманывает, потому что такая уже не первая у нас девочка. И мы с мальчиками как-то у нас не получается, а вот с девочками... все-таки слушаются родителей и продолжают приходить в школу, и продолжают обижаться на школу, и продолжают страдать. А мы сейчас нашли несколько колледжей, где берут детей после 8-го класса, то есть не дожидаясь их провала катастрофического на ЕГЭ. Провал этот практически неизбежен, потому что четыре экзамена им не сдать. Если бы хотя бы два, русский и математику, ну хотя бы. Или просто русский, потому что нужно подтвердить государственность свою. И это еще как-то их можно было бы готовить. А четыре – это просто нереально, и у них опускаются руки уже на уровне где-то седьмого-восьмого класса... И вот в этом году наша Лена поступила в колледж реставраторский на реставрационные работы.*

Т. Ш.: Туда как раз берут после восьмого класса?

О. Д.: Да, после восьмого класса на основании представленных работ. Какие-то она там проходила испытания уже художественного свойства. А общеобразовательные – восемь классов. И вот она туда пошла. И мама ее позволила. Потому что я говорю, Вы потом мне позвоните, как там у Вас сложится, ну мало ли что. И она позвонила и говорит, Вы не представляете себе, она работает маляром, ее сразу взяли в бригаду, и она, говорит, в полном счастье. У нас, говорит, дома эти кисти отмокают, где-то она реставрирует, где-то что-то красит. У них там первый этап строительный. Ну не всех же берут на реставраторов. И у них бригады. Потому что кроме реставрации они сразу берут подряд и одновременно делают все. И дети сразу у них включаются в работу. Могут заработать деньги. И они сразу их в дело берут... Я, собственно, узнала об этом ПТУ, когда была на коллегии Комитета в прошлом году по профориентации. И там выступала директор этого колледжа, она рассказала о своей работе и сказала, что нам очень нужны хорошие дети. Ну я вот вспомнила об этом, когда... и туда отправила Лену. И вот в благодарность Лена нарисовала мне картину. Сначала мы с ней вместе нашли репродукцию в интернете, она посмотрела и сказала: «Смогу». И очень быстро нарисовала, и была страшно горда. То есть это было, Вы даже не представляете себе, как это было, когда она пришла, с какой торжественностью она раскрывала эту бумагу, как она стояла, и мама ее рядом...

О. Д. в «Девочке на шаре» видит образ себя самой. По ее словам, именно так она ощущает себя вот уже много лет, балансируя в роли директора частной экстернат-школы. Образ можно проинтерпретировать шире. Как и у других бывших экстернат-школ, у школы «Экспресс» огромное количество проблем, а ее будни складываются далеко не из одних достижений. Но два достигнутых результата: новая жизнь отреставрированных трех этажей в разваливающемся городском здании и новая жизнь девочки Лены, расставшейся с клеймом «неудачницы» и поступившей в реставраторский колледж, – отражаются в нарисованной выпускницей картине как квинтэссенция единства нового школьного пространства и сохраненных вопреки всему принципов школьного экстерната.

СЕКЦИЯ 4. НОВЫЕ ТРЕНДЫ ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКИ И РЕЗИДЕНТНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

А.Н. Муфтахова (Санкт-Петербург) СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО МЕГАПОЛИСА В ЖИЛИЩНОЙ СФЕРЕ (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

1.

По результатам первичного исследования считаем тезис о цикличности жилищной стратификации в условиях мегаполиса (или мегаполиса) имеющим право на существование и находим подтверждение данному тезису в истории развития жилищно-гражданского домостроения от эпохи Российской империи, Советской России до Российской Федерации. В современных апарт-отелях можно узнать дореволюционные доходные дома, в элит-классе – номенклатурные и генеральские «сталинки», в именных жилых комплексах – жилмассивы домов-коммун, в таунхаусах – немецкие коттеджи и т. д.

И действительно, обращение к классической литературе и биографическим источникам XIX в. дает свое особое представление о сложившейся ситуации в сфере жилищных классов. Разделение на классы и сословия встречаются и у Н.В. Гоголя в повести «Шинель», где главный герой Акакий Акакиевич вынужден добираться до места службы по холодным задворкам города (что говорило о его низком статусе), и у героев Ф.М. Достоевского с описанием доходных дворов («Хозяйка»), господских домов («Двойник»), жилья купеческого уклада у героев А.Н. Островского и Н.С. Лескова. К примеру, герой одноименного романа И.А. Гончарова «Обломов» вынужден был из-за нехватки средств переселиться с Гороховой улицы на Выборгскую сторону, в то время являвшуюся рабочей окраиной Петербурга.

В биографиях Н.А. Лохвицкой (Тэффи), жившей на «Пяти углах»¹, А.П. Павловой, проживавшей в доходном доме костела св. Екатерины², можно

¹ Доходный дом Ш.-З. Корфа – Доходный дом Ш.З. Иоффа (Загородный пр., 11; Рубинштейна ул., 40) // Citywalls (Архитектурный сайт Санкт-Петербурга). URL: <http://www.citywalls.ru/house460.html> (дата обращения 16.10.2017).

² Дом костела св. Екатерины (Итальянская ул., 5) // Citywalls (Архитектурный сайт Санкт-Петербурга). URL: <http://www.citywalls.ru/house894.html> (дата обращения 16.10.2017).

найти подтверждение об элитарности выбора места жительства для высшего сословия. Данное заключение справедливо для исторического центра.

Обращение к краеведческой и историко-культурной литературе позволило дополнить проведенное исследование. Так, у Е.Д. Юхнёвой в монографии «Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта»³ можно найти описание реалистичной картины жизни петербургского доходного дома. Исследователь отдельно выделяет комфортабельность и благоустроенность как характеризующий признак престижности арендного жилья. Среди критериев респектабельности домов Е.Д. Юхнёва указала близость к исторической части города, материал отделки и строительства, метраж комнат и парадных. Теоретические изыскания подтверждались на практике, благородство каменных дворцов центра сменялось оштукатуренными строениями по пути к деревянным домам окраины.

Изысканность, индивидуальный подход в строительстве зависел от состоятельности заказчика, «**барские**» дома, будь то «**купеческие**» или «**господские**», соревновались между собой в именитости архитекторов.

Для более низкого сословия строились дома гораздо проще, порой в качестве вспомогательной пристройки к жилому зданию или учреждению создавался флигель. Показателен пример Здания Второго общества взаимного кредита, в лицевой части которого были расположены залы и рабочие кабинеты управления, в задней части – служебные помещения и жилища служащих⁴. Относительно представителей рабочего класса стоит отметить, что их жилищные нужды удовлетворялись путем одноэтажной застройки либо общежитиями при фабриках («**рабочными**» домами), за проживание в которых владелец предприятия снимал с них плату. Типичным примером являлись «Комплекс зданий и сооружений Калининского пивоваренного завода»⁵ с жилыми казармами, и производственные здания Российско-Американской резиновой мануфактуры «Треугольник»⁶ с общежитиями, школами, больницами.

Бурный рост строительства в начале XX в. затормозился в период революционных событий и гражданской войны. Пришедшие к власти большевики,

³ Юхнёва Е.Д. Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта. М.: Центрполиграф, 2012.

⁴ Здание Второго общества взаимного кредита (Садовая ул., 34) // Citywalls (Архитектурный сайт Санкт-Петербурга). URL: <http://www.citywalls.ru/house1064.html> (дата обращения 16.10.2017).

⁵ Калининский пивоваренный завод – Пивоваренный завод им. Степана Разина (Степана Разина ул., 9) // Citywalls (Архитектурный сайт Санкт-Петербурга). URL: <http://www.citywalls.ru/house3497.html> (дата обращения 16.10.2017).

⁶ Производственные здания и школа Товарищества Российско-Американской резиновой мануфактуры «Треугольник» // Citywalls (Архитектурный сайт Санкт-Петербурга). URL: <http://www.citywalls.ru/house2597.html> (дата обращения 16.10.2017).



реализуя ленинскую цитату «Богатой квартирой считается также всякая квартира, в которой число комнат равняется или превышает число душ населения, постоянно живущего в этой квартире»⁷, внедрили практику уплотнения, то есть лишние комнаты реквизировались у «богатых» и заселялись «семьями бедного населения»⁸.

К началу реализации новой экономической политики стало ясно, что простым изыманием квадратных метров жилищную нужду пролетариата не решить. Не справившись с расселением барских домов, большевики создали плеяду нарушающих архитектурный стиль города жилмассивов, что привело к первым попыткам городского планирования в разрешении жилищных нужд советского государства. Это дало основания для внедрения в жилищную политику построек, получивших в народе название «**кировки**» по имени первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) (руководителя администрации города) С.М. Кирова. Проект по строительству домов с местами общего пользования с разделением по профессиональному принципу пришел взамен пролетарским экспериментам бессистемной застройки начала 1920-х гг.

Являясь своеобразным заимствованием из опыта строительства заводских комплексов жилых зданий и бытовых сооружений, «кировки» были ориентированы на обобщественный быт. Дома для рабочих не оборудовались душевыми и ваннами, ожидалось, что пролетарий будет использовать общественную баню как место бытового пользования. В то же время в квартирах домов, предназначенных для научных и творческих служащих, отсутствовали кухни взамен шаговой доступности столовых и кафетериев. Такими зданиями эпохи конструктивизма были Дом-коммуна инженеров и писателей⁹ и Дом политкаторжан¹⁰, имевшие на первых этажах столовые, библиотеки, клубы, гаражи.

Здесь не ставится цель направить научное изыскание в сторону архитектурных стилей, а ставится задача изучить опыт обеспечения соответствия нормативам социальной инфраструктуры, жилищных условий и бытового обслуживания нужд жителей крупного города. Так жилые строения, возведенные в одно время (в период 1932–1934 гг.) в единой стилистике (конструктивизм), носили разное практическое применение. Например, разительно отличается жилмассив

⁷ Ленин В.И. Полное собрание сочинений Изд. 5-е. Т. 54. М.: Изд-во политической лит-ры, 1965. С. 388.

⁸ Меерович М.Г. Власть и жилище (жилищная политика в СССР в 1917–1940 годах) // Вестник Евразии. 2003. № 1. С. 8.

⁹ Дом-коммуна инженеров и писателей (Рубинштейна ул., 7) // Citywalls (Архитектурный сайт Санкт-Петербурга). URL: <http://www.citywalls.ru/house2500.html> (дата обращения 16.10.2017).

¹⁰ Жилой дом Общества бывших политкаторжан («Дом политкаторжан») (Троицкая пл., 1; Петровская наб., 2) // Citywalls (Архитектурный сайт Санкт-Петербурга). URL: <http://www.citywalls.ru/house7234.html> (дата обращения 16.10.2017).

рабочих фарфорового завода¹¹ от жилмассива «Металлострой»¹² или жилой дом Экспортлеса¹³ от дома для служащих Октябрьской железной дороги¹⁴ как своим убранством, так и внутренним благоустройством мест общего пользования.

Поэтому представляется важным сделать предварительный вывод о цикличности жилищной стратификации, поскольку в 1930-е гг. в связи с успехами индустриализации происходит реминисценция в домостроении, породившая сталинский неоклассицизм. Подражая императорской России, образцы «сталинок» становятся первенцами панельного домостроения. Использование гранитной и мраморной отделки домов, увеличение площади квартир – все это позволяет говорить, если не об элитарности, то хотя бы о комфортабельности строящегося жилья. Добротные дома с улучшенной планировкой, подсобными помещениями предоставлялись для нужд пролетариата, научной интеллигенции и номенклатурных работников.

Следуя принципам марксизма, жилье рассматривали как средство производства и дополняли подсобными помещениями. Так, обязательными стали комнаты для помощниц по хозяйству, у научных работников – библиотеки, у номенклатуры – кабинеты и приемные, в домах для рабочего класса предусматривались кладовые.

По свидетельству С. Коткина, существовала определенная классовая дифференциация в распределении жилплощади. Приблизительная норма для рабочих и членов их семей составляла 3,2 кв. м на душу, а для инженерно-технического персонала и членов семей – 6,26 кв. м в домах с улучшенной планировкой¹⁵.

Являясь своеобразным прообразом службы единого заказчика, сформированная в 1931 г. Комиссия содействия ученым занималась обеспечением элитными жилыми домами научных кадров. Для обеспечения писателей, композиторов, архитекторов и прочих были созданы соответствующие фонды и союзы¹⁶.

¹¹ Жилмассив рабочих фарфорового завода (Фарфоровская ул., 14–28) // Citywalls (Архитектурный сайт Санкт-Петербурга). URL: <http://www.citywalls.ru/house9155.html> (дата обращения 16.10.2017).

¹² Жилмассив «Металлострой». Жилой дом (Средний пр. В. О., 78; 21-я линия В. О., 16, к. 8) // Citywalls (Архитектурный сайт Санкт-Петербурга). URL: <http://www.citywalls.ru/house13590.html> (дата обращения 16.10.2017).

¹³ Жилой дом Экспортлеса (Стачек пр., 921А) // Citywalls (Архитектурный сайт Санкт-Петербурга). URL: <http://www.citywalls.ru/house24555.html> (дата обращения 16.10.2017).

¹⁴ Дом для служащих Октябрьской железной дороги (2-я Советская ул., 25; Дегтярная ул., 2) // Citywalls (Архитектурный сайт Санкт-Петербурга). URL: <http://www.citywalls.ru/house3424.html> (дата обращения 16.10.2017).

¹⁵ Коткин С. Жилище и субъективный характер его распределения в сталинскую эпоху // Жилище в России: век XX: архитектура и социальная история / сост. и ред. У. Брумфилд и Б. Рубл. М.: Три квадрата, 2002. С. 105–106.

¹⁶ Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1999. С. 104.

В послевоенное время в связи с варварскими разрушениями жилищного сектора в ходе блокады города перед военнопленными из числа немецких и финских интервентов была поставлена задача восстановить утраченные по их вине дома. С использованием простых технологий и зачастую из стройматериалов, собранных при разборке руин, временное жилье возводилось в промышленных районах города (Удельная, Старая Деревня), что получило в народе название «**немецкие коттеджи**».

Коммунистический призыв к бесклассовому обществу рождает уравнивание в распределении жилья для нуждающихся. С принятием Постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 04.11.1955 № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве»¹⁷ были определены направления по разработке типовых проектов жилых домов. Объявленная война с излишеством и кустарщиной, с упором на прогрессивное проектирование в домостроении, привела к ликвидации декоративных украшений, дорогостоящей отделки и квадратных метров.

Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР 31.07.1957 № 931 «О развитии жилищного строительства в СССР»¹⁸ внедрялось применение крупноблочных и крупнопанельных конструкций стен и облегченной кирпичной кладки. Данные облегченные дома прозвали «**хрущевками**». В строительных нормативах указывались следующие габариты жилой квартиры: потолок не более 2,5 м, кухни по 4,5 м², смежные комнаты и совмещенные санузлы¹⁹. Стоит отметить, что политика сокращения смет на строительство, урезания жилищных метров, совмещения санузлов и минимизации кухонь привела к высвобождению средств на увеличение объемов жилья и ускорение ввода жилых домов в эксплуатацию.

Со сменой власти в Кремле начался новый этап планирования жилищного строительства. В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 28.05.1969 № 392 «О мерах по улучшению качества жилищно-гражданского строительства»²⁰ был дан старт совершенствованию полносборного домостроения и повышению уровня архитектуры и качества массового жилищного строительства. В отличие от «хрущевок», «**брежневки**» были более благоустроены, в дома вернулись мусоропроводы и лифты, кухни были увеличены

¹⁷ Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 04.11.1955 № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» // СПС «Консультант Плюс».

¹⁸ Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 31.07.1957 № 931 «О развитии жилищного строительства в СССР» // СП СССР. 1957. № 9. Ст. 102.

¹⁹ Типы домов: Хрущевка // Информационный портал «Бюллетень недвижимости». URL: http://www.bn.ru/sprav_dom.shtml?a=tabl&ID_spr=28 (дата обращения 16.10.2017).

²⁰ Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 28.05.1969 № 392 (ред. от 03.08.1988) «О мерах по улучшению качества жилищно-гражданского строительства» // Свод законов СССР. 1990. Т. 6. С. 219.

до 8 кв. м, высота потолков – до 2,7 м, санузлы разделены, комнаты порой встречались отдельные, площадь самой квартиры увеличена.

Крупнопанельное и полносборное домостроение обрело экономически-рациональный характер, способность производить комплексную застройку жилых массивов с «учетом создания трудящимся надлежащих условий для труда, быта и отдыха, в строгом соответствии с генеральными планами, проектами детальной планировки и застройки городов»²¹.

Развивающееся домостроение и уравнивание в праве на удовлетворение жилищной нужды было остановлено крахом страны социального равенства. С распадом СССР, отколовшиеся и независимые молодые государства по-своему решали жилищный вопрос. В России в соответствии с Законом РСФСР от 04.07.1991 «О приватизации жилищного фонда в РСФСР»²² и с учетом поправок ВС РФ от 23.12.1992 жилье безвозмездно передавалось в частную собственность. Используя недоработанную теорию безусловного основного дохода, власть, с одной стороны, впервые передала жилье без всяких условий во владение обывателю, а с другой стороны – применив обратную экспроприацию, объявила о распродаже госсобственности. Народившийся класс собственников стал воспринимать свои квартиры как средство потребления, гражданское строительство не производилось, для решения жилищных проблем использовался вторичный рынок жилья (перепродажа). Существующие примеры возведения домов и строений в 1990-е гг. носят бессистемный характер, контроль за качеством не осуществлялся, плановое строительство отсутствовало.

Возрождение планомерной жилищной политики связано с систематизацией законодательства, принятием ГК РФ²³ и ЖК РФ²⁴, составлением генеральных планов территориального развития.

Цикличность жилищного неравенства можно обосновать, выполнив типологизацию современного домостроения.

Российская Гильдия риелторов и Федеральный фонд содействия развитию жилищного строительства внедрили разработку Единой классификации многоквартирных жилых новостроек²⁵. В соответствии с указанной классификацией

²¹ Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 28.05.1969 № 392 (ред. от 03.08.1988) «О мерах по улучшению качества жилищно-гражданского строительства» // Свод законов СССР. 1990. Т. 6. С. 219.

²² Закон РФ от 04.07.1991 № 1541-1 (ред. от 16.10.2012) «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 22.10.2012. № 43. Ст. 5783.

²³ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 31.07.2017. № 31 (Часть I). Ст. 4829.

²⁴ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 31.07.2017. № 31 (Часть I). Ст. 4828.

²⁵ Единая классификация проектов многоквартирных жилых новостроек по качеству (ЕК МЖН). М.: Российская Гильдия риелторов, 2012. С. 4.



многоквартирных новостроек к каждому типу домов предъявляются следующие требования.

Эконом-класс. Массовый серийный проект повторного применения с низким качеством строительства. Дома строятся с малогабаритными квартирами, студиями, кухнями до 8 м². Наличие помещений не жилого назначения и объектов благоустройства ограничено. Объекты социальной инфраструктуры расположены в радиусе более 1 км от жилого дома.

Комфорт-класс. Усовершенствованные серийные или индивидуальные проекты с переменной этажностью, планировкой, фасадами. Более просторные квартиры с улучшенной отделкой. Отсутствие студий, присутствие кухонь более 8 м². Места общего пользования, как и общее благоустройство, озеленение территории, обязательны. Объекты социальной инфраструктуры расположены в радиусе менее 1 км от жилого дома.

Бизнес-класс. Всегда индивидуальный проект дома с подчеркнутой дизайнерской проработкой архитектурного облика, высококачественной отделкой, крупногабаритные комфортабельные квартиры. Для жильцов доступны широкий набор объектов социальной и коммерческой инфраструктуры, паркинг, собственная служба эксплуатации. Наличие службы охраны, консьержа обязательно. Благоустроенная прилегающая территория с выделением площадки под детские и хозяйственные площадки.

Элитный класс. Архитектурный облик дома возводится с эксклюзивной отделкой по индивидуальному авторскому проекту. Крупногабаритные квартиры (от 60 м²) с дизайнерским ремонтом с применением эксклюзивных отделочных материалов. Разветвленная сеть социальной инфраструктуры с персональным сервисным обслуживанием. Доступ посторонних лиц возможен только по клубным картам-приглашениям владельцев квартир. Близость к культурным центрам, памятникам архитектуры.

Проведенные интервью с экспертами по вопросам приобретения недвижимого имущества (риелторами) позволили дополнить классификацию многоквартирных жилых новостроек.

Реконструкция жилья. Ветхость старого фонда и фактическое отсутствие пятен для строительства нового жилья заставили жилищных инвесторов искать выход в выкупе зданий и дальнейшей их перестройке (с сохранением исторических фасадов). В зависимости от вложений данный тип построек можно отнести как к эконом-, так и к элит-классу жилья.

Таунхаусы. Внутригородское индивидуальное жилищное строительство затронуло зоны малоэтажной многоквартирной застройки с включением объектов общественно-деловой застройки и инженерной инфраструктуры, связанных с обслуживанием данной зоны. Такие районы обычно связаны с дачными и садовыми участками, располагающимися в черте города (Озерки, Коломяги).

Апарт-отели. Новый и до конца не востребованный способ обеспечить физических и юридических лиц недвижимым имуществом. Апробированная

в зарубежных странах стройная схема аренды жилья натолкнулась на налоговые преграды российских реалий. Проблематичным для частных лиц является получение в собственность квартир в апарт-отелях, поскольку с точки зрения государства это имущество является дополнительным и облагается повышенным налогом. Другая проблема заключается в невозможности регистрации, а попросту прописки в данном виде жилища, что исключает приобретение его в качестве первого или основного.

Несмотря на обширную представленность классов домостроения, считаем, что в современном мегаполисе сохраняется взаимосвязь циклов социального неравенства по типам обеспечения жителей города местами проживания.

Поэтому одной из задач при решении жилищного вопроса следует назвать нерешенную проблему рассматривать недвижимое имущество как «собственность – средство потребления» или как «собственность – средство производства». При этом зарубежная наука не стоит на месте и успешно развивает теорию вторичного капитала.

В качестве первичных выводов была разработана модель взаимоотношений двух временных фаз «производства» и «потребления».

Фаза производства характеризуется производственными отношениями, включающими в себя планирование городской застройки и жилого пространства. На первое место при данной фазе ставятся вопросы, связанные с ценой (затратами) на создание жилья, стратегией развития города, массовостью домостроения, внедрения МОП (мест общего пользования), хозяйственными и архитектурными решениями. Жилье выступает слагаемым прибавочной стоимости.

Фаза потребления характеризуется потребительскими отношениями, включающими в себя накопление собственности, неравномерный и индивидуальный подход в распределении домовладений, покупательскими способностями нуждающихся в жилье. Применяется тезис «Жилье – это роскошь» по Питеру Саундерсу. На первое место ставятся рыночные (торговые) отношения, приобретаются «квадратные метры».

2.

Также в ходе исследования выявляются преграды и проблемы, стоящие перед жителями мегаполиса в минимизации социального неравенства при удовлетворении жилищной нужды. Здесь стоит согласиться с мнением Л.Д. Козыревой о том, что «проблема социального неравенства – традиционная тема социологических исследований как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне»²⁶.

²⁶ Козырева Л.Д. Социальное неравенство: новые методологические подходы к изучению феномена // Настоящее и будущее социальных технологий. Социальные технологии XXI века: инновации и реальность: Материалы IX международной научно-практической конференции / под ред. В.Н. Киселева, С.А. Оськина, Ю.П. Байер. СПб.: Изд-во СЗИ РАНХиГС, 2012. С. 41.

Социодинамика современного мегаполиса предопределяет роль неравенства в распределении общественных благ, в том числе и жилищную стратификацию. Поэтому вслед за А. Лефевром, который видел город как «пространство, полное разнообразной социальной активности»²⁷, считаем городское пространство социальным и находим данное подтверждение в процессах мобильности, проявляющихся в неустойчивости социальных групп в условиях жизни мегаполиса.

Находясь в конкурентной среде городского пространства, обыватель менее склонен к сохранению своей принадлежности к малой группе (к примеру, семье, трудовому коллективу, учебной группе и т. д.), поскольку больше заиклен на своей личности, склонен к рефлексии, объективно индивидуализирован и становится мобильным перед лицом давления жизненных обстоятельств.

Исходя из психофизиологической концепции Г. Зиммеля, можно утверждать, что житель большого города подвержен блазириванности, но остается свободным в выборе своей деятельности²⁸. Действительно, в крупных городах население мобильно, склонно к изменению своего социального статуса, перетеканию из одной общности в другую. В малом городе мобильность существенно ниже, поэтому закрытие школьного учреждения, больницы или градообразующего предприятия приводит к серьезным социальным последствиям и конфликтам. В то же время смена места жительства, семейного положения, рабочего места, образа жизни, жизненного уклада свойственны горожанину современного мегаполиса.

При этом вопрос социальной мобильности может быть тесно связан с проблемой соответствия статуса индивида классу его жилья. Так, невозможность иметь недвижимость в престижном районе города вынуждает собственника приискивать ему замену в менее дорогой части мегаполиса. Потеря работы или несовпадение уровня доходов с уровнем потребления подталкивает арендатора жилья экономить на аренде квартиры. Медицинские предписания порой обязывают сменить место жительства с района промышленного или делового центра на экологически чистый пригород.

И хотя в социологической теории изменение положения индивида без перемены его статуса считается горизонтальной мобильностью, необходимо обозначить возможность существования вертикальной мобильности в городском пространстве мегаполиса, связанной с перемещением вверх и вниз в иерархической системе жилищной стратификации.

Изменение социального статуса индивида, вызванное сторонними обстоятельствами – профессиональными, экономическими, образовательными

²⁷ *Lefebvre H. The Production of Space / D. Nicholson-Smith trans. Oxford: Blackwell, 1991. С. 73.*

²⁸ *Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim.html> (дата обращения 16.10.2017).*

или медико-физиологическими, приводит к его восходящей или нисходящей социальной мобильности.

Целесообразно пояснить данное соображение на примере Санкт-Петербурга.

Так, житель «Пяти углов», вынужденный дышать загазованным воздухом Загородного проспекта, по настоянию врачей перебирается в г. Кронштадт. Студент переселяется из промышленного района Парнас на Васильевский остров, поближе к учебному заведению. Молодая семья после того, как один из ее членов потерял работу, вступает в программу социального найма жилья.

Перемещение внутри городского пространства (переезд) из района в район может быть вынужденным (принудительным) или добровольным. И если принудительную мобильность можно проанализировать, сопоставив побуждения и причины, то добровольный характер смены жительства предстоит определить, обратившись к специальной литературе.

Исследователи соотносят добровольную нисходящую вертикальную мобильность с ретритизмом²⁹, что свойственно процессам социальной девиации. Присущий представителям среднего класса нигилизм, пресыщенность городской суетой, психологические и мировоззренческие факторы располагают к проявлению «высвобождения» из обжитого социального пространства, что в определенной степени способствует динамике стратификации и усиливает степень социальной мобильности. Например, если высокооплачиваемый специалист, занимавший высокую ступень в карьерной лестнице, меняет свою работу на менее оплачиваемую (перемещается по нисходящей вертикали), то его место займет другой (перемещается по восходящей вертикали). В условиях городского пространства подобное имеет место в случаях переезда, смены жительства с элитного района в менее престижный.

Анализ процессов социальной (территориальной, географической) мобильности современной России свидетельствует о ее очень невысоком уровне. По результатам опроса, проведенного ВЦИОМ по вопросам трудовой мобильности, серьезным аргументом в пользу переезда является получение комфортабельного жилья (42%). При этом основными препятствиями на этом пути считаются именно трудности с жильем (56%)³⁰.

Анализируя процессы мобильности в современном городском пространстве, мы отметили феномен, схожий с социальным и физическим эскапизмом (бегством из городских центров, по М. Кастельсу³¹). Этот феномен,

²⁹ Козырева Л.Д. Нисходящая вертикальная мобильность – добровольно // Социология в системе научного управления: материалы IV Всероссийского социологического конгресса. М.: ИС РАН, 2012. С. 261.

³⁰ Трудовая мобильность: 1990–2015 // Всероссийский центр изучения общественного мнения. Пресс-выпуск № 3004. 21.12.2015. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115521> (дата обращения 16.10.2017).

³¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 337.

весьма распространенный в мегаполисах всего мира, хорошо понимается с позиции концепции индивидуализации, объясняющей явление дауншифтинга (добровольной нисходящей вертикальной мобильности).

В современном понимании дауншифтинг представляется как дестандартизованная модель биографии, предполагающая отказ от типичных для данного общества этапов, фаз жизненного цикла³². Учитывая феномен блазирования, можно утверждать, что дауншифтинг свойственен представителям среднего класса крупного города. Причем данный процесс добровольной нисходящей вертикальной мобильности может происходить внутри самого мегаполиса, в связи с чем актуализируются проблемы изучения мотивов и побуждающих причин изменения статуса индивида в социальном пространстве и его соответствия со стратификационной моделью крупного города и классовостью жилья.

В рамках предварительного заключения можно обозначить проблематику дальнейших исследований.

Считаем, что в современном крупном городе присутствует несовпадение социального статуса с местом проживания или классом жилья, а это, в свою очередь, вызывает социальную девиацию (депривацию).

Недоступность жилья для населения становится преградой для развития социальных институтов. Нехватка квадратных метров не дает семье возможность завести второго, а чаще всего и первого ребенка. Вынужденный найм квартиры забирает из семейного бюджета ощутимую денежную сумму и не позволяет совершать накопления, вкладываться в образование, профессиональный рост. Проживание с родителями ограничивает личное пространство и угнетает дальнейшую социализацию молодых семей.

Противоречащий интеграции, предсказанной социологами, сегрегативный компонент в пространстве крупного города, ограничивающий социальную мобильность, может породить ретритизм и привести к добровольной нисходящей вертикальной мобильности. В то же время «высвобождение» из городской суеи связано с перемещением внутри социального пространства мегаполиса.

3.

Далее следует обозначить опасность «сегрегативных ловушек» при реализации государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации»³³.

³² Козырева Л.Д., Овечкина Я.В. Дауншифтинг как объект социологического анализа // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». 2012. № 8 (28). С. 69.

³³ Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 323 (ред. от 17.08.2017) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными

Внедряя проверенную временем и имеющую негативную практику создания арендного жилфонда на российскую почву, государство, возможно, преследовало гуманные цели, но, имея уже механизмы по обеспечению жильем своих граждан, такие как ипотека, рассрочка, субсидии, власть имущие отказались их реформировать, предпочитая конкурировать на и так нестабильном рынке недвижимости. Думается, что урегулирование процентных ставок по ипотеке (путем привязки ее к уровню инфляции), распространение принципа действия жилищных сертификатов по аналогии с военными жилищными сертификатами на другие востребованные государством профессии (врачи, учителя) или социальные группы (молодожены, многодетные семьи, малоимущие) улучшило бы ситуацию и обеспечило потребности в удовлетворении жилищной нужды.

В качестве обобщающих выводов приведем рекомендации по сглаживанию социального неравенства в распределении труднодоступного и высокостоимостного имущества – жилой недвижимости, предложим направления по выравниванию жилищной стратификации. В частности:

– Администрация Санкт-Петербурга, к сожалению, не учитывает территориальные особенности города и примыкающей к нему Ленинградской области ни в стратегиях своего развития, ни в госпрограммах по обеспечению жильем жителей. В то же время Ленобласть в планах по территориальному развитию считает Санкт-Петербургскую агломерацию приоритетной по жилой застройке, чем вносит диспропорции на рынке недвижимости. Ликвидация досадного упущения позволила бы городу не попасть в сегрегационный капкан, а интегрировать прилегающие территории агломерации в городское пространство и обеспечить нуждающихся граждан жильем по более приемлемым ценам.

– Всеобщее требование по обеспечению объектами социальной инфраструктуры и местами общего пользования становится бременем для застройщика и в итоге образует дополнительную прибавочную стоимость жилья. Поэтому рекомендацией могло бы стать обращение к историческому опыту «кировов». При этом разделение могло бы происходить **не по профессиональному**, а, к примеру, по **возрастному** критерию. Не имеет смысла строить детские площадки там, где проживают люди пожилого возраста, или нецелесообразно обеспечивать квартиры крупногабаритными кухнями или санузлами, если дом предназначен для студенческой молодежи.

Одним из путей решения данных вопросов может быть учет мнений социальных групп населения крупного города – конечного пользователя жилого недвижимого имущества – путем проведения публичных слушаний³⁴,

услугами граждан Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. 28.08.2017. № 35. Ст. 535.

³⁴ Козырева Л.Д. Публичные слушания как институт гражданского общества: проблемы организации и проведения // Управленческое консультирование. 2015. № 3 (75). С. 116–122.

всесторонних социологических исследований, экспериментов, поскольку недостаточно проводить сбалансированную и эффективную жилищную политику при имеющихся рыночных механизмах.

Литература

Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 31.07.2017. № 31 (Часть I). Ст. 4829.

Дом для служащих Октябрьской железной дороги (2-я Советская ул., 25; Дегтярная ул., 2) // Citywalls (Архитектурный сайт Санкт-Петербурга). URL: <http://www.citywalls.ru/house3424.html> (дата обращения 16.10.2017).

Дом костела св. Екатерины (Итальянская ул., 5) // Citywalls (Архитектурный сайт Санкт-Петербурга). URL: <http://www.citywalls.ru/house894.html> (дата обращения 16.10.2017).

Дом-коммуна инженеров и писателей (Рубинштейна ул., 7) // Citywalls (Архитектурный сайт Санкт-Петербурга). URL: <http://www.citywalls.ru/house2500.html> (дата обращения 16.10.2017).

Доходный дом Ш.-З. Корфа – Доходный дом Ш.З. Иоффа (Загородный пр., 11; Рубинштейна ул., 40) // Citywalls (Архитектурный сайт Санкт-Петербурга). URL: <http://www.citywalls.ru/house460.html> (дата обращения 16.10.2017).

Единая классификация проектов многоквартирных жилых новостроек по качеству (ЕК МЖН). М.: Российская Гильдия риелторов, 2012.

Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 31.07.2017. № 31 (Часть I). Ст. 4828.

Жилмассив «Металлострой». Жилой дом (Средний пр. В. О., 78; 21-я линия В. О., 16, к. 8) // Citywalls (Архитектурный сайт Санкт-Петербурга). URL: <http://www.citywalls.ru/house13590.html> (дата обращения 16.10.2017).

Жилмассив рабочих фарфорового завода (Фарфоровская ул., 14–28) // Citywalls (Архитектурный сайт Санкт-Петербурга). URL: <http://www.citywalls.ru/house9155.html> (дата обращения 16.10.2017).

Жилой дом Общества бывших политкаторжан («Дом политкаторжан») (Троицкая пл., 1; Петровская наб., 2) // Citywalls (Архитектурный сайт Санкт-Петербурга). URL: <http://www.citywalls.ru/house7234.html> (дата обращения 16.10.2017).

Жилой дом Экспортлеса (Стачек пр., 921А) // Citywalls (Архитектурный сайт Санкт-Петербурга). URL: <http://www.citywalls.ru/house24555.html> (дата обращения 16.10.2017).

Закон РФ от 04.07.1991 № 1541-1 (ред. от 16.10.2012) «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 22.10.2012. № 43. Ст. 5783.

Здание Второго общества взаимного кредита (Садовая ул., 34) // Citywalls (Архитектурный сайт Санкт-Петербурга). URL: <http://www.citywalls.ru/house1064.html> (дата обращения 16.10.2017).

Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim.html> (дата обращения 16.10.2017).

Калинкинский пивоваренный завод – Пивоваренный завод им. Степана Разина (Степана Разина ул., 9) // Citywalls (Архитектурный сайт Санкт-Петербурга). URL: <http://www.citywalls.ru/house3497.html> (дата обращения 16.10.2017).

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Козырева Л.Д. Нисходящая вертикальная мобильность – добровольно // Социология в системе научного управления: материалы IV Всероссийского социологического конгресса. М.: ИС РАН, 2012. С. 260–261.

Козырева Л.Д. Социальное неравенство: новые методологические подходы к изучению феномена // Настоящее и будущее социальных технологий. Социальные технологии XXI века: инновации и реальность: Материалы IX международной научно-практической конференции / под ред. В.Н. Киселева, С.А. Оськина, Ю.П. Байер. СПб.: Изд-во СЗИ РАНХиГС, 2012. С. 41–45.

Козырева Л.Д. Публичные слушания как институт гражданского общества: проблемы организации и проведения // Управленческое консультирование. 2015. № 3 (75). С. 116–122.

Козырева Л.Д., Овечкина Я.В. Дауншифтинг как объект социологического анализа // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». 2012. № 8 (28). С. 68–70.

Коткин С. Жилище и субъективный характер его распределения в сталинскую эпоху // Жилище в России: век XX: архитектура и социальная история / сост. и ред. У. Брумфилд и Б. Рубл. М.: Три квадрата, 2002. С. 103–126.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений Изд. 5-е. Т. 54. М.: Изд-во политической лит-ры, 1965.

Меерович М.Г. Власть и жилище (жилищная политика в СССР в 1917–1940 годах) // Вестник Евразии. 2003. № 1. С. 5–66.

Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1999.

Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 323 (ред. от 17.08.2017) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. 28.08.2017. № 35. Ст. 535.

Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 04.11.1955 № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» // СПС «Консультант Плюс».



Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 28.05.1969 № 392 (ред. от 03.08.1988) «О мерах по улучшению качества жилищно-гражданского строительства» // Свод законов СССР. 1990. Т. 6. С. 219.

Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 31.07.1957 № 931 «О развитии жилищного строительства в СССР» // СП СССР. 1957. № 9. Ст. 102.

Производственные здания и школа Товарищества Российско-Американской резиновой мануфактуры «Треугольник» // Citywalls (Архитектурный сайт Санкт-Петербурга). URL: <http://www.citywalls.ru/house2597.html> (дата обращения 16.10.2017).

Типы домов: Хрущевка // Информационный портал «Бюллетень недвижимости». URL: http://www.bn.ru/sprav_dom.phtml?a=tabl&ID_spr=28 (дата обращения 16.10.2017).

Трудовая мобильность: 1990–2015 // Всероссийский центр изучения общественного мнения. Пресс-выпуск № 3004. 21.12.2015. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115521> (дата обращения 16.10.2017).

Юхнёва Е.Д. Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта. М.: Центрполиграф, 2012.

Lefebvre H. The Production of Space / D. Nicholson-Smith trans. Oxford: Blackwell, 1991.

Н.И. Карбаинов (Санкт-Петербург)

ВНУТРИГОРОДСКАЯ ЖИЛИЩНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ СКВОТТЕРСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ («НАХАЛОВОК») В ПОСТСОВЕТСКОМ УЛАН-УДЭ¹

Сквоттерские поселения являются широко распространенным феноменом, особенно в городах «третьего мира». Эти поселения в разных странах известны под такими местными названиями, как *favelas* в Бразилии, *gecekondu* в Турции, *barong-barong* на Филиппинах и т. д. С. Ценкова рассматривает сквоттерские поселения как один из типов неформального жилья [Tsenkova 2012]². Данные поселения характерны не только для городов развивающихся стран, но также распространены в постсоциалистических странах, в том числе и в государствах бывшего СССР [Карбаинов 2005; Tsenkova et al. 2009; Zhimbiev 2000; Румянцев 2008; Алексеева 2010; Гилько 2011; Бон 2013; Лосевская 2014; Бурцев 2014; Kostyukova 1994; Алымбаева 2008; Кожамметов, Асанбаев 2010; Yessenova 2010; Fryer et al. 2014; Nasritdinov et al. 2015]. Сквоттерские поселения в постсоветских городах известны под такими названиями, как «нахаловки», «самоволки», «самострои», «новостройки», «нахалстрои». Несмотря на ряд региональных особенностей, общими признаками сквоттерских поселений являются: 1) значительную часть их населения составляют сельские мигранты (но не всегда!); 2) в этих поселениях живут преимущественно бедняки (но не обязательно!); 3) для них характерна некоторая степень нелегальности (самозахват земли, находящейся в государственной или частной собственности, нарушение градостроительных норм и т. д.).

Цель данной статьи – представить ключевые стратегии внутригородской жилищной мобильности жителей сквоттерских поселений («нахаловок») в постсоветском Улан-Удэ. Статья основана на материалах полевых исследований (наблюдение, интервью), проведенных в «нахаловках» Улан-Удэ в период

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 7-33-01160 «Проживание в этнических кварталах как стратегия адаптации сельских мигрантов в постсоветском городе (на примере сквоттерских поселений Улан-Удэ)».

² Наряду со сквоттерскими поселениями на частной и общественной земле С. Ценкова выделяет следующие типы неформальных поселений: поселения беженцев и других уязвимых групп населения; улучшенные сквоттерские поселения; поселения, расположенные на незаконно разделенных пригородных земельных участках [Tsenkova 2012].

с 2004 по 2017 г. В нашей статье мы, во-первых, рассмотрим концепции внутригородской миграции жителей сквоттерских поселений в городах Латинской Америки. Во-вторых, на примере «нахаловок» Улан-Удэ покажем, насколько применимы эти модели для анализа внутригородской жилищной мобильности в постсоветских городах.

Из анализа литературы, посвященной сквоттерским поселениям в городах Латинской Америки, можно выделить три ключевые концепции внутригородской миграции жителей данных поселений: 1) модель «транзитных зон»; 2) двухстадийная модель Тернера–Мэнжина; 3) модель структурных условий Гилберта–Уорда.

Точка зрения о неформальных поселениях как «транзитных зонах» сформировалась под влиянием концепции модернизации стран «третьего мира». Согласно этому взгляду, значительная часть сельских мигрантов, попадая в город, проживала в сквоттерских поселениях, а позже эти люди должны были переселиться в более привлекательные благополучные районы. В данном случае сквоттерские поселения были преимущественно первым местом пребывания в городе для сельских мигрантов [Costello 1987: 428]. Неформальные поселения выступали «транзитными зонами» не только в пространственном измерении, но и в социокультурном смысле: сельские мигранты, проживая в этих поселениях, должны были со временем превратиться в горожан, а сквоттерские поселения, которые рассматривались как временный исторический феномен, должны были исчезнуть в процессе модернизации стран «третьего мира».

Британский архитектор Дж. Тернер и американский социальный антрополог У. Мэнжин предложили альтернативу концепции «транзитных зон» – двухстадийную модель внутригородской миграции. Данную модель они разработали на основе полевых материалов, собранных в столице Перу – Лиме. Согласно этой концепции, на первом этапе сельские мигранты, прибывающие в город, селятся и арендуют жилье в трущобах, расположенных в центральных районах города. На втором этапе эти мигранты со временем переселяются из центра на городские окраины, где в сквоттерских поселениях самостоятельно строят свое жилье и становятся неформальными собственниками. После того как создаются большие сквоттерские поселения, они начинают действовать как места приема для сельских мигрантов, приходящих напрямую из сельской местности [Turner, Mangin 1968].

Неомарксисты А. Гилберт и П. Уорд предложили анализировать процессы внутригородской миграции в сквоттерских поселениях в городах Латинской Америки с помощью концепции структурных условий. Старые концепции внутригородской миграции А. Гилберт и П. Уорд критиковали за излишний волонтаризм и субъективизм. По их мнению, выбор той или иной стратегии обретения земли и жилья лишь частично определяются личными предпочтениями мигрантов, а скорее – структурными условиями, которые ограничивают этот выбор [Gilbert, Ward 1982; Gilbert 1983; Gilbert, Ward 1985].

А. Гилберт и П. Уорд выделили следующие структурные условия, влияющие на процессы внутригородской миграции: 1) общий уровень цен на землю; 2) доступность земли и модели землевладения; 3) вмешательство государственных институтов. По их мнению, конкретная ситуация с распределением земли в том или ином городе определяется комбинацией этих трех факторов. Что является неизменным, так это то, что бедняки занимают худшую землю в городе [Gilbert, Ward 1985: 243].

Первые «нахаловки» в Улан-Удэ появились в 1930-е гг., в эпоху форсированной индустриализации, и продолжали активно строиться на протяжении всего советского периода. Главной причиной их появления стал дефицит жилья для вновь прибывающих рабочих на индустриальные стройки. Один из возможных способов решения проблемы заключался в том, чтобы огородить земельный участок и построить на нем дом либо с разрешения, либо без разрешения властей. Как отмечает Б. Жимбиев, строительство индивидуально-го жилья поддерживалось руководством промышленных предприятий, заинтересованным в закреплении рабочей силы на производстве. И это несмотря на то, что индивидуальная застройка (в том числе осуществленная с разрешения властей) нарушала градостроительные нормы, предусмотренные Генпланом города [Zhimbiev 2000: 59–60]. Горсовет практически не мог воспрепятствовать появлению «самостроя», так как фактическая власть в городе (в том числе и контроль над землей) принадлежала промышленным предприятиям [Там же: 59]. В итоге на окраинах Улан-Удэ выросли районы, почти полностью застроенные индивидуальными деревянными домами. Немалую часть этих домов наряду с легальными постройками составляли «нахаловки». В 1960–1980-е гг. жилищный кризис удалось немного смягчить за счет строительства благоустроенного жилья. Некоторые жители «самостроя» переселились в новостройки. В результате с конца 1960-х гг. и в 1980-е гг. возведение индивидуального жилья в городе существенно сократилось [Там же: 77]. Казалось бы, «нахаловки» должны были уйти со временем в прошлое, но в 1990-е гг. начался новый бум строительства самовольного жилья. В это время под влиянием социально-экономического кризиса, который ударил прежде всего по деревне, в город устремился массовый поток мигрантов из сельских районов.

В ходе эмпирического исследования постсоветских «нахаловок» Улан-Удэ нас интересовали, помимо прочих вопросов, ответы на два взаимосвязанных вопроса: 1) Как приобретается недвижимость в «нахаловках» и кто в них селится? 2) Каковы стратегии внутригородской жилищной мобильности жителей «нахаловок»? Авторы имеющихся научных публикаций по проблеме «нахаловок» Улан-Удэ свои выводы, как правило, строят, опираясь на один из двух методических подходов – «аутсайдерский» или «инсайдерский». «Аутсайдерский» подход выстраивается на основе анализа источников местных СМИ и (или) результатов опроса экспертов (чиновников, общественных активистов, местных ученых) и коренных горожан. «Инсайдерский» подход в свою



очередь основан на анализе эмпирических данных полевых исследований, проведенных непосредственно в самих неформальных поселениях. Выбор одного из двух подходов сильно влияет на аргументы, выводы и оценку авторов.

Одним из важных вопросов является вопрос о том, каким образом сельские мигранты приобретают недвижимость в неформальных поселениях. По мнению аутсайдеров (журналистов, чиновников, коренных горожан), сельские мигранты, как правило, получают землю в «нахаловках» посредством самозахвата. Эта точка зрения также приводится в ряде научных публикаций [Manzanova 2007; Хамфри 2010]. Так, описывая «нахаловки» Улан-Удэ, К. Хамфри пишет: «Как мигранты приобретают землю? Просто забирают себе» [Там же: 318]. При этом авторы, которые опираются на результаты полевых исследований, показывают более сложную картину. Помимо стратегии самозахвата земли существуют также стратегии аренды и покупки недвижимости в неформальных поселениях [Давыдов и др. 2006; Михалев 2008: 144–145; Карбаинов 2010]. Один из возможных способов закрепиться в Улан-Удэ для малообеспеченных сельских мигрантов состоит в том, чтобы «огородить» (захватить), или купить, или арендовать земельный участок в «нахаловках» [Карбаинов 2010]. В целом значительную роль на рынке купли-продажи и аренды недвижимости в постсоветских сквоттерских поселениях играют неформальные землевладельцы, которые захватывают или скупают крупные участки земли, делая это нередко при поддержке государственных чиновников. После захвата недвижимости они сдают ее в аренду или продают мигрантам [Isabaeva 2013: 145; Isabaeva 2014: 253; Fryer et al. 2014: 183–184; Карбаинов 2014: 97].

Исследователи сельско-городской миграции в Бурятии утверждали, что проживание в «нахаловках» Улан-Удэ является одним из способов решения жилищного вопроса для сельских мигрантов из бедных слоев населения [Содномпилова 2009; Алексеева 2010; Бреславский 2014]. Однако наши полевые исследования показали, что помимо сельских мигрантов-бедняков в «нахаловках» также проживают представители следующих социальных групп: 1) представители сельского среднего класса; 2) неформальные предприниматели-землевладельцы; 3) представители городских низов, потерявших жилье в городе; 4) горожане, которые используют недвижимость в «нахаловках» в качестве дачи.

По результатам наших полевых исследований можно предварительно выделить три ключевые стратегии внутригородской мобильности жителей «нахаловок» Улан-Удэ: 1) транзитная; 2) двухстадиальная; 3) транслокальная. Транзитная стратегия внутригородской мобильности состоит в том, что «нахаловки» в этом случае выступают в качестве временного переходного жилья для жизни в городе. После нескольких лет проживания в «нахаловке» выбравшие эту стратегию перебираются в сектор легального городского жилья, покупая или арендуя городские квартиры, дома, или в пригородные поселения. В первую очередь данную стратегию выбирают представители среднего

сельского класса. При этом они нередко продолжают оставаться неформальными собственниками жилья в «нахаловке». Данная стратегия хорошо объясняется в рамках модели сквоттерских поселений как «транзитных зон» в городах Латинской Америки.

Двухстадиальная стратегия внутригородской мобильности в «нахаловках» Улан-Удэ имеет две формы: нисходящую и восходящую. Нисходящая стратегия характерна для представителей городских низов, которые по тем или иным причинам потеряли легальное городское жилье и были вынуждены перебраться в «нахаловки». Восходящая двухстадиальная стратегия характерна для сельских мигрантов-бедняков, которые на первой стадии из-за неимения денежных средств вынуждены проживать либо у родственников или у друзей, либо арендовать комнату или квартиру в легальном жилищном секторе. На второй стадии они захватывают, или покупают, или арендуют жилье в «нахаловках» Улан-Удэ. Несмотря на сходство этой стратегии с двухстадиальной моделью Тернера–Менжина, в случае «нахаловок» Улан-Удэ есть принципиальная разница. В отличие от модели Тернера–Менжина сельские мигранты на первой стадии проживания в городе не концентрируются компактно в центральных трущобах, которых в Улан-Удэ нет как таковых, а дисперсно расселяются по территории всего города. Также данная модель не объясняет переселение в «нахаловки» представителей городских низов.

Транслокальная стратегия состоит в том, что для некоторых сельских семей «нахаловки» становятся частью транслокального сельско-городского пространства [Содномпилова 2009; Галиндабаева 2014; Галиндабаева 2015]. В этом случае вся сельская семья или часть семьи в течение года может проживать несколько месяцев в деревне, а в остальное время – в городской «нахаловке». Данная стратегия внутригородской мобильности, как правило, не характерна для сквоттерских поселений Латинской Америки, но подобные тенденции можно наблюдать, например, в Африке. В западноафриканских городах сельские мигранты, исходя из идеологии «возвращения домой», рассматривают самих себя как временных городских жителей и хотят заработать деньги, чтобы купить дом в своих родных селах. По этой причине они предпочитают арендовать жилье в городе [Peil 1976: 156].

Выделение трех конкретных стратегий внутригородской мобильности жителей «нахаловок» Улан-Удэ вовсе не означает, что они будут обязательно характерны для объяснения внутригородской мобильности в других постсоветских сквоттерских поселениях. Ситуация в «нахаловках» Улан-Удэ во многом определяется комплексом специфических структурных (социально-экономических, исторических и социокультурных) условий. При анализе внутригородской мобильности жителей сквоттерских поселений в постсоветских городах мы вполне можем использовать зарубежные концепции, созданные на основе другого эмпирического материала, но, применяя данные модели, мы должны учитывать специфику самовольных поселений в странах бывшего СССР.



Литература

Алексеева М.С. Сельско-городская миграция и проблема самовольных поселений в постсоветской Бурятии: социально-экологический подход // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. XIII. № 4. С. 128–129.

Алымбаева А. К вопросу об урбанизации Кыргызстана // Вопросы истории Кыргызстана. 2008. № 1. С. 65–77.

Бон Т.М. «Минский феномен». Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2013.

Бреславский А.С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014.

Бурцев А.Г. Самодеятельное строительство жилья в Свердловске 1924–1925 гг. Кооперация и частники // Архитектон: известия вузов. 2014. № 48.

Галиндабаева В.В. Трудовые мигрантки: межпоколенческие отношения в семьях сельских мигрантов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 1 (25). С. 31–41.

Галиндабаева В.В. Идеология расширенного материнства: забота о детях сельских мигранток Бурятии // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 1. С. 7–20.

Гилько М.А. Транссибирская магистраль и проблемы городского хозяйства дореволюционного Красноярска // Вестник КрасГАУ. 2011. № 12. С. 256–263.

Давыдов В.Н., Карбаинов Н.И., Симонова В.В., Целищева В.Г. Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: Присвоение культурных ландшафтов. Хабаровск: Хабаровский научный центр ДВО РАН, Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2006.

Карбаинов Н.И. «Нахаловки» Улан-Удэ: гражданское общество на взлетной полосе // Отечественные записки. 2005. № 6. С. 192–197.

Карбаинов Н.И. Стратегии обоснования прав собственности на землю в ситуации правового плюрализма (на примере земельных споров в городе Улан-Удэ) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. XIII. № 4. С. 140–157.

Карбаинов Н.И. Как владельцы (не) становятся частными собственниками (на примере земельных конфликтов в Улан-Удэ и Сочи) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVII. № 5 (76). С. 85–108.

Кожухметов А., Асанбаев М. Внутренняя миграция в Казахстане: в поисках решения. Алматы: РОО «Шанырак», Центр социально-гуманитарных исследований «Аспект М», 2010.

Лосевская О.Д. История появления «депрессивных» пространств в центральной части г. Новосибирска // Баландинские чтения. 2014. Т. 9. № 2. С. 231–237.

Михалев А.В. Конструирование традиционности в пространстве самостроя современного Улан-Удэ: этнографический очерк // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–5. С. 142–145.

Румянцев С. Нефть и овцы: Из истории трансформаций города Баку из столицы в столицу // Р.С. Ландшафты: оптики городских исследований. Сборник научных трудов / отв. ред. Н. Милерюс, Б. Коуп. Вильнюс: ЕГУ, 2008. С. 228–266.

Содномпилова М.М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального сообщества // Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 165–186.

Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России (антропологические очерки). М.: Наталис, 2010.

Alymbaeva A. Internal Migration in Kyrgyzstan: A Geographical and Sociological Study of Rural Migration // M. Laruelle (ed.) Migration and Social Upheaval as the Face of Globalization in Central Asia. Boston: Brill, 2013. P. 117–148.

Costello M.A. Slums and Squatter Areas as Entrepots for Rural-Urban Migrants in a Less Developed Society // Social Forces. Vol. 66. N 2/ 1987. P. 427–445.

Fryer P., Nasritdinov E., Satybaldieva E. Moving Toward the Brink? Migration in the Kyrgyz Republic // Central Asian Affairs. 2014. Vol. 1. N 2. P. 171–198.

Gilbert A. The Tenants of Self-Help Housing: Choice and Constraint in the Housing Markets of Less Developed Countries // Development and Change. 1983. Vol. 14. N 3. P. 449–477.

Gilbert A.G., Ward P.M. Residential movement among the poor: the constraints on housing choice in Latin American cities // Transactions of the Institute of British Geographers. 1982. Vol. 7. N 2. P. 129–149.

Gilbert A., Ward P.M. Housing, the state, and the poor: policy and practice in three Latin American cities. Cambridge University Press, 1985.

Isabaeva E. Migration into “Illegality” and Coping with Difficulties in a Squatter Settlement in Bishkek // Zeitschrift für Ethnologie, 2013. Vol. 138. P. 139–154.

Isabaeva E. From Denizens to Citizens in Bishkek: Informal Squatter-Settlement Residents in Urban Kyrgyzstan // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 2. С. 249–260.

Kostyukova I. The towns of Kyrgyzstan change their faces: Rural urban migrants in Bishkek // Central Asian Survey. 1994. Vol. 13. N 3. P. 425–434.

Manzanova G. City of Migrants: Contemporary Ulan-Ude in the context of Russian migration // Urban Life in Post-Soviet Asia. Eds. C. Alexander, V. Buchli, C. Humphrey. University College London Press. 2007. P. 125–135.

Nasritdinov E., B. Zhumakadyr kyzy, and D. Asanalieva. Myths and Realities of Bishkek's Novostroikas // Kyrgyzstan beyond 'Democracy Island' and 'Failing State': Factoring Social and Political Challenges in a Post-Soviet Society. M. Laruelle, J. Engvall (eds.) Lanham: Lexington Books, 2015. P. 145–163.

Peil M. African squatter settlements: A comparative study // Urban Studies. 1976. Vol. 13. № 2. P. 155–166.

Tsenkova S. Urban Planning and Informal Cities in Southeast Europe // Journal of Architectural and Planning Research. 2012. Vol. 29. N 4. P. 292–305.



Tsenkova S. et al. Self-made Cities: In Search of Sustainable Solutions for Informal Settlements in the United Nations Economic Commission for Europe Region. United Nations: New York and Geneva, 2009.

Turner J., Mangin W. The barriada movement // Progressive architecture. 1968. Vol. 49. P. 154–162.

Yessenova S. Borrowed Places: Eviction Wars and Property Rights Formalization in Kazakhstan // Economic Action in Theory and Practice: Anthropological Investigations. Ed. D. C. Wood. Bingley: Emerald, 2010. P. 11–46.

Zhimbiev B. History of the Urbanization of a Siberian City: Ulan-Ude. London: The White Horse Press, 2000.

Е.В. Тыканова, А.М. Хохлова (Санкт-Петербург)

ИПОТЕЧНОЕ КРЕДИТОВАНИЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА

Вступление

По данным Федерального фонда содействия развитию жилищного строительства, жилье каждой четвертой российской семьи находится в плохом или очень плохом состоянии, жилищные проблемы стоят перед 60% российских семей, у 32% из них – очень остро. При этом, например, в 2009 г. получили жилые помещения и улучшили свои жилищные условия лишь 147 тыс. семей – около 5,1% от тех, кто стоит на учете в качестве особо нуждающихся в новом жилье [Магай 2015: 15].

По мнению экспертов из ВШЭ, все же за период 2000–2012 гг. произошло существенное – на 22% – увеличение обеспеченности населения общей площадью жилья, то есть в 2000 г. обеспеченность общей площадью жилья составляла 29% от аналогичного показателя в США (19,2 и 66,3 кв. м на человека), в 2012 г. – уже 34% (23,4 и 69,7 кв. м на человека) [Социальная политика 2015].

Согласно исследованию Независимого института социальной политики «Российские домохозяйства накануне финансового кризиса», проведенного в 2010 г., в кредитных жилищных программах с кумулятивным объемом выплат от 1 до 2 млн рублей в 2007 г. могли участвовать около четверти российских домохозяйств, в кредитных программах большого объема – с кумулятивными выплатами от 2 до 3 млн рублей в 2007 г. могли участвовать не более 14% российских домохозяйств.

Из них более половины домохозяйств, которые могут взять жилищный кредит, не собираются этого делать. Таким образом, реальными участниками жилищного кредитования являются 5–7% российских домохозяйств [Российские домохозяйства 2008].

В связи с этим возникает вопрос об оценке потенциальных рисков, стратегическом планировании и (не)уверенности в стабильном будущем горожан, желающих улучшить свои жилищные условия, а также учете таких факторов, как непонимание и незнание механизмов кредитования, отсутствие доверия к кредиторским организациям, опасения «жизни в долг».

В данном структурном контексте научный интерес представляют попытки петербуржцев улучшить свои жилищные условия, а именно основные риски и возможности, которые возникают у членов петербургских семей в процессе осуществления восходящей (по их собственным оценкам) жилищной мобильности. Авторы оставляют за скобками рассмотрение рисков, связанных

с реструктуризацией повседневной жизни (отдых, потребление и т. д.), с привлечением посредников к оформлению и сопровождению ипотеки и пр.

Нами будут проанализированы ключевые факторы, влияющие на возможности стратегического планирования петербуржцев, а в конечном итоге – на улучшение их жилищных условий: это ситуация на рынке труда, а также индивидуальные профессиональные и трудовые перспективы. Будет также показано, как члены петербургских семей воспринимают ситуации неопределенности, порождаемые нестабильностью рынка труда и личной трудовой precariousностью, нарративизируют риски, связанные с приобретением нового жилья, особенно посредством ипотечного кредитования, и пытаются совладать с этими рисками.

Хотелось бы обратить внимание не только на рациональные мотивы, которые преследуют держатели ипотеки, но и на иные обстоятельства, сопровождающие ипотечников в ходе выплат по кредиту. Так, берущие ипотеку горожане могут различным образом оценивать риски, сопровождающие выплаты кредита, причем эти оценки могут быть обусловлены их привычками, эмоциями, биографическими траекториями, памятью, семейными традициями и т. д.

Теории трудовой нестабильности

Ипотечное кредитование в России появилось в 1990-х гг., однако широко распространение лишь в середине 2000-х по инициативе Владимира Путина, после чего претерпело множество трансформаций. Изначально ипотека не была популярным способом приобретения квартир и иной недвижимости. К 2010–2012 гг. ипотека «обросла» множеством законодательных актов, гарантирующих прозрачность сделок, и количество ипотечных кредиторов стало увеличиваться в геометрической прогрессии. Кризисы 2012 и 2014 гг. привели к увеличению кредитной ставки в банках и отразились на возможностях россиян брать ипотеку. Поэтому с 2015 г. действует программа государственного субсидирования ипотечной сферы, которая позволяет удерживать ставку в пределах 12%. В настоящее время в правительстве идут дискуссии о возможности дальнейшего субсидирования ипотечной ставки. С 2014 г. из-за скачка курса валют происходят регулярные митинги валютных ипотечников, требующих рефинансирования их кредитов.

Необходимо кратко охарактеризовать сам феномен ипотеки. Ипотека – это кредит, залогом которого выступает приобретаемое жилье. Банк выдает кредит в рублях или валюте, величина которого рассчитывается на основании финансовой истории заемщика. Кредит предполагает покрытие процентов, и лишь затем – тела кредита. При первоначальном крупном взносе может быть уменьшено время выплаты кредита или же величина ежемесячных выплат. Обычно покупатель недвижимости переплачивает стоимость квартиры в несколько раз. Важно подчеркнуть, что при невозможности дальнейших выплат заемщик теряет и выплаченные им деньги, и квартиру. В связи с этим обращение к ипотеке сопряжено со множественными рисками.

Эмпирические случаи

Эмпирическими материалами исследования, которые легли в основу настоящей статьи, выступают полуформализованные интервью с держателями ипотек (14 полуформализованных интервью), а также полуформализованные интервью с членами петербургских семей, в которых вопрос восходящей жилищной мобильности и, в частности, обращения к ипотеке были одним из блоков гайда (РГНФ, проект № 15-03-00421) «Траектории жизненных курсов петербуржцев в постсоветской России: межпоколенческий анализ»).

Среди информантов были держатели ипотеки в возрасте от 33 до 45 лет, семейные пары или одинокие, обладатели ставок в рублях и валюте. В выборке пока отсутствуют информанты, которые на момент интервью имели бы неудачный опыт, связанный с невозможностью погашения кредита.

Анализ эмпирических данных демонстрирует, что ориентация на улучшение жилищных условий сопряжена со сложными проблематичными процессами долгосрочного стратегического планирования и тактического реагирования на быстро меняющиеся условия рынков труда и недвижимости – в частности, с калькулированием и коррекцией будущих расходов, определением источников дохода и оценкой стабильности профессиональной карьеры.

«То есть тогда еще не было у тебя проблем с работой и как-то в нашей образовательной системе университетской не было такого ужаса, как сейчас. Реально все ухудшается... Я исхожу из того, что ты [муж] можешь себя позиционировать на рынке труда хорошо. Практика показывает, что, когда [муж] искал работу, он нашел ее – и быстро. И это отрадно. Когда меня выгонят [с работы], он будет меня кормить». (Смеется.)

«Да. Вещь нестрашная [ипотека]. Это действительно, наверное, какой-то правильный механизм... Это такое общемировое уже явление. Живут в кредит, живут сейчас. Другое дело, что важен и нужен механизм какой-то стабильности и защищенности. У нас человек может рассчитывать вперед только сейчас от силы на несколько лет».

Информанты взвешивают свои способности и полученный опыт, а также прогнозируют ситуацию на рынке труда, которая, за некоторыми исключениями, видится им не слишком оптимистичной. В частности, они опасаются попасть под сокращение, а также указывают на сокращение реальных доходов при сохранении номинальной зарплаты.

«Я считаю, что у меня нормальное образование, при желании можно работу найти и тогда, и сейчас, и еще через несколько лет. Опыт я приобрел очень большой и на тот момент даже, когда брал эту квартиру, в области, где я работаю. В общем, как-то это не пугает, даже то, что у тебя поменяются условия труда, это был посильный объем денег».

«Поскольку сейчас кризис, ну, вот я смотрела там вакансии, технические писатели сейчас опять-таки получают сорок – сорок пять. То есть, если что-то случится с работой, я либо найду на те же небольшие деньги, там, на сорок пять, допустим, и мне надо будет жить на двадцать. Сейчас на двадцать



уже не особо разживешься. Либо я вообще долго не смогу найти работу. И, как бы, сейчас у меня опять немножко всякие там мысли, что надо бы, ну, вместо отпусков, там, ни по отпускам разъезжать, да, а копить, потихонечку вносить».

Поэтому попытки восходящей жилищной мобильности, особенно с использованием схем ипотечного кредитования, зачастую приводят к переструктуризации ритмов жизни и драматическому сокращению повседневных трат, задаваемому стремлением обеспечить себе «комфортный платеж» в неопределенном будущем:

«Вот просто как раз получается, сколько, два года назад уволили девочку из нашей комнаты, из моего отдела, которая вообще работала чуть, ну, на мой взгляд, лучше меня, и ничего не предвещало беды. И, собственно, тогда меня тоже накрыло очередной раз. Ну, то есть у меня периодами, да. Ну, в начале вроде все нормально, потом думаю: ну, что-то тут я расслабилась, надо как-то это, внести там, подкопить».

Более того, риск потерять работу задает траектории покупки «промежуточного» жилья, даже если у семьи существует возможность, вложив все накопления и взяв большой кредит, сразу приобрести желаемое жилье: «Я говорю: “Давай подождем, давай вот сначала нормально свяжемся с этим”. Потому что, естественно, если двухкомнатную, то это сразу же удорожание и удлинение сроков, как бы, и всего иже с ним. Потому что, естественно, ипотека зависит же и от первоначального взноса. То есть, чем больше, тем как бы и выгоднее условия будут моц, чем больше, что ты платишь первоначальный взнос. А так бы это уменьшало его, то есть, соответственно, увеличивало и срок, и процент, и все-все-все».

Нестабильностью рынка информанты объясняют необходимость «вовремя» сделать выбор в пользу улучшения жилищных условий. Они подчеркивают важность определения «правильного момента» для смены жилья: следует подождать, пока будет сформирован достаточный финансовый задел семьи, однако излишнее промедление опасно, поскольку будущее может принести увольнение или сокращение доходов, затрудняющее получение кредита:

«Насколько я помню, это было, на самом деле, одной из причин, которая подхлестывала нас, что уже все что-то становилось не так кошерно и, в общем, либо сейчас, либо никогда».

«Да. Вещь нестрашная [ипотека]. Это действительно, наверное, какой-то правильный механизм... Это такое общемировое уже явление. Живут в кредит, живут сейчас. Другое дело, что важен и нужен механизм какой-то стабильности и защищенности. У нас человек может рассчитывать вперед только сейчас от силы на несколько лет».

Вертикальная жилищная мобильность, условием которой выступает ипотечное кредитование, оказывает значительное влияние на индивидуальные трудовые траектории петербуржцев. Так, существенно сужается выбор мест работы: необходимость получения «белой» зарплаты достаточного размера

для получения кредита не позволяет предпочесть более выгодную или более интересную работу с «серой» зарплатой:

«Нет чемодана с деньгами, на которые ты пойдешь, купишь квартиру. А эти вложения: та же ипотека или кредитование, оно требует взноса и требует определенных условий. У меня в силу того, как мы работаем с мужем, я сейчас вообще в декрете сижу. И, к сожалению, я никогда до декрета не думала о том, что нужно работать в “белой” компании, например. Как-то я всегда работала ради идеи, чтобы было интересно развиваться, для меня было это главное».

«Да, да, ну просто, потому что даже если учитывать... Ну он работал как бы да, но не совсем получается как бы все было, скажем так, бело да? Поэтому, чтобы не заморачиваться на кучу справок и всего такого».

Кроме того, риски, связанные с выплатой ипотеки, ограничивают трудовую мобильность информантов. Петербуржцы опасаются уходить с прежнего места работы, гарантирующего определенную финансовую стабильность, на новую позицию, где условия труда и размеры заработков еще не испытаны на опыте. Более того, они используют тактики «задержки» на старом месте работы, поскольку длительное трудоустройство в одной организации обеспечивает преимущество при получении ипотечного кредита: *«Ну да, я просто понимала, что, возможно, буду менять работу. То есть лучше это получить сейчас, чем потом кучу других дополнительных, как бы, моментов иметь. Естественно, это тоже риски для банка».*

Финансовая (со)зависимость в семье оказывает обратное влияние на трудовые траектории членов семей: например, в супружеской паре только один из партнеров может себе позволить работу в проектных группах с нестабильным заработком, тогда как другой должен обязательно иметь регулярный доход: *«Суть в том, что у него тоже зарплата не растет, ему вот как раз повысили на три процента всего лишь в прошлый раз. Вот. Ну, вот они живут на его деньги, ипотеку тоже он платит, а вот когда там она получает, они вбрасывают».*

Все держатели ипотеки позитивно оценивают нынешнюю ситуацию восходящей жилищной мобильности в сравнении с советским типом жилищной политики. В качестве положительных черт нынешней ситуации они называют возможность выбора жилья и личную ответственность покупателей, а также обращаются к мотиву «справедливости» при описании тех, кто своими усилиями «заработал» улучшение жилищных условий:

«Есть масса других проблем. И, как мне кажется, такая форма заботы государства о человеке несколько его расхолаживает... Но пока люди не умеют работать так, и давать им вот такие механизмы надежды без деятельности трудовой, мозговой и получения жилья, я считаю, это неправильно».

«Нужно это в сознание наше внедрять так или иначе, что пускай они сперва сами научатся о себе заботиться, а потом пускай о них начнет заботиться государство».



Между тем многие информанты подчеркивают собственную ответственность в решениях о выплатах по ипотеке, открыто выражают недоверие государственным институтам и в случае кризиса планируют рассчитывать исключительно на себя и ближайшее социальное окружение, не питая никаких иллюзий по поводу возможной поддержки государства. При этом они все же склонны описывать современную государственную поддержку в России как недостаточную и указывают на принципиальную необходимость заботы о социально незащищенных слоях населения, а также выработки механизмов обеспечения социальных гарантий в нестабильных капиталистических отношениях:

«В нашей стране невозможно оценивать ситуацию оптимистично. Как-то вообще язык не поворачивается оптимистично что-то оценивать. Как-то хреново ощущаю я себя в последнее время в нашей стране. С чего бы это? Но надежда же умирает последняя. Насчет чего я оптимистична – это насчет вот этого человека. Хотя, может быть, тоже зря, конечно. Мне он нравится, я думаю, что как-нибудь...».

«С другой стороны, ну, лично я понимаю, что я в своей жизни могу рассчитывать только на себя, там, на свою семью, там, да. На, ну, не знаю, там, на маму, на сестру, там, в лучшем случае. Ну, скорее, наверное, на сестру, потому что мама все-таки вместе с пенсией и зарплатой получает гораздо меньше. Собственно, и все. Я не буду там, ну, если вдруг что там, если меня уловят, да, там, я к государству не обращусь, понятное дело».

Калькуляции и оценке (в терминах приемлемости – неприемлемости, рациональности – нерациональности, также в нормативно и эмоционально нагруженных категориях) подвергаются не только собственные ипотечные риски информантов, но и чужие риски:

«У меня вот с работы рассказывала коллега, ее с двумя детьми мама взяла ипотеку. Пускай она у нее, там, на двадцать пять лет. Все же зависит от условий, от подвижек, на сколько ты готов пойти. Просто она платит, допустим, не тридцать-сорок тысяч, которые люди хотят быстрее погасить, а может быть, там, десять тысяч в месяц. Но она зато это растянула на всю жизнь, но зато она спокойна».

При этом риски, сопоставимые с собственными, как правило, легитимируются, в то время как риски, не подпадающие под воображаемый горизонт собственного планирования, описываются как безрассудные и этически неприемлемые. Особенно ярко это проявляется в нарративах о валютных ипотечниках. Причем, описывая собственные риски, информанты часто делают акцент на широких экономических и политических контекстах, порождающих неопределенность, тогда как вину за неудачное, слишком рискованное, решение о валютной ипотеке они возлагают именно на держателей кредитов. Оценка собственных возможностей происходит в сравнении «нас» с «не нами»:

«Совершенно сумасшедшие. Люди брали кредиты с ежемесячным платежом в Москве по пять, по шесть тысяч у. е., это нужно как бы быть очень

умным человеком, это все мне бумеранг за 500 этих несчастных долларов, которые я плачу. В общем, это несерьезно, это люди без головы, которые берут в кредит в надежде на то, что они смогут платить ежемесячно пять, шесть тысяч у. е. Сейчас у них есть зарплата, потом нет».

Выводы

В итоге мы можем заключить, что приобретение нового жилья помимо возможностей, обеспечиваемых конкретной профессиональной занятостью горожан, всегда опосредовано на микроуровне – контекстом взаимоотношений информантов с семьей, родственниками, ближайшим социальным окружением, а также на макроуровне – общей ситуацией на рынке труда.

Нестабильность и восприятие рисков в своей индивидуальной занятости и на рынке труда ведут к пересмотру личных возможностей и к обеспечению «безопасной игры», а именно снижению расходов и амбиций в улучшении жилищных условий, даже если в настоящее время этого можно избежать.

В целом же обращение к ипотечному кредитованию ведет к снижению профессиональной мобильности на рынке труда и распространению стратегии «синицы в руке», а также воспроизводству финансовой созависимости в семье.

Литература

Магай А. Введение. Проблемы социального жилища в России и за рубежом // Массовое жилище как объект творчества. Роль социальной инженерии и художественных идей в проектировании жилой среды. Опыт XX века и проблемы XXI века / сост. Т.Г. Малинина. М.: БуксМарт, 2015.

Российские домохозяйства накануне финансового кризиса: доходы и финансовое поведение / отв. ред. Л.Н. Овчарова. М.: Независимый институт социальной политики, 2008.

Социальная политика: долгосрочные тенденции и изменения последних лет / отв. ред. Я.И. Кузьминов, Л.Н. Овчарова, Л.И. Якобсон. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.



СЕКЦИЯ 5. СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ И ЛОКАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА В ГОРОДАХ

М.Е. Илле (Санкт-Петербург)

СТУДЕНТЫ ОБ ОБРАЗЕ ИДЕАЛЬНОГО ПЕТЕРБУРЖЦА¹

Проблематика образа города и горожанина в фокусе внимания Социологического научно-исследовательского центра (СНИЦ), в котором я долго работал и продолжаю время от времени с ним сотрудничать, находится уже достаточно давно. С 1991 по 2011 г. мы проводили мониторинг приобщенности горожан к культурной жизни города, в рамках которого анализировались и вопросы знания истории культуры Петербурга, отношение к сохранению исторического облика города и ряд других вопросов, близких, по сути, к теме, предлагаемой в этом сообщении. Впервые вопрос об образе идеального петербуржца, которого мы называем «настоящим» петербуржцем, был задан в массовом опросе горожан в 2002 г., в преддверии празднования 300-летия Петербурга, потом этот индикатор замерялся еще в 2011 и в 2014 гг. Во всех опросах вопрос формулировался так: «Существует такое понятие “настоящий петербуржец”. Назовите два-три прилагательных, которые вы использовали бы, описывая “настоящего петербуржца”».

В таблице представлены полученные результаты.

Сравнение характеристик «настоящего петербуржца» в 2002–2014 гг., ранг

2002 г.		2011 г.		2014 г.	
Характеристики	Ранг	Характеристики	Ранг	Характеристики	Ранг
Культурный	1	Интеллигентный	1	Интеллигентный	1
Интеллигентный	2	Культурный	2	Культурный	2

¹ Статья подготовлена в рамках реализации программы фундаментальных исследований Президиума РАН (Постановление № 176 от 23.12. 2014) «Историческая память и российская идентичность».

Вежливый	3	Доброжелательный	3	Доброжелательный	3
Образованный	4	Отзывчивый	4	Вежливый	4
Добрый	5	Любящий свой город	5	Любящий свой город	5
Доброжелательный	6	Воспитанный	6	Воспитанный	6
Порядочный	7	Образованный	7	Отзывчивый	7
Воспитанный	8	Вежливый	8	Порядочный	8
Аккуратный	9	Аккуратный	9	Образованный	9
Внимательный	10	Сдержанный	10	Сдержанный	10
Честный	11	Порядочный	11	Общительный	11–14
Отзывчивый	12	Умный	12	Тактичный	11–14
Умный	13	Талантливый	13	Спокойный	11–14
Чистоплотный	14	Жизнерадостный	14–17	Эрудированный	11–14
Спокойный	15–16	Тактичный	14–17		
Патриотичный	15–16	Целеустремленный	14–17		
Скромный	17	Честный	14–17		

Результаты показывают, что в массовом сознании горожан существует устойчивое представление о качествах идеального петербуржца, которое включает в себя интеллектуальные и поведенческие характеристики. Набор интеллектуальных качеств настоящего петербуржца – это образованность, культурность, интеллигентность; среди поведенческих характеристик выделяются доброжелательность, отзывчивость, воспитанность, вежливость, аккуратность, сдержанность, порядочность и т. д. Интеллектуальные характеристики нас будут интересовать в меньшей степени, поскольку жители любого города скажут, что идеальный горожанин – человек интеллигентный, культурный и пр. Поведенческие характеристики позволяют говорить об особом стиле поведения петербуржцев, свидетельства которого можно найти и в многочисленных литературных произведениях.

Приведем несколько примеров из разных авторов и разных времен. (Петербург возникает как антипод Москвы, и их противостояние становится одним из существенных элементов культурного диалога двух столиц). *«Братец смотрит молодцом, выправлен, всегда навтыяжке, строен, подборист, затянут в рюмочку и застегнут на все пуговицы... Трудно найти человека, который уважал бы более его чистоту и опрятность... Брат человек молчаливый,*



слова не скажет даром...» [Загоскин 2000: 127]. Так в 1841 г. Михаил Загоскин характеризует петербуржцев.

«...Напротив того, Петербург угрюм, молчалив, сдержан и корректен. Он располагает к крайней индивидуализации, к выработке чрезвычайного самоопределения, и в то же время (в особенности в сопоставлении с Москвой) в нем живет какой-то европеизм, какое-то тяготение к общественности. ...Мы прошли жестокую школу скромности и приучились быть до сухости строгими к себе. Но благодаря этому, даже в нашу эпоху разгильдяйства, петербургская культура все же как-то держится, за что-то способна стоять, что-то старается примирить, что-то построить. Она пытается умерить переоценки, подвести итоги» [Бенуа 2000: 341–342]. Спустя 70 лет после М. Загоскина Александр Бенуа очень похожим образом говорит о петербуржцах.

«“Москва – женского рода, Петербург – мужского”, – писал Гоголь ровно сто лет назад. Это – как будто случайно брошенная шутка, грамматический каламбур, но в нем так метко подсмотрено что-то основное в характере каждой из двух русских столиц, что это вспоминается и теперь, через сто лет.

Петербург с тех пор успел стать Ленинградом, но остался Петербургом гораздо больше, чем Москва – Москвой. Москва отдалась революции стремительней, безоглядней, покорней, чем Петербург. Да и как же иначе: победившая революция стала модой, а какая же настоящая женщина не поторопится одеться по моде? Петербург принимал новое без такой торопливости, с мужским хладнокровием, с большой оглядкой. Он шел вперед медленней, и это понятно: ему приходилось нести с собой тяжелый груз культурных традиций, особенно ощутительных в области искусств» [Замятин 2000: 552]. Так в 1933 г., живя уже в Париже, Евгений Замятин размышлял о первых послереволюционных годах русских столиц.

А вот еще одно совсем свежее свидетельство устойчивости образа. В статье, посвященной лингвокультурному типу петербуржца в русском языковом сознании, основанной на анализе художественных и публицистических текстов, авторы делают следующее заключение. «Таким образом, можно номинировать основные черты лингвокультурного типажа “петербуржец” в русском языковом сознании: аристократизм, сдержанность, замкнутость, мечтательность, индивидуализм, пренебрежительное отношение к материальным ценностям. “Типичный” петербуржец видится, прежде всего, как интеллигент и традиционалист. Основными образно-перцептивными и оценочными характеристиками являются: спокойствие, отсутствие агрессии, суетливости, немногословность, консерватизм, вежливость, воспитанность, гордость за свой город, любовь к нему, внутренняя культура, закрытость, скованность» [Васильева, Золотых 2015: 60].

Таким образом, можно констатировать, что уже с первой половины XIX в. возникает понимание особого стиля поведения петербуржцев. Основные черты этого стиля, такие как воспитанность, вежливость, аккуратность,

сдержанность, порядочность, рациональность, замкнутость, на протяжении длительного периода времени устойчивы, о чем свидетельствуют и литературные источники, и общественное мнение современных жителей города.

А что думают молодые люди? Какими характеристиками они будут описывать идеального горожанина? Существует ли он в реальности? Чтобы получить какое-то представление об этом, студентам второго курса гуманитарного факультета одного из технических вузов было дано задание написать краткое эссе на эту тему. Всего было подготовлено и сдано 16 работ; все выполнившие задание – студенты-девушки в возрасте от 19 лет до 21 года, три из них – приезжие, остальные – жители города.

Сначала приведем некоторые высказывания студенток, приехавших учиться в наш город.

«Я живу в Петербурге уже два года и не могу сказать, что жизнь здесь отличается от жизни в других городах. И не могу сказать, что люди здесь какие-то другие. Сама я из Краснодара. Еще до переезда сюда я часто приезжала в Петербург к родственникам на каникулы. Да, вот тогда я восхищалась этим городом, я хотела жить здесь. Я наслаждалась днями, которые проводила здесь, они меня окутывали настолько, что я уезжала со слезами. А прожив здесь буквально полгода, поняла, что и нет уже той изюминки, нет той невероятной атмосферы. Хороший город для жизни. И все. Я побывала на многих интернет-ресурсах, изучила общественное мнение по поводу настоящего петербуржца и могу сделать вывод, что это всего лишь стереотип. Великий стереотип в прямом смысле этого слова».

Отметим, что слово «стереотип» будет еще не раз звучать в оценках респондентов.

«Я не являюсь коренным жителем Петербурга – более того, и не планировала переезда в этот город. В моей голове не было никаких представлений об этом городе».

Первое впечатление было – разочарование. Люди, которые мне попадались, были слишком манерны, всем своим видом и поведением как бы пытались показать мне мое “место”. Моя соседка была мне самым ярким примером: ее поведение и стиль одежды можно смело отнести к “элегантной леди”, однако во время своего переезда она оставляла все коробки и строительный мусор в коридоре у лифта. До этого момента я смотрела на нее с интересом, но потом уже с отвращением. Она в своем элегантном костюме проходила мимо всего этого мусора, смотря на него с отвращением, а на замечания отвечала: “Я купила тут квартиру, так что пусть за мной убирают”.

Вообще в целом Петербург будто весь играет на стереотипах: в туристической зоне города музыканты играют одни и те же песни “Чайфа”, “Сплина”,



Земфиры потому, что они являются ассоциацией города (непонятно почему – только группа «Сплин» петербургская. – М. И.), поэтому они приносят деньги. Петербургу и его обществу свойственна показушность».

«Я переехала в Петербург полтора года назад. За несколько дней до отъезда из родного города мама сказала мне: “Теперь твоя жизнь кардинально изменится. Будь к этому готова”. Тогда я была уверена, что мама имела в виду, что переезд может изменить жизнь человека. Но, оказавшись в Петербурге, я поняла, что мама тогда говорила не просто о смене места жительства, а в определенный город. В Санкт-Петербург. Мама прожила здесь несколько лет, и она знала, что этот город меняет. Меняет судьбы, привычки и жизни людей. Петербург уже успел изменить меня... Кто-то скажет, что в принципе такое понятие, как “настоящий петербуржец”, – просто глупый стереотип, навязанный временем и желанием выделиться. И, возможно, этот стереотип и правда наложил свой отпечаток на мое мнение относительно этого вопроса. Однако с каждым днем я все больше убеждаюсь в том, что петербуржцы – уникальные люди. Есть в них что-то особенное, то, что выделяет их из толпы... Первая моя встреча с коренной петербурженкой случилась, когда мы с мамой заблудились, гуляя по городу... Спустя несколько мгновений мама указала мне на пожилую женщину, которая по всем внешним признакам походила на общепринятый стереотип о петербуржцах. Элегантно одетая, с идеально уложенными волосами, в туфлях на невысоком каблуке, которые только придавали ей статности, она сидела в парке и читала Федора Михайловича Достоевского. От всей этой картины веяло аристократизмом. Несмотря на пасмурную погоду и полное отсутствие солнца, эта женщина улыбалась, а в ее глазах читалось искреннее желание помочь нам... Петербург – единственный город из всех, которые я когда-либо посещала, где люди сами подходили ко мне с предложением помочь и показать дорогу... Кажется, что сформировавшийся имидж петербуржца – это идеал человека. Всегда опрятно одетый, владеющий культурой общения и прекрасно осведомленный о всех правилах этикета. Извиняющийся после того, как чихнет в общественном месте, спешащий в парадную своего дома и аккуратно обходящий поребрик».

Итак, две из трех студенток, приехавших учиться в Петербург, высказываются достаточно критично. Одна разочарована, ее детский восторг от восприятия города, когда она была здесь на каникулах, всего спустя полгода постоянной жизни улетучился. Теперь для нее это просто обыкновенный, но хороший для жизни город. А настоящий петербуржец – это просто стереотип, хотя и великий.

В словах другой студентки мы слышим не только разочарование, но даже раздражение. Все на стереотипах, люди манерны, за внешним лоском скрывается неуважение к окружающим людям. В целом и городу, и его жителям свойственны снобизм и показушность.

Третья студентка восхищается городом и горожанами, но когда читаешь об элегантно одетой старушке, сидящей в парке и читающей Достоевского, от которой веет аристократизмом, то понимаешь, что вот он явлен нам стереотип во всей своей красе.

Теперь обратимся к некоторым высказываниям студенток, постоянно живущих в Петербурге.

«Настоящий петербуржец, прежде всего, деликатен. Со стороны, особенно при первом знакомстве, это может показаться манерностью или робостью. Образованность у него всегда неотделима от воспитанности».

«В моем представлении идеальный образ жителя города выглядит следующим образом: это человек традиционного воспитания, интеллигент. Он самодостаточен; возможно, немного хмурый, сдержанный и в какой-то степени осторожный. Житель Северной столицы ведет размеренную, стабильную и спокойную жизнь. Такой человек воспитан в лучших традициях: и откроет дверь даме, и уступит место пожилому человеку, и не нагрубит кому-либо. Петербуржец предпочтет провести свободное время в тесном кругу близких людей, нежели в шумной компании. Одним из главных критериев, по которому можно отличить петербуржца, является его речь. Она грамотна и по-своему уникальна... В своей жизни я таких людей не встречала, так как идеальных людей, как и идеальных петербуржцев, не существует».

«Идеальный петербуржец? Кто он такой? И существует ли вообще? Сложно ответить на этот вопрос. Много людей, много мнений. Но лично я считаю, что такого человека в природе не существует. Никто не идеален по своей сути. Однако я могу отметить то, что есть люди, которые более-менее соответствуют таким идеалам, принятым в обществе. Например, те люди, называемые коренными жителями Петербурга, которые ценят традиции, архитектуру города и город в общем, пытаются сделать его лучше, как-то усовершенствовать его, могут называться идеальными петербуржцами. Эти люди воспитаны, интеллигентны, отзывчивы, культурны, образованы. В моем понимании они достаточно одиноки, любят находиться наедине со своими мыслями. Они живут сами по себе и ко всему относятся достаточно серьезно. Иногда даже слишком».

«Для меня настоящий петербуржец – это образованный, начитанный человек с моральными принципами... Настоящий петербуржец просвещен культурно: он посещает театры, музеи, оперу, филармонию... Это те люди, которые любят поэзию, в душе романтики. Они опрятны и обладают чувством стиля. Сдержанны. И они всегда носят под рукой зонтик: даже если на улице плюс 30, они-то уж точно знают, как переменчива погода в Петербурге.



И также я считаю нужным сказать, что это люди особой породы, со стальным характером, с несломимой стойкостью духа – и это доказывает блокада Ленинграда... Я встречала таких людей – как правило, это старшее поколение. И, увы, таких людей все меньше и меньше».

«Петербургец прежде всего вежливый интеллигент, знающий все этические и моральные нормы правил, чаще всего знание русского языка которого находится на высшем уровне. Также невозможно представить петербуржца без книги в метро... Какой же образ петербуржца, если тот не поддерживает свою хоккейную или футбольную команду? “Боление за своих” является неотъемлемой частью обывденной жизни большинства коренных жителей Северной Пальмиры. Нельзя не отметить и цветовую гамму одежды петербуржца. Если навстречу вам идет человек, полностью одетый в темные цвета, знайте – перед вами коренной петербуржец».

«На мой взгляд, для того чтобы называться настоящим петербуржцем, человек должен как минимум любить свой город и знать его историю. Кроме того, он должен быть культурным, воспитанным, эрудированным, интеллигентным и толерантным.

Однако, к сожалению, в наше время очень редко можно встретить личностей, которые совмещают в себе все эти качества. Как правило, это люди старших поколений. Они очень хорошо знают свой город и любят его, всегда помогут гостям и никогда не нагружат. Что касается молодых людей, то мало кто из них может похвастаться такими достоинствами».

Первое, что обращает на себя внимание при чтении этих суждений, – уверенность в том, что идеальных петербуржцев не существует, поскольку всякий идеал недостижим. С этим спорить невозможно, потому что так оно и есть. Но, несмотря на это, у респондентов есть отчетливое представление о качествах, которыми должен обладать настоящий петербуржец, что на самом деле нам и требуется. Обращает на себя внимание самокритичность молодых людей, поскольку они полагают, что качества идеальных горожан присущи прежде всего пожилым людям. О каких же качествах говорит молодежь?

Все узнаваемо. Идеальный петербуржец – человек культурный, воспитанный, интеллигентный. Он сдержан, нетороплив, отзывчив, соблюдает моральные нормы поведения. Его отличают не только грамотная речь и особенности словоупотребления, но и такие внешние признаки, как цвет одежды, наличие зонтика в любую погоду.

Таким образом, представление о петербуржце, сложившееся еще в первой половине XIX в., продолжает воспроизводиться и в наши дни. Студенческая молодежь во многом повторяет те же стилевые особенности поведения, о которых мы читали в литературных свидетельствах давно минувших дней. Опять скажем, что это просто стереотип? Но подобное утверждение, скорее,

говорит нам о жизненности и реальности чего-либо, а не о фантазии и выдумке. Ведь если стилевое поведение, которое мы обсуждаем, стало стереотипом массового сознания, это означает, что в обычной повседневной жизни человек будет стремиться его соблюдать, поскольку стереотип упрощает жизнь, позволяет каждому чувствовать себя своим в окружающем мире. Приведем цитату из У. Липпмана: *«Системы стереотипов могут служить ядром нашей личной традиции, способом защиты нашего положения в обществе. Они представляют собой упорядоченную, более или менее непротиворечивую картину мира. В ней удобно разместить наши привычки, вкусы, способности, удовольствия и надежды. Стереотипная картина мира может быть неполной, но это картина возможного мира, к которому мы приспособились. В этом мире люди и предметы занимают предназначенные им места и действуют ожидаемым образом. Мы чувствуем себя в этом мире как дома. Мы вписаны в него. Мы его составная часть. Нам известны все ходы и выходы»* [цит. по Ослон 2006: 132].

Поэтому не соглашусь с распространенным мнением о том, что петербургского стиля поведения больше не существует. Приведу высказывания по этому поводу известного знатока петербургской истории и культуры С.И. Ачильдиева: *«В итоге почти за полвека коммунистического правления Петроград-Ленинград успешно ассимилировал и дембелей после двух страшных войн, и крестьян из доведенных до голода и полной нищеты деревень, и евреев из белорусско-украинских местечек... Но ничего вечного не бывает. С начала 1970-х годов, когда начался массовый завоз так называемых лимитчиков, городской характер стал быстро портиться»* [Ачильдиев 2015: 475]. И далее: *«В наши дни ситуация еще сложнее. Нынешние приезжие принадлежат вообще к иному культурному ареалу и зачастую даже не способны хоть сколько-нибудь связно изъясняться по-русски. Живут и работают они обособленно, образуя национальные анклавы. Петербург и петербуржцы для них не просто чужие – чуждые»* [Там же: 477]. Отсюда вывод: *«Сегодня этот стиль теплится в очень узком слое интеллигентской среды, преимущественно в людях старших поколений, и, увы, пока крайне трудно обнаружить какие-либо предпосылки, благодаря которым былые поведенческие стандарты вдруг начали бы вновь служить эталоном для других слоев жителей Петербурга»* [Там же: 478].

По-моему, уважаемый автор противоречит сам себе. Если за полвека коммунистического правления город сумел ассимилировать огромные миграционные волны, то почему он не сможет сделать это теперь? Кроме того, население Петербурга во все времена увеличивалось за счет приезжих.

«Экономическое развитие города сопровождалось ростом его населения. К концу XVIII в. численность постоянного населения Санкт-Петербурга достигла примерно 200–210 тысяч человек... Естественного прироста в городе



не было: рождалось меньше, чем умирало. Так, в 1789 году в городе родилось 6,2 тысячи детей, а умерло 8,4 тысячи человек» [Даринский, Старцев 1999: 74–75]. «Высокие темпы экономического развития Санкт-Петербурга во второй половине XIX века обусловили значительный рост его населения... В 1858 году в столице (без пригородов) проживало 497 тысяч человек, в 1869 году – 667 тысяч, а в 1890 году – уже 954 тысячи. В конце царствования Александра III население Санкт-Петербурга превысило один миллион». «Число рождавшихся ежегодно детей не превышало смертность, которая, как и в первой половине XIX века, оставалась высокой из-за распространенности эпидемических болезней и низких санитарных условий жизни большинства населения. Поэтому естественного прироста населения в городе не было» [Там же: 144–145].

Таким образом, родословная большинства горожан не может иметь глубоких питерских корней по причине молодости города и роста его населения во все века в основном за счет миграции, а не естественного прироста населения. Но пространственно-архитектурная среда города, его климат и природные условия, интеллектуальная аура и мифология – словом, все то, что принято называть “genius loci” (гений места), оказывали и продолжают оказывать существенное воздействие на человека – на его стиль жизни, манеру поведения. В результате люди из разных мест кто раньше, кто позже становятся петербуржцами.

Если у горожанина есть четкое представление о нормативном поведении, о традициях и правилах общежития, принятых в Петербурге, в чем мы еще раз убедились, то в обычных повседневных условиях он будет стремиться их соблюдать. Никто не хочет в глазах окружающих людей предстать чужаком, не умеющим себя вести. А значит, мы можем утверждать, что миф о «настоящем петербуржце» действительно существует и не может не влиять в большей или меньшей степени на повседневное поведение горожан.

И еще одно попутное наблюдение из эссе студентов, не имеющее прямого отношения к обсуждаемому вопросу. Многие из них писали, что петербуржца невозможно представить без книги, что любовь к чтению – это неременный атрибут идеального горожанина. Приведем краткий фрагмент из эссе студентки: «Конечно, в последнее время стало модно повышать свой интеллектуальный уровень, ходить в музеи и театры. Я все чаще замечаю, что молодежь стала много читать, и это не может не радовать». Это высказывание противоречит распространенному мнению, подтверждаемому и различными опросами (которым, правда, в большинстве случаев не очень-то можно доверять), что молодежь читает все меньше и меньше, уровень культуры понижается и прочее, и прочее. Будем надеяться, что свидетельство этой девушки окажется верным и повышать свой интеллектуальный уровень действительно уже стало или скоро станет модным среди молодежи.

Литература

Ачильдиев С.И. Постигение Петербурга. В чем смысл и предназначение Северной столицы. М.: Центрполиграф, 2015.

Бенуа А. Художественные письма. Москва и Петербург // Москва-Петербург: pro et contra. Диалог культур в истории национального самосознания. СПб.: Изд. РХГИ, 2000.

Васильева Ю.А., Золотых Л.Г. Лингвокультурный типаж «петербуржец» в русском языковом сознании // Гуманитарные науки. 2015. № 2 (54).

Даринский А.В., Старцев В.И. История Санкт-Петербурга. XVIII–XIX вв., СПб.: Глагол, 1999.

Загоскин М.Н. Два характера. Брат и сестра // Москва-Петербург: pro et contra. Диалог культур в истории национального самосознания. СПб.: Изд. РХГИ, 2000.

Замятин Е.И. Москва-Петербург // Москва-Петербург: pro et contra. Диалог культур в истории национального самосознания. СПб.: Изд. РХГИ, 2000.

Ослон А. Уолтер Липпман о стереотипах. Выписки из книги «Общественное мнение» // Социальная реальность. 2006. № 4.

А.В. Толстокорова (Киев)
**МИГРАНТКИ В МЕГАПОЛИСЕ:
ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ
ЛОКАЛИЗАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Научная проблема исследования

На протяжении истории человечества открытые городские пространства (ОГП) играли важную роль в конструировании коллективной памяти и идентичности различных социальных, национальных, религиозных, гендерных и других групп. Памятные места и мемориалы, исторические монументы и здания, облеченные в мифы и предания об их героическом или знаменательном прошлом, выполняют роль маркеров городского пространства и инструментов конструирования чувств общности, преемственности, принадлежности для членов этих групп, укрепляя их единство. В то же время по мере урбанизации ОГП мегаполиса становятся достоянием различных страт городского населения, радикально различающихся по основным идентификационным признакам – расовым, этническим, гендерным, классовым, имущественным, социальным и пр. Это порождает новые виды пространственных взаимодействий: контактов и коллизий, соперничества, дистанцирований, демаркирований и т. д.

В последнее время эти функции ОГП привлекают все больше внимания в социальных науках и изучаются с позиций широкого круга научных дисциплин: урбанистики и социологии, социальной географии и социальной истории, социальной антропологии и этнографии [Леньо 2011; Полюшкевич 2014; Антюфеев и др. 2016; McDowell 1999; Whitehead et al. 2015]. Однако применительно к процессу миграции указанная тема, особенно ее гендерный аспект, является когнитивной лакуной.

Это обстоятельство предопределило выбор в качестве объекта данного исследования ОГП мегаполиса, под которыми понимаются **фокальные точки** городского ландшафта, исполняющие функцию «групповых досуговых публичных пространств» [см. подробнее: Малышева 2010], – большие площади, подворья городских церквей, скверы возле станций метрополитена и т. п. ОГП рассматриваются дифференцированно от закрытых городских досуговых пространств, таких как этнические кафе и рестораны, торговые и развлекательные центры и другие виды общественных мест закрытого типа, которые также могут служить цели пространственной локализации групповой идентичности мигрантов из той или иной страны [см., например: Варшавер, Рочева 2015; Yeoh, Huang 1998].



Основной целью исследования является анализ роли ОГП мегаполисов в принимающих странах украинской женской миграции в пространственной локализации групповой идентичности гостевых работниц. При этом акцент делается на гендерном измерении данного феномена, рассматриваемого как модель брендинга городской территории. *Практической задачей* работы является научная проблематизация указанного **социального феномена – в частности, его гендерных аспектов как перспективного поля для дальнейшей аналитической рефлексии.**

Теоретическая основа и аналитический инструментарий исследования

Теоретической основой исследования является «пространственный поворот» [Blank, Rosen-Zvi 2010] **в социальных и гуманитарных науках или их «специализация»** (опространствование). Эта концептуальная парадигма отрицает традиционный взгляд на пространство как всего лишь контейнер, придающий форму явлениям более высокого прядка, и базируется на представлении, что пространство является социальным конструктом, который следует рассматривать во взаимосвязи с остальным социальным миром. Она отражает возрастающее внимание географии к данным других наук и интерес других наук к достижениям географии.

Также работа базируется на **гендерном подходе к миграционным явлениям**, применение которого убедительно демонстрирует, что пространственно-географическая мобильность является гендерно-маркированным процессом, поскольку гендер (социопсихологический пол) оказывает влияние на все его аспекты: причины, характер, эффект и последствия на всех уровнях, включая субъективный опыт перемещающихся лиц [см.: Valentine 1989; Mandel 2004].

Основным *аналитическим инструментом* исследования является понятие «**пространственная локализация идентичности**» [Толстокорова 2016 (а): 232]. Оно трактуется в терминах теории локальности Арджуна Аппадурай, в которой **понятие «локальность» рассматривается как сложное феноменологическое качество**, конституируемое серией взаимосвязей между ощущением социальной сущности, технологиями интерактивности и релятивностью контекста [Appadurai 1996]. С этих позиций **концепт «локализация идентичности» интерпретируется одновременно и как способ «колонизации окружающей местности» (neighbourhood), являющейся социальной формой реализации локальности, и как способ постоянного производства и воспроизводства «сообщества».**

В данной работе в качестве этого **сообщества выступает диаспора украинских трудовых мигранток**, являющаяся еще одним – **активным – объектом** изучения в отличие от ОГП как **пассивного** объекта исследования.

Гипотезой настоящего исследования является предположение о том, что указанное сообщество воспроизводит себя посредством этнизации, или *этнического брендинга* ОГП крупного зарубежного города, то есть придания



им этнической значимости, маркирования их как точек пространственной локализации «мигрантского моноэтнического “параллельного” общества» [Варшавер, Рочева 2015: 322]. Эта стратегия строится на основе процессов «доместикации» и «пространственной колонизации» [Noussia, Lyons 2009: 602] **ОГП мегаполиса, направленных на использование их мигрантками в качестве своей этнической ниши.**

Представляется, что *пространственно локализованная идентичность*, как и локальная и национальная идентичности, в условиях нестабильности общества может стать существенной опорой для человека, необходимой для **обретения определенности собственного положения в системе социального пространства.** Она является основой для преобразующей деятельности и может **частично компенсировать утрату других важных социальных идентичностей.**

Методология исследования

Данная работа является частью многоэтапного, трансдисциплинарного проекта, нацеленного на изучение гендерных аспектов украинской трудовой миграции. Она выполнена на основе исследования, включающего следующие блоки:

- Анализ вторичных теоретических источников на тему международной и украинской трудовой миграции, урбанистических и **пространственных студий** и др.
- Обзор материалов прессы об украинской трудовой миграции и документальных **кинорепортажей о жизни украинских гастарбайтеров за рубежом.**
- Включенное и невключенное наблюдения, которые проводились на протяжении 2003–2014 гг. благодаря участию автора в деятельности общественных организаций украинских мигрантов в странах Евросоюза (Великобритания, Швеция, Германия, Словакия), а также в Украине в ходе общения с представителями неформальных социальных сетей мигрантов: учителями и администрацией школ, где обучаются дети мигрантов, представителями отделов муниципалитетов по работе с семьями и детьми, соседями семей мигрантов и др.
- Глубинные интервью и дискуссии в фокус-группах с экспертами были организованы летом 2008 г. На этом этапе опрашивались 25 специалистов по вопросам миграции, гендерных и женских исследований, социальной политики и социальной работы из государственных научно-исследовательских институтов и аналитических центров, министерств, посольств, неправительственных организаций, государственных центров трудоустройства и т. д.
- Полуформализованные интервью и обсуждения в двух фокус-группах с мигрантами и членами их семей (общее количество: 31 женщина и 13 мужчин) были проведены в период 2007–2014 гг. в Херсонской, Кировоградской и Тернопольской областях, в Киеве и во Львове. Также 13 интервью были

собраны в странах назначения миграции (Италии, Германии, Австрии и Франции). Ряд интервью проводился в телефонном режиме и дополнялся общением по электронной почте и через программу Skype. Интервью с информантами, членами их семей и неформальных социальных сетей проводились как на русском, так и на украинском языках. Несколько интервью с экспертами и обсуждение в фокус-группе проходили на английском языке.

Изначально проект не преследовал цель изучения мигрантов в контексте городской среды мегаполиса. Важность этого направления исследования была выявлена при анализе материалов прессы на тему украинской трудовой миграции, особенно ее женской ипостаси. Поэтому основу *эмпирической базы* данной статьи составили публицистические и кинематографические репортажи о жизни и быте украинских женщин-мигранток в принимающих странах. Они дополняются данными других этапов проекта.

Структура работы: для достижения поставленной цели и решения практической задачи в работе освещены следующие вопросы: сначала рассматривается гендерная динамика женского миграционного антропохода из Украины и ее **особенности в контексте глобализации и урбанизации**; затем анализируются ОГП мегаполиса в функции «воскресных анклавов» для социализации мигрантов; далее рассматривается феномен фобии мегаполиса и его роль в пространственной включенности женщин-мигранток в большом городе и **прослеживается роль таких ОГП, как открытые пространства возле городских церквей, крупные городские площади и парковые зоны**, в пространственной локализации групповой идентичности трудовых мигранток из Украины. В заключительных замечаниях подведены итоги данного исследования.

Женский миграционный антропоход из Украины: гендерные аспекты

Одной из основных особенностей общественных изменений, последовавших в результате разрушения системы **государственного социализма, стало возобновление права на свободу передвижения и открытие государственных границ**. В Украине эти процессы вызвали поток массовой международной миграции населения, положившей начало феномену постсоветского «заробитчанства»¹, то есть зарубежных заработков, охвативших по разным данным от 6,8% до 9,1% экономически активного населения [ILO 2013] и порядка **15,7% украинских семей, имеющих хотя бы одного члена, работающего за рубежом** [ИОМ 2008: 20]. Это явление, по словам экспертов, стало для многих украинцев не только стилем жизни и даже *квазипрофессией*, но и образом мысли и групповой экзистенциальной культурой.

¹ Процесс, аналогичный российскому «отходничеству», но преимущественно зарубежной направленности.

Как показывают исследования, антропоток² «заробитчан» структурируются на основе **гендерных принципов. Так, в одних из них преобладают мужчины** (например, в Чехии они составляют 67% от всех украинских мигрантов, в Португалии – 62%), а в других доминируют женщины (в Италии и Греции они составляют соответственно 83,2% и 70% от всех украинских гастарбайтеров) [На роздоріжжі 2009: 60–61]. Первая волна женской трудовой миграции 1990-х гг. была направлена преимущественно в Италию и Грецию. Как считает И. Марков, эти поездки украинок в страны средиземноморья **создали уникальный для современной Европы феномен женской миграции** [Марков 2005]. Он зиждется на «глобальных цепочках заботы», в основе которых лежит «эффект домино» [Толстокурова 2015: 30], заключающийся в том, что рабочие места женщин, уехавших на заработки в экономически более успешные государства, занимают мигрантками, приезжающими из более бедных стран, а их рабочие места в свою очередь заполняются представительницами наибодеjších экономик. Более того, эти поездки в средиземноморские страны в середине 1990-х гг. обозначили трансформацию новейшего украинского миграционного процесса от краткосрочных коммерческих «челночных» выездов в соседние страны, в которых доля женщин составляла 53,6% [Зовнішні трудові 2002: 84], к длительным «заробитчанским» поездкам на заработки за рубеж³.

В украинском обществе сложилось представление о том, что женское «заробитчанство» – «это выбор каждой женщины», «постоянный ежедневный выбор как моральный императив», **«выбор, который, приносит несравнимо больше потерь, чем таких необходимых финансовых достижений»** [Тугай 2011]. Однако сами мигрантки считают, что употребление понятия «заробитчанство» по отношению к ним является некорректным, так как на зарубежные заработки их толкает не погоня за «длинным рублем», традиционно ассоциирующаяся с «заробитчанством», а прежде всего забота о родных и близких, о благополучии семей. Украинская юристка Наталья Цебрик, работающая адвокатом украинских мигрантов в Риме, указывает:

«Я бы сказала, что наши женщины здесь, все те, кто приехал, чтобы поддержать семьи, зарабатывать на обучение детей, – они являются “берегинями” и термин “заробитчанство” вообще не подходит, так как они приехали, чтобы сохранить свою семью, вылечить своих родителей, обучить своих детей» [Нестеренко 2016].

² В данной работе «антропоток» определяется в узком смысле, то есть как «человеческие течения» – сезонные и вековые, локальные и глобальные миграции [Градировский, Лопухина 2003].

³ Этот поток массовой независимой женской миграции за рубеж в данном исследовании квалифицируется как второй исторический этап пространственной эмансипации украинских женщин. Первый этап этого процесса приходится на конец XIX – начало XX вв., когда украинские женщины массово уезжали на учебу в западноевропейские университеты [Толстокурова 2016 (6)].

Следует иметь в виду, что гендерное соотношение миграционных потоков является крайне динамичным, поскольку они быстро реагируют на гендерные изменения в **потребностях рынка труда**. Так, **долго считалось, что Польша является страной преимущественно мужской трудовой миграции из Украины**: в 2001 г. мужчины составляли 80,6% украинцев, работающих в этой стране. Но в последние годы по мере роста благосостояния польского населения и формирования **среднего класса потребовалось привлечение дополнительной дешевой женской трудовой силы из-за рубежа для выполнения услуг домработниц в домах польских нуворишей**. Это повлекло **постепенное изменение** в гендерном соотношении гостевых работников из Украины в данном антропоток. Сегодня большинство украинских гастарбайтеров в Польше – это украинские «берегини», работающие в домах «новых поляков». Их доля возросла с 19,4% в 2001 г. до 66% в 2009 г., а в 2015 г. они составили 96,5% работников, легально трудоустроенных в польских домохозяйствах [ILO 2016: 19]. При этом отмечается увеличение возрастной группы 40–50 лет и старше в силу роста спроса на персонал в области домашних услуг, где предпочтение обычно отдается женщинам, имеющим опыт ведения домохозяйства.

Аналогичный процесс наблюдается в России⁴, где вплоть до недавнего времени мужчины, работающие в строительстве, составляли основной контингент **украинских заробитчан**. Среди украинских миграциологов существует стойкое убеждение, что **Россия как страна трудоустройства привлекает женщин намного меньше, чем мужчин**⁵ [Майданік 2010; Химович 2008]. Однако статистические данные свидетельствуют о том, что в последние годы в этом антропоток **отмечалось возрастание доли женщин, трудоустраивающихся в домашнем сервисе российских мегаполисов**. Так, согласно статистическим данным, доля женщин в миграционных потоках из Украины в Россию может составлять до 50% [ООН Женщины, UKAID 2013: 7], а по экспертным оценкам – даже больше половины от общего количества работающих там украинских гастарбайтеров [Права человека 2011]⁶. Феминизация

⁴ Подробнее об украино-российском векторе женской миграции см. [Толстокурова 2013 (а); Толстокурова 2016 (в)].

⁵ Следует оговориться, что получение надежных статистических данных по миграционным потокам из Украины является проблематичным, поскольку даже регулярные социологические опросы, проводимые Институтом социологии Национальной академии наук Украины с 1992 г., включают лишь традиционный набор параметров, таких как возраст, пол, место проживания респондентов, тип населенного пункта, но не содержат вопросов о наличии у них миграционного опыта [Українське суспільство 2013].

⁶ Следует иметь в виду, что на соотношение полов в данном антропоток существенно повлиял военный конфликт на юго-востоке Украины, начавшийся в 2014 г. Украинские эксперты указывают, что в результате этих событий значительно возросло количество мужчин, желающих избежать мобилизации в армию посредством миграции в Россию и страны Европейского Союза [Українці бегут от кризиса 2014; О росте 2015]. Согласно статистическим

трудоустройственной миграции из Украины⁷ подтверждается и данными Международной организации миграции за 2016 г., которая прогнозирует дальнейшее возрастание доли женщин в миграционных потоках с сегодняшних 34% до 42% [ИОМ 2016: 11, 32].

Феминизация трудовой миграции из Украины в контексте глобализации и урбанизации

Как показывают исследования, феминизация международной миграции обусловлена ускорением процессов **глобализации и урбанизации**. В частности, Ирина Ивахнюк указывает, что глобализация «подгоняет» движение миграционных потоков под изменяющиеся потребности мирового рынка труда, трансформируя качественную структуру потоков международной миграции [Ивахнюк 2011: 111]. Это объясняется тем, что «рационально осуществляемый, полностью находящийся под контролем властей поток мигрантов может обернуться своеобразной выгодой» [Калашников, Кугушев 2006: 41]. При этом в странах-потребителях миграции предпочтение женской трудовой силе отдается по следующим причинам: 1) ее большая дешевизна по сравнению с мужской; 2) ее низкая стоимость из-за преимущественно нелегального статуса и незащищенности работниц на рынке труда; 3) более высокая эффективность предоставления клиентам «эмоционального труда любви» мигрантками по сравнению с местными женщинами в силу того, что они чаще всего оставляют свои семьи дома и не имеют семейных обязанностей в стране трудоустройства [Akalin 2007].

Этот порожденный процессом глобализации **антропоток женщин из бедных стран Глобального Юга на работу в сферу обслуживания обеспеченных стран Глобального Севера** рассматривается исследователями как «женская поднаготная глобализации» [Ehrenreich, Hochschild 2002: 3].

Кроме того, **направление и состав миграционных потоков** задается процессом урбанизации, в результате которого происходит изменение статуса мегаполисов, **которые трансформируются в так называемые «мировые города»** [Friedman, Wolff 1982] или «глобальные города» [Brenner 1998]. Они выполняют функции узловых точек, жизненно необходимых

данном на 2016 г., украинский мигрант, который сегодня ищет работу в РФ, – это мужчина преимущественно из сельской местности (более 60%), который занят тяжелым физическим трудом, часто работает нелегально (более 20%) и выезжает на заработки на несколько месяцев. Обычно это житель одной из западных областей (более 70%) [ДМСУ 2016].

⁷ Термин «феминизация (трудоустройственной) миграции» используется для обозначения возрастающего количества женщин, уезжающих на заработки самостоятельно, а не в качестве сопровождения для своих мужей или других членов семьи, и работающих на низкостатусной работе, часто в неблагоприятных условиях (сезонная или временная работа, опасная для жизни или здоровья и т. д.) [GAATW 2010: 13]. Подробнее о феминизации трудовой миграции из Украины см. [Толстокурова 2013 (б); Tolstokorova 2009].

для успешного функционирования глобального капитализма, поскольку концентрируют в себе услуги международного уровня – в частности, такие как глобальное администрирование и экономическое управление, технический консалтинг, банковское, финансовое, бухгалтерское, юридическое, телекоммуникационное и **информационное обслуживание, контроль между-**народных транспортных поставок, науки и высшего образования.

Исследователи [Sassen 2001; Parreñas 2001; Yeoh, Soc 2014; Yeoh, Huang 2015] указывают, что формирование «глобальных городов» базируется на гендерном разделении труда, поскольку для исполнения названных функций требуется рынок труда высокооплачиваемых профессионалов, готовых посвящать работе все свое время. Доля женщин среди них постоянно **возрастает по мере повышения их образовательного уровня, социального** участия и **профессиональных амбиций. Вследствие такого режима** труда у этих высокостатусных специалистов практически не остается времени и возможностей для организации быта в собственных домохозяйствах, без чего процесс жизнеобеспечения в семье и трудовой процесс на производстве существенно затрудняются. В результате формируется социальный запрос на восполнение «дефицита заботы и ухода»⁸ в элитных домохозяйствах и происходит замещение **функций традиционного женского труда. Для выполне-**ния этих функций, как правило, рекрутируется персонал из экономически депривированных социальных групп, в первую очередь малообеспеченных женщин, пенсионеров, мигрантов из бедных стран. Следовательно, «мировые города» находятся в зависимости от дешевого труда мигрантов, прежде всего женщин как традиционного домашнего обслуживающего персонала.

В ответ на этот спрос возникает поток женской миграции из экономически **неблагополучных государств, таких как Украина, готовых удовлетворять дан-**ный спрос за счет своей трудовой силы, которой не находится применение на местном **рынке труда. Это согласуется с утверждением Международной ор-**ганизации миграции, представленным в ее всемирном отчете «Мигранты и города» за 2015 г., что «миграция по своей сути представляет собой городское явление» [IOM 2015: 2].

То, что **большинство мигрантов трудоустраиваются в мегаполи-**сах, объясняется также тем, что многие из них являются горожанами, не заинтересованными в понижении своего социального статуса из-за переезда в меньший населенный пункт. **Об этом свидетельствуют данные всеукраин-**ского исследования миграционных настроений и «векторов движения» украинских мигрантов, выполненного львовским социологическим агентством «Фама». Результаты опроса показали, что среди потенциальных эмигрантов

⁸ Под «дефицитом заботы» понимается увеличение общественной потребности в услугах заботы и ухода в условиях сокращения объема их предоставления, что ведет к недостатку этого вида сервиса как в приватной, так и в публичной сфере [Hochschild 2013: 214].

только 0,2% – «миграционные дауншифтеры», то есть готовы отказаться от цивилизационных благ большого города и поселиться ближе к природе. Остальные являются «детьми городов», поэтому хотят переехать в большие агломерации [Галушак 2015].

«Воскресные анклав»: пространственная локализация идентичности мигрантов в ОГП мегаполиса

Как показывают исследования, люди, находящиеся в пограничном состоянии, как, например, иммигранты, испытывают зависимость от социализации в публичном пространстве, для чего они оспаривают право на использование ОГП [Noussia, Lyons 2009: 602]. В «мировых городах», которые являются основными точками притяжения мигрантов, формируются особые урбанистические зоны, «оккупируемые» и этнически брендируемые иностранными работниками.

Например, сингапурские исследователи [Yeoh, Huang 1998; Dodgson, Auyong 2016] отмечают, что в их глоболизирующемся городе иммигранты, как мужчины, так и женщины, концентрируются в так называемых «воскресных анклавах» – городских территориях, используемых гастарбайтерами для социализации и общения с соотечественниками в свободное от работы время. Постепенно такие ОГП «колонируются» низкооплачиваемыми гостевыми работниками: Лаки Плаза, известная как «Маленькая Манила», – филиппинцами; рынок Жуи-ао – индийцами и шриланкийцами; комплекс «Голден Майл» – тайваньцами; Пенинсьюла Плаза – гастарбайтерами из Мьянмара. Благодаря этому иностранцы, которые на протяжении недели остаются невидимыми для жителей города, активно обнаруживают себя по выходным.

Некоторые из «воскресных анклавов» брендируются не только по этническому, но и по гендерному принципу, то есть являются гендерно эксклюзивными – предназначенными для представителей только одного пола. Иногда в силу естественных причин они приходят во взаимодействие между собой, что может приводить к внутригендерным конфликтам, когда дамы конкурируют за внимание мужчин и наоборот. Иначе говоря, здесь ярко проявляется то, что В. Лысенко называет «символизмом мизансцен» [Лысенко 2013: 20].

Таким образом, «воскресные анклав» мигрантов, сосредоточенные в ОГП мегаполисов, исполняют роль «символических анклавов», призванных «служить опорой, символическим фундаментом, позволяющим индивидам-носителям альтернативного универсума встречать таких же носителей, их понимание и поддержку в уверенности, что доминирующий универсум несправедлив, ошибочен и является искаженной версией их универсума. Главной объединяющей их характеристикой оказывается то, что эти символические площадки позволяют носителям альтернативного символического

универсума свободно взаимодействовать и коммуницировать без того, чтобы мимикрировать, испытывать психологический дискомфорт или вовсе избегать контакта с представителями доминирующего универсума» [Шульга 2015: 96].

Фобия мегаполиса и пространственная включенность женщин-мигранток в большом городе

Как свидетельствуют исследования женской миграции в Италию, способность к «доместикации» ОГП и их гендерированному этническому брендингу принципиально отличает украинок от женщин тех этнических групп, в которых женщины приезжают в страну вслед за мужьями, – например, от арабов, остающихся «невидимыми» в городе, потому что не знают языка, не имеют работы, боятся рисков крупного города и поэтому большую часть времени проводят дома. Иначе говоря, **эти женщины испытывают «дефицит общения» с городом** [Савоскул 2013: 134] по причине *фобии мегаполиса*, затрудняющей их социальную включенность в пространственный ландшафт большого города.

О типичности этого феномена для мигранток свидетельствует исследование женской миграции в Москву: *«Многие работницы говорили и активно демонстрировали, что им комфортнее оставаться в квартире у работодателя и выходить на улицу только в ближайший магазин. Ни у одной из сиделок не сформировался комплексный пространственный образ города <...>. Сиделки из других стран часто отмечали, что выход на улицу связан для них с опасностью встречи с полицейскими, даже несмотря на наличие всех необходимых документов»* [Савоскул 2013: 133].

Однако данное исследование не подтвердило наличие пространственных фобий и дефицита общения у украинских гостевых работниц в мегаполисах России, хотя особое внимание к ним со стороны российских стражей порядка, отчасти служащее причиной фобии мегаполиса, отмечали многие информантки [Толстокурова 2015]:

«У меня регистрации не было, так я в паспорте всегда деньги держала. На тот случай, если задержат и потребуют паспорт. Ну, чтобы не придирались и в кутузку не уволокли. <...> Но, слава Богу, пронесло, ни разу не остановили. Но я всегда деньги держала наготове. Если что – всегда есть что “дать на лапу” ментам» (Марина, 54 года, уборщица в Москве).

Работавшие в Москве заробитчане – и женщины, и мужчины – объясняли это тем, что их этническая, гендерная и стратификационная «инаковость» ощущалась и ими самими, и местным населением:

«Знаете, они нас, хохлушек, на раз вычисляют. По внешности, по речи, да черт их знает как! Это уже у них вроде бы как такой профессионализм ментовский» (Марина, 54 года, уборщица в Москве).

«Москва никого не ждет, никого не гонит. Но второсортность ощущается. Даже не второсортность... мы здесь не второй и даже не третий сорт,

а тридцать третий. Пока не научился говорить “а” по-московски, только тогда отношение стало меняться» (Денис, преподаватель вуза, ездил на заботки в Москву).

Несмотря на подобные коллизии, *фобий мегаполиса* – по крайней мере, в российском контексте – у украинок не отмечалось. Это можно объяснить тем, что в отличие от мигрантов из Центральной Азии украинцы, несмотря на свою «стратификационную инаковость», не чувствуют себя чужаками в России в силу общности лингвистического, культурного и религиозного наследий русского и украинского народов.

Кроме того, по мнению российских экспертов, приток мигрантов из Украины отвечает представлениям и ожиданиям населения, испытывающего неприязнь к мигрантам из Центральной Азии и приветствующего присутствие русскоговорящей, пророссийски настроенной украинской рабочей силы на российском рынке труда [Чудиновских 2014].

Это объясняет свободу пространственных стратегий украинских гастарбайтеров в российских городах. Причем гендерный фактор не показал серьезных различий в этом вопросе. Многие информанты обоего пола сообщили, что одним из «социальных дивидендов миграции»⁹ для них была возможность осуществить давнюю мечту – ознакомиться с московскими достопримечательностями. В свои выходные одни из них регулярно посещали музеи и выставки, другие использовали любую возможность, чтобы попасть на спектакли, концерты современной и классической музыки, третьи ездили на книжные рынки, чтобы приобрести любимые произведения для чтения, которые не могли достать дома. Две респондентки отметили, что в свободное время знакомились с православными святынями России, посещали храмы, общались с прихожанами.

В то же время данных об особых ОГП российских мегаполисов, колонизированных трудовыми мигрантами из Украины и ими этнически брендированных, не было обнаружено ни в интервью, ни в материалах прессы¹⁰. Возможно, это объясняется органичной встроенностью украинских

⁹ Под социальными дивидендами миграции и транснационализма понимается прибавочная стоимость миграционного опыта в форме индивидуальных нефинансовых накоплений мигрантов, таких как новые жизненные ценности, поведенческие нормы и стереотипы, взгляды, отношения и стандарты, усвоенные благодаря зарубежному опыту, используемые в целях личного развития и благополучия и конвертируемые в такие разновидности индивидуального нематериального капитала, как социальный, этический, культурно-эстетический, образовательный, гражданский, дисциплинарно-правовой, лингвистический, кулинарный и т. д. [Толстокурова 2013 (в); Толстокурова 2013 (г); Tolstokorova 2013; Tolstokorova 2016].

¹⁰ Это замечание не относится к закрытым городским пространствам, таким как этнические кафе и рестораны, которые служат традиционным местом социализации для проживающих в России украинцев из разных слоев общества, не только для трудовых мигрантов [см. Пешкова 2005].

работников в социальный ландшафт российских городов, а также тем, что большинство из них имеют возможность часто ездить к своим семьям домой и не испытывают потребности в социализации в «воскресных анклавах».

«От Ребии до Пирамиды»: роль ОГП в пространственной локализации украинской идентичности заробитчанок в мегаполисах принимающих стран

Парохиальное пространство городских церквей

Как следует из интервью с информантками, одним из **основных ОГП**, служащих инструментом пространственной локализации «украинскости» его посетителей, является то, что в классификации пространств Лин Лофланд определяется как «парохиальное пространство» [Lofland 1998], то есть дворики, скверы и паперты возле христианских церквей, воспринимаемые мигрантками в качестве «тихой гавани» в чужеродном окружении зарубежного мегаполиса. Об этом свидетельствуют материалы прессы:

«Единственным местом, которое собирает украинцев вместе, является церковь. Каждое воскресенье и на праздники они приходят на молитву и на литургию. <...> И мы ощущаем здесь себя не беженцами, мы ощущаем себя украинцами» [Семенюк, Луковский 2014].

Например, для украинских мигрантов обоего пола, работающих в итальянском городе Генуе, традиционным местом встречи является площадь возле одного из центральных генуэзских храмов Сан-Лоренцо:

«Украинцев в Италии объединяет Греко-католическая церковь. “Мы всегда встречаемся и общаемся в воскресенье после Службы Божьей, – рассказали женщины. – Это очень помогает, спланирует и поддерживает духовно”» [Мазур 2004].

В то же время для украинских гастарбайтеров в Италии **парохиальное пространство церкви имеет четко выраженное гендерное измерение. Оно является основным, если не единственным, пространством, обеспечивающим женщинам возможность для манифестации их женской и материнской идентичностей, которые в домах работодателей, где трудоустраивается большинство мигранток, воспринимаются лишь как «неудобная организационная помеха, не заслуживающая внимания и поддержки»** [Cvajner 2011: 369–370].

«Каждую неделю церкви по всей Италии заполнены украинскими заробитчанками. Мужчин здесь не встретить. В Италии распространена такая группа, которая называется “Матери в молитве”, – это женщины, которые сходятся вместе и они молятся за своих детей, за сохранение семей. <...> После службы женщины выходят на подворье церкви, чтобы организовать своеобразный пикник. Продукты приносят с собой. Это единственная возможность, когда они могут встретиться с подругами, отдохнуть от работы и просто поговорить на родном языке».

Об этом свидетельствует и репортаж о праздновании Дня всех святых в Римской церкви монастыря отцов-василиан св. Иосафата [Медведева 2013]:



«Нарядные, со светлыми лицами прихожане по очереди подходят к столикам и выкладывают принесенные дары. Затем занимают места на лавках или в проходах, аккуратно сложив руки на коленях. Далеко не все из них были верующими в Украине. Но на чужбине без поддержки не выжить. “Большинство собравшихся здесь женщин работают в семьях (или, как мы здесь это называем, «на фисе»), – говорит София. – Следим за стариками или детьми и ведем домашнее хозяйство. Фактически целый день проводим взаперти. И поговорить по душам не с кем. Пообщаться со своими соотечественниками, поделиться бедами и радостями, получить поддержку и отдохнуть душой можно лишь в церкви”. После службы прихожанки проходят вглубь двора. Там их ждут беседки и навесы от дождя. Расставив нехитрую “мебель”, женщины группируются кучками и выкладывают на столы принесенные из дома съестные припасы. Вокруг, несмотря на ноябрь, зеленые деревья, поют птицы, и каждая из этих женщин старается “ухватить” себе кусочек этой благодати, чтобы пережить следующую неделю тяжелой работы...»

Церковь предоставляет мигрантам духовную поддержку и скромную практическую помощь в решении насущных житейских проблем, а также территорию для социализации и воспроизводства своей коллективной украинской идентичности. Вот что говорит об этом работающая в Милане мигрантка из Харькова:

«Нам хозяева дают один выходной в неделю <...>, а кое у кого из нас есть лишь 2–3 свободных часа в день. Куда нам идти? В город? Что я там найду? К знакомым? Их немного. И какой толк с того? А вот в церковь – да! Мы находим здесь все – Бога, Родину, хороших людей, которых так хочется видеть здесь, на чужбине. <...> Многие люди, которые не ходили в храм Божий в Украине, приходят к Богу именно там – за рубежом, когда попадают в чужую среду» [Данилевич 2010].

Как указывает Моника Перотто, православные приходы, несмотря на их большие финансовые проблемы, до сих пор являются местом встречи и духовной поддержки мигрантов. Иногда они организуют интересные культурные мероприятия (концерты, экскурсии) [Перотто 2010]. О важности парохияльного пространства церкви для социализации мигранток пишет в своей книге, присланной по электронной почте после заочного интервью, информантка Наталья Згодько – учительница и журналистка, бывшая завуч школы, вынужденная зарабатывать на жизнь домработницей в Италии:

«В Светлое Воскресенье украинцы со всего Неаполя будут стекаться к Греко-католической церкви, где проведет праздничное богослужение отец Роман. Будут разложены возле церкви крашанки, писанки, паски, сырны бабки. То есть все то, к чему привыкла и к чему тянется украинская душа. А на чужбине – особенно» [Згодько 2013: 11].

В интервью с украинскими экспертами также высказывалось мнение о важной роли украинской христианской церкви не только в консолидации групповой идентичности трудовых мигранток из Украины, но и в укреплении

духовной атмосферы принимающих обществ. В частности, в Италии, где большинство украинской диаспоры составляют женщины, являющиеся активными прихожанками христианских церквей, мигрантки становятся примером для местного населения:

«Эти люди создают положительный имидж Украины, потому что те, кто туда едет, это прежде всего очень трудолюбивые люди, люди с высоким уровнем духовности. И даже итальянцы, когда их официальные лица сюда приезжают, они говорят, что украинцы, которые работают в Италии, приносят духовность в итальянское общество, которой Италии так не хватает» (эксперт по вопросам миграции аналитического центра).

Таким образом, для гостевых работниц сакральное пространство церкви может исполнять роль «доместичированного пространства», позволяющего локализовать свою групповую идентичность, маркируя окружающих как «чужих» или «своих», которых «узнают издалека» [Пасс 2011]. Это достигается посредством пространственных практик, нацеленных на «производство пространства» [Lefebvre 1991] с брендом «украинскости», что можно интерпретировать как модель гендерированного этнического брендинга ОГП мегаполиса. Представляется, что такая стратегия пространственной локализации групповой идентичности мигранток может расцениваться как их попытка отстоять свое «право на город» [Харви 2008].

Городские площади

Как показал анализ эмпирического материала, городские площади мегаполисов принимающих стран, такие как площадь Каталонии в Барселоне, Омония в Афинах, площадь Гарибальди в Неаполе, Ребибия в Риме, выполняют функцию пространственной локализации групповой идентичности украинских мигрантов, детерминированной этническим, профессиональным и гендерным факторами. Эта тенденция наблюдается как среди украинских гостевых работниц, так и среди мигранток из других постсоветских государств – например, из Грузии:

«В случае Греции и Афин они встречались на одной из площадей, которая превратилась в место сбора мигрантов из Тьянцзи, где они получали и отправляли посылки, письма и деньги; обменивались новостями и посещали службу в местном храме. Мигрантки старались максимально быть в курсе дел своих семей, регулярно звонили домой, писали письма» [Зурабишвили, Зурабишвили 2012].

Для заробитчанок в Италии символичной в плане манифестации «украинскости» является центральная площадь Неаполя, социальное пространство которой в соответствии с теорией В. Звоновского выступает в роли «участника социальных взаимодействий» [Звоновский 2010: 280–281] женщин-гастарбайтеров из Украины:

«Если бы “синьора” Вера хотела в одной картине изобразить положение украинцев – заробитчан в Италии, она бы показала площадь Гарибальди,



что в Неаполе, огромную гору полосатых сумок и измученных украинских женщин возле них. Это привокзальная площадь, на ней паркуются и автобусы с «рабами-туристами». Эти автобусы служат и для связи украинских «шабашников» с родиной: через них передают письма, деньги, посылки» [Малимон 2001].

Площадь Гарибальди является одновременно и «визитной карточкой» Неаполя, снискавшей ему репутацию «города Золушек», поскольку большинство прибывающих сюда гастарбайтеров – это женщины¹¹, «молчаливо колонизирующие» итальянский рынок наемного домашнего труда [Banfi, Vossagni 2011: 287], и точкой отсчета в процессе их «неаполитизации» (то есть адаптации к жизни и быту в принимающем итальянском обществе), и «маленьким кусочком их родины»:

«Площадь Гарибальди в Неаполе. Именно здесь собираются наши заработчане из разных уголков Украины. Эта площадь многофункциональная: своеобразный рынок вакансий, место, почтовая площадь – можно получить или отправить посылку. Здесь продают украинские газеты и журналы, книги, музыку. Маленький кусочек Украины. Сегодня в каждой стране мира существуют такие “площади Гарибальди”. Только здесь можно совместно проникнуться ностальгией, встретившись в выходной, спеть вместе песню, обменяться какими-то новостями» [Стрелкова 2006].

В итальянской столице также есть своя «украинская площадь», известная как «маленький Киев». Она находится в предместье Рима, возле станции метро «Ребибия», где дважды в неделю встречаются украинские гастарбайтеры. Наряду с отчетливым этническим брендингом **«украинскости»** эта площадь характеризуется специфическим «глобальным ощущением места» [Massey 1991]: это ОГП размером 3 тыс. кв. м «колонизировано» и «доместицировано» гостевыми работниками из Украины в функции «агентства “все включено”». Оно исполняет одновременно функции и почты, и вокзала, и рекрутинговой фирмы, а для кого-то – больших денег, но основное ее назначение – дать возможность украинской диаспоре влиться в итальянскую жизнь:

«Кусок Украины в Риме – это площадь рядом с конечной остановкой метро “Ребибия”. Сюда наши заработчане приходят, чтобы найти работу или квартиру, передать деньги или получить посылку из дома, бесплатно проконсультироваться с украинским юристом или просто поболтать с земляками. В воскресное утро, когда римляне привычно отдыхают после трудовой недели, моих земляков тут тысячи – кто с подругами, кто с мужьями, кто с детьми или родственниками. На этой территории неожиданно можно встретить и соседку из дома напротив или дочурку одноклассницы из соседнего села, людей, с которыми когда-то работали вместе и которых судьба тоже занесла

¹¹ В Неаполе украинские женщины составляют вторую по численности этногендерную группу среди всех работающих здесь мигрантов [Girard, Chambers 2005].

на благословенную землю. Украинцев в этом Вечном Городе – десятки тысяч, а вообще моих соотечественников “на сапожке” почти миллион – и такой себе целый огромный город. “Это наша территория, которую итальянцы называют маленьким Киевом”, – при входе объясняет мне давняя подруга Лилия, с которой мы когда-то вместе работали и которую я отыскала в Риме через годы. “Видишь, там наш флаг”, – показывает она рукой, где на ветру развеваются итальянский и украинский флаги» [Гродецька 2012].

О том, какое значение эти «встречи на площади», иногда очень непродолжительные из-за высокой занятости гостевых работниц, имеют для самих женщин, свидетельствуют строки из письма домой мигрантки Натальи Згодько, опубликованного в газете «День». Из его содержания следует, что женщина рассматривает городскую площадь итальянского города, где регулярно собираются ее земляки, как локус «украинскости» в чужеродном окружении и оценивает ее в терминах «наши – чужие»:

«Меня всего на три часа – с 15.00 до 18.00 – по выходным отпускали на улицу, и я неслась, радуясь небу и солнцу, на местную площадь, где собирались в воскресенье наши. Дорога занимала почти час, еще час – назад, следовательно – час на общение» [Згодько 2008].

Это интервью подтверждает правомерность взгляда на «символические анклав» (мигрантов) как на пространственно-символические сущности, живущие в своем собственном временном континууме, который во многом не совпадает с континуумом доминирующего символического универсума [Шульга 2015: 96–97], в данном случае принимающего общества миграции.

Таким образом, можно заключить, что площади мегаполисов принимающих стран, «колонизируемые» иностранными работниками под свои этнические ниши, превращаются в своеобразные «контрпространства», нарушающие привычные социальные практики [Yeoh, Huang 1998: 595]. В них происходит пространственно-временная инверсия локализации идентичности по линии смещения акцентов в оппозициях «мы – они», «свои – чужие». Когда «доместичированная» украинскими гастарбайтерами римская площадь Ребибия превращается в «Маленький Киев», иностранцы в этом ОГП становятся локально доминирующим большинством, а коренное население оказывается в положении меньшинства, доминируемого чужаками.

Парковые зоны

Еще одними ОГП мегаполиса, выполняющим функцию локализации коллективной идентичности украинских заробитчанок, являются парковые зоны. Хотя авторесса-мигрантка Наталья Згодько считает, что «сидение с такими же несчастными на скамейке в парке все выходные за непрерывными разговорами о доле нашей тяжкой – на любителя» [Згодько 2013: 5], материалы прессы свидетельствуют о том, что таких «любителей», вернее «любительниц», оказывается немало и для них подобные «парковые посиделки важнее, чем еженедельные посещения вуза», потому что здесь они могут

«отвести душу» после тяжелого рабочего дня [Пасс 2011]. Иначе говоря, ОГП парковых зон выполняют для женщин психотерапевтическую функцию, **подтверждая мнение, что в глобальном масштабе парки служат цели манипуляции настроениями масс:** с одной стороны – преодолению разобщенности среди городского населения, а с другой – погашению протестных настроений [Elborough 2016].

Свидетельство этому – **новостной репортаж, посвященный римским паркам как гендерированному публичному пространству, где украинские женщины, зарабатывающие на жизнь в столице Италии, регулярно собираются, чтобы пообщаться с соотечественницами.** Наиболее популярный из таких парков находится рядом со станцией римского метро «Пирамиде». Это ОГП **средиземноморского мегаполиса идентифицируется в репортаже как «украинский Рим»,** воспринимаемый мигрантками в качестве «центра украинских женщин» и «своей территории».

«Все проблемы, которые у нас есть, мы несем сюда. Мы обмениваемся книжками, поем потихоньку, делимся письмами, которые приходят из Украины. Тут есть куда пойти, но сюда приходят, потому что здесь... как центр, где сходятся украинские женщины и проводят свое время» [Пасс 2011].

Это интервью согласуется с утверждением, что украинские домработницы в Италии составляют своего рода закрытый «кластер» социальных сетей, так как все свободное время проводят преимущественно со своими землячками [Перотто 2010]. Локализованность этих женщин в ОГП мегаполиса усиливает их присутствие в социальном контексте принимающих итальянских городов.

Пространственную визуализованность украинских гостевых работниц в итальянских больших городах можно частично объяснить в целом доброжелательным отношением к ним со стороны местного населения. Как сообщил в экспертном интервью, проведенном 24 июня 2008 г., посол Италии в Украине Пьетро Джованни Донничи (2007–2012 гг.), на его родине участие украинок на местном рынке труда весьма приветствуется. Итальянцы ценят в них то, что они более ответственные и дисциплинированы, чем мужчины, не приносят хлопот своим работодателям, проявляют себя как заботливые, чистоплотные и обязательные люди. Посол подтвердил эти слова в интервью с украинскими журналистами [Скачко, Юрчук 2009].

Заключение

Анализ эмпирического материала подтвердил гипотезу данного исследования **о существенной роли ОГП как «символических точек»** [Зимель 2002] ландшафта мегаполиса для пространственной локализации групповой идентичности украинских мигранток. Как было показано ранее, **высокая географическая мобильность мигрантов сопровождается «миграцией их локальной идентичности»** [Толстокурова 2016 (а): 231], в результате чего ее пространственная фиксация становится проблематичной. Поэтому



у гостевых работников возникает потребность в поиске альтернативных идентификационных стратегий, позволяющих, с одной стороны, манифестировать чувство групповой сопричастности с соплеменниками, работающими за рубежом, с другой стороны – маркировать самоидентификацию со страной исхода, а с третьей стороны – локально нивелировать «прекарную идентичность» [Толстокурова 2016 (а): 231], свойственную нелегальным мигрантам.

Результаты данного исследования свидетельствуют о том, что украинским мигранткам как этнической группе в целом не свойственна фобия мегаполиса. Это позволяет им решать проблему пространственной локализации своей групповой этнопрофессиональной идентичности посредством гендерированных идентификационных стратегий, направленных на доместикацию ОПП в больших городах принимающих стран. Так обеспечивается компенсация утраты локальной идентичности в транснациональном мегапространстве трансграничной мобильности посредством ее конструирования в микропространстве городского ландшафта.

Такая идентификационная стратегия принимает форму гендеризированной модели этнического брендинга территории мегаполиса. Она осуществляется на основе принципов пространственного взаимодействия, которые можно определить как стратегии «мы – они», манифестирующие противопоставление пространственно локализованного микромира мигранток чуждому для них макромииру принимающего сообщества.

Литература

Антюфеев А.В., Остробородов В.Б., Птичникова Г.А. Памятники военной истории в пространстве современного города: «дух места» как предмет охраны // Социология города. 2016. № 3. С. 5–15.

Варшавер Е., Рочева А. Интеграция мигрантов в контексте культурного разнообразия: сообщества мигрантов в «этнических кафе» Москвы // Пути России. Альтернативы общественного развития. 2.0. Сборник статей. Т. XX / под общ. ред. М.Г. Пугачевой, А.Ф. Филиппова. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 321–341.

Галуцук І. Понад 13% українських громадян нині схильні до еміграції. 12.02.2015. URL: <http://www.civicua.org/news/view.html?q=2407096>.

Градиловский С., Лопухина Т. Типологии миграционных процессов. Москва–Симферополь, 2003.

Гродецька В. Ребібія. Зде́сь продаються українці // Україна кримінальна. 17.02.2012. URL: http://cripo.com.ua/?sect_id=8&aid=131510.

Данилевич Н. Пастырское окормление эмигрантов на опыте украинской православной церкви // Релі́гія в Украї́ні. 05.10.2010. URL: http://risu.org.ua/ru/index/monitoring/society_digest/38222/.

ДМСУ. Міграційний профіль України, 2011–2015. Київ: Державна міграційна служба України, 2016.



Звоновский В.Б. О влиянии пространственной локализации на формы социального поведения // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2010. Вып. № 1 (44). Т. 1. С. 280–283.

Згодько Н. Письмо домой // День. 15.02.2008. URL: <https://day.kyiv.ua/ru/article/pochta-dnya/pismo-domoy>.

Згодько Н. НЕИтальянка в Италии. Торонто: Altaspera Publishing & Literary Agency, 2013.

Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3 (34). С. 23–34.

Зовнішні трудові міграції населення України / за ред. Е.М. Лібанової, О.В. Позняка. Київ, 2002.

Зурабишвили Т., Зурабишвили Т. Психологическая цена миграции женщин из грузинского поселка Даба Тианети // Диаспоры. 2012. № 2. С. 6–24.

Ивахнюк И.В. Управление трудовой миграцией: противоречивые уроки глобального кризиса // Век глобализации. 2011. № 2. С. 109–125.

Калашиников М., Кузусев С. Третий проект. Точка перехода. М.: АСТ, Астрель, 2006.

Леньо П. «Места памяти» как индикатор коллективной идентичности в Украине // Общество и этнополитика: материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции. 01.04.2011–01.06.2011 / под ред. Л.В. Савинова. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2011. С. 118–125.

Лысенко В. Глава 1. Город как стиль: определение понятия, предпосылки формирования и составные части // Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности / под ред. О.В. Лысенко, Е.Г. Трегубовой, вступ. ст. О.Л. Лейбовича. Пермь: ПГГПУ, 2013. С. 13–22.

Майданік І.П. Українська молодь на ринках праці зарубіжних держав. Київ: Ін-т демографії та соц. досліджень ім. М. В. Птухи НАН України, 2010.

Мазур Б. Українські заробітчани в Італії сумують за батьківщиною. Сайт української церковної громади у Генуї. 05.08.2004. URL: <http://www.genova.org.ua/ukra%D1%97nski-zarobitchanki-v-itali%D1%97-sumuyut-zabatkivshhinoyu/>.

Малимон Н.А. На площади Гарибальди продают работу... // День. 25.05.2001. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/obshchestvo/naploshchadi-garibaldi-prodayut-rabotu>.

Мальшева С.Ю. Досуговое пространство провинциального города: Казань во второй половине XIX – начале XX вв. // Диалог со временем. 2010. № 30. С. 305–336.

Марков І. Деякі риси сучасної української трудової міграції. За результатами масового соціологічного опитування українських заробітчан в Італії, проведеного західноукраїнським центром «Жіночі перспективи» // Українська трудова міграція в розширеній Європі. Київ, 2005. С. 76–103.

Медведева А. Притяженья больше нет: что гонит наших заробитчан из Италии // Вести: Репортер. 21.11.2013. URL: <http://reporter.vesti-ukr.com/25210-pritjazhenja-bolshe-net#.VNI99NKsVKY>.

На роздоріжжі. Аналітичні матеріали комплексного дослідження процесів української трудової міграції (країни Європейського союзу та Російська Федерація) / за ред. І. Маркова. Львів: Карітас України, 2009.

Нестеренко К. Наші пані в Римі (Винахідливі та наполегливі: історії успіху українських бізнес-леді в Італії) // Телевізійна служба новин (ТСН). Канал 1+1. 02.10.2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BeSYeiMOoAA>.

О росте трудовой миграции из Украины // Demoscope Weekly. № 625–626. 1–25.12.2015. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0625/gazeta028.php>.

ООН Женщины, UKAID. 2013. Гендерные подходы в формировании политики регулирования трудовой миграции: экспертная оценка. Алматы.

Пасс А. Заробітчани в Італії відводять душу у парках. 21.01.2011. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2o6Qcsp18fN4>.

Перотто М. Мигранты из постсоветских стран в Италии (результаты эмпирического социолнговистического исследования) // Диаспоры. 2010. № 1. С. 83–100.

Пешкова В.М. Инсценирование «украинскости»: некоторые культурные практики репрезентации этнических различий в современной Москве // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 1. С. 136–148.

Полышкевич О.А. Лики постсоветской идентичности: городские памятники как символы трансформации // Постсоветская идентичность в политическом измерении: реалии, проблемы, перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической интернет-конференции / под ред. М.В. Назукиной, О.Б. Подвинцева, Н.А. Коровниковой. Пермь: ООО «Печатный салон "Гармония"», 2014. С. 112–117.

Права человека на примере женщин // Российская миграция. Информационно-аналитический журнал. 2011. № 4 (49). С. 29–30.

Савоскул М. Сиделки из провинции в большом городе // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 7 (113). С. 127–135.

Семенюк Т., Луковський Б. Історія побуту українських заробітчани в Італії // Репортаж. 11.02.2014. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=o5T8hNe-MKY>.

Скачко В., Юрчук А. Пьетро Джованни Донничи: «Итальянцы уважают украинцев» // Версии. 03.10.2009. URL: <http://versii.com/news/189097/>.

Стрелкова Н. Лише українська жінка зможе підняти Україну. «Попелюшки» з Неаполя вже 15 років доводять це українським чоловікам // Щотижневик «33 канал». 21.06.2006. URL: <http://old.33kanal.com/2006/06-21-06.php>.

Толстокорова А.В. Между «узами любви» и «цепями заботы»: украинско-российское звено глобальной цепочки заботы // Материалы V Международной научно-практической конференции «Миграционные мосты в Евразии» по теме «Трудовая миграция в Российской Федерации: предотвращение



трудоустройке, стимулирование социально-экономического развития, совершенствование регулирования». 23–24.10.2013 (а). М.: ИСПИ РАН. С. 562–565.

Толстокорова А.В. Любовь по телефону: роль мобильной телефонии в транснациональном материнстве украинских мигранток // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013 (б). Т. XVI. № 4 (69). С. 142–158.

Толстокорова А.В. «Лучи света в темном царстве»: социальные дивиденды мигрантов в гендерной перспективе // Этнографическое обозрение. 2013 (в). № 5. С. 140–153.

Толстокорова А.В. «Хлеб наш насущный»: социальная значимость пищевых практик украинских мигрантов // Диаспоры. 2013 (г). № 2. С. 208–230.

Толстокорова А.В. Энигма, враг или амиго? Роль аттитюдного фактора в конструировании опыта зарубежного трудоустройства украинских трудовых мигрантов // ИНТЕР: интеракция, интервью, интерпретация. 2015. № 9. С. 36–58.

Толстокорова А.В. Пространственная локализация идентичности: роль «символических точек» мегаполиса в структурировании групповой идентичности украинских женщин-мигранток // Современный город: власть, управление, экономика. Сборник научных статей. Вып. VI. Пермь: Изд-во Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2016 (а). С. 230–242.

Толстокорова А.В. От частного к публичному: женская пространственная эмансипация в культуре и литературе эпохи модерна (конец XIX – начало XX веков). Saarbrücken: Lambert Academic Publisher RU, 2016 (б).

Толстокорова А.В. Во имя семьи: украинские «берегини» в домах новых русских // Креативная экономика и социальные инновации. 2016 (в). Т. 6. № 4 (17). С. 86–104.

Тугай Л. Життя, поділене на «до» і «після» // Галичина (інтернет версія). 23.12.2011. URL: <http://www.galychyna.if.ua/publication/culture/zhittja-podilena-do-i-pislja/>.

Українське суспільство 1992–2013. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг / за ред. В. Ворони, М. Шульги. Київ: ІС НАНУ, 2013.

Українці бегут от кризиса и войны на заработки в ЕС и РФ // Demoscope Weekly, № 623–624, 15–31.12.2014. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0623/panorm01.php#1>.

Харви Д. Право на город // Логос. 2008. № 3. С. 80–94.

Химович О.С. Еміграційна активність жіночого населення в Україні // Вісник Львівського Унів-ту. Серія соціологія. 2008. Вип. 2. С. 362–366.

Чудиновских О. Россияне будут рады мигрантам с Украины. Интервью интернет-порталу RIA-новости. 09.04.2014. URL: <http://ria.ru/society/20140409/1003215505.html>.

Шульга А. Символические анклав и смена символических универсумов // Социология: теория, методы, маркетинг. 2015. № 3. С. 95–107.

Akalin A. Hired as a Caregiver, Demanded as a Housewife: Becoming a Migrant Domestic Worker in Turkey // *European Journal of Women's Studies*. 2007. Vol. 14. Issue 3. P. 209–225.

Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.

Banfi L., Boccagni P. Transnational Family Life and Female Migration in Italy: One or multiple patterns? // *Gender, Generations and the Family in International Migration* / eds. A. Kraler, E. Kofman, M. Kohli, C. Schmoll. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2011. P. 287–312.

Blank Y., Rosen-Zvi I. Introduction: The spatial turn in social theory // *HAGAR: Studies in Culture, Polity & Identities*. 2010. Vol. 10. Issue 1. P. 1–6.

Brenner N. Global Cities, Glocal States: Global City Formation and State Territorial Restructuring in Contemporary Europe // *Review of International Political Economy*. 1998. Vol. 5. N 1. P. 1–37.

Cvajner M. Hyper-femininity as Decency: Beauty, womanhood and respect in emigration // *Ethnography*. 2011. № 12 (3). P. 356–374.

Dodgson J., Auyong H. Foreign Domestic Workers in Singapore: Social and Historical Perspectives. Lee Kuan Yew School of Public Policy (LKY School), National University of Singapore, 2016.

Ehrenreich B., Hochschild A. *Global Woman: Nannies, Maids, and SexWorkers in the New Economy*. New York: Metropolitan Books, 2002.

Elborough T. *A Walk in the Park. The Life and Times of a People's Institution*. London: Jonathan Cape, 2016.

Friedman J., Wolff G. World city formation, an agenda for research and action International // *Journal of Urban and Regional Research*. 1982. Vol. 6. Issue 3. P. 309–344.

GAATW. *Beyond Borders: Exploring Links Between Trafficking and Gender*. Bangkok: Global Alliance Against Traffic in Women, 2010.

Girard L.F., Chambers I. Naples, Italy: A spontaneous model for integration // *International Migrants and the City*. Ed. M. Balbo. Venice: UN Habitat, IUAV, 2005.

Hochschild A.R. *The Commercialization of Intimate Life: Notes from Home and Work*. Berkeley: UCP, 2013.

ILO. Report on the methodology and results of the modular sample survey on labor migration in Ukraine. Budapest: International Labor Organization, 2013.

ILO. Challenges in Long-term Care of the Elderly in Central and Eastern Europe. By Hirose K., Czepulis-Rutkowska Z. Budapest: International Labour Organization, 2016.

IOM. *Migration in Ukraine: A Country Profile 2008*. Geneva: International Organization for Migration, 2008.

IOM. *Migrants and Cities: New Partnerships to Manage Mobility*. Geneva: International Organization for Migration, 2015.

IOM. Migration as an enabler of development in Ukraine: A study on the nexus between development and migration-related financial flows to Ukraine. Kyiv: International Organization for Migration, 2016.

Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Blackwell, 1991.

Lofland L.H. The Public Realm: Exploring the City's Quintessential Social Territory. New York: Aldine de Gruyter, 1998.

Mandel J. Mobility matters: Women's livelihood strategies in Porto Novo, Benin // Gender, Place, and Culture. 2004. Vol. 11. № 2. P. 257–287.

Massey D. A Global Sense of Place // Marxism Today. 1991. (June.) P. 24–29.

McDowell L. Gender, Identity and Place. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.

Noussia A., Lyons M. Inhabiting Spaces of Liminality: Migrants in Omonia, Athens // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2009. Vol. 35. № 4. P. 601–624.

Parreñas R. Servants of Globalization: Women, Migration, and Domestic Work. Stanford, CA: Stanford University Press, 2001.

Sassen S. The Global City. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001.

Tolstokorova A. Who Cares for Carers?: Feminization of Labor Migration from Ukraine and its Impact on Social Welfare // International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs. 2009. Vol. XVIII. № 1. P. 62–84.

Tolstokorova A. Social Dividends of Migrants: The case of Ukrainian transnational migration // Journal of Social Policy. 2013. № 6 (10). P. 147–196. URL: www.fzf.ukim.edu.mk/files/00doktorski/Socijalna_politika-Revija_10.pdf.

Tolstokorova A. “To You it Shall be For Meat”: A Transcultural Perspective on Foodways of Ukrainian Transnational Migrants // The TRANSverse Journal. Issue 15 “The Food Issue/ La bouffe en question”. 2016. P. 70–91. URL: <http://www.transversejournal.org/index-of-issues/>.

Valentine G. The geography of women's fear // Area. 1989. Vol. 21. № 4. P. 385–390.

Whitehead Ch., Eckersley S., Lloyd K. Museums, Migration and Identity in Europe: Peoples, Places and Identities. London: Rutledge, 2015.

Yeoh B., Huang Sh. Negotiating Public Space: Strategies and Styles of 1998. Migrant Female Domestic Workers in Singapore // Urban Studies. 1998. Vol. 35. № 3. P. 583–602.

Yeoh B., Huang Sh. Foreign domestic workers in Singapore: A neglected social issue? // 50 Years of Social Issues in Singapore. Ed D. Chan. Singapore: World Scientific, 2015. P. 167–187.

Yeoh B., Soc M. The cosmopolis and the migrant domestic worker // Cultural Geographies. 2014. Vol. 21. № 2. P. 171–187.

О.А. Персидская (Новосибирск)

ЭТНИЧЕСКАЯ ДИАСПОРА В ГОРОДЕ:
ОБРАЗ В ГЛАЗАХ ПРИНИМАЮЩЕГО СООБЩЕСТВА¹

Такие процессы, как интенсификация миграционных потоков, пробуждение и осязаемый всплеск этнического и национального самосознания, рост инициативности этнически ориентированного актива, существенно изменяют численное соотношение, статус и взаимное влияние этнических групп в современных крупных городах. Все это ставит вопрос гармонизации отношений принимающего сообщества и мигрантов в число важнейших как для современных социально-гуманитарных исследований, так и для практики муниципального управления.

Способы взаимодействия меньшинств (мигрантов) и окружающего социума (принимающего сообщества) ограничены в целом небольшим числом стратегий. Согласимся с В.Ю. Рабиновичем, что «выбор, по сути, ограничен тремя опциями: ассимиляцией; изоляцией и вытекающим отсюда сепаратизмом; формированием диаспоры. Последняя представляется наиболее равновесной формой сохранения этнической самобытности при достаточно интенсивном взаимодействии с окружающей средой» [Рабинович 2009: 61].

В научной среде выделяют два основных подхода к определению диаспоры. В первом случае очерчивается набор критериев, некоторых признаков, обладание которыми является обязательным для того, чтобы группа могла рассматриваться как диаспора. Среди этих критериев, например, «чувство групповой этнической сплоченности, память о стране происхождения, ощущение своей чужеродности в иноэтнической среде, стремление к возвращению в родную обитель, помощь “исторической родине”» [Арутюнян 2013: 35]. Второй подход предполагает менее строгую категоризацию и более широкое понимание: диаспора при таком подходе образуется при расселении этноса «за пределами исторически “своей кровной” территории, причем, по существу, независимо от сохранности и выраженности собственных этнических черт в культуре, образе жизни и даже самосознании» [Там же: 35]. Отметим, что для анализа специфики взаимодействия диаспоры и принимающего сообщества первый подход выглядит более эвристичным, так как предполагает

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ-ОГОН № 16-03-00144 «Социокультурный мониторинг межэтнического сообщества: построение системы показателей и апробация в деятельности органов муниципального управления города Новосибирска» (руководитель Ю.В. Попков).

учет особенностей диаспоры как своеобразной цельной социальной группы, что влияет как на восприятие ее принимающим сообществом, так и на ее самоорганизацию и репрезентацию в социальном пространстве.

Действительно, диаспора представляет собой устойчивую форму этнокультурной общности для мигрантов, находящихся вне исторической родины. Отличительная особенность диаспоры состоит в том, что у ее членов сохраняется устойчивая самоидентификация с этнической группой, которая находится на исторической родине, в стране (регионе) исхода [Даргын-оол 2006: 98]. Это означает, что существенное воздействие на диаспору оказывает не только среда, в которой она находится физически, но также среда территории исхода, с которой она связана самым тесным образом: «пространство диаспоры» включает в себя не только всю совокупность связанных генеалогий расселения, но и тех, кто «остается на месте». Сеть связей транснационального пространства возникает, по мнению В.Д. Попкова, через цепочную миграцию. Наличие такой сети связей облегчает коммуникацию для вновь прибывших мигрантов, позволяет удачно адаптироваться к новой культуре и одновременно способствует сохранению большинства выигрышных моментов собственной культуры» [Скринник 2008: 143]. Именно эта особенность позволяет выделить диаспору как отдельную категорию социального анализа и отличить ее от близких по смыслу категорий, таких, например, как «этническое меньшинство» или «этническая группа».

Специфическая функция диаспоры, определяющая жизнеспособность данного вида социальной организации, состоит для мигрантов в том, что она позволяет сохранить равновесие «между выгодной ассимиляцией и интеграцией, с одной стороны, и необходимой этноограниченностью и этнодистанцией, с другой стороны» [Аствацатурова 2002: 49]. Для мигрантов диаспора является мощным адаптирующим механизмом: она оказывает мигрантам действенную социальную помощь, особенно на начальных этапах жизни в новой среде, а также способствует сохранению и воспроизведению позитивной этнокультурной идентичности в инокультурной среде, что позволяет ее членам гармонично включиться в интернациональный культурный процесс.

Для анализа специфики диаспор на современном российском пространстве представляет интерес точка зрения о существовании так называемых внутренних диаспор, к которым относят этнические группы, проживающие за пределами территории нахождения своего основного этнокультурного массива, но в границах одного государства. В Российской Федерации в связи с «кардинальными трансформациями и территориальными размежеваниями стран бывшего СССР, а также особенностями российской внутренней жизни с усиленной регионализацией» [Даргын-оол 2006: 97] сформировался целый ряд внутренних диаспор – в основном из представителей титульных этносов национальных республик. Такие «внутренние диаспоры» сформированы, например, тувинским, татарским, кавказским населением, проживающим в крупных городах.

Как правило, говоря об этнической принадлежности представителей наиболее крупных диаспоральных групп, проживающих в нашей стране, выделяют украинцев, армян, казахов, азербайджанцев, белорусов [Арутюнян 2013: 36]. В Новосибирске, помимо отмеченных, также достаточно весомы доли проживающих в городе узбеков (0,75% от числа лиц, указавших национальную принадлежность в ходе Всероссийской переписи населения 2010 г.), татары (0,73%), немцы (0,63%), таджики (0,61%), киргизы (0,44%) [Национальный состав]. Важно, что у всех перечисленных групп существуют на территории Новосибирска и области национально-культурные организации различного типа, что позволяет говорить об институциональном оформлении этнических инициатив.

Так как число мигрантов, особенно в больших городах, растет, социальная сеть диаспор становится все более масштабной. Это возводит диаспору в статус полноправного участника социальных взаимодействий с принимающим сообществом. В связи с этим диаспора должна рассматриваться как специфичный объект, встроенный в пространство города. Такой анализ предполагает учет обратной связи в виде восприятия диаспоры принимающим сообществом. При этом важно понимать, что восприятие мигрантов принимающим сообществом города и восприятие им же диаспоры не тождественно, хотя и имеет ряд пересечений. В серии статей о мигрантах и принимающем сообществе г. Новосибирска [см., напр.: Мадюкова 2015; Мадюкова 2016; Персидская 2016; Персидская, Мадюкова 2015; Персидская, Попков, Скалабан 2016], основой которых выступает статистический анализ данных массовых социологических опросов, сделан вывод о том, что при характеристике существующего отношения местного населения к мигрантам негативные оценки преобладают над позитивными. При этом в массовом сознании принимающего сообщества выделяются две группы факторов, оказывающих влияние на это отношение: первая характеризует реально существующие объективные обстоятельства, порождающие проблемные ситуации во взаимоотношении местного населения и мигрантов (конкуренция за дефицитные бюджетные ресурсы, анклализация мигрантов, усиление конкуренции за рынки труда, различающиеся модели поведения и др.), вторая касается распространяющихся в пространстве города слухов и домыслов в отношении мигрантов, вызывающих фон межэтнического напряжения и негативного отношения к мигрантам. Представляется, что на отношение к диаспорам влияет общее настороженное, негативное отношение к мигрантам. При этом диаспора в глазах принимающего сообщества обладает четкими границами и выступает как институализированный объект социальных взаимоотношений. Согласимся с В.Ю. Рабиновичем в том, что «для внешнего мира диаспора выступает как единый монолит, сплоченный своей чуждостью, инаковостью. Внутригрупповые различия отходят на задний план перед отличием всех представителей меньшинства от местного этнически и культурно чуждого им населения» [Рабинович 2009: 63]. Предположим, что в связи с этим противопоставление

«свой – чужой» по отношению к диаспоре воспринимается массовым сознанием принимающего сообщества даже острее, чем к мигрантам вообще.

Целью эмпирического раздела данной статьи является характеристика диаспор с точки зрения принимающего сообщества г. Новосибирска. Исследование данных характеристик выполнено на основе анализа экспертных полуструктуризованных интервью, проведенных в 2016–2017 гг. сотрудниками Института философии и права СО РАН и Новосибирского государственного технического университета в рамках работ по гранту РФФИ (проект РФФИ-ОГОН № 16-03-00144). К участию в исследовании были привлечены три группы экспертов, соприкасающиеся с темой межэтнических отношений в Новосибирске: во-первых, работники вузов и научных институтов, имеющие опыт исследований межэтнических отношений; во-вторых, специалисты администраций и культурных учреждений города, сталкивающиеся с этнической тематикой в своей работе; в-третьих, авторитетные представители диаспор и организаций гражданского общества. Вопросы, которые задавались экспертам, были направлены как на выяснение профессиональной точки зрения о межэтнических отношениях в Новосибирске, так и на личное отношение к мигрантам, диаспорам, анклавизации и т. д. Представляется, что выявленные в ходе исследования оценки и характеристики могут быть в некоторой мере экстраполированы на принимающее сообщество в целом, так как часто информанты озвучивали не только свои профессиональные заключения, но говорили о личных представлениях, а также об идеях и предположениях, распространенных, на их взгляд, среди жителей города.

Говоря далее о мигрантах и диаспорах в Новосибирске, мы имеем в виду прежде всего выходцев из регионов Средней Азии, которые приезжают в Новосибирск с долговременным или краткосрочным трудовым визитом. Именно они составляют широко известные в городе диаспоры – таджикскую, узбекскую, киргизскую, армянскую, азербайджанскую и другие. Именно о представителях данных этнических групп чаще всего говорили опрошенные эксперты, когда характеризовали отношения диаспор и принимающего сообщества города.

В ходе анализа экспертных интервью были выявлены две группы характеристик, на основе которых можно сформировать два образа диаспор в Новосибирске. Важно отметить, что эти образы противоположны друг другу: в первом из них преобладают позитивные характеристики, во втором – негативные. Так, в первом из этих образов акцентируется этнокультурная составляющая жизни диаспоры: эксперты ассоциируют с диаспорой прежде всего городские праздники и фестивали, на которых представляются обычаи, традиции и фольклор этнических групп. Еще одна характеристика данного образа диаспоры – упоминания об известных в городе главах диаспор, которые являются медийными лицами, близкими к муниципальным властям. Второй образ диаспоры, сформулированный экспертами, характеризует ее как закрытую, недружественную структуру. В данном образе диаспоры явно акцентируется

возможная криминальная составляющая, многие эксперты высказывали опасения, что у членов подобных диаспор могут быть проблемы с законом. Такие диаспоры, по мнению экспертов, демонстрируют тенденции к созданию мест концентрированного проживания иноэтничного населения, к анклавизации; диаспора закрыта для контактов, взаимодействия принимающего сообщества с ее членами носят эпизодический, поверхностный характер. При этом парадоксально, что, характеризуя одну и ту же этническую диаспору в разных контекстах и, соответственно, в разных частях интервью, эксперты отмечали в ней черты как первого – позитивного, публичного, так и второго – негативного, закрытого образов.

Представляется, что взаимодействие диаспоры и принимающего сообщества при условии гармоничных межэтнических отношений не может и не должно исчерпываться всего двумя контекстами, о которых говорили эксперты. Кроме отмеченных, в практиках межэтнического взаимодействия можно выделить «трудовое взаимодействие, где значимой становится избранная сфера деятельности, бытовое общение; дружеское, политическое, административное, идеологическое взаимодействие и др.» [Рабинович 2009: 63]. Таким образом, сведение всей возможной сферы взаимодействия с диаспорой лишь к двум практикам – назовем первую из них элитарным, а вторую маргинальным взаимодействием – скорее всего, говорит о крайней ограниченности вовлеченности диаспоры в жизнь принимающего сообщества. Такая ситуация существенно осложняет межэтнические отношения в пространстве города и сводит на нет многие меры, предпринимаемые для их гармонизации.

На наш взгляд, основная проблема состоит в том, что ни элитарный, ни маргинальный образы диаспоры не предоставляют возможностей для эффективного, непосредственного взаимодействия с принимающим сообществом, которое является залогом гармоничности межнациональных отношений в городе. Так, диаспора, описанная в первом образе, на первый взгляд, открыта для взаимодействий, однако жизнь такой диаспоры словно идет в другой плоскости, недоступной для непосредственной каждодневной бытовой коммуникации. Взаимодействие принимающего сообщества с главами диаспоры достаточно специфично: «чаще во взаимодействие с представителями этнического большинства вступают члены элитарных слоев диаспоры. По ряду очевидных причин они оказываются более восприимчивы к аккультурационному воздействию со стороны других этногрупп. Представители этой части диаспоры выступают также в качестве “формализаторов” и контролеров межэтнического взаимодействия, устанавливая “правила игры” в зоне межэтнического контакта. Эту роль выполняют не только официальные руководители диаспоральных структур, но и этническая интеллигенция, выступающая в качестве “хозяев дискурса”, контролирующих смыслы слов» [Рабинович 2009: 63]. При этом у модели гармонизации межэтнических отношений через взаимодействие с диаспоральными элитами имеется ряд ограничений: «скорее всего, деятельность по достижению межэтнического согласия в первую



очередь будет связана с контролем национальных групп посредством контакта с лидерами диаспор. Однако подобные меры, во-первых, плохо работают в городах, где при наличии людей разной этничности могут отсутствовать как лидеры, так и сами диаспоры или сообщества, во-вторых, плохо работают в принципе, поскольку такого рода конструкции не борются с причинами проблемы – нетерпимостью и взаимной негативной стереотипизацией» [Варшавер 2015: 184]. Таким образом, взаимодействие принимающего сообщества с главами диаспор если и существует, то носит поверхностный, формальный характер. В целом у диаспоры, описанной в первом образе, сформирована в глазах принимающего сообщества позитивная оценка, но такая диаспора оторвана от реальной практики межэтнических взаимодействий, в которые могло бы быть вовлечено значительное число представителей принимающего сообщества.

Очевидно, что диаспору второго типа принимающему сообществу сложно принять и сделать своей частью из-за негативной нагруженности данного образа. В этом случае, опасаясь за собственную жизнь и спокойствие, принимающее сообщество склонно возводить границы между собой и диаспорой и максимально ограничивать межэтнические взаимодействия. При этом важно, что стратегия избегания, избранная принимающим сообществом, не нуждается в подтверждении реальными фактами: «...угроза мирному существованию различных этнических групп исходит от некоего заряда потенциальной опасности. Логика проста: “чужой”, “непонятный” – значит опасный» [Рабинович 2009: 65]. Стратегия избегания неизменно приводит к тому, что у представителей принимающего сообщества формируется устойчивое чувство незащищенности. Защитными механизмами в данном случае выступают сниженный уровень толерантности принимающего сообщества и рост антиимигрантских настроений. Дополним, что межэтнические отношения в целом осложняют напряженный социальный фон, сформированный экономическими трудностями, нестабильной политической ситуацией, снижением уровня благополучия принимающего сообщества. Накопившаяся негативная энергия данного фона находит выход в области межэтнических отношений. Другими словами, глубинную причину существующей межэтнической напряженности составляет комплекс социально-экономических проблем, но на поверхности реципиентами социального осуждения являются мигранты в целом и диаспоры в частности.

Закljučая анализ данных экспертных интервью, отметим, что у образов диаспоры, которые сложились у экспертов, нет «человеческого лица», то есть обыденного, простого и понятного представления, которое сделало бы ее представителей рядовыми членами взаимодействий в пространстве города и могло бы способствовать стиранию границ между принимающим сообществом и мигрантами.

Преодоление данных границ видится достижимым, во-первых, через трансформацию описанных образов. Так, образ диаспоры первого типа

нуждается в том, чтобы стать более приближенным к реальной жизни в современном городе, а второй образ необходимо вывести из тени и лишить ореола нелегальности. Во-вторых, представляется, что наиболее действенной мерой гармонизации межэтнической ситуации в городе является внедрение практик межэтнического взаимодействия принимающего сообщества и мигрантов, представляющих диаспоры. Данное предположение основано на теории контакта, в рамках которой утверждается, что взаимодействие между людьми из разных социальных (в том числе этнических) групп способствует снижению взаимной негативной стереотипизации. Теория контакта была разработана Г. Оллпортом и развита Т. Петтигрю и М. Хьюстоном. Согласно основным положениям данной теории, «предрасудок (если только он не укоренен глубоко в структуре личности индивида) может быть снижен равностатусным контактом между представителями большинства и меньшинства на пути к достижению общих целей. Эффект контакта может быть существенно усилен, если он имеет институциональную поддержку (то есть закон, традиция или общее настроение способствуют контакту) и содействует пониманию общей природы и общности интересов этих групп» [Allport 1979: 281 (цит. по Варшавер 2015: 186)]. В ходе становления теории, условия контакта, необходимые для снижения взаимных предрасудков, были уточнены. Так, первым условием эффективного контакта принято считать равенство ролевых позиций участников в рамках ситуации, вторым – общие цели участников контакта, третьим условием является сотрудничество между группами, и, наконец, последнее необходимое условие – институциональная поддержка межгрупповых взаимодействий, которая может быть основана на деятельности общественных институтов [Варшавер 2015: 186].

Интерпретируя теорию контакта в приложении к межэтническим взаимодействиям на территории города, представляется важным обратить внимание на необходимость деликатной и продуманной национальной политики муниципального уровня, направленной на формирование благоприятных условий для позитивного непосредственного взаимодействия представителей принимающего сообщества и мигрантов, так как включенность муниципальных властей в процесс межэтнического взаимодействия способна обеспечить четвертое условие теории контакта – необходимую институциональную поддержку.

Перспективной для цели межэтнической гармонизации возможность усматривается в более широкой работе органов управления и самоуправления по месту жительства, на уровне микрорайонов. Наладить коммуникацию и взаимодействие на данном уровне можно посредством существующей в городе системы территориального общественного самоуправления. Структура ТОС пронизывает все пространство города и может выступать формой позитивного воздействия на небольшие группы населения локально, в местах проживания. Именно общение в местах проживания позволяет изменить взаимно воспринимаемый статус взаимодействующих сторон на равный: проще



говоря, контактирующие стороны начинают воспринимать друг друга не как «людей другой этнической принадлежности и культуры», «непонятных», «чужих», а как «соседей». Следует отметить, что эксперты достаточно часто отмечали в интервью, что формы непосредственного, живого взаимодействия мигрантов и местного населения могут обеспечить необходимый уровень доверия друг другу и способствовать гармонизации межэтнической ситуации, то есть интуитивно выходили на постулаты теории контакта. Экспертами были упомянуты такие формы взаимодействия, как дворовые спортивные мероприятия, праздники, субботники, решение общих проблем, а именно эти меры, как представляется, отвечают выполнению двух оставшихся условий, обозначенных в теории контакта как необходимые – общности целей участников контакта и сотрудничеству между ними.

Заключая, отметим, что диаспора, которая является для мигрантов адаптирующим механизмом, неоднозначно воспринимается сообществом города из-за ограниченности сфер взаимодействия с ее представителями. Механизмы национальной политики, направленные, с одной стороны, на внедрение в массовое сознание позитивных и понятных образов диаспор, а с другой – на интенсификацию практик межэтнической коммуникации в рамках малых групп, способны гармонизировать межэтническую ситуацию и в целом сделать границы между принимающим сообществом и диаспорами более проницаемыми.

Литература

Арутюнян Ю.В. Об этнических диаспорах в российской среде // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 34–44.

Астацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление. Ростов-на-Дону, Пятигорск, 2002.

Варшавер Е.А. Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5. С. 183–214.

Даргын-оол Ч.-К. Диаспора в мегаполисе: традиции и современность // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 2. С. 96–101.

Мадюкова С.А. Стереотипы и заблуждения в восприятии мигрантов принимающим сообществом // Россия – пространство диалога народов. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2016.

Мадюкова С.А., Персидская О.А. Субъективные и объективные аспекты восприятия мигрантов в массовом сознании принимающего сообщества (на примере г. Новосибирска) // Сибирский философский журнал. 2015. Т. 13. № 4. С. 112–119.

Национальный состав населения муниципальных образований Новосибирской области. URL: http://novosibstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/novosibstat/resources/1331588041396d3fac47ef367ccd0f13/национальность.pdf (дата обращения 09.05.2017).

Персидская О.А. Отношение жителей г. Новосибирска к мигрантам: точки роста для программ межэтнической гармонизации // Россия – пространство диалога народов. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2016.

Персидская О.А., Мадюкова С.А. Принимающее сообщество и мигранты: специфика взаимной адаптации // Общество, политика, финансы. Материалы Российской научно-технической конференции. 2015. С. 144–153.

Персидская О.А., Попков Ю.В., Скалабан И.А. Мигранты в межэтническом сообществе Новосибирска: специфика взаимной адаптации // Вестник НГУ-ЭУ. 2016. № 3. С. 229–239.

Рабинович В.Ю. Диаспора как социальный институт // Известия Иркутского государственного университета. Серия: политология. религиоведение. 2009. № 1. С. 59–66.

Симонов С.Г., Хаматханова М.А. Формирование диаспор и диаспоральной культуры в Тюменской области: социологический анализ // Омский научный вестник. 2011. № 4 (99). С. 37–40.

Скринник В.М. К теории вопроса о феномене современных национальных диаспор // Ученые записки. 2008. № 4. С. 142–144.

Allport G.W. The nature of prejudice. New York: Basic books, 1979. [1954].

СЕКЦИЯ 6. СПЕЦИФИКА ГОРОДСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Е.П. Евдокимова (Санкт-Петербург)

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ В МЕНЯЮЩЕМСЯ ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ¹

Трансформационные процессы современности меняют все сферы человеческой жизни, достигая глубинных, базисных основ ее организации, к каковому, безусловно, относятся пространственно-временные координаты человеческой деятельности. Технический прогресс расширяет доступное человеку физическое пространство, а развитие средств связи и коммуникации позволяет становиться свидетелем или даже участником различных событий, где бы они ни происходили. Интернет и СМИ множат виртуальные пространства, всё активнее включаемые в повседневную жизнь людей. Политические преобразования меняют конфигурацию границ и барьеров трудовой, досуговой и коммуникационной деятельности. Экономические перемены в России вызывают усиление и углубление расслоения общества, при которых для одних людей жизненное пространство расширяется, становясь глобальным, а для других сужается за счет появления всё новых барьеров для повседневной доступности. Многомерность, сложная конфигурация жизненного пространства, локализованного в крупном городе, по-разному представлена в различных исследовательских подходах.

В рамках эконом-географического подхода [Урбанизация 1985; Пивоваров 2001; Зубаревич 2010] город рассматривается как поселенческая единица, важнейшей характеристикой которой является высокая концентрация как населения, так и мест приложения труда. Городское пространство при этом представляет собой совокупность мест жительства и мест приложения труда. Высокая концентрация, с одной стороны, дает экономические преимущества прежде всего в части эффективного использования инфраструктуры, а с другой – порождает специфические проблемы регулирования различных потоков. Зонирование города (функциональное и стратификационное, барьеры и коммуникации между различными зонами) также рассматривается в рамках этого подхода.

¹ Статья подготовлена в рамках госзадания по теме «Структурирование социального пространства современного города», № АААА-А17-117030110145-0.

Философский подход в советской урбанистике [Межевич 1979; Дмитриев, Лола, Межевич 1988; Советский город 1988] представлял собой попытку сущностного осмысления эконом-географических данных. Фокус внимания этого подхода сосредоточен на социальных следствиях урбанизации, на появлении качественно новых социальных общностей, новых тенденциях в отношениях между людьми и отношениях людей к окружающему миру. В рамках этого подхода значительная роль отводится дихотомии «город-деревня», выявлению существенных различий между ними в разных сферах человеческой жизнедеятельности. В рамках этого подхода активно разрабатывалось понятие образа жизни [Возьмитель, Осадчая, 2009], призванное интегрировать показатели, характеризующие различные аспекты повседневной жизни. Пространственные параметры характеризуют условия жизни и разнообразные формы пространственной мобильности. Однако и этот подход, как и эконом-географический, рассматривает городское население как объект, субъектная составляющая населения в лучшем случае предполагается как специфическая характеристика рассматриваемого объекта, но не удостоивается специально-го анализа.

Средовый подход [Линч 1982; Яницкий 2013] трактует городское пространство как среду жизнедеятельности. В рамках этого подхода важную роль играют оценочные параметры, оценка качества, привлекательности, удовлетворенности средой, с одной стороны, и с другой – соответствие организации среды требованиям различных видов деятельности, в этой среде протекающих. Также важное место отводится экологическим характеристикам городской среды. В этом подходе субъектность населения уже занимает более отчетливое место, поскольку население является необходимым компонентом субъект-средовых отношений. Однако фактически акценты делаются на восприятие и оценивание городской среды, обратному влиянию субъекта на среду уделяется меньше внимания.

Конструкционистский подход [Berger, Luckmann 1966] фокусируется на процессе интерпретации городского пространства и его объектов в ходе повседневной деятельности и взаимодействия между людьми. В данном случае в фокусе внимания оказываются процессуальный характер интерпретации городского пространства и механизмы этого процесса. Данный подход также делает акцент на социокультурных параметрах городской среды.

Акционистский подход [Лефевр 2015] сосредоточен на анализе действий различных акторов использования и изменения городского пространства. Этот подход представляет, можно сказать, субъекто-центричный полюс анализа городского пространства, но при этом акцент делается на те характеристики населения, которые релевантны данному виду деятельности. Кроме того, деятельность по преобразованию или даже рефлексивному использованию городского пространства обычно выходит за рамки рутины повседневной жизни, и это ограничивает применение данного подхода для анализа пространства повседневности.



Социоструктурный подход [Бурдые 2007] предполагает анализ специфики использования городского пространства различными социальными группами населения. Этот подход связывает структурирование городского пространства с повседневной жизнью групп населения, выделенных по различным основаниям. Учет трансформационных факторов делает этот подход структурно динамическим, принимающим во внимание как процесс структурирования городского пространства, так и результат этого процесса.

Повседневная жизнь населения Санкт-Петербурга изучалась в рамках нескольких исследовательских проектов² методом глубинных полуструктурированных интервью в семьях петербуржцев, начиная с 1993 г. Эти интервью были посвящены различным аспектам повседневной жизни горожан, ее изменению вследствие трансформационных процессов в России. Основным предметом исследования был процесс адаптации жителя Петербурга к социальным изменениям в стране, приводящий к изменению социальной структуры населения, появлению новых и значительному изменению существовавших социальных групп. Пространственные параметры городской среды рассматривались как фоновые, пространственно-временные координаты различных видов жизнедеятельности. И их изменение свидетельствует о глубине и радикальности идущих перемен. В то же время это изменение еще не подвергалось системному анализу, хотя свидетельства того, что такие изменения происходят, встречались в ходе анализа собранного материала.

Полученный материал представлял различные параметры повседневной жизни населения Санкт-Петербурга:

- показатели уровня жизни – размер дохода и характеристики потребления прежде всего с точки зрения удовлетворения потребностей (на что хватает и в чем приходится себя ограничивать);
- показатели качества жизни и качества среды – с точки зрения удобства и удовлетворенности;
- формы жизнедеятельности (труд, досуг, потребительские практики, воспроизводство).

Лонгитюд позволил рассмотреть динамику данных параметров в рамках семей. (При этом состав семей тоже менялся, поскольку дети вырастали, обрзовывали свои семьи, кто-то умирал, кто-то разводился, и это все сказывалось на изменениях анализируемых параметров наряду с изменениями социально-экономических условий).

² «Структурные изменения и стратегии выживания: адаптация к рыночным отношениям в России» 1993–1996 гг. – 100 интервью, 20 повторных, результаты представлены в: [Повседневность 1999]; «Новые риски и зарождающийся средний класс в переходной России: класс, гендер и благосостояние в Санкт-Петербурге» 1998–2000 гг. – 100 интервью, 17 повторных, результаты представлены в: [Новые потребности 2001]; «Траектории жизненных курсов петербуржцев в постсоветской России: межпоколенческий анализ» – 2015–2017, РГНФ 15-03-00421 – 20 кейсов, 30 интервью.

Таким образом, в описании характеристик повседневной жизни пространственные параметры присутствуют в «фоновом режиме», что требует специальных действий по их операционализации и систематизации.

Локализация различных видов жизнедеятельности – первичный пространственный индикатор. В первую очередь выделяются место жительства и рабочее место, но также локализация мест приобретения продуктов и товаров, места проведения досуга и т. д. Разнообразие этих мест и расстояние между ними характеризует топологию пространства повседневной жизни.

Мобильность характеризует динамический аспект повседневного использования городского пространства. Способы перемещения (пешком, с использованием личного или общественного транспорта), периодичность (ежедневные, частые, редкие поездки), дальность и временные затраты на поездки – основные показатели этого параметра, определяющего динамику городской жизни.

Интерпретации создаются постоянно в процессе использования тех или иных объектов городского пространства и отражают субъективное восприятие окружающей среды. Те или иные объекты воспринимаются как приватные или публичные, комфортные или дискомфортные, значимые или нейтральные, привычные, «близкие» или «чуждые». Данный процесс придает пространству повседневной жизни социокультурное измерение.

Эти параметры проявляются в разных сферах жизнедеятельности индивидов, которых, соответственно, можно рассматривать в качестве механизмов структурирования городского пространства.

Пространство **жилища**, «место жительства» – главная территория пространства повседневной жизни. Здесь сосредоточена большая часть повседневной жизнедеятельности – еда, отдых, сон, общение членов семьи, воспитание детей и т. п. Именно жилище, дом (в широком смысле) является отправной и финальной точкой ежедневных маршрутов.

Основные показатели жилища – локализация и занимаемая площадь. Площадь жилья – один из важнейших индикаторов уровня жизни семьи, поскольку жильё является наиболее дорогостоящим потребительским благом, и именно площадь жилья – пространственный ресурс, ограничивающий возможность комфортного обустройства повседневного быта. Хотя этот индикатор может быть корректен лишь для довольно грубой оценки уровня жизни, поскольку, с одной стороны, приобретение или смена жилья – значительно более редкое событие в жизни семьи, чем изменение текущих доходов, а с другой – качество жилья далеко не сводится к занимаемой площади и включает в себя множество характеристик – от типа и архитектурных особенностей дома до вида из окна и сообщества соседей. Причем эти характеристики, обеспечивая комфортность проживания, не могут быть универсальными для разных людей с разными потребностями и запросами. Обустройство жилища человеком в соответствии со своими запросами и вкусами, с одной стороны, придает

каждому дому черты уникальности, а с другой – способствует формированию отношения к дому как к личной, подконтрольной территории. При этом как «своя» может ощущаться лишь часть территории жилища (своя комната, свой уголок), но может быть и более широкая территория («мой дом», «моя улица», «мой город»).

Локализация жилища на карте города (адрес), с одной стороны, позволяет охарактеризовать средовые параметры, такие как экология, безопасность, эстетическая привлекательность района проживания, а с другой – доступность различных объектов городской территории, используемых в процессе жизнедеятельности, – мест труда, досуга, потребления и т. д.

Пространство **труда**, то есть локализация рабочих мест, тесно связано с развитием производства. Так, развитие промышленности вызывало концентрацию работников на крупных предприятиях и, соответственно, выделение «промзон» в городах, четко отделенных от жилых районов. Изменение же структуры сферы занятости в сторону сферы услуг способствует пространственному приближению рабочих мест к конечному потребителю, то есть к жилым кварталам. Но помимо этого общего тренда развитие сферы занятости в сторону гибкости способствует увеличению разнообразия рабочих мест, включая domestикацию многих видов труда, то есть перемещение их в пространство жилища.

Перемещения между работой и домом создают основные потоки ежедневной мобильности горожан. Время, затрачиваемое на эти перемещения, – наименее эффективное, поскольку оно не является ни рабочим временем, ни временем отдыха. Возможность найти работу недалеко от дома иногда даже становится важным критерием выбора профессии (особенно для девушек, планирующих активное совмещение работы с семейными обязанностями). С другой стороны, транспортная инфраструктура развивается в первую очередь под потребности именно таких перемещений.

Пространство **потребления**, то есть локализация торговых объектов, где приобретаются продукты и прочие потребительские товары, – также важная составляющая пространства повседневной жизни. Прежде всего это относится к продуктам, требующим ежедневного обновления. Приоритеты семей в использовании пространства потребления распределяются между небольшими специализированными магазинами, расположенными наиболее близко к дому, и крупными сетевыми супермаркетами, локализованными обычно несколько дальше.

Пространство **досуга** наиболее разнообразно и индивидуализировано, зависит от предпочтений конкретных семей и их отдельных членов. В пространство досуга включаются и дом (с разнообразными формами домашнего отдыха), и торговые комплексы (если формой досуга является шопинг), и даже места работы (допускающие корпоративные формы отдыха). С другой стороны, инфраструктура досуга включает различные культурные, спортивные, развлекательные учреждения. Рекреационные зоны – от оборудованных площадок



во дворах до крупных парков, скверов и зеленых массивов – также входят в инфраструктуру досуга. В то же время пространство досуга, как правило, не ограничивается городом и может включать поездки за город, а также периодический выезд на отдых на достаточно отдаленные территории.

Воспроизводство и воспитание детей, можно сказать, объединяет в едином сплаве все вышеперечисленные виды деятельности. Это и быт, и разновидность труда (домашнего), и потребление услуг (образовательных, воспитательных, медицинских), и форма проведения активного досуга. При этом локализация этих видов деятельности предполагает довольно сильную привязку к месту жительства, несколько ослабевающую по мере роста детей.

Такое зонирование городского пространства в соответствии с преимущественными видами жизнедеятельности населения достаточно условно прежде всего в силу переплетения самих форм жизнедеятельности. Скажем, учреждения общественного питания могут быть местами потребления (то есть удовлетворять потребность в пище) или местами проведения досуга (то есть быть местом проведения свободного времени). Кроме того, и учреждения торговли и досуга, и инфраструктура жилых домов создают значительное количество рабочих мест. Тем не менее такой способ структурирования пространства повседневной жизни, отраженный в материалах глубинных интервью с жителями, формирует предпосылки для анализа изменений этого пространства в ходе трансформационных процессов в России. Такое изменение происходит под воздействием ряда факторов, на которых мы остановимся ниже.

Градостроительная деятельность (как планируемая государственными органами, так и деятельность частных строительных компаний) приводит к изменению физического пространства. Строительство нового и реконструкция старого жилья создает разные возможности по изменению жилого пространства, появление торгово-развлекательных комплексов видоизменяет пространство досуга и потребления и формирует физические предпосылки для совмещения этих видов деятельности; новые офисные здания становятся рабочими местами для представителей бурно развивающихся направлений занятости – всевозможных посреднических услуг. Наконец, строительство дорог и развитие сети транспортных коммуникаций меняет топографию города с точки зрения доступности тех или иных объектов. Все это приводит к изменениям как локализации тех или иных видов деятельности, так и повседневной мобильности.

Социально-экономические изменения трансформируют пространство повседневности в различных направлениях. Рассмотрим эти направления в связи с выделенными видами жизнедеятельности.

В сфере жилого пространства наиболее отчетливо проявляется тенденция усиления стратификации, расслоения общества. Процесс сегрегации, протекающий не слишком быстрыми темпами ввиду инерционности жилищной



сферы, все же приводит к образованию замкнутых анклавов престижного жилья или вытеснению низкообеспеченных групп населения из респектабельных кварталов исторического центра. Хотя для среднего слоя горожан более характерна тенденция постепенного улучшения жилищных условий за счет вложений в жилье относительно высоких заработков (часто временного или эпизодического характера), а также за счет демографических обстоятельств – суженного воспроизводства коренного населения города. В то же время рынок жилья оказывается весьма чувствительным к экономическим катаклизмам, в период кризисов изменения жилищного положения переходят в разряд отсроченных потребностей.

Еще более существенное влияние оказывает социально-экономическая трансформация на структуру рабочих мест, в том числе на ее пространственный аспект. Снижение доли занятых в промышленности в этом аспекте означает сокращение рабочих мест в промзоне города. Хотя освобождающиеся площади промышленных предприятий часто используются для организации производства другой продукции, однако занятость в таких производствах несопоставима по количеству с занятостью на крупных промышленных предприятиях. Значительная доля занятых перемещается из промышленной в жилую, торговую, рекреационную зоны города. Это уменьшает напряженность «пиковых» часов городского транспорта. Кроме того, такая напряженность снижается за счет более гибкого графика работы, также вызванного изменениями на рынке труда – всё чаще работники совершают поездки к рабочему месту в неурочное время, или же работа происходит в «неурочном» месте.

Интенсивное развитие сферы торговли видоизменило пространство потребления. В постсоветский период наиболее ощутимым изменением в данной сфере стало фактическое исчезновение очередей, а значит, сократились и затраты времени на удовлетворение повседневного спроса. При этом разброс цен на аналогичные товары вынуждал жителей выстраивать стратегии повседневных покупок в соответствии со своими экономическими возможностями и приоритетами.

Сфера досуга в ходе трансформации оказалась в наибольшей степени дифференцированной и индивидуализированной благодаря различиям как в экономических возможностях, так и в личных пристрастиях и интересах. Именно в сфере досуга в наибольшей степени сказывается влияние экономических колебаний, и именно в этой сфере можно говорить о расширении пространства повседневности для более успешных жителей и о его сужении для аутсайдеров.

В процессе воспроизводства и воспитания детей важную роль в создании благоприятной среды играют мероприятия муниципального и городского уровней по развитию зон рекреации, учреждений образования, медицины и т. п. Эти мероприятия могут несколько сглаживать растущие социальные различия. В то же время именно система платного образования и дополнительного развития, недоступная для низкообеспеченных групп населения, вносит

значимый вклад в воспроизводство «круга бедности», ограничивая доступ детей из таких семей к наиболее перспективным в плане развития видам занятий.

Техническое развитие множит пространственные измерения, создавая различные виртуальные пространства. Основную роль в этом играет развитие средств коммуникации, позволяющее совершать многие действия вне привязки к точке физического пространства. Наиболее существенное влияние данные процессы оказывают в сфере занятости, давая возможность перенести определенные виды труда в виртуальное пространство, что позволяет располагать рабочее место в любой точке физического пространства, в том числе дома, в месте отдыха или даже в транспорте. Правда, эта возможность существует лишь для тех видов труда, которые не оперируют непосредственно материальными объектами, однако спектр таких видов быстро расширяется, и растет число работников, занятых трудом подобного рода на постоянной или временной основе.

Потребительские практики в виртуальном пространстве также расширяются, охватывая все больший перечень товаров и услуг. Что касается досуга, то виртуальные коммуникации и разнообразные компьютерные игры (а также использование виртуальных библиотек, фонотек и медиатек) значительно расширяют возможности организации досуга в соответствии с индивидуальными предпочтениями. Все эти возможности в принципе могут быть доступны в любой точке, входящей в зону покрытия мобильных операторов и интернет-провайдеров, однако наиболее активное использование возможностей виртуализации приходится именно на жилое пространство, которое таким образом становится многомерным и многослойным.

Наиболее противоречивое воздействие развитие коммуникаций и виртуализация оказывают на пространство воспроизводства и воспитания – с одной стороны, предлагая множество вариантов дистантного обучения и развития, а с другой – ограничивая возможности родителей контролировать воспитательный процесс. Проблемы в этой области ждут своего решения.

Глобализация также оказывает воздействие на разные сферы повседневности. В организации жилого пространства находят применение образцы, заимствованные из мировой дизайнерской практики, что приводит к определенной стандартизации жилой среды в разных странах мира. В сфере занятости происходит активная миграция рабочей силы, фиксируется выход значительной части занятых на международный рынок труда. Участие в международных проектах, работа в иностранных компаниях, выезд на работу за рубеж получают все большее распространение, расширяя рамки пространства трудовой деятельности.

Сфера потребления давно оперирует продуктами международной торговли – потребительские товары, произведенные в разных странах, уживаются на одном прилавке. Страна-производитель товара оказывается одним из параметров, характеризующих приобретаемую вещь в соответствии со сложившейся репутацией (например, есть устоявшееся мнение о том,

что японская электроника надежнее китайской, а финская обувь прочнее итальянской).

Интернационализация и глобализация досуга и отдыха связаны с возможностями поездок по всему миру, а также с виртуальными (обеспечиваемыми телевидением и интернетом) возможностями участвовать в глобальных событиях (культурных, спортивных, равно как политических или экономических) в режиме реального времени. Все это расширяет пространство досуга до глобальных масштабов. Наиболее активно в данные процессы включаются дети и молодежь, для которых международные сети общения, дистанционное обучение, поездки на учебу за рубеж и т. д. становятся все более распространенными практиками. Именно в молодых группах эти практики рутинизируются, расширяя пространство повседневности.

Подводя итог, можно сказать, что в ходе трансформации в российском обществе наблюдаются глубинные изменения, связанные с переструктурированием пространства повседневной жизни населения. Основными тенденциями можно считать усиление изменчивости и индивидуализации этого пространства. Открытым остается вопрос, ведут ли эти тенденции преимущественно к укреплению или размыванию границ между социальными группами. Этот вопрос нуждается в дальнейшем анализе, основанном на модели городского образа жизни, интегрирующей различные подходы к анализу повседневных практик в меняющемся городском пространстве.

Литература

Бурдые П. Физическое и социальное пространства // Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с франц., отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.

Возьмитель А.А., Осадчая Г.И. Образ жизни: теоретико-методологические основы анализа // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 58–65.

Дмитриев А.В., Лола А.М., Межевич М.Н. Где живет советский человек. М.: Мысль, 1988.

Зубаревич Н.В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 5–19.

Лефевр А. Производство пространства / пер. с франц. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015.

Линч К. Образ города / пер. с англ. М.: Стройиздат, 1982.

Межевич М.Н. Социальное развитие и город. Л.: Наука, 1979.

Новые потребности и новые риски: реальность 90-х годов / отв. ред. И. Травин. СПб.: Норма, 2001.

Пивоваров Ю.Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. № 6. С. 101–113.

Повседневность середины 90-х годов глазами петербуржцев / под ред. И. Травина, Ю. Симпура). СПб.: Европейский дом, 1999.

Советский город. Социальная структура. М.: Мысль, 1988.

Урбанизация и развитие городов в СССР. Л.: Наука, 1985.

Яницкий О.Н. Метаболическая концепция современного города // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 16–32.

Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. 1966.



К.М. Аникеева (Москва)

ЖИЗНЕННЫЙ МИР ПОСТВУЗОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Происходящие в России процессы реформирования всех сфер общественной жизнедеятельности в полной мере затрагивают и процессы социального развития молодых людей. Это приводит к переосмыслению места и роли человека в общественном воспроизводстве, к необходимости анализа его жизненного мира.

Вследствие выполнения воспроизводственной и инновационной функции поствузовская молодежь одновременно является и преемником социального опыта предыдущих поколений, и носителем нового опыта. Сегодняшних молодых людей можно охарактеризовать тем общим, что присуще для россиян в целом, и определять тем особенным, свойственным только этому поколению молодых людей в соотношении со спецификой исторического развития российского общества.

Трансформация главных институтов социализации в большей мере проявляется в пространстве современного мегаполиса. Формирование новой социокультурной среды накладывает отпечаток на городской образ жизни и культуру мегаполиса, которые, в свою очередь, являются определяющими в создании стандартов и канонов существования и развития молодого человека. Под влиянием городской среды происходят кардинальные изменения жизненных ценностей, ориентиров, норм социального поведения.

Предпосылки исследования жизненного мира были заложены еще в XIX в. в философии жизни. Наиболее яркими представителями философии жизни стали А. Бергсон и В. Дильтей, подвергшие критике рационализм, трактуя «жизнь как поток», который богат многими как предвиденными, так и случайными формами ее проявления. В XX в. эти идеи развивали Г. Зиммель, М. Шелер, О. Шпенглер.

Дальнейший импульс исследование жизненного мира получает в концепции социологии жизни.

Исследование жизненного мира также нашло отражение в феноменологии А. Шюца.

Определенным шагом в развитии представлений о жизненном мире, об обществе в его человеческом измерении стали концепции повседневности. К ярким представителям данного направления относятся А. Хеллер, П. Бергер, Т. Лукман, П. Штомпка, З. Бауман. Анализ повседневного бытия людей в отечественной традиции был предпринят в труде Л. Гордона и Э. Клопова «Человек после работы».

Особое место занимает теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса. На основе данной теории жизненный мир предстает, с одной стороны, как ресурс, а с другой – как ограничитель любой социальной интеракции.

К числу отечественных социологов, обратившихся к исследованию жизненного мира, относят А.М. Большакову, В.И. Герчикова, Б.И. Максимова, В.В. Щербина.

Если рассматривать жизненный мир с позиции социологии жизни, то можно выделить два базовых компонента. Первый компонент – реально функционирующее общественное сознание во всем его многообразии и многозначности, а также связанные с ним его компоненты: знание, информация, потребности, мотивы, ценностные ориентации, установки, интересы. Второй – сознание только тогда становится реальной силой, когда оно воплощается в поведении, деятельности, в действиях людей. Сознание и поведение находятся в постоянном взаимодействии, обуславливают друг друга, дополняют друг друга и конфликтуют между собой.

Таким образом, жизненный мир поствузовской молодежи представляет единство общественного сознания во всех его формах и проявлениях, а также единство поведения (деятельности) молодых людей и окружающей их среды. Находясь в пространстве современного мегаполиса, молодой человек испытывает влияние городской среды. Под воздействием данной среды происходят кардинальные изменения жизненных ценностей, ориентиров, норм социального поколения.

В результате проведенного исследования с использованием метода анкетирования были выявлены социальные аспекты конструирования жизненного мира поствузовской молодежи Москвы.

Анализ полученных данных позволяет сделать следующие выводы:

- большое внимание в данном исследовании уделено вопросам, связанным с изучением отношения индивида к своему здоровью и практикам его сохранения и поддержания;
- среди поствузовской молодежи ярко выражена потребность в межличностных связях. Большинство опрошенных хотят иметь теплые отношения с людьми, а также иметь хороших собеседников;
- будучи осознанными, потребности превращаются в интересы личности. В них отражается отношение человека к условиям жизни и деятельности, определяющее направленность его действий. Таким образом, следует отметить, что интересы молодежи полностью соответствуют их потребностям. Так, большинство опрошиваемых в свободное время предпочитают гулять (49,6%) и общаться с друзьями (49,4%). Способы проведения свободного времени также позволяют исследовать жизненный мир молодых людей, выявляя материальные возможности населения по доступности тех или иных досуговых практик;
- поствузовская молодежь ставит перед собой следующую цель – создать семью, их ценностные ориентации в большей степени направлены на любовь и на сохранение здоровья;



- в зависимости от возрастной категории проблемы, беспокоящие молодежь, имеют разноплановый характер. Для молодых москвичей актуальны следующие проблемы: низкий уровень дохода (79,8%), отсутствие собственного жилья (54,9%), а также проблемы, связанные с трудоустройством (49,9%);

- одним из аспектов жизненного мира молодежи является политическое сознание. В ходе исследования было выявлено, что 28,4% опрошенных не следят за политикой, политические установки остаются довольно размытыми, значительная часть признает свою некомпетентность в этих вопросах. В оценках существующего политического режима преобладают следующие: 58,2% поддерживают нынешнюю власть при всех имеющихся у нее недостатках. Основной формой политического участия становится пассивная форма исполнения своего гражданского долга. Более половины респондентов (63,9%) указали, что в 2016 г. не участвовали ни в каких формах политической жизни. Также большинство респондентов не являются активистами в общественной жизни города. Многие из них принимали участие в общественной жизни города лишь в качестве зрителей;

- при определении экономической составляющей жизненного мира были рассмотрены следующие характеристики: объективные параметры развития экономики, отношение населения к экономической ситуации в стране и реформам, отношение к труду, ощущение социально-экономической защищенности, ценностные ориентации относительно социального положения человека;

- ярко выявленная закономерность при изучении жизненного мира заключается в том, что профиль обучения молодежи не соответствует их трудовой деятельности. Лишь 41% опрошиваемых трудятся по своей специальности.

Эмпирические данные, полученные в рамках исследования, констатируют тот факт, что многостороннее и комплексное исследование жизни студентов посредством изучения отдельных компонентов реально функционирующего общественного сознания, которое находит свою реализацию в поведении людей, является изучением жизненного мира.

В рамках исследования была апробирована такая методика, как биографическое эссе «Каким я вижу себя через N лет». Она направлена на изучение проективной сферы деятельности человека. Проект действия, с точки зрения феноменологической социологии, является основой социального действия и выражением ценностно-аттitudного измерения жизненного мира.

Рассмотрев результаты исследования ценностного измерения жизненного мира на основе анализа биографических эссе, можно сделать вывод, что в процессе категоризации элементов кодирования было выявлено девять ценностей, упоминающихся во всех текстах не менее трех раз.

1. Будущая семья. Описание предполагаемых семейных отношений в будущем.

2. Карьера. Ожидаемый профессиональный успех в будущем.

3. Материальный достаток. Материальное благополучие, деньги, богатство, нечто значимое материального плана.

4. Работа. Сфера желаемой работы описывается в диапазоне от простого обозначения сферы деятельности до указания конкретной профессии или рода занятий.

5. Здоровье. Беспокойство о физическом состоянии своих родных, упоминание собственных болезней.

6. Признание. Желание быть замеченным, значимым в глазах окружающих людей.

7. Путешествия. Упоминание поездок по стране и заграничных путешествий.

8. Образование. Рассматривается как определенный культурный и социальный капитал, результат какого-либо обучения, в отличие от учебы, которая в данном контексте рассматривается как процесс.

9. Дружба. К этой ценности относится упоминание значения друзей, дружеских отношений как таковых.

Наиболее значимыми ценностями для поствузовской молодежи являются семья, карьера, материальный достаток, работа.

При сопоставлении структуры ценностей по возрасту выявляются два статистически значимых различия, касающихся таких ценностей, как семья, материальный достаток, карьера, дружба, образование. Для молодых людей в возрасте от 22 до 25 лет более значимы такие ценности, как образование, дружба, а для представителей старших возрастов (от 26 до 35 лет) – семья, материальный достаток, карьера.

Полученные в результате качественного исследования ценностно-аттитудной структуры жизненного мира данные в целом согласуются с результатами количественного исследования.

Можно утверждать, что выявленное высокое значение семьи в общей иерархии ценностей поствузовской молодежи не является следствием использования биографических текстов в изучении жизненного мира, поскольку другие исследования ценностей молодежи, осуществленные с использованием различных методик, показывают близкие результаты.

Таким образом, в ходе исследовательской работы был проведен анализ концептуальных подходов к изучению феномена молодежи. Раскрыто содержание понятия «молодежь». Выявлена сущность и место жизненного мира в гуманитарных дисциплинах – в частности, в социологии.

Сегодняшнее состояние российского общества находится под воздействием трансформации всех сфер общественной жизнедеятельности, данные изменения в полной мере проявляются и в процессе социального развития молодых людей. Это приводит к переосмыслению места и роли человека в общественном воспроизводстве, поэтому необходимость в изучении жизненного мира поствузовской молодежи не исчерпывается, а возрастает.

Литература

Анисимов Н.В., Ивашечкина Е.А. Стресс-факторы в социокультурном пространстве современного мегаполиса // Молодой ученый. 2015. № 11.

Бестужев-Лада И.В. Молодость и зрелость. Размышления о некоторых социальных проблемах молодежи. М.: Политиздат, 1984.

Вебер М. Город. Избранные произведения / пер. с нем. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990.

Вершинина И.А. Социология города: истоки и основные направления исследований // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 1. С. 195–206.

Вершинина И.А. Развитие городских агломераций в современном мире // Социология. 2013. № 2. С. 144–151.

Городская среда: проблемы существования / под ред. А.А. Высоковского, Г.З. Каганова. М.: ВНИИТАГ, 1990.

Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. Второе издание, дополненное и исправленное. М.: Институт социологии РАН, 2010.

Готлиб А.С. Качественные социологические исследования: осознательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004.

Гутнов А.Э. Город как объект системного исследования // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1997. С. 88–91.

Ильинова Н.А. Молодежь в социальном пространстве общества // Успехи современного естествознания. 2007. № 1. С. 89–91.

Ильиных С.А. Семейные ценности молодежи: традиции и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4. Вып. 1 (20). С. 48–77.

Каюмов У.Ю. Молодежь и здоровье // Общественное мнение. Права человека. 2010. № 4. С. 57–60.

Н.Н. Цветаева (Санкт-Петербург)

ГОРОДСКОЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ:
БИОГРАФИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ
В СЕМЕЙНЫХ И ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ¹

В методологии качественного социологического исследования биографические нарративы рассматриваются не только как свидетельства о реальности, но и прежде всего как социальная конструкция, как коммуникативная стратегия, которая позволяет исследовать, какие представления и стереотипы работают на уровне повседневной жизни людей, и тем самым понять, как складывается логика практики, логика культуры общества [Голофаст 2000; Готлиб 2004; Козлова 2000]. Заключение в таких нарративах опыт жизни людей, окрашенный их эмоциями и переживаниями, позволяет дать «насыщенное описание» исследуемой проблемы, раскрыть многообразие и сложность реальной жизни, продуцируя гипотезы для изучения еще ясно не выраженных тенденций общественного развития. Это особенно важно для изучения социально-культурных изменений, которые, как известно, не происходят моментально, а накапливаются в результате множества невидимых микроисторий в повседневной жизни людей и только спустя какое-то время, казалось бы, вдруг проявляются как статистический факт, как привычное для традиционных социологических опросов репрезентативное обобщение.

Данное исследование динамики и особенностей семейных и гендерных отношений городской семьи проводилось на материале биографических нарративов из собрания Биографического фонда Социологического института филиала ФНИСЦ РАН. Фонд был создан в 1989 г. и на сегодняшний день содержит более 800 единиц хранения. В исследовании использовался поколенческий подход, который дает возможность анализировать динамику и особенности происходящих в обществе изменений через призму внутри- и межпоколенческой дифференциации. Из материалов Фонда были отобраны биографические нарративы женщин двух возрастных когорт – старшей когорты (1940–1950-х г. р.), формативный период жизни которой приходится на советское время, и более молодой когорты (1960–1970-х г. р.), формативный период жизни которой приходится на время реформ при переходе к рыночной экономике. Предполагалось, что нарративы женщин этих когорт в определенной

¹ Работа выполнена по государственному заданию (тема «Демографическое и социальное воспроизводство российской семьи и благополучия детей: публичное и приватное измерения», № 0169-2015-0006).

мере репрезентируют представления о семье и гендерных отношениях двух разных эпох в жизни российского общества и позволят увидеть, как меняются эти представления в постсоветское время. Все анализируемые нарративы были написаны в конце 1990-х – начале 2000-х гг.

Единицей анализа представлений женщин этих когорт о семье и гендерных отношениях были оценочные суждения, которыми они описывали опыт семейной жизни и опыт гендерных отношений в целом. Семантическое поле этих суждений интерпретировалось по двум типам характеристик. Анализировались как описываемые в нарративах сюжеты и практики (замужество, рождение детей, конфликты, разводы, включая отношения в родительской семье и с родительской семьей), так и соответствующие этим сюжетам и практикам лексические образцы повседневного языка, лексическая символика нарративов. Затем эти характеристики сравнивались в межпоколенном срезе, и на этой основе определялись особенности и тенденции изменений, происходящих в этой сфере жизни.

Метафоры и реалии жизни женщин старшей когорты

Используемые в нарративах метафоры, как символическая характеристика опыта, как распространенные в обществе культурные коды, дают возможность наиболее ярко увидеть обыденные представления о той или иной сфере жизни общества. Лексическую символику представлений о семье и гендерных отношениях в нарративах женщин этих когорт наиболее значимо характеризуют следующие метафоры: «любовь с первого взгляда», «жить ради любви», «найти свою судьбу», «связать свою «судьбу», «судьба и на печке найдет», «засидеться в девках», «впитать с молоком матери», «жить по маминой указке», «наговоры свекрови», «жена своего мужа», «быть за мужем как за каменной стеной», «начать совместную жизнь с чайной ложки», «создать семью», «жить для семьи», «спасти семью», «жить душа в душу», «безотцовщина», «куда нитка, туда и иголка», «если на шею родителям», «родители мечтали, чтобы их дети выбились в люди».

Интерпретируя эти метафоры, прежде всего надо отметить, что они довольно точно отражают основные темы, которые женщины включают в свои нарративы, рассказывая об опыте семейной жизни и гендерных отношений. Эти темы: *традиционная ориентация на мужа как главу семьи, романтическая любовь, судьба, влияние матери (или свекрови) на семейную жизнь дочери (или невестки), принципы воспитания детей и отношения с родителями и прародителями*. В свою очередь, все эти темы в той или иной мере характеризуют не только представления женщин о семье и гендерных отношениях, но и породившие эти представления практики, а также разные этапы жизненного пути женщины.

Большую часть этих метафор можно отнести к традиционным, «патриархатно» окрашенным, представлениям о семье и гендерных отношениях, и они характеризуют, как правило, нарративы женщин старшей когорты.

Однако контекст этих метафор, конкретные ситуации и практики, описываемые в нарративах, до некоторой степени «размывают» данную традиционность. Такие ситуации и практики свидетельствуют, что женщины этой когорты наряду с профессиональной и в ряде случаев общественной деятельностью играют определяющую роль в организации семейной жизни, а также в организации жизни детей (причем даже взрослых детей), и что в целом мужского доминирования в качестве главы семьи нет.

Традиционные же представления о предназначении женщины они обнаруживают, когда ради сохранения семьи жертвуют личными интересами, терпя, например, плохой характер мужа или борясь с его алкоголизмом, а также, когда считают, что домашний труд и ответственность за сохранение семьи – это обязанности женщины: *«Вообще я была довольно деятельная и активная. Все вроде бы было хорошо, но тут пришла беда – муж начал пить. Мои уговоры, просьбы, скандалы ни к чему не приводили, оказалось и то, что отец у него был алкоголиком (о чем раньше я не знала). Билась я за него как могла. Не один раз решала развестись, да вставал вопрос, куда деваться мне с ребенком – к родителям не могла, и у них уже сестра моя с ребенком и без мужа жила, в тот период погиб старший брат, и если бы я еще появилась со своей бедой, это бы окончательно сразило моих родителей. Не знаю, почему я его не бросила, любви к нему никакой уже и не было, оставалось чувство долга и ответственности за человека, с которым связала меня судьба»* (51 год, главный инженер).

Это противоречивое сочетание традиционных представлений о предназначении женщины как хранительницы очага и активно-достижительных практик профессиональной и семейной жизни во многом объясняется двойственным положением женщины в советском обществе, в котором проходила большая часть жизни женщин этой когорты. Известно, что советское законодательство провозгласило равенство женщин, включив их в профессиональную деятельность и освободив от экономической зависимости. Однако в бытовой сфере была сохранена патриархатная модель жизни, которая предполагала сочетание полной занятости с ролями матери и домохозяйки. Причем сами женщины этой когорты, как свидетельствуют их нарративы, считают такую норму естественным порядком вещей: *«В настоящее время я уже пенсионерка. Единственная дочь к моему уходу на пенсию подарила мне внучку. В основном мне приходится заниматься воспитанием внучки, и я совмещаю все обязанности женщины (магазины, очереди, приготовление пищи, уборки, стирки и пр.)»* (60 лет).

Еще одним объяснением противоречия между традиционными представлениями о предназначении женщины и практиками реальной жизни может быть довольно характерная для советского времени неполная семья. Описываемые в литературе формы неполной семьи, когда мужья отсутствуют по причине смерти или развода [Голод 2010: 112], нарративы женщин старшей когорты позволяют дополнить еще одной формой, когда мужья присутствуют

в семье лишь формально, но фактически отсутствуют, так как не принимают участия в организации семейной жизни и воспитании детей часто из-за алкоголизма: *«В 1992 году пришлось уволиться по собственному желанию из-за поддержки зарплат. Нужны были деньги, ведь на иждивении у меня трое детей. На мужа надежды не было, очень пил и в 1994 году умер»* (50 лет).

Подтверждением незначительного участия мужчин в организации семейной жизни женщин этой когорты является и то, что в их нарративах мужчины появляются либо на ранних этапах семейной жизни (при заключении брака, романтической любви и т. п.), либо при неудачно сложившейся семейной жизни, когда речь идет о разводе с мужем, смерти мужа или алкоголизме мужа. Но мужчины почти не упоминаются как партнеры в организации семейной жизни и принятии семейных решений. И среди структурных каналов семейных отношений: «муж – жена», «родители – дети», «супруги – родственники», «дети – прародители», которые рассматриваются как деятельная палитра для раскрытия возможностей современного, супружеского, типа семьи [Голод 2008: 45], – самым редким оказывается описание отношений «муж – жена». Можно предположить, что «исключение» женщинами этого поколения мужчин как партнеров по организации семейной жизни оказывается до некоторой степени результатом их собственной активности, восприятия ими «тройной нагрузки» как нормы, как естественного порядка вещей и даже предмета гордости [Ашвин 2000: 65]. Тем более что эта норма в какой-то мере обусловила их независимость в семейных отношениях.

На фоне этой малозаметной роли мужчин в нарративах женщин старшей когорты контрастно представлена ценность материнства и отношения к детям. Описанию практик воспитания детей и своего рода служения им они уделяют большое внимание: *«С мужем мы несколько раз сходились, расходились, я сделала много попыток сохранить семью, но ничего не получилось. Я решила посвятить всю жизнь дочери, она для меня стала единственной радостью и надеждой. Я уделяла дочери все свободное от работы время. По выходным мы всегда ездили за город или на каток в наш ледовый заводской дворец. По возможности занимались спортом»* (52 года).

Кроме того, для женщин этой когорты наличие в семье детей часто оказывается обязательным и необходимым условием ее сохранения, а также удержания в семье мужа. Причем даже в тех случаях, когда приходится прибегать к обману: *«Мне было уже 23,5 лет. И я решила оставить ребенка, так как это счастливый случай спасти семью. В противном случае – наоборот – остаться без мужа, но с ребенком. В то время еще считалось, что родить без мужа не очень приятно, какой-то стыд. Своему мужу я сказала, что ребенок от него»* (45 лет).

Но даже в тех случаях, когда детей в семье нет, эта тема так или иначе затрагивается в нарративах женщин старшей когорты. Таким образом, можно заключить, что наличие детей в семье является для них центральным образующим семью фактором, свидетельствующим о распространенности детоцентристского типа семьи [Голод 2003: 118] и соответствующих этому типу

семьи представлений. Объяснить такое внимание женщин этой когорты к наличию детей в семье можно как распространенностью форм неполной семьи, так и отсутствием партнерских отношений в семьях и отстраненностью мужчин от процесса воспитания детей.

Что меняется и что наследуется молодыми женщинами

Биографические нарративы молодых женщин свидетельствуют, что они отчасти наследуют практики доминирования своих матерей в организации семейной жизни. Однако если в нарративах женщин старшей когорты эти практики окрашены готовностью всеми силами сохранять семью, даже жертвовать личными интересами (например, борясь с алкоголизмом мужей), то в нарративах молодых женщин эти практики больше похожи на сохранение дистанции в отношениях с мужчинами и даже манипулирование ими: *«Он был некрасивый, в очках. От нечего делать стали встречаться... Постепенно он стал раскрываться передо мной как человек. Добрый, заботливый, им можно было покомандовать»* (23 года).

Нарративы молодых женщин (как правило, очень молодых) говорят также об определяющей роли матерей в построении их семейной жизни. Так, они часто ссылаются на влияние своих матерей в случаях, например, принятия решений о замужестве или рождении детей: *«Я жила по маминной указке. Узнав, что будет ребенок, я прежде всего подумала, что скажет мама»* (22 года).

В связи с этим надо отметить, что в нарративах женщин обеих когорт часто описывается влияние свекрови (матери мужа) на семейную жизнь сына. Причем об этом влиянии в большей степени говорят нарративы молодых женщин, что до некоторой степени также свидетельствует об усилении доминирующей роли матерей в организации жизни детей и об «отсутствующих» (как уже говорилось, по разным причинам) отцах и, как следствие, своеобразной психологической зависимости сыновей от матерей: *«Вчера мы купили машину. Конечно, это хорошо, но я знаю, что мужа своего я теперь вообще видеть не буду, так как два дня он работает, а два дня отдыха он теперь будет проводить с машиной. А наступит весна, его мама скажет: “Вези нас на дачу, а через неделю заведи”. Так и будет им командовать, хотя он и сейчас во всем ее слушается, а мне это не нравится, но я понимаю, мама есть мама»* (22 года).

Что касается описываемых в нарративах мотивов замужества, которые являются одной из значимых характеристик обыденных представлений о семье и гендерных отношениях, то женщины обеих когорт таким мотивом называют любовь. Наиболее ярко свои ориентиры на романтическую любовь как основу брака описывают молодые женщины: *«Я жила для любви и ради любви. Я всегда считала, что истинным тылом для человека является семья. И до сих пор (стыдно признаться) верю в эту скучную фразу: “Не в деньгах счастье” – и даже про “рай в шалаше”»* (27 лет).

Однако романтические ориентиры на любовь как основу брака в ряде случаев не мешают молодым женщинам выходить замуж без любви (иногда даже

сохраняя при этом любовь к другому мужчине). В целом эти ориентиры предстают в нарративах молодых женщин, скорее, как культурный образец, тогда как описываемые ими практики (например, решения о замужестве) выглядят вполне прагматично: *«Я не собиралась связывать свою судьбу с этим человеком, но кто-то свыше распорядился иначе. Я забеременела, но узнала об этом лишь два месяца спустя. Так уж подвела меня природа. Делать аборт я побоялась, так как первая беременность. Володя (так зовут моего избранника) не был против ребенка. Пришлось пожениться. Все кругом осуждали. Лучше не могла найти?»* (23 года).

Это противоречивое сочетание представлений о любви как нормы при заключении брака и практик реального поведения свойственно и женщинам старшей когорты. Однако причины отказа от ориентиров на любовь в браке у них несколько иные, чем у молодых женщин. В их нарративах основной причиной отказа от этих ориентиров становится боязнь не соответствовать традиционной норме замужества – вовремя не выйти замуж, «засидеться в девках». При этом возраст в двадцать с небольшим лет они называют уже критическим: *«После техникума работала на заводе. Девчонки-подружки одна за другой выходят замуж, и я вдруг поняла, что мне уже не за горами 20 стукнет, а я еще ни разу с мальчишкой в кино не сходила, ни разу на свидание не сбегала – мне стало страшно. Я согласилась стать Сашиней женой»* (55 лет).

В нарративах молодых женщин достаточно очевидно произошедшее изменение в норме возраста для замужества, так что ссылки на критический возраст как необходимость выйти замуж уже не встречаются. Свои решения выйти замуж без любви женщины объясняют другими причинами – непредвиденными обстоятельствами (например, беременностью), или страхом одиночества, или давлением родителей: *«Замужество мое было спокойным с двух сторон. Я устала от бесконечных скандалов дома. Мать моя открыто оскорбляла меня, называла самыми гадкими словами. А ему пришло время жениться. Ему было 33 года, и его мама, папа и сестра очень хотели, чтобы он женился. Он сделал предложение, я согласилась»* (29 лет).

Нарративы свидетельствуют о том, что молодые женщины не только менее чувствительны к традиционным нормам замужества, но и демонстрируют большую, чем женщины старшей когорты, свободу и независимость в выборе партнеров для брака. Кроме того, они более откровенны в своих описаниях любовных отношений и не стесняются говорить как о своих материальных интересах, так и об интимных переживаниях: *«Потом мы стали любовниками. Любила ли я его – не знаю. Он открыл для меня прелесть секса. Но мы должны были расстаться. Он сказал, что дома (на Украине) родители его жենят. После него у меня были мужчины. Я пыталась любить по расчету. Меня могли содержать, платить деньги, но мне это было противно»* (23 года).

Наряду с этими явными изменениями в нормах приватности/публичности в нарративах молодых женщин очевидна и большая, чем в нарративах женщин старшей когорты, независимость и прагматичность в семейных

практиках и гендерных отношениях. Их нарративы подтверждают также, что официальный брак вытесняется разными формами сожительства и что родительство, супружество, любовные отношения и семья все больше отделяются друг от друга и становятся отдельными институтами [Захаров 2005: 130]: *«Моя близкая подруга тоже разошлась с мужем, тоже примерно такая картина семейной жизни, как и у меня. Она шьет, вяжет, стрижет, делает цветы декоративные, работает надомницей по чертежам. В общем, молодец! Живет с сыном 9-летним в общежитии семейного типа. Если у нее были мужчины, она находила им всем применение: ремонт окна, утюга, магнитофона и т. д. С пустыми руками не приходили. Она понимала, что найти хорошего мужа очень сложно, а любовника поить и кормить – глупо. Поэтому придерживалась, чтобы мужчина хоть чем-то был полезен»* (29 лет).

Разумеется, такого рода проявления независимости и прагматичности в семейных практиках и гендерных отношениях в определенной мере характеризуют и биографические нарративы старшей возрастной когорты женщин. Однако в их нарративах откровенные заявления о материальных интересах, как правило, не встречаются, что, по всей видимости, можно объяснить устойчивостью норм советского гендерного порядка, которые табуировали демонстрацию таких практик и представлений. Таким образом, можно заключить, что откровенные заявления молодых женщин об их независимости и прагматичности в гендерных отношениях свидетельствуют не только об усилении такого рода ориентаций, но и об изменении гендерного порядка в обществе. И эти изменения в значительной степени объясняются формативным периодом жизни женщин этой когорты – временем радикальных перемен в российском обществе, которые, собственно, и потребовали такого рода характеристик для адаптации к новому социальному порядку.

Заключение

Сравнительный анализ биографических нарративов женщин старшей возрастной когорты, сформированной гендерными нормами советского времени, и молодой, формировавшейся в эпоху рыночных реформ, дает возможность увидеть не только преемственность в представлениях о семье и гендерных отношениях, а также в практиках семейного поведения, но и изменения в этих представлениях и практиках.

Нарративы женщин старшей когорты свидетельствуют о некоторой устойчивости традиционных, «патриархатно» окрашенных, представлений о семье и гендерных отношениях. Прежде всего это касается их представлений о традиционном гендерном разделении труда, а также ориентиров на сохранение семьи за счет личных интересов женщины. Кроме того, нарративы этой когорты говорят об устойчивости детоцентристского типа семьи и о незначительной роли мужчин как партнеров по организации семейной жизни.

В нарративах молодых женщин, жизнь которых складывалась уже в постсоветское время, можно видеть как наследование ими некоторых

представлений о гендерных отношениях и практик семейного поведения предыдущей эпохи, так и изменения в этих представлениях и практиках. К наиболее значимым изменениям можно отнести усиление индивидуализма и прагматических ориентаций в гендерных отношениях, что, по всей видимости, соответствует не только ценностному порядку постсоветского времени, но и требованиям происходящей во всем мире демографической модернизации [Демографическая модернизация России 2006]. Заметим также, что эти изменения находятся в русле описываемого многими социальными исследователями процесса индивидуализации. Зигмунд Бауман, например, полагал, что в современном, «индивидуализированном», обществе каждый человек вынужден индивидуализироваться и быть прагматичным, что *это не его выбор, а судьба, структурное принуждение*.

Тем не менее в биографических нарративах женщин обеих возрастных когорт обнаруживаются скорее смешанные, чем чистые, типы поведения в сфере семьи и гендерных отношений и, соответственно, смешанные типы представлений о семье и гендерных отношениях. Этот вывод вполне соответствует сформулированному У. Беком принципу изучения социальных изменений в современном глобализирующемся мире. «Наши последние исследования показали, что новое само должно мыслиться по принципу – не “или-или”, а “как...”, так и...», поскольку оно не выступает в “чистой” форме, но в множестве разнообразных конфигураций» [Интервью с профессором Ульрихом Беком 2003: 9–10]. По сути, эти «разнообразные конфигурации» индивидуального опыта семейной жизни и гендерных отношений, характеризующие обычные представления женщин о семье и гендерных отношениях, и обнаружил качественный анализ их биографических нарративов, наметив некоторые тенденции их изменения.

Литература

Ашвин С. Влияние советского гендерного порядка на современное поведение в сфере занятости // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 63–72.

Голод: Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 2. С. 106–119.

Голод С.И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 40–49.

Голод С.И. Современные немоногамные модели семьи // Петербургская социология сегодня. Сборник научных трудов Социологического института РАН. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 111–126.

Голофаст В.Б. Ветер перемен в социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 4. С. 122–139.

Готлиб А. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп. 2004.

Демографическая модернизация России. 1990–2000 / под ред. А.Г. Вишневого. М: Новое издательство, 2006. С. 601.

Интервью с профессором Ульрихом Беком // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 1. С. 5–23.

Захаров С. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. 2005. № 3. С. 124–140.

Козлова Н.Н. Опыт социологического чтения «человеческих документов», или Размышления о значимости методологической рефлексии // Социологические исследования. 2000. № 9. С. 22–32.

Р. Абрамов (Москва)

КОММУНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И СОСЕДСКИЕ СООБЩЕСТВА В НОВЫХ ПРИГОРОДАХ: ОПЫТ КЕЙС-СТАДИ

Многие крупные города в ходе девелоперского бума последнего десятилетия обросли поясом многоэтажной жилой застройки, которая стала первым массовым примером «постсоветского жилья» и отражает стиль жизни и способы управления коммунальным хозяйством, которые сформировались уже вне социалистического контекста. В последнее время к этому типу застройки растут интерес и критическая рефлексия со стороны исследователей и журналистов¹. В основном эти районы критикуются с позиции их эстетической составляющей (плохие архитектурно-планировочные решения) и с позиции их некомфортности для проживания из-за скученности, отсутствия зеленых зон, культурно-бытовой инфраструктуры и плохой транспортной доступности.

Между тем эти районы также характеризуются особым составом населения – в основном молодыми семьями и людьми в активном трудовом возрасте, которые имели возможности для приобретения собственного жилья сразу или с помощью ипотеки. Многие из них ведут активный образ жизни и составляют ту типологическую группу, которую несколько лет назад называли социальными инноваторами [Абрамов, Зудина 2010; Абрамов, Зудина 2012]. Также среди населения этих районов много мигрантов из сельской местности (в областные центры) или из других регионов страны и ближнего зарубежья (те, кто переезжает в субурбии Московской области и Санкт-Петербурга). Таким образом, мы имеем дело с особой социальной средой, людьми, осваивающими новые практики жизни в крупных городах и новых районах коммерческого жилья. Это порождает собственную динамику отношений, организации «нового быта», практик и взаимодействия с местными органами власти и структурами ЖКХ, что требует дополнительного исследования.

Мой кейс – это жилой комплекс «Л-Парк» (г. Лобня, Окружная 13), построенный на окраине Лобни (город, находящийся в 20 км от Москвы) в 2014 г. и ставший известным благодаря жесткому противостоянию основной части жителей этого комплекса с Управляющей компанией («МС-эксплуатация») относительно качества предоставляемых услуг и по более широкому кругу вопросов, касающихся различных сторон жизни в доме. Кроме того, для

¹ См., например: [«Жизнь за КАД: Новая Охта» 2017; Бредникова 2016], а также журналистские публикации, подобные серии материалов в The-village.ru (URL: <http://www.the-village.ru/village/city/places/226191-pure-harms>).

исследователя данный кейс также интересен тем, что жители дома активно участвуют в обсуждениях проблем своего жилья в закрытом сообществе в социальной сети «ВКонтакте»². При этом зарождение будущего соседского сообщества происходило на протяжении многих лет, поскольку этот жилой комплекс планировался к застройке еще в 2005–2006 гг., однако из-за мошеннических действий несостоявшегося застройщика более сотни покупателей квартир стали обманутыми дольщиками и вели многолетнюю борьбу за свои права (основные обсуждения проходили на форуме)³. Наряду с этим у данного кейса появилась собственная медийная история благодаря серии репортажей на местных и федеральных телеканалах⁴. Таким образом, мы имеем дело со сложной историей соседского сообщества, сохранившейся в онлайн.

Этот текст нельзя назвать завершенным и полностью оснащенным необходимым библиографическим аппаратом академическим текстом, поскольку он был написан в сжатые сроки, основан на многолетних личных впечатлениях и наблюдениях автора, который был и участником событий. Скорее, данный текст может считаться социологическим очерком, чем полноценной научной статьей, основанной на систематическом исследовании. Возможно, на основе этого текста будет написана и статья в жанре кейс-стади [Фливерберг 2004; Полухина 2013] с напрашивающимися теоретическими обобщениями: пока же это интуиции наблюдателя и документальный репортаж.

Главная тема настоящей статьи – история одной новостройки, находящейся на окраине г. Лобни Московской области. Некоторые факты из сложной биографии этого дома можно узнать, просто набрав в поисковом запросе «Яндекса» сочетание «Лобня, Окружная 13», поскольку у данной новостройки есть многолетняя запутанная история, которая все еще продолжается.

Предыстория Окружной 13: путь обманутых дольщиков

После кризиса 1998 г. рынок недвижимости Москвы и ближайшего Подмосковья поначалу находился в серьезном кризисе: стоимость квадратного метра резко колебалась, а многие застройщики и агентства недвижимости разорились⁵. Начавшийся экономический рост в начале 2000-х гг., во-первых, подстегнул и рост цен на недвижимость, а во-вторых, Москва стала еще более привлекательным местом для работы и жилья из-за разницы в зарплатах в регионах и в столице, и поэтому сюда потянулись мигранты из провинции и стран ближнего зарубежья. Все они нуждались в съемном и собственном жилье, и на этом фоне в Москве и в подмосковных городах начался строительный бум, который позже распространился на большинство регионов России. В 2002–2004 гг. строительная лихорадка только начиналась и затронула

² URL: <https://vk.com/club60069393>.

³ URL: <http://lobnyaokr.borda.ru/?0-2>.

⁴ URL: https://vk.com/video-88413894_456239020; <https://www.youtube.com/watch?v=PDoiDKhDuD0>; <https://www.youtube.com/watch?v=7bT8X39CviM&t=23s>.

⁵ URL: https://www.gazeta.ru/realty/2014/12/28_e_6357453.shtml/.



Москву в пределах МКАД, потом захватила ближайшие города-спутники (Мытищи, Реутов, Химки, Долгопрудный, Щербинка) и стала как круги по воде расходиться дальше по подмосковным городам, в первую очередь касаясь тех из них, от которых было относительно удобно добираться на работу в столицу. Лобня оказалась среди таких городов: на электричке путь почти до центра Москвы занимал 45–50 минут, и это способствовало тому, что многие мигранты из регионов стремились приобретать жилье именно здесь.

В 2004 г. компания ЗАО «Коммунстройснабгаз» (затем ЗАО «Коммунстройресурс») получила разрешение на строительство 14–17-этажного монолитного жилого дома на южной окраине Лобни по адресу: Окружная 13–15 (затем просто Окружная 13). Был поставлен забор, завезена пара бытовок-вагончиков для рабочих и сделана временная подъездная дорога из железобетонных плит. Одновременно началась активная реклама планируемой новостройки в СМИ и в интернете. Рекламные объявления регулярно публиковались в еженедельном издании «Недвижимость & цены»⁶, а все разрешительные документы застройщик провел через официальные инстанции. Продажи квартир начались и к концу 2008 г. – около 200 дольщиков приобрели квартиры на Окружной 13. Договора купли-продажи не проходили государственной регистрации, платить за приобретенную недвижимость можно было наличными или переводя на счет застройщика соответствующие суммы.

Нужно сказать, что, несмотря на введение в действие Федерального закона о долевом строительстве⁷ в 2005 г., еще несколько лет многие застройщики заключали собственные договора о купле-продаже квартир в обход этого закона, а практика его правоприменения показала, что он также слабо защищает права дольщиков⁸.

Первые тревожные сигналы для дольщиков лобненской Окружной 13 прозвучали уже в 2006 г., когда покупатели, посетившие строительную площадку, заметили, что реальной активной деятельности там не ведется: за истекший год даже не были закончены работы «нулевого цикла» по заливке фундамента. Именно тогда были написаны первые робкие обращения в городскую администрацию с просьбой разобраться в ситуации, на которые внятных ответов дольщики не получили, а тем временем шла реклама и квартиры продолжали активно продаваться. К концу 2007 г. застройщик таким образом собрал более 150 млн руб. (в долларовом эквиваленте эта сумма на тот момент

⁶ См., например: [Недвижимость 2007: 341].

⁷ Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации».

⁸ Например, новые обманутые дольщики появляются снова и снова, несмотря на ужесточение законодательства в этой сфере. Так, большинство обманутых дольщиков района Царицыно-2 в Москве квартиры покупали уже с учетом правил закона № 214.

составляла примерно 6 млн)⁹. Только совсем незначительная часть этих средств была вложена ЗАО «Коммунстройресурс» в строительство, а скорее, в рекламу и симуляцию деятельности на объекте:

«Углубившись в бухгалтерию ЗАО “Коммунстройресурс”, следователи решили, что и другим сотрудникам фирмы будет за что ответить: например, за расходование еще порядка 130 млн руб., полученных от соинвесторов, направо и налево. По отчетам, почти 64 млн руб. ушло на выдачу кредитов и займов сторонним организациям, президенту фирмы и другим товарищам, почти 9 млн руб. – за якобы размещенную рекламу и оказание юридической помощи. 239 тыс. руб. были потрачены на стоматологические услуги, 114 тыс. руб. – на один день проживания в отеле»¹⁰.

В какой-то момент критическая масса дольщиков достигла того объема и понимания тупиковости сложившейся ситуации, что началась постепенная кристаллизация сети активистов и формирование сообщества обманутых дольщиков Окружной 13. К 2007 г. интернет уже давно стал повседневностью жителей России, хотя все еще многие люди старших возрастов не пользовались возможностями сети¹¹. Социальные сети в России в то время только начинали свое развитие (сеть «Одноклассники» и «ВКонтакте» были запущены в 2006 г. и набрали популярность несколько позже), и поэтому основными форматами онлайн-общения и формирования сообществ оставались форумы и чаты. Иными способами обманутые дольщики с трудом могли бы отыскать друг друга: списки покупателей и их контакты аккумулировались только у застройщика. Теперь трудно сказать, почему именно так сложилось, но примерно в течение семи лет (2005–2012) главной площадкой общения и обмена информацией у обманутых дольщиков Окружной 13 был форум lobnyaokr.borda.ru¹². Открыл тему этого дома участник под ником «Константин Алексеев», который 2 октября 2005 г. на форуме оставил сообщение *«Привет всем инвесторам, соседям и прохожим! Здесь можно знакомиться, обсуждать проблемы, обмениваться новостями... Проявляйтесь»*. Второе сообщение от участника под ником «Лидуся» пришло 13 октября того же года: *«Привет! Искала информацию и вот забрела на форум. Хотела поинтересоваться, а есть кто-нибудь, кто купил квартиру у застройщика Коммунстройресурс? Как в плане надежности этот дом (Окружная 13, 15) достроят? Сами дергаемся, цена заманчивая, планировка понравилась...»* Это типичное сообщение того периода – дольщики, обеспокоенные откладыванием начала строительства с помощью интернета пытались найти любую информацию о доме и постепенно собирались на этом форуме. Ретроспективное чтение форума дает представление

⁹ URL: <http://lobnya-today.ru/articles/21>.

¹⁰ Там же.

¹¹ Согласно исследованиям ФОМ того периода, уровень проникновения интернета составлял около 30% взрослого населения России и порядка 60% в Москве. URL: <http://www.ifap.ru/library/book253.pdf>.

¹² URL: <http://lobnyaokr.borda.ru/?1-2-0-00000013-000-0-0-1394744063>.



о том, что дольщики быстро осознали, что их деньги были украдены и никто дом строить не собирается. Уже в 2006 г. предпринимаются первые попытки объединения, пишутся первые жалобы в городскую администрацию на имя тогдашнего главы города С.С. Сокола, а потом и выше:

«Согласен встретиться в любой день в любое время в любом месте, но от встречи только друг с другом не много пользы, надо бы пообщаться с Соколом. Если и от него ничего не узнаем, то тогда стоит предпринимать более резкие шаги – например, обратиться в прокуратуру области (не в суд, а именно в прокуратуру). В городскую, думаю, нет смысла обращаться, потому в нашей ситуации совершенно очевидно, что ВСЕ городские структуры знают об этой проблеме, но ничего не делают или не хотят делать. В прокуратуре на официальный запрос ОБЯЗАНЫ прореагировать и назначить проверку деятельности фирмы и городских структур, связанных так или иначе с этим делом» (ник «tagadan92@mail.ru»).

Общение онлайн и офлайн активизировалось вместе с появлением новых жертв недобросовестного застройщика: в начале 2008 г. на форуме появляются участники с никами «sergius» и «lobnya1975». Первый поначалу активно поддерживал застройщика и полагал, что «панике рано поддаваться», второй же начал вести фотодневник хода строительства: он регулярно посещал строительную площадку, делал фотографии и короткие записи о своих впечатлениях¹³, которые выкладывал на форуме в отдельной ветке «мониторинг процесса строительства». Вот пример одного из первых репортажей «lobnya1975»:

«Сегодня (25.11.2007) совершили осмотр стройплощадки в Лобне. 1. Судя по отсутствию следов автомобилей при подъезде к стройплощадке – последний раз к ней подъезжал автотранспорт не позднее дней 10 назад. 2. На самой площадке тишина – нет ни строителей, ни какой-либо активности – все занесено глубоким снегом. Только одинокая собака погавкивает из-за забора. Вывод: строительство не ведется и вряд ли будет вестись в ближайший месяц – на площадке отсутствуют бытовки для строителей. У входа на площадку висит несколько растяжек с рекламой риелторских фирм, предлагающих квартиры».

Примерно к середине 2008 г. из числа обманутых дольщиков сформировалась инициативная группа тех, кто был готов тратить свою энергию и силы на борьбу за свои права. Практически все лидеры инициативной группы познакомились сначала на интернет-форуме, а потом встретились офлайн и договорились о совместных действиях. Некоторые участники группы были из тех, кто покупал квартиры еще в 2005 г., но боевой костяк составили те, кто купил квартиры в 2007–2008 гг. В составе группы были программист, ученый, бухгалтер, предприниматель, врач скорой помощи.

Проблемы, которые стояли перед инициативной группой Окружной 13, поначалу выглядели непреодолимыми. Во-первых, было очевидно, что на уровне

¹³ Дневник до сих пор доступен по адресу: <http://photo.qip.ru/users/lobnya1975/>.

городских органов власти и правительства Московской области предпочитают не замечать ситуацию с обманутыми дольщиками: на жалобы либо вовсе не поступало ответов, либо эти ответы носили бессодержательный характер в духе *«все сделано по закону, спрашивайте застройщика»*.

Во-вторых, в активную работу инициативной группы было вовлечено не более 4–6 человек, еще человек 7–10 – это те, кто регулярно интересовался ходом дел и время от времени мог помочь с отправкой жалобы или своим участием на санкционированном митинге или пикете. Остальные лишь ждали, что как-то само собой проблема решится и либо им вернут вложенные деньги, либо построят жилье. Это удивляло тогда и продолжает удивлять сейчас: в среднем покупатели квартир на Окружной 13 отдали застройщику суммы от 1,5 до 3 млн. руб (по «докризисному» курсу доллара – от 30 до 80 тыс долл. США). Покупателями этого недорого жилья были совсем небогатые люди даже по меркам доходов людей, работающих в Москве. Можно было бы предположить, что они с готовностью возьмутся за борьбу по возвращению потерянных инвестиций. Однако на собрания, проводимые инициативной группой, приходило не больше 20–25 человек – и у тех был главный вопрос о том, где подписать жалобу, даже ее не читая. Перед такими собраниями члены инициативной группы обзванивали дольщиков, и типичным ответом был отказ прийти на встречу под следующими предложениями: *«Мне в субботу некогда – еду в "Ашан"»* (вариант – «на дачу»). Иными словами, почти из 200 дольщиков какую-то регулярную активность проявляло не больше 10% – такой уровень мобилизации оставался постоянным весь период борьбы.

В-третьих, хотя именно в тот период (2008–2012 гг.) тема обманутых дольщиков достигла большой социальной и протестной остроты [см. подробнее Климов 2010; Кучаков, Мельникова 2012], медиа, политические партии и политические активисты не спешили «оседлать» эту тему. Обращения в прессу почти не дали результатов: в основном они появлялись на второстепенных интернет-ресурсах или малочитаемых специализированных сайтах, таких как, например, на портале информационного агентства «Коллективные действия», где были размещены подробные материалы о ситуации в Лобне, присланные инициативной группой Окружной 13¹⁴. Всего было направлено журналистам федеральных СМИ порядка 1000 писем – пресс-релизов и информационных сообщений и почти ничего не было опубликовано. Та же ситуация складывалась и с обращениями в многочисленные официальные органы и политические надстройки, подобные «Общественной палате». Хотя в Государственной Думе под эгидой «Единой России» с 2006 г. действовала группа

¹⁴ Первый материал появился в конце января 2009 г. «Накануне выборов мэра подмосковной Лобни сотни горожан остались без новых квартир» (URL: <http://www.ikd.ru/node/8477>), второй вышел в конце июня того же года – «Лобня: новая “горячая точка” подмосковного долгостроя. Обращение обманутых соинвесторов» (URL: <http://www.ikd.ru/node/10429>), в нем излагалась история борьбы за свои права обманутых дольщиков Окружной 13.

по оказанию помощи «обманутым дольщикам»¹⁵, однако ее руководитель депутат А.Е. Хинштейн в большей степени использовал ее как ресурс собственного медийного продвижения или как средство лоббистского давления на избранные компании и органы местного самоуправления. Во всяком случае, ничего полезного для решения проблемы обманутых дольщиков Окружной 13 ни Хинштейн, ни разного рода общественные палаты не сделали. Некоторый интерес лишь проявили отдельные депутаты Мосгордумы от КПРФ – и представители Инициативной группы были приглашены на коллективную встречу с одним из депутатов, а также в марте 2010 г. участвовали в митинге, организованном КПРФ на Триумфальной площади¹⁶.

Между тем постепенно (всего это заняло около трех лет активной борьбы) инициативной группе Окружной 13 удалось заставить власти Московской области и г. Лобни обратить внимание на их проблему. Ретроспективно можно говорить о нескольких факторах, которые этому способствовали. Прежде всего инициативная группа не оставляла системных попыток добиться решения проблемы, беспокоя органы власти различного уровня непрерывным потоком жалоб и обращений. Пожалуй, самым эффективным здесь стало посещение приемной Президента РФ, кажется, зимой 2009 г., когда дольщики образовали искусственную очередь в приемную, а затем 4 представителя инициативной группы были на личном приеме у сотрудника администрации президента РФ. Велась видеозапись разговора, и дольщикам было обещано, что администрация Президента РФ будет воздействовать на правительство Московской области и лобненскую мэрию для организации помощи обманутым дольщикам. Как результат, тогдашнее руководство города (в первую очередь мэр города С.С. Сокол) все же создало рабочую группу по проблеме Окружной 13, куда вошли чиновники, представители застройщика и лидеры инициативной группы обманутых дольщиков¹⁷.

Далее предпринимались активные усилия по привлечению внимания широкой аудитории и медиа к проблеме посредством участия в протестных акциях, публикации пресс-релизов и даже создания собственного блога¹⁸ и специальной темы на главном городском форуме того времени¹⁹. В течение этого периода помимо участия в митинге КПРФ и встрече с депутатом некоторые дольщики и члены инициативной группы были вовлечены и в другие формы протестной активности. Осенью 2009 г. планировалось организовать митинг у администрации Лобни, который, впрочем, отменили сами организаторы после

¹⁵ URL: <http://hinshtein.ru/protecting>.

¹⁶ Фотоотчет об участии обманутых дольщиков в этом митинге находится здесь: <http://photo.qip.ru/users/lobnya1975/115712032/>.

¹⁷ Эта рабочая группа ежемесячно заседала с февраля 2009 г. (URL: <https://netkvarartir.livejournal.com/2103.html>).

¹⁸ Блог <https://netkvarartir.livejournal.com> был создан 18 октября 2009 г. и работал до середины 2013 г.

¹⁹ URL: <http://forum.lobnya.ru/index.php?topic=1913.0>.

давления местных органов власти. При этом дольщики Окружной 13 присоединились к шествию обманутых соинвесторов России, состоявшемуся 17 октября 2017 г., где они развернули плакаты «Лобня – город хронического недостроя» и «Лобня, Окружная 13 – котлован вместо дома уже шесть лет», а также приняли участие в несогласованной акции по перекрытию движения на Волхонке (от Пушкинского музея к Храму Христа Спасителя), которая состоялась в первой половине дня 14 сентября 2010 г. и была одной из первых акций созданного незадолго до этого общероссийского движения «Однодольщики»²⁰. В акции участвовали обманутые соинвесторы Москвы и Подмосковья, включая примерно 10 человек от Окружной 13. Место перекрытия находилось в самом центре Москвы, примерно в двух километрах от Кремля и Государственной думы, и, естественно, эта акция привлекла внимание медиа. В то время еще не были приняты «постболотные» ужесточения протестного законодательства, и никто из участников не был задержан. Впрочем, эта акция происходила на фоне отстранения мэра Москвы Ю.М. Лужкова от власти, и дополнительная критика столичного градоначальника была полезна в этом деле²¹. Некоторые риски возникли с иной стороны: перекрытую дорогу не раз пытались прорвать водители на дорогах иномарках, тараня живую цепочку протестующих²². Во время акции один из членов инициативной группы дал интервью федеральному изданию – газете «Комсомольская правда», где говорил о равнодушии городских властей по отношению к людям²³. Вполне вероятно, что выход публикации с упоминанием непростой ситуации вокруг Окружной 13 в Лобне также способствовал началу вовлечения местных властей в решение проблемы. Совместно с инициативной группой местная администрация составила список дольщиков, что было непросто, поскольку разные покупатели использовали разные формы оплаты и порой на руках у них были лишь расписки, подписанные руководителем отдела продаж застройщика.

Ситуация сдвинулась с мертвой точки в конце 2010 г., когда на сцену вышла некая петербургская компания «СМ-групп», которая уже имела опыт строительства в Московской области и за ней тянулся шлейф каких-то непонятных банкротств и перерегистраций юридических лиц. До этого на встречах рабочей группы в городской администрации велись переговоры с различными застройщиками, но более-менее твердое обещание исполнить обязательства перед обманутыми соинвесторами было получено только от представителей «СМ-групп».

²⁰ Движение было создано в начале 2010 г. и сразу организовало общую онлайн-платформу по принципу социальной сети (URL: <https://odnodolshiki2.ru/>). Новостное сообщение о создании этого движения: URL: <https://www.svoboda.org/a/2025508.html>.

²¹ URL: http://www.help.su/press/news_3933.htm.

²² Фото и репортаж об этом: URL: <https://netkvartir.livejournal.com/25703.html>; <https://netkvartir.livejournal.com/26739.html>.

²³ URL: <https://www.kem.kp.ru/daily/24557/732965/>.

Что касается представителей прошлого девелопера («Коммунстройресурс»), собравшего 250 млн руб. и ничего не построившего, то лобненская прокуратура в конце концов завела уголовное дело о мошенничестве, в котором, правда, никто из ответственных лиц не пострадал: к 2010 г. деньги давно где-то «растворились» (по слухам, «в Чечне»), учредители тоже куда-то пропали, оставив отдуваться лишь некоего генерального директора, пожилого военного пенсионера, долгое время игравшего роль ширмы для дольщиков и ставшего зиц-председателем Фунтом для этого объекта. Впрочем, сидеть в тюрьме ему не пришлось – он получил шесть лет условно, и на том предыстория дома закончилась.

История дома: ЖК «Возрождение», L-парк и далее...

Новый застройщик резво взялся за дело в начале 2011 г. Он полностью переработал проект – у дома прибавилось подъездов и этажей (вместо 300 стало более 500 квартир и 17 этажей). Площади квартир также увеличились: в результате обманутым дольщикам предлагалось доплатить за дополнительные метры по рыночной стоимости. Изменились материалы отделки фасада и проектная документация, которая еще не раз потом менялась в сторону удешевления себестоимости строительства, но главное, что строительство сдвинулось с мертвой точки. Также были перезаключены договора с обманутыми соинвесторами уже на условиях договора долевого участия в соответствии с законом № 214-ФЗ. Здесь возникли некоторые трения с отдельными соинвесторами, чьи права на квартиры новый застройщик признавать не хотел, поскольку сомневался в статусе представленных квитанций на оплату приобретения недвижимости у прошлого девелопера. Впрочем, тем или иным образом основные проблемы и в этой части были разрешены.

Строительство началось во второй половине 2011 г., и сначала были снесены остатки железобетонного фундамента, который в пароксизме краткосрочной активности успел залить прошлый застройщик. Одновременно развернулась широкая реклама в интернете и на профильных СМИ. С учетом того, что примерно 150 дольщиков заселялось в этот дом, на рынок в открытую продажу было выставлено около 300 однокомнатных и двухкомнатных квартир довольно большой площади – 50 и 80 кв. м. Предложение привлекло не только жителей Лобни, но и многих образованных профессионалов, переехавших из регионов в Москву, снимавших там жилье и планировавших или уже имевших маленьких детей. Им понравился большой метраж квартир при относительно конкурентоспособной стоимости: «больше жилья за меньшие деньги». Кто-то это просто рассматривал как инвестиционное вложение. Для понимания дальнейшего развития ситуации важно, что к обманутым дольщикам, подуставшим от многолетней борьбы, присоединились новые покупатели жилья на Окружной 13 – их права были лучше защищены, многие воспользовались ипотекой (эта услуга не была столь массовой в 2004–2006 гг.).

Активность форума и блога обманутых соинвесторов резко снизилась: приехав на строительную площадку каждый лично мог удостовериться, что идет активное возведение дома. «Новые соинвесторы» с оптимизмом смотрели в будущее и тоже не видели предмета для обсуждения. Поэтому примерно с конца 2012 г. можно констатировать умирание «старых» каналов онлайн-общения. Офлайн-общение дольщиков также замерло – инициативная группа достигла поставленных целей и также снизила активность. Впрочем, некоторые лидеры инициативной группы (как, например, системный программист Игорь Щеголапов) еще на этапе переговоров с новым застройщиком подружились и тесно общались с менеджментом этой компании, уже не ставя в известность остальных членов инициативной группы.

Строительство дома было завершено в декабре 2014 г., и тогда встал вопрос об Управляющей компании (далее – УК), которая возьмет на обслуживание новостройку. Сфера ЖКХ находится в процессе непрерывного реформирования, и здесь есть сразу несколько главных проблем. Во-первых, низкий уровень качества услуг, предоставляемых Управляющими компаниями при растущих ценах на эти услуги. Во-вторых, присутствуют непрозрачные финансовые схемы работы, при которых нередко задействуются фактически мошеннические операции – собираемые с жителей средства на оплату услуг ЖКХ не передаются поставщикам услуг, у дома накапливается долг, а УК запускает процедуру принудительного банкротства, в результате чего долг остается «висеть» на жителях дома (которые нередко даже не подозревают о нем), а сами средства уходят в неизвестном направлении. Организаторы этой операции тут же открывают другое юридическое лицо и могут продолжить работать в сфере ЖКХ. В-третьих, несмотря на законодательные попытки подключить жителей домов к контролю за управлением домового хозяйства через процедуры выборов Совета дома и управляющих компаний, очевидно, что правоприменительная практика в этой сфере далека от совершенства²⁴: выборные процедуры требуют значительной воли и административного усилия и довольно сложно проводить собрания собственников жилья и нежилых помещений в многоэтажных новостройках, где число объектов недвижимости, закрепленных за одним домовым адресом, может достигать двух тысяч единиц, как в ряде новых районов Санкт-Петербурга²⁵ и Москвы. В этих условиях жителям приходится мириться с произволом УК или становиться жертвами переделов на рынке ЖКХ.

Еще 15 лет назад редкие девелоперы брали на себя функции УК, поскольку продажи новых квартир без отделки приносили сверхприбыли, по некоторым оценкам достигавшие 200–300% себестоимости. Кризис 2008 г. и валютный

²⁴ Например, Институт экономики города недавно выпустил специальное методическое пособие по организации разного рода собраний собственников жилья [см. Капитальный ремонт 2016; Генцлер, Прокофьев 2017].

²⁵ URL: <http://www.the-village.ru/village/city/places/226191-pure-harms>.

кризис 2014 г. не только разорили многих застройщиков, но и заставили пересмотреть оставшихся свою стратегию, организовав постоянное «доение» покупателей квартиры в построенных ими домах за счет аффилированной УК, договор с которой предлагается заключить вместе с актом приемки новой квартиры покупателем. Теперь все более-менее успешные девелоперы внедряют подобную практику, и огромные микрорайоны порой целиком отдаются на откуп «своим» монополистам УК – так в ситуации застоя на рынке первичной недвижимости застройщики получают постоянные доходы от подотчетных УК. В Подмоскovie много подобных примеров, среди которых известной является деятельность компании «Мортон», в течение 2009–2014 гг. застроившей район Катюшки в Лобне 17-этажными панельными домами и заставившей жителей принять услуги ЖКХ ангажированной УК²⁶. В целом сложившаяся административная и институциональная среда управления услугами ЖКХ ведет к нарастанию хаоса в этой сфере, способствует распространению мошеннических схем и создает основу для социального взрыва в результате конфликтов между собственниками и УК.

Стоит, однако, вернуться к хронике событий в лобненском доме на Окружной 13. На смену старым каналам коммуникации (интернет-форум и блог) между соинвесторами пришел новый – социальная сеть «ВКонтакте». Практически все «старые» и «новые» покупатели квартир имели аккаунты в этой социальной сети²⁷, а закрытая группа «Новостройки» существовала в данной сети примерно с 2011 г. Таким образом, эта группа надолго стала основной платформой соседского онлайн-общения для жителей дома. С лета 2014 г. там стало появляться больше сообщений и комментариев, наблюдался быстрый рост участников (примерно с 250 аккаунтов участников в 2014 г. до 720 в 2017 г.). Именно в этой группе развернулись главные баталии, касающиеся управления домовым хозяйством. За несколько месяцев до сдачи члены инициативной группы встретились с застройщиком и руководителем будущей УК «СМ-эксплуататор», в которой участвовал и автор этой статьи. В репортаже по итогам встречи для соинвесторов можно увидеть некоторые напряжения, связанные с тем, что УК и ее руководитель Глеб Долгобин старательно обходили вопросы тарифов ЖКХ для дома: *«Очень меня насторожили размытые ответы по тарифам управляющей компании – ведь тут есть простор для произвола»*²⁸. Другие участники встречи от инициативной группы и ее лидер Игорь Щеголапов, напротив, с преувеличенным оптимизмом оценили итоги встречи – ему понравилось и качество отделки, и качество строительства:

²⁶ Конфликт жителей Катюшек с УК вышел на экраны федерального канала (URL: <https://youtu.be/XvYFwBGpMJs>).

²⁷ Даже служащие правоохранительных органов и госслужащие, которым не рекомендуется заводить аккаунты в социальных сетях, нередко заводят их, используя псевдонимы.

²⁸ URL: https://vk.com/club60069393?w=wall-60069393_3194%2Fall.

«Общий стояк, электрощиты. Очень волновался... Зря. Сделано все добротно и продуманно. На мой взгляд конечно. Все мощное в реальности. 4 квартиры потянет. Все узлы итальянские. Не хухры-мухры. Вода подается снизу. Горячая циркулирует постоянно. Есть защита от гидроудара, подача в квартиры независимая, то есть если кто делает что с сантехникой, то соседям не мешает. Плюс выравниватели давления – чтобы на всех этажах было одинаковое давление. На потолок не смотрим. Все остальное меня порадовало!»²⁹

Анализ обсуждения той встречи в группе «ВКонтакте» дает возможность увидеть, что многие соинвесторы знали о негативном опыте работы УК от застройщика и поэтому призывали не подписывать договор с УК, которую предлагает девелопер:

«Прочитав и посмотрев на это безобразие, нахожусь в шоковом состоянии. Хотелось бы сказать по поводу УК. Руководствуясь опытом своих родителей взаимоотношений с УК, хочется сказать следующее: застройщики навязывают нам какие-либо УК и подписывать договор с их УК путем шантажа (не выдадим вам документы на квартиру) по законодательству не имеют право. Потом мы замучаемся судиться с этой УК. Нам нужно как можно скорее, всем дольщикам дома, собраться и обсудить все неустраивающие нас моменты и решить, как нам поступить дальше. Думаю, что нам нужна консультация юриста по жилищным вопросам»³⁰.

Однако в основном новоселов волновали вопросы будущего ремонта, покупки строительных материалов, получения прав собственности и все, что связано с обретением нового жилья и его обустройством. То, что касалось текущего управления домом, хотя активно обсуждалось, но рассматривалось, скорее, в гипотетическом контексте. При приемке квартиры застройщик сразу настоятельно предлагал подписать договор с УК «СМ-эксплуататор» и проголосовать за эту компанию на некоем собрании собственников жилья. Многие подписывали и голосовали, не вникая в детали – хотелось быстрее стать собственником и начать ремонт в квартире. Настораживал и многостраничный договор с УК, где очень детально описывались разнообразные обязанности владельца недвижимости, но почти ничего не говорилось о его правах и ответственности УК.

Уже в январе-марте следующего 2015 г. многим стало ясно, что УК далека от идеала – у ряда собственников начались конфликты с ее руководством и сотрудниками. К примеру, плата за охрану дома была включена в договор с УК, но вместо обеспечения безопасности имущества и жильцов охранники стали личной гвардией директора компании Глеба Долгобина. Получилось так, что чоповцы вместе с УК препятствовали проведению ремонта, не давая завозить строительные материалы, были попытки проникнуть в квартиры в отсутствие собственников – когда на месте только рабочие. Это накладывалось

²⁹ URL: https://vk.com/club60069393?w=wall-60069393_3308%2Fall.

³⁰ Там же.



на практическое отсутствие отопления в доме в зимний период и нередкую грубость Глеба Долгобина. Как результат – все больше собственников стало разочаровываться в УК и думать о путях ее смены.

Тут стали расходиться мнения, а потом произошел разрыв в общении между лидером инициативной группы Игорем Щеголаповым и автором этой статьи. Игорь последовательно отстаивал интересы действующей УК «СМ-эксплуататор» и даже смог организовать летом 2015 г. общее собрание собственников, где собственники якобы проголосовали за УК. Однако в тот момент застройщик (кому де-факто принадлежала УК, владел примерно 15% площадей дома, которые, естественно, были отданы за «СМ-эксплуататор». Для проведения этого собрания Игорь организовал отдельную закрытую группу «ВКонтакте», куда привлек самых активных жителей, и там формировал общественное мнение в пользу проведения собрания. Между тем именно летнее общее собрание собственников окончательно привело к «закрепощению» жителей дома за УК «СМ-эксплуататор». Автор данной статьи на предварительном этапе изучил практику работы УК, которые достаются новостройкам в наследство от девелоперов, и понял, что чаще всего такие УК становятся головной болью жителей, не выполняя свои обязанности, а то и просто прибегая к мошенническим схемам. А автора этой статьи возникли вполне обоснованные подозрения, что Игорь Щеголапов небезвозмездно преследует интересы УК – это, кстати, является распространенной практикой: для сохранения контроля над домом УК нередко находят нечистоплотных «активистов», готовых за преференции при оплате коммунальных услуг или за прямую плату проводить интересы этой УК, выступая в качестве независимых и принципиальных борцов за права собственников. Есть уверенность, что с Игорем на каком-то из этапов его укреплявшейся дружбы с руководством компании-застройщика была достигнута соответствующая договоренность, хотя проверить это, конечно, невозможно. Как итог Игорь перевел конфликт в личную плоскость, чтобы снизить влияние противников УК на соинвесторов в группе «ВКонтакте», ставшей главной площадкой общения.

Результатами деятельности Игоря стали проведенное собрание, подтвердившее полномочия УК «СМ-эксплуататор», избрание абсолютно лояльного действующей УК председателя Совета дома Андрея Диколяева (выходца из семьи представителей административного истеблишмента Лобни) и расчистка информационного поля для создания позитивного фона публикаций о работе УК в группе «ВКонтакте», поскольку модератор группы Сергей Кивинов³¹ также оказался полностью ангажирован УК «СМ-эксплуататор».

Между тем жители дома столкнулись с целым комплексом проблем, которые никак не решались УК «СМ-эксплуататор». С наступлением лета 2015 г. начала протекать крыша, в квартирах жителей верхних этажей возникали

³¹ Часть имен участников событий изменена, так же как и названия некоторых организаций, упоминаемых в тексте статьи.

протечки. УК предлагала жителям не делать ремонт, и только после неоднократных жалоб некоторые работы по приведению крыши в порядок были проведены. В течение 2015–2016 гг. несколько раз дом был обесточен: обычно это случалось в холода, и обесточивание дома автоматически приводило к отключению отопления, из-за чего квартиры вымерзали в течение нескольких часов³²:

«Блэкаут в Окружной 13. Вчера 11 апреля 2017 года примерно с 17–18 часов несколько домов мкрн Южный испытывали проблемы с электроэнергией: подача прервалась на несколько часов. Однако, когда уже все окружающие дома получали электричество в полном объеме, Окружная 13 все еще пребывала в блэкауте. Ситуация усугублялась тем, что вместе с электричеством были отключены отопление и подача холодной и горячей воды, а также в 17-этажном доме прекратили работать лифты»³³.

В процессе обсуждения новости на городском паблике «Лобня»³⁴ выяснилось, что причиной отключения электроэнергии стало некачественное электрооборудование, установленное застройщиком, связанным с действующей УК. Однако самой большой проблемой стало то, что фактически начиная с 2014 г. более половины жителей дома оставались без отопления в холода, а осенью 2016 г. с разрешения администрации г. Лобня дом просто отключили от отопления, так как застройщику требовались мощности для подключения других новостроек. Эта проблема стала темой обсуждения в том числе и на федеральных и местных телеканалах, где вышло несколько репортажей о ситуации с Окружной 13³⁵. Если анализировать содержание этих репортажей, то любопытно отметить позицию городских руководителей – главы города Евгения Смышляева, заместителя главы администрации по вопросам ЖКХ Александра Холикова и начальника управления жилищно-коммунального хозяйства администрации Сергея Хренова. Все они в ответах на вопросы о роли УК «СМ-эксплуататор» старательно уходили от какой-либо критики этой компании, ссылаясь на объективные обстоятельства или просто констатируя, что «стало лучше».

Тут нужно отдельно сказать о роли городской администрации в кейсе Окружной 13. На этапе проблемы обманутых дольщиков администрация Лобни стала вести какую-то работу с соинвесторами только после жалобы в администрацию Президента РФ. Когда дом был построен, на местном и областном телевидении вышло несколько триумфальных репортажей об успешном решении проблемы обманутых соинвесторов³⁶, но оказалось, что дом сдавался

³² URL: https://m.vk.com/wall-6191_201833; https://vk.com/lobnya?w=wall-6191_358788.

³³ URL: https://vk.com/lobnya?w=wall-6191_358788.

³⁴ См.: URL: <https://vk.com/lobnya>. Обзор лобненского интернета представлен здесь: URL: <http://internetbeyond.net/lobnya>.

³⁵ URL: <https://youtu.be/7bT8X39CviM>; <https://youtu.be/PDoidKhDuD0>.

³⁶ URL: <https://youtu.be/inZyy52wwrw>; <https://youtu.be/7YyB49nwrpY>; <http://www.korolev.today/news/v-podmoskovie/13072-vorobev-pozdravil-s-novoselem-vyvsih-obmanutiy-dolschikov-v-lobne.html>.



с огромным числом недоделок и проблем, и поэтому жители стали активно обращаться в органы власти в поисках помощи по их решению. И тут обнаружилось, что руководство Лобни почему-то упорно не замечает этих проблем и уж тем более не видит ответственности УК «СМ-эксплуататор» за их решение. В период президентства Дмитрия Медведева на волне увлечения «электронным правительством» был даже назначен специальный министр Михаил Абызов, ответственный за организацию работы правительственной комиссии по координации деятельности «Открытого правительства», и начался переход на электронный документооборот в ряде государственных органов. Параллельно оппозиционный политик Алексей Навальный стал использовать интерактивный потенциал интернета для общественного давления на органы власти с целью решения насущных проблем населения и борьбы с коррупцией: были созданы онлайн-платформы «РосЯма» и «РосПил», где обычные граждане могли разместить информацию о дорогах, требующих ремонта, и о махинациях с госзакупками. Кроме того, взрывной рост протестной активности в 2011–2012 гг. показал наличие запроса населения на обратную связь с органами власти. В результате некоторые провластные политики осознали возможности интернета, и уже с их подачи были запущены онлайн-сервисы для обращений и жалоб граждан. Лидерами этих новаций стали мэр Москвы Сергей Собянин и молодой губернатор Московской области Андрей Воробьев. Первый в 2014 г. запустил мобильное приложение «Активный гражданин», на котором москвичи могли пожаловаться на плохую работу коммунальных служб и рассказать о проблеме в своем дворе, а второй инициировал создание платформы «Добродел»³⁷ с аналогичными функциями, только ориентированной на жителей Подмосковья.

Жители лобненского дома по Окружной 13 стали активно использовать приложение «Добродел» для жалоб на плохую работу УК «СМ-эксплуататор», однако это не помогало решать проблемы дома. На проверку оказалось, что обращения и жалобы, прошедшие модерацию, направляются для реагирования и ответов в местные органы власти – то есть в первую очередь в администрацию Лобни. Она же (как, возможно, и администрации других городов) запрашивает объяснения у УК «СМ-эксплуататор», деятельностью которой не удовлетворены жители, и просто перенаправляет эти объяснения на «Добродел» с сопроводительным письмом. Естественно, УК не будет признавать наличия проблемы или найдет оправдания для того, чтобы не реагировать на обращения по существу. Таким образом, у автора обращения на руках имеется официальный ответ, но чаще всего его проблема остается нерешенной, а УК и администрация Лобни полагают, что работа сделана. То, что на канцелярском языке называется отписками, сопровождает всю работу «Добродела» в Лобне. Порой находятся самые абсурдные объяснения проблем в доме. Например, на жалобу о влажности на стене и потолке кухни из-за отсутствия вытяжки

³⁷ URL: <http://vmeste.mosreg.ru/>.

тогдашний глава города Николай Гречишников ответил, что эта проблема вызвана неким «общим запаириванием квартиры» якобы из-за неверной установки мебели. Данная отписка сопровождалась многословными письменными объяснениями руководства УК. На постоянные запросы о достройке спортивной площадки (дом был сдан, хотя площадка осталась недостроенной) на придомовой территории замглавы города Александр Холиков ничего определенного не ответил³⁸, сославшись на гарантийные обязательства застройщика, и только летом 2017 г. какие-то незначительные действия на площадке по ее благоустройству были произведены. Многочисленные жалобы жителей дома на низкую температуру и отсутствие напора подаваемой горячей воды, шумную работу автоматической вентиляции в квартирах, отсутствие отопления и многое другое запускали лишь механизм бюрократической волокиты, в который вовлекались мэр города Евгений Смышляев и его подчиненные: «Добродел» становился простым клапаном для выпуска пара недовольными. Так, идея открытого электронного правительства, по сути, стала профанацией.

Впрочем, жители дома не теряли надежды улучшить ситуацию, и новая инициативная группа из числа собственников приняла решение осенью 2016 г. провести новое собрание жильцов и путем общего голосования попытаться сменить УК. Инициатором собрания стала Мария Сотникова. Как уже говорилось выше, процедура проведения общего собрания собственников громоздка и требует значительных затрат времени и сил. В инициативную группу Марии Сотниковой вошли «новые соинвесторы», купившие квартиры в 2013–2015 гг., преимущественно представители образованного среднего класса – профессионалы высокой квалификации, переехавшие из регионов в столицу и относящиеся к той группе, которую в ряде наших исследований мы обозначали как «социальные инноваторы». Среди участников инициативной группы – профессиональный журналист, финансовый директор, программист, агент по продажам, промышленный рабочий, ученый, юрист, банковский менеджер и др. Большинство из них работают в Москве.

На практике проведение собрания оказалось более сложным делом, чем это выделось организаторам изначально.

Во-первых, как и во многих других крупных новостройках, дом был заселен не полностью (примерно на 65–70%) – часть квартир еще была продана, в других шел ремонт, и владельцы там появлялись наездами, третьи хотя и были проданы, но ремонт там даже не начинался.

Во-вторых, действующая УК активно препятствовала информированию собственников посредством объявлений о собрании в подъездах на первых этажах: уборщицы, сантехники и охранники получили указание срывать эти объявления, что даже зафиксировано на видео и попало в очередной телерепортаж об Окружной 13³⁹.

³⁸ URL: <http://vmeste.mosreg.ru/images/83/a8/83a8c3ac-11b0-4e45-bc60-43d99464a5b7.pdf>.

³⁹ URL: https://vk.com/video-88413894_456239020.

В-третьих, как и в истории с обманутыми дольщиками, в процесс собрания выяснилось, что далеко не все понимают и хотят понимать его важность и влияние на последующую жизнь в этом доме, в том числе на расходы за коммунальные услуги. В процессе обхода квартир представителями инициативной группы выявились типовые реакции людей на предложение принять участие в голосовании. Многие просто спрашивали «Где заполнить?», не интересуясь содержанием, – им хотелось быстрее завершить процесс, не вникая в подробности. Часть жителей была крайне удивлена тому, что люди могут в добровольном порядке и с альтруистическими мотивами тратить свое время и силы на какое-то общественное дело. Обычным в таких диалогах был подозрительный взгляд и вопрос: «А сколько Вам за это заплатили?» или «Ну Вам же другая УК заплатила за организацию этого собрания». Явное недоверие вызывали честные ответы о мотиве участия в организации собрания, заключающемся в желании изменить ситуацию в доме к лучшему, обеспечить жителей (включая самих организаторов) качественными услугами ЖКХ. Следует подчеркнуть, что вся работа по проведению собрания сделана 10–15 активистами из числа жителей дома, и на протяжении всего хода собрания (а по закону его заочная часть может длиться несколько месяцев) новые участники к работе по его организации не присоединились: в полной мере работает «эффект безбилетника» (*free-rider problem*), когда хлопоты по обустройству жизни в собственном доме предпочитают переложить на кого-то другого. Это не означало, что собственники довольны качеством жизни в доме – во время встреч и обсуждений в группе «ВКонтакте» инициаторам собрания много жаловались на разные проблемы – от грубости работников УК до отсутствия отопления и плесени на стенах. Но мало кто даже использовал онлайн-платформу «Добродел» для этих жалоб – большинству хотелось, чтобы все это было сделано кем-то еще.

В настоящее время собрание окончено, подведены итоги, согласно которым жители выбрали другую УК. Однако из-за особенностей законодательства прежняя УК не покидает дом: оказалось, что надуманными исками в суд можно долго оттягивать реализацию принятых на собрании решений. И теперь инициаторы и новый председатель совета дома Мария Сотникова тратят свое время и силы в судах, где УК планирует признать результаты собрания ничтожными. К тому же на инициативную группу УК подала в суд по защите чести и достоинства за интервью для телевидения. В целом история не окончена, и это лишь одна из тысяч историй маленьких, но острых коммунальных конфликтов в российских городах.

Литература

Абрамов Р.Н., Зудина А.А. Социальные инноваторы: досуговые практики и культурное потребление // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 6. С. 109–119.

Абрамов Р.Н., Зудина А.А. Культурное потребление и досуговые практики «социальных инноваторов»: социологический анализ // Вестник Удмуртского университета. 2012. № 1–3. С. 52–64.

Бредникова О., Запорожец О. Ветер, усталость и романтика ночи (об особенностях новых жилых массивов) // Laboratorium. 2016. № 2.

Генцлер И.В., Прокофьев В.Ю. Концептуальные предложения по развитию института управления общим имуществом в многоквартирном доме собственников такого имущества // Городской альманах. 2017. № 7. С. 10–23.

«Жизнь за КАД: Новая Охта» (проект Лидии Рахмановой). 2017. URL: <https://cisr.ru/news/zhizn-za-kad-novaya-ohhta/>.

Капитальный ремонт многоквартирных домов: решения и действия собственников жилья. Методическое пособие / под общ. ред. И.В. Генцлер. М.: Фонд «Институт экономики города», 2016.

Климов И. Ипотечные заемщики как инноваторы // Ядов В.А. (ред.) Как люди делают себя: обычные россияне в необычных обстоятельствах. М.: Логос, 2010. С. 144–185.

Кучаков Р.К., Мельникова И.В. Анализ протестной активности общественных объединений на территории города Омска за период 2010–2011 гг. // Вестник Омского университета. 2012. № 3. С. 315–324.

Недвижимость & цены. 2007. № 38 (237).

Полухина Е.В. Case-study как исследовательская стратегия // Case-study – образовательный и исследовательский опыт в междисциплинарном контексте. СПб.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013. С. 5–21.

Фливерберг Б. Кейс-стади в контексте качественно-количественной проблематики // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 15–19.

Г.В. Еремичева (Санкт-Петербург)

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ОСВОЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО И ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВ СОВЕТСКОГО И РОССИЙСКОГО ГОРОДА¹

Городское пространство включает в себя как территориальное, так и социальное пространство. Городская территория – это место, в котором реализуется жизнедеятельность городского населения в разнообразии ее форм, а в социальном пространстве осуществляются социальные взаимодействия индивидов и социальных групп, их социальные отношения. В связи с этим город выступает в качестве специфического социально-территориального пространства, обладающего различными экономическими, социальными и культурными характеристиками. Разные конфигурации этих характеристик обуславливают специфику социальных и культурных оснований структурирования территории города и городского населения на уровне как макроэкономических, так и микроэкономических процессов социальных трансформаций в обществе. При этом городское пространство рассматривается как социальное и многомерное, что и обуславливает специфику социальных и культурных оснований структурирования.

Социальное пространство – это основополагающее понятие классических научных теорий об обществе и общественном устройстве, начиная с Ф. Тенниса (ему принадлежит заслуга введения в научный оборот данного понятия), Г. Зиммеля, П.А. Сорокина, Т. Парсонса, К. Маркса, М. Вебера. Дальнейшее развитие понятие получило в социологии города в работах Р. Парка, Э. Берджесса, Э.О. Райта, Ф. Паркина. Современные пространственные подходы в городских исследованиях разработаны такими значительными теоретиками, как А. Лефевр, П. Бурдьё, П. Штомпка, Д. Харви, М. Gottdiener, Lynd R. S. & Lynd H. M., Logan J., предложивших новую парадигму исследования социального пространства города с использованием достижений постмодернистских концепций размещения и структуры городов, эволюции городских форм, всемирных тенденций развития городов.

Теоретические концепции социопро пространственных перспектив городского развития, предложенные зарубежными исследователями (socio-spatial perspective — SSP, J. Feagin, M. Gottdiener), позволяют рассматривать городское пространство не только как часть физического пространства, но и как

¹ Работа выполнена в рамках госзадания по теме: «Структурирование социального пространства современного города» № АААА-А17-117030110145-0.

пространство социальных взаимодействий (D. Harvey, M. Castells, H. Lefebvre, J. Logan, H. Molotch). В этом пространстве социальные процессы, социальные отношения, социальные практики, социальные позиции и социальные поля функционально связаны между собой.

Особое внимание к теориям развития и планирования городов, изучению основных процессов внутри городской динамики, вопросам развития городских сообществ уделялось в советское время. Решающее значение занимали исследования социальной стратификации советских городов, анализа образа жизни и особенностей урбанизации на территории РФ и СССР (Н. Аитов, М.Х. Титма, В.Л. Глазычев, А.В. Дмитриев, А.М. Лола, М.Н. Межевич, М.В. Борщевский, С.М. Успенский, Б.С. Хорев, О.И. Шкаратан, О.Н. Яницкий и др.).

В настоящее время сравнительных исследований по влиянию новых экономических отношений на развитие городов, изучение эволюции городских систем, жилищной политики и личного жизнеустройства российских горожан не так много. Это объясняется тем, что российское общество столкнулось с принципиально новыми явлениями, в корне изменившими ключевые процессы развития городов (Л.Б. Коган, В.В. Вагин, О.И. Шкаратан).

За последнее десятилетие обозначились новые исследовательские тенденции в изучении социального пространства российского города, в которых практики потребления в системе социальных отношений, включение российского городского общества в глобальную культуру потребления приобретают существенное значение. В результате экономических и социальных перемен трансформировалась физическая среда города, появились новые типы пространств и новые способы использования существовавших ранее мест, что повлекло за собой изменение восприятия города и социальных позиций в нем различных социальных групп (А. Желнина, Е. Тыканова, А. Хохлова, Е.В. Лебедева)².

Исследовательская рамка

Наши собственные рассуждения о социальном пространстве города соотносятся с социальной теорией, в рамках которой город рассматривается как пространство, где реализуется социальная жизнь горожан и где постоянно происходят социальные изменения. Они отражают как процессы в городе, городском населении и его отношении к социальным и культурным изменениям в различных сферах жизни, так и трансформации города, мест конкретного проживания (район города, улица, дом, двор, квартира и т. п.). Не менее значимыми остаются и территориальные изменения.

² В этой ситуации вполне закономерен вопрос, насколько адекватно применимы концептуальные и методологические разработки зарубежных теоретиков в российском контексте, так как эволюция российских городов сильно отличается от аналогичного процесса на Западе и, следовательно, использование зарубежного теоретического опыта требует специфических ограничений и проработки.

Данная перспектива позволяет с позиции представителей разных социальных групп, объединений, ассоциаций городского населения выявить наиболее значимые наборы социопространственных параметров новых структурных образований в пространстве города: показателей качества жизни городской территории, которые жители воспринимают как наиболее комфортные, а также определить степень вовлеченности различных групп горожан в процессы обустройства окружающей среды.

Изменение общественного устройства страны обуславливает создание городского социально-территориального пространства нового типа (A. Lefebvre). Это особенно наглядно видно по тем изменениям, которые можно наблюдать в связи со сменой политического устройства, социальных и экономических трансформаций в России.

В советский период города являлись объектом рационального централизованного планирования, а в период трансформации старой социально-политической системы получили роль самостоятельных агентов деятельности, которые по-разному стали приспосабливаться к новым социально-экономическим и политическим условиям, таким как переход к рыночной экономике, активная миграция, существенно изменившая состав населения, влияние глобализации, повышение роли международного туризма, необходимость поиска своей «экономической ниши» в ряду других городов и регионов, а также борьба за ресурсы для устойчивого развития в новых условиях капиталистического общества [Тыканова, Хохлова 2015].

Социально-экономические и политические трансформации российского общества привели к серьезным изменениям в развитии внутригородских процессов – прежде всего в сфере строительства и жилищной политики³.

Изучение широкого круга процессов, в которых задействованы как отдельный индивид, так и его семья, различные социальные общности и объединения (ассоциации), их вертикальные и горизонтальные каналы социального (в том числе физического) перемещения в границах городского пространства остаются по-прежнему необходимыми. Поэтому главным субъектом исследования является человек, горожанин, который живет и пользуется социальным и городским пространством, инфраструктурой и предоставляемыми возможностями. Любые поведенческие практики горожанина лежат на пересечении экономических, социальных, культурных, градостроительных сфер функционирования городского организма. Индивид как горожанин является потребителем, работником, жителем.

³ Городские власти подавляющего большинства российских городов были вынуждены отказаться от модели «жилищного конвейера» – жилищной политики, сложившейся в России с 1960-х гг., и перейти от распределения бесплатного жилья к платному жилью.

Советская и российская градостроительная политика

В советский период в исследованиях развития социалистических городов особое значение уделялось изучению их функциональных составляющих и управлению городскими процессами, формированию городского образа жизни.

Социальный и пространственный аспекты (разные формы поселений) рассматривались как обособленно, так и взятые в совокупности, что позволяло представить город как непосредственную среду жизнедеятельности индивидов. Градостроительная политика советского периода была направлена на планомерное преобразование населенных мест через районную планировку и разработку генеральных планов с учетом целостного представления города как места поселения различных групп населения, приложения труда, потребления и жилья [Межевич 1979: 141].

Градостроительная политика освоения городского пространства в советском государстве строилась в соответствии с нормативными документами и перспективными планами, утверждаемыми областными и городскими Советами народных депутатов и Советом министров СССР.

Советский генеральный план был основным инструментом реализации градостроительной политики и представлял собой единственный безальтернативный проект целеполагающего развития города. Он определял комплекс социального развития города и его административных районов, а также проекты планировки и застройки жилмассивов и микрорайонов, магистралей и набережных, площадей, градостроительных узлов, комплексов и ансамблей.

Методология, организация разработки и реализация генеральных планов советских городов сформировалась и утвердилась в условиях широкомасштабного роста городов, утраты основ и механизмов собственного городского управления и замены его централизованным государственным управлением, через отрасли и их ведомства. В этой системе участие горожан в формировании среды своего обитания и обсуждении проектов было почти полностью исключено, поскольку генпланы являлись документом «для служебного пользования». По мнению известных градостроителей и управленцев городским развитием, «за 70 лет в СССР не было издано ни одного закона о правоотношениях городов. Генпланы городов разрабатывались и утверждались только в Госстрое, Госсоветы участвовали в разработке генпланов только на правах “голосующих”». Методологически противоречия между стратегическими целями и тактикой, расчетным сроком и первоочередными мероприятиями наукой не решались. А именно в них были скрыты глубинные деструктивные процессы и противоречия в развитии городов. Более того, по-прежнему не было предусмотрено участие горожан в разработке и реализации генплана, права, гарантированного статьями 130–133 Конституции России». При этом мнение градостроителей, демографов, социологов для партийного руководства города не имело решающего значения [Лола, Самойлова 2008: 356].



Градостроительный кодекс РФ 2004 г. (первый кодекс был разработан в 1998 г.), являющийся комплексным законодательным актом, регулирующим общественные отношения в сфере территориального планирования, градостроительного зонирования, планировки территории, проектирования и собственно строительства, также не отражал методологии генплана. Было очевидно, что города нуждаются в переходе от градостроительства к общественному стратегическому развитию. Эти задачи призваны были решать стратегические программы. Например, «Стратегическая программа развития крупнейшего города и его агломерации», в которой использовался мировой опыт в методологии и организации программного развития. Стратегическая программа явилась качественно новым типом прямого научного участия в разработке целей развития города. Исключительное качество стратегических программ снимает противоречия между краткосрочными и долгосрочными целями, заложенными в их реализации. Стратегическая программа не устраняет, а сохраняет генплан и обеспечивает более надежную его реализуемость в городском управлении [Лола, Самойлова 2008; Кнорринг 2007].

Принятие нового Градостроительного кодекса РФ в 2017 г. было обусловлено необходимостью приведения градостроительного законодательства в соответствие с Земельным кодексом РФ, Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и другими федеральными законами. Это позволило сбалансировать назревшие экономические требования по снижению административных барьеров в строительстве, повышению ответственности участников рынка и защите прав на недвижимость с необходимостью повышения роли общественного участия в принятии градостроительных решений. Кроме того, новый Градостроительный кодекс был направлен на поддержку градостроительной отрасли в формировании рынка доступного жилья и увеличения объемов жилищного строительства.

Таким образом, и в настоящее время нормативно-правовые документы (Генплан развития города и агломерации, Градостроительный кодекс, перспективные планы отдельных территориальных субъектов и объектов) определяют направление градостроительной политики в городе, в рамках которой реализуются законодательные акты этой деятельности. Отраслевой характер градостроительной политики сохраняется и даже закрепляется, а строительство жилья остается приоритетным направлением [Гражданский кодекс РФ].

Однако такая явная отраслевая градостроительная направленность в этих плановых документах подвергает сомнению установку на развитие (и прежде всего на жилищное строительство) большого города и его агломерации как целостной градосистемы [Лола 2005].

Социально-экономические реформы и переход к рыночной экономике обусловили изменения в общегосударственной политике во всех сферах жизни горожан и выдвижение на главенствующие роли представителей бизнес-элит, сокращение управленческих функций чиновников партийно-

правительственного аппарата. Поэтому отношения между бизнесом и государством, социальным воспроизводством и социальным контролем сильно изменились, что проявилось и в градостроительной политике.

Крупные города страны перестают сохранять отношения кооперации и сотрудничества и конкурируют в борьбе за выигрышные функции, внимание федеральных властей и государственные финансовые вливания. Местные власти для решения сложных внутренних проблем любой ценой стремятся привлечь крупных инвесторов, невзирая на соответствие их профиля перспективам развития городов. Декларируемое во всех стратегических планах утверждение, что «города созданы для людей, а человек – главное достояние города и улучшение жизни людей – основной критерий и цель всех городских реформ», так и остается лозунгом и преамбулой любого документа этого уровня, но и по сей день не реализуется в полной мере в реальной жизни горожан [Колосов, Зотова 2008: 380].

Это обусловлено в первую очередь увеличением числа участников, формирующих градостроительную политику и представляющих разные социальные агентства, коалиции интересов, что приводит к противоречиям в процессе принятия решений. Представители как властных структур всех уровней, так и бизнес-структур реализуют собственные цели и задачи и по-разному представляют степень своей ответственности за принимаемые решения в городской политике [Тыканова, Москалева 2016]. Приоритетную роль в градостроительной политике стали играть ресурсы и финансы, а также те, кто ими владеет. Безусловно, административный ресурс городской чиновничьей элиты также значим, но в основном на стадии согласования строительного проекта.

Как следствие перераспределений ресурсных и финансовых потоков все отчетливее проявляются взаимозависимость и конкуренция не только между городами, но и между городскими районами и муниципалитетами. В борьбе за получение ресурсов и инвестиций значительную роль начинает играть и символическое значение территориального образования. С сокращением государственного влияния во всех традиционных сферах государственного управления на всех уровнях (*город, район, муниципалитет*) и коммерциализацией таких социально значимых сфер деятельности, как строительство массового жилья, здравоохранение, образование и т. п., на сцену выходят новые игроки, которые устанавливают собственные правила управления (*игры*).

В связи с этим важным становится не только вопрос внутренней борьбы этих коалиций интересов в городах, но и то, как процессы роста одних городов территориально и численно сказываются на урбанистических процессах страны в целом. Например, рост и развитие одних городов приводит к тому, что провинции вымирают вплоть до исчезновения малых городов и поселков городского типа [Коган 2008: 347]. Неэффективная градостроительная политика приводит к тому, что огромные территории страны остаются вне зоны действия цивилизационных процессов, «медвежьими углами» и дальней провинцией.



Рассматривая эффективность стратегического развития городов, нельзя замыкаться только на внутренних процессах и не учитывать социальной перспективы, а также те мировые процессы, в которые вовлечена Россия. Это прежде всего глобализационные процессы, которые создают новые формы взаимодействия как внутри городов, так и между ними, структурные сдвиги и тенденции в городском социальном пространстве. Это проявляется в процессах интеграции отдельных городов в международные центры, осуществляющие финансовые, торговые, консалтинговые и деловые услуги по всему миру. Активно включаясь в информационные сети на основе информационных потоков, формирования мировых гибких рынков занятости, изменяются функции городов, создающих мировые центры [Sassen 1991; Кастельс 2000].

Ретроспективный взгляд на жилищную политику советского города

Градостроительная политика освоения территории города с первых шагов советской власти была направлена на решение вопросов индустриализации страны, которая связана с размещением на городской территории производственных объектов разной мощности и жилья для рабочих этих предприятий. Привязка населения к месту его деятельности позволяла не только осуществлять плановое перераспределение трудовых ресурсов и создание «трудобютовых коллективов», но и контролировать нерегулируемую в те годы миграцию сельского населения в город. Обеспеченность жильем всегда была наиболее болезненной частью программы развития городов и при этом механизмом управления трудовым населением страны. Государство, как правило, обладало неограниченной монополией в жилищном строительстве и выступало в роли инвестора, заказчика, подрядчика и владельца жилья одновременно.

Предоставление жилья всегда было прерогативой государственных органов, а наделение отдельных граждан отдельным жилищем – «серьезной мерой социального поощрения, практиковавшейся по отношению к лицам, особо отличившимся или приближенным к власти». Исходя из этого принципа, жилище почти всегда использовалось как средство дисциплинарно-поведенческого воздействия. Партийно-государственная установка была направлена на формирование социально однородных, зависимых, контролируемых, управляемых, прикрепленных к месту труда и месту жительства трудовых элементов [Меерович 2017: 133].

Перенаселенность и постоянная нехватка жилья в крупных городах и промышленных районах, ветшание и разрушение типовой застройки 1920-х гг., восстановление жилого фонда, пострадавшего во время войны, вызывало ощущение постоянного жилищного кризиса и того, что социальное расселение горожан из некачественного жилья, бараков, коммунальных квартир становится насущной проблемой. Возникла необходимость приведения к соответствию общих социальных требований к жилищу и достигнутому уровню социально-экономического развития страны, образу жизни и быта советских людей [Жилищное строительство 1976].

Темпы послевоенного строительства не могли даже в малой степени удовлетворить нужду в жилье, которую испытывала страна. Это делало приоритетным строительство многоэтажных и многоквартирных домов с покомнатно-семейным заселением. В те годы 70% квартир заселялись покомнатно и лишь около 30% – посемейно [Там же: 12].

Квартиры в высотных сооружениях, получивших название «сталинских» домов и снабженных всеми видами современного благоустройства, предоставлялись для заселения одной семьей и отражали партийную установку в полной мере. Жилую площадь в таких домах, как правило, предоставляли работникам высококвалифицированного труда или имевшим большой трудовой стаж, партийным деятелям и чиновникам высокого уровня. Необходимость работы дома представителей определенных видов профессий, особенно творческих (писатели, художники, композиторы, научные работники, преподаватели вузов), являлась общепризнанной и была закреплена законодательством в праве на дополнительную жилую площадь.

Высокая затратность строительства таких типов домов не решала задачи расселения и обеспечения массовым жильем широких слоев горожан, проблеме обновления старых и совершенствования новых районов прежде всего в крупных городах. Все это требовало наращивания объемов жилищного фонда и разработку новых методов проектирования в области типизации, индустриализации и стандартизации для обычной рядовой застройки.

Следует отметить, что вопрос о типизации крупнопанельных домов не был принят единодушно еще и в советское время в кругу представителей «официальной» архитектуры. В 1930-е гг. архитекторы активно решали проблемы социалистической реконструкции городов, освоения архитектурного наследия, образа, стиля городского ландшафта. А с середины 1950-х гг. на первый план выдвинулись чисто практические задачи, которые архитекторы должны были решать в ущерб образности архитектуры за счет снижения эстетических требований к ней. Не было единого мнения о том, что именно должно в крупнопанельном строительстве подлежать типизации и стандартизации: отдельные ли элементы, составляющие дом, или же сами дома, образующие серию.

Развертывание научно-технической революции сопровождалось установлением рационалистического отношения к архитектуре, ее социальным целям. Поэтому был выбран наиболее эффективный и простой путь типизации зданий, который способствовал интенсификации индустриализации строительной отрасли для решения проблемы массового строительства. Именно работа в этом направлении позволила в середине 1950-х гг. сделать быстрый рывок в решении жилищной проблемы. Была осуществлена задача строительства жилых домов «поточным» методом – быстро, дешево и много. Принимались специальные правительственные постановления о всемерном развитии домостроительной промышленности и коренной перестройке как проектного дела, так и методов организации строительства, самой строительной базы к переходу ее на массовое индустриальное строительство.



Сегодня очень важно зафиксировать, что к началу 1950-х гг. значительная часть разработок уже прошла стадию экспериментальной проверки и была готова к запуску «на конвейер». Индустриализация строительной отрасли стимулировалась внедрением практики типовых проектов, разработкой новых строительных материалов, появлением первых заводов железобетонных изделий. Создавались первые экспериментальные строительные площадки, где жилые дома не строились в традиционном смысле слова, а монтировались из готовых элементов заводского изготовления. Возобладавшее в те годы мнение о сокращении архитектурно-строительных излишеств на зданиях жилого фонда коренным образом изменило судьбу советской архитектуры.

С переходом к созданию крупных жилых районов с развитой инфраструктурой строительство превращалось в одну из мощных отраслей экономики, которое стимулировало развитие других отраслей – таких как проектирование, производство строительных материалов, деревообработка, стекольная промышленность, строительство учреждений инфраструктуры, предприятий торговли, дорожное строительство, развитие городского транспорта, – в которых были заняты сотни тысяч людей.

Развитие строительной индустрии, создание практически заново промышленности строительных материалов потребовали формирования или радикальной реконструкции целых отраслей машиностроения (строительные машины, лифтовое хозяйство и пр.). Была создана мощная строительная индустрия. Появились домостроительные комбинаты и новые методы поточного строительства жилых массивов. Новый характер строительно-монтажного процесса предопределил радикальную перестройку профессиональной подготовки строительных рабочих и руководителей строительства. Массовое жилищное строительство привело к новому пониманию организации городского пространства. Укрупненный жилой квартал – микрорайон – окончательно стал основной единицей городской застройки.

В обществе начал преобладать технократический тип мышления, который сформировал градостроительный подход, получающий серьезное теоретическое обоснование.

В жилищной политике 1950–1960-х гг. реализовывалась такая последовательность: жилищный проект государства, обслуживание этого проекта социальными науками и его реализация. Пропагандистский принцип «каждой семье – отдельная квартира», озвученный в эпоху Н.С. Хрущева, также получил научное обоснование, а квартиры в так называемых спальных районах стали называться хрущевками⁴, а позднее хрущобами. Результаты

⁴ С конца 1950-х до середины 1980-х гг. в СССР было построено 290 млн кв. м жилья, из которого большинство – типовые пятиэтажки. По площади однокомнатная квартира в таких домах была 31–33 кв. м, двухкомнатная – 36–46 кв. м, трехкомнатная – 55–58 кв. м. Ванная и туалет чаще строили смежными, комнаты проходными, кухни маленькими (4–6 кв. м.). Интересно, что такое строительство – не наше изобретение. Подобные квартиры строились

исследовательской работы были оперативно переведены в нормативные акты, что создавало ощущение реализации в жилищной политике принципа социальной справедливости, гарантированного удовлетворения для всех людей основных наиболее общих потребительских требований, отраженных в нормах распределения жилья.

Массовое передвижение населения из коммунальных квартир резко снизило статус последних и способствовало возникновению нового жилищного класса – жильцов отдельных квартир в новостройках. Даже очевидные недостатки домов «первого поколения» не вызвали серьезных претензий. Многие советские люди были рады отдельной, пусть даже не просторной, квартире, которая имела очень высокую ценность практически для всех типов городских семей.

Посемейное заселение квартир при ограниченности экономических возможностей того времени привело к распространению малогабаритных квартир. Отдельная квартира в сравнении с покомнатным заселением принципиально меняла качество жилища семьи, общие условия и всю обстановку ее быта, практически целиком перестраивала структуру всей ее жизнедеятельности в пространстве квартиры.

Социальная политика государства носила патерналистский характер, с помощью развитой системы льгот в ней преобладал в основном уравнилительный подход. Самым главным показателем был чрезвычайно низкий уровень квартплаты, которая составляла небольшую часть семейного бюджета. Стоит отметить, что хотя советское законодательство и предусматривало возможность выселения из квартиры за неуплату квартплаты, на практике это происходило лишь в единичных случаях. В советский период большая часть жилья распределялась бесплатно среди очередников (имеющих до 5 кв. м жилой площади на члена семьи), а также среди работников предприятий и организаций при строительстве жилья за счет этих структур. Часть квартир граждане покупали через жилищно-строительные кооперативы, внося первый взнос (40%), а оставшуюся сумму выплачивали в рассрочку. Продажа государственного и ведомственного жилья была запрещена [Жилищное строительство 1976].

В настоящее время по итогам целевой программы «Расселение коммунальных квартир Санкт-Петербурга» в городе с населением 4,5 млн человек осталось 78 500 коммунальных квартир и 250 000 их обитателей. В Москве проблема расселения коммуналок была почти полностью завершена в рамках масштабного проекта жилищного строительства Н.С. Хрущева [Айрес 2017].

в Италии во времена правления Бенито Муссолини – в Милане, Риме, Турине. В Германии такие дома серьезно пострадали во время войны. Принятая к типизации строительная серия жилых домов получила название «лагутенки» по фамилии архитектора. Они строились 15–25 лет до 1980 г. Как правило, в них не было подвала, собирался такой дом за пять дней. Главное было обеспечить большее количество людей жильем, на качество не смотрели [Мишина 2017].



Жилищная политика российских городов в социально-пространственной парадигме исследования

Совершенно по иным принципам складывается строительная жилищная политика в условиях рыночной экономики и рынка жилья, в которой главную роль теперь играют бизнес-элиты, устанавливающие собственные правила игры в градостроительной политике на всех уровнях (город, район, муниципалитет), и, отстаивая свои коммерческие интересы, они по-новому формируют территориальное и социальное пространство города.

Возвращаясь к социально-пространственной парадигме, отметим, что понятие «социальное пространство» может быть описано как совокупность полей, специфических однородных подпространств (например, экономическое, культурное, политическое), владение которыми означает обладание дефицитными благами – капиталом. В процессе распределения различных видов капитала (экономического, политического, культурного, социального, символического и пр.) структурируется социальное пространство, конструируются его модели. В современных городских пространствах открываются возможности для формирования относительно устойчивых во времени групп, обладающих привязкой к месту и общей территориальной идентичностью [Harvey 1973; Lefebvre 1991].

В рамках социопространственного подхода одним из важнейших факторов развития городов и роста их как мегаполисов (или метрополисов) становится недвижимость. При этом наряду с интересами различных бизнес-групп, руководствующихся коммерческой, потребительской стоимостью недвижимости, одними из принципиальных факторов изменений в городах оказываются правительственное вмешательство и интересы политиков. Представители этих властных групп имеют свои собственные интересы в развитии городской недвижимости, но вынуждены считаться с международными, культурными ориентациями и местными факторами, влияющими на этот процесс. Развитие города требует гигантских вложений в поддержание коммуникаций и развитие городского ландшафта; в свою очередь, развитость инфраструктуры и привлекательный образ содействуют более успешному городскому росту.

Несомненно, рынок жилья стал наиболее конфликтной зоной, где переплетаются интересы взаимодействия власти, бизнеса и населения. И если власть призвана действовать в интересах населения города, то бизнес целиком базируется на частном интересе, который может и не совпадать с интересами остальных.

Следует обратить внимание на то, что корни многих конфликтных ситуаций взаимодействия упомянутых выше групп интересов заложены еще отечественной градостроительной политикой. Основанная на градостроительном проектировании, она имела несколько уровней: верхний (районная планировка, ТЭО и генплан города) и нижний (проекты городских районов, группы домов и отдельных зданий). Нередко стратегические цели, прописанные в проектных документах обоих уровней, не согласовывались и не исполнялись,

а задуманное в генплане не реализовывалось. Тем самым не обеспечивалась преемственность проектов – решения, принятые на верхних уровнях, не всегда оказывались обязательными для выполнения на нижних уровнях. А созданная еще в период индустриализации самостоятельная государственная строительная отрасль, возглавляемая Госстроем (он был и инвестором государственного строительства, и надзирающим органом одновременно), привела к отрыву интересов строительства от интересов будущего владельца сооружения в его эксплуатации. Если бы муниципальное руководство действительно было ответственно перед гражданами своей территории, то оно было бы обязано заботиться о будущих поколениях жителей этой муниципии, района, города.

По мнению А.И. Стрельникова, ныне действующий Градостроительный кодекс не только не ослабил, но еще больше усугубил эту иерархию, закрепив проектирование административными границами, присущими каждому градостроительному образованию. Но при этом была окончательно разорвана логическая связь между верхними уровнями иерархии (определение региональной или общегородской целесообразности) в пользу конечного строительного продукта (здания). В стремлении предельно облегчить процедуры формального согласования текущих проектов городских фрагментов явно просматривается лоббирование со стороны строительного комплекса.

Исследователь предупреждает, что коммерческий бум строительства жилья прежде всего в мегаполисах (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург и др.) будет иметь серьезные последствия для функционирования городов в будущем. Это обусловлено тем, что (1) широкомасштабное строительство жилых массивов осуществляется главным образом в интересах коммерческой выгоды застройщиков (для внешнего покупателя, инвестирующего свои капиталы), а не городских жителей; (2) коммерческое строительство ведется на ресурсно ограниченных территориях, по мере продажи которого сокращаются возможности улучшения условий жизни; (3) строительные изменения влекут за собой нагрузки на инфраструктуру города – прежде всего транспортную, которая превратилась в ограничивающий ресурс [Стрельников 2008: 438].

Инвестиционные потоки, определяющие рост городов, регулируются в настоящее время властями субъектов Федерации, городскими властями и частными инвесторами, а не федеральными органами и отраслевыми министерствами. Такое разнонаправленное управление и создает конфликтную ситуацию в городе. Несогласованность решений инвесторов и строителей нередко вызывает возмущение у жителей города. Все более заметную роль в процессе освоения городского пространства начинают играть обычные граждане, создающие общественные организации, выступающие против незаконных, по их мнению, действий представителей бизнеса и городских властей. С одной стороны, жители оказываются вкладчиками трастовых и иных фондов, вкладывающих свои средства в недвижимость, а с другой – начинают отстаивать



свои права на территорию, на которой они проживают. Поэтому отношения общества и пространства становятся все более усложненными и взаимопересекающимися [Вагин 2000].

Купчино Санкт-Петербурга – пример градостроительной политики советского и российского периода

Проиллюстрируем историю освоения территории, растущего мегаполиса на примере одного из крупнейших спальных районов Санкт-Петербурга, в котором градостроительная политика и динамика освоения прилегающей к городу территории прослеживается достаточно отчетливо. Процесс освоения идет по трем основным направлениям – жилищное строительство, открытие торгово-развлекательных комплексов и строительство православных храмов.

Купчино – исторический район на юге Санкт-Петербурга, включающий пять муниципалитетов. На его территории можно выделить различные по размерам и символическому значению центральные микротерритории и точки притяжения (например, вокруг станции метро «Купчино», вдоль проспекта Славы и др., а также периферические и пока еще не освоенные территории, остатки промзоны и т. п.

История района началась за 85 лет до строительства Петербурга. Она очень впечатляющая и требует специального исторического экскурса. Но, к сожалению, это не является темой данной статьи.

Властями Ленинграда этот пригород стал осваиваться с 1964 г. в рамках Государственной целевой программы расселения коммунальных квартир в центральных районах города и предоставления отдельных квартир жителям этих коммуналок. Застройка велась в соответствии с проектом детальной планировки, разработанным в институте «Ленпроект» архитекторами Д.С. Гольдгор и А.И. Наумовым. Основные условия – быстрые сроки возведения жилых зданий и их экономичность. Это отчетливо сказывается в однотипной застройке и архитектурных особенностях расположенных здесь зданий. Район осваивался в два этапа: сначала возводились пятиэтажные хрущевки (1964–1972), затем — панельные и кирпичные девятиэтажки с вкраплением точечных кирпичных домов в 12 и 14 этажей (1966–1979). Как правило, это были дома жилищно-строительных кооперативов с улучшенной планировкой и оснащением.

Норма при распределении жилья составляла сначала 9 кв. м на человека, а затем была увеличена до 12 кв. м. Квартиры в девятиэтажных домах имели уже более удобную планировку для проживания, в них отсутствовали квартиры-«распашонки»⁵. Практически все улицы спального района Купчино были проложены заново по бывшим полям, выгонам и пустырям –

⁵ Так в народе назывались трехкомнатные квартиры с кухней от 4 до 6 кв. м, примерно 15-метровой общей комнатой, из которой по обе стороны располагались двери, ведущие в еще две крошечные комнаты (9–12 кв. м), что напоминало рукава детской распашонки.

только Альпийский переулок и Южное шоссе прошли по трассе Куракиной дороги конца XVIII в. По Генеральному плану главными магистралями района стали проспект Славы и Бухарестская улица, а проспект Славы стал условной границей между Старым и Новым Купчино. При планировании применялся принцип микрорайонирования, предполагавший, что все основные магазины, общественно-торговые центры, объекты соцкультбыта (почта, сберкассы, прачечные и т. п.), а также школы и детские сады будут располагаться для жителей микрорайона шаговой доступности на территории их квартала. Микрорайоны рассчитывались примерно на 8 тыс. жителей, реально заселены они были 13 тыс. человек.

К 1985 г. все кварталы района были в целом освоены и застроены, а дальнейшее строительство продолжается до сих пор, но значительно меньшими темпами и по «уплотнительному» принципу. Это в основном здания инфраструктуры.

Быстро росла численность населения нового района. В 1968 г. в Купчино проживало около 70 тыс. человек, в 1972 г. – 170 тыс., в 1975 г. – 250 тыс., в 1985 г. – более 300 тыс. К 1991 г. район насчитывал около 370 тыс. человек. Сейчас это почти в три раза больше [Купчинские 2016].

С началом 1990-х политика «социалистического развития района» претерпела кардинальные изменения. Многие планируемые проекты не выполнены, поскольку эта сфера оказалась полностью завоевана бизнес-структурами, которые стали осуществлять свои интервенции без учета окружающей инфраструктуры и руководствуясь в первую очередь прибыльностью вводимых строек.

Коммерческое строительство не только радикально поменяло внешний вид микрорайонов, но и определило характер и направление изменений в инфраструктуре всего Купчино. Это выразилось прежде всего в том, что с приходом на территорию района больших строительных компаний архитектура жилищных комплексов заметно изменилась. Следует также отметить, что район расширяется, поглощая не только прилегающие территории бывших промышленных предприятий, но и территории совхоза Шушары. В последнее время коммерчески привлекательными выглядят также район Пулковских высот и направление к городу Пушкину. За эти территории в настоящее время развернулась беспрецедентная борьба между активистами градостроителями, учеными астрономами и инвесторами⁶.

Большой объем в процессе освоения территории в основном занимает уплотнительная застройка, особенно в северном направлении. Вот что

⁶ Эта застройка вызывает серьезные опасения относительно разрушения Пулковской обсерватории и прилегающих территорий. Злободневная дискуссия ученых, журналистов и жителей данного района с городскими властями и инвесторами не раз освещалась текущей прессой. Например, на страницах «Новой газеты» только за первую половину 2017 г. было опубликовано пять больших статей на эту тему.



написано на одном из сайтов района (что во многом соотносится с мнением большинства местных жителей): «Купчино медленно, но неуклонно стремится к состоянию каменных джунглей. Всё меньше остается зеленых зон, парков, скверов, газонов. В последние годы заметно потеснили парк на Бухарестской улице, между улицами Фучика и Салова. Застраиваются пустыри на Загребском бульваре. Часть сквера между Карпатскими улицами превратилась в АЗС. При реконструкции Дунайского проспекта полностью уничтожен бульвар, разделявший ранее встречные полосы Парк Интернационалистов значительно убавился территориально». И далее: «Можно сколь угодно долго спорить о непривлекательном виде зданий 1960–1970-х гг., но современные здания повышенной этажности, всунутые во внутренние дворы хрущевок, выглядят нелепо, диссонируют с окружающим ландшафтом. При этом, как правило, новые дома возводятся на месте бывших скверов, детских площадок и даже водоемов. После сооружения новых зданий появляются и новые проблемы. Первая из них – это проблема парковок. Имеются также и другие сложности: увеличение нагрузок на электросети и канализацию. Трубопроводы и электросети, сооруженные в 1960-х гг., были рассчитаны на совсем другой уровень, нежели тот, который имеется сейчас. Но проблемы парковок все же гораздо более заметны. В современных домах часто сооружают также подземные паркинги. Но далеко не все жители спешат тут же ими воспользоваться. Стоимостью парковочного места иногда бывает сопоставима со стоимостью однокомнатной квартиры» [Купчинские 2016].

Жилые комплексы (ЖК)⁷ создаются по оригинальным архитектурным проектам, высота домов в которых, как правило, 25 этажей, и для создания привлекательного имиджа района, носят такие звучные названия, как «Лазурный», «Бригантина», «Твин Пикс», «Новая Европа», «Самбург» и др.

Подобная высотная застройка в уже обжитом районе со сравнительно невысокими постройками без учета окружающего ландшафта смотрится не всегда удачно.

Поскольку многие из этих жилищных комплексов встраиваются в уже обжитые микрорайоны с достаточно развитой транспортной системой, жилье здесь является очень эффективным активом, поэтому стройки шли полным ходом. Транспортная система действительно испытывает серьезные нагрузки. Помимо автобусов (24), троллейбусов (5) и трамваев (5) она включает несколько железнодорожных станций. В районе задействованы уже четыре станции метро («Международная», «Бухарестская», «Волковская» и «Купчино»), и еще четыре («Проспект Славы», «Дунайская», «Шушары», «Электродепо Южное») планируется открыть в ближайшее время. Крайне ощутимы автомобильные нагрузки. В районе сохранилось несколько крупных гаражных

⁷ ЖК – это несколько высотных домов, соединенных в единый жилой комплекс общим архитектурным ансамблем, причем предполагается, что он имеет собственную инфраструктуру.

кооперативов с собственной инфраструктурой, недостаточно платных стоянок. Особенно в вечернее время парковки во дворах крайне затруднительны.

В недавнем прошлом планировалось организовать у станции метро «Купчино» трансферную стоянку автомашин, чтобы пересадить автолюбителей на метро и тем самым разгрузить другие районы города от автомобильного движения, но эта идея до сих пор не реализована. Проблему пробок не разрешили и введение КАД.

В Купчино почти нет ЖК с собственной инфраструктурой. Следует отметить, что новые ЖК выглядят более скромно и не так помпезно, как ранние. Основным архитектурным достоинством становятся разные варианты дизайнерского узора и цвета окраски. Заметно, что более внимательно застройщики стали относиться к окружающему ландшафту.

При сегодняшних условиях массовой застройки и сложностях рынка продажи жилья говорить о каком-то специфическом расселении по профессиональной близости или особых претензиях к статусному подбору покупателей затруднительно. Единственное, что, безусловно, объединяет жителей новых комплексов, это то, что они покупают квартиры с помощью ипотечных кредитов. Люди имеют определенные материальные возможности собрать на первый взнос и надеются на то, что, трудясь на двух-трех работах, смогут выплатить кредит в течение определенного времени. Подобных примеров много. Учитывая материальные сложности таких семей в настоящее время, возникают вопросы по поводу их экономической состоятельности в будущем. У меня есть несколько наиболее распространенных сюжетов:

- «взяли ипотеку, поругались, развелись» (вариант: «заболели, потеряли работу») – в результате денег нет; в ситуации потери работы даже одного из членов семьи выплата кредита вовремя становится почти невозможной;
- «вынуждены были улучшить жилищные условия, чтобы уехать от родителей, и взяли в ипотеку с большим трудом однушку, родили ребенка, затем второго – еще не выплачено, а жить уже невозможно»;
- «сдали двушку в наем, сами живем в квартире, меньшей по площади»; в этом случае сдача в аренду собственного жилья становится формой заработка для выплаты ипотеки.

Подобные сюжеты были распространены в среде должников по квартплате, опыт работы с которыми у меня был в 2000 г.⁸ Тогда это были люди, находившиеся в трудной финансовой ситуации, имевшие определенный уровень образования и профессиональный статус, а не представители социального дна, как принято считать.

К сожалению, сейчас тема неплательщиков, обманутых дольщиков и т. п. оказывается заботой тех, кто оказался в такой ситуации. Городские власти

⁸ «Проблемы массовой задолженности за жилье и альтернативы жилищной политики (на примере Санкт-Петербурга)» по программе Московского общественного научного фонда «Социальная политика накануне XXI века» 1999–2000. Грант № SP-99-1-12 (руководитель – Н.Р. Корнев).

стараятся эту тему не обострять, поскольку решить ее им не под силу. Причем эта проблема существует со всеми видами жилья – долг у горожан перед городом огромный. Мне кажется, что в условиях длительного финансового кризиса через какое-то время ипотека даст заметный рост данной категории граждан. Проблема задолжников не может быть эффективно решена в первую очередь потому, что этих людей некуда выселять. И нет законов, по которым их можно принудить менять свое жилье на более худшее. В начале Перестройки проблему выселения неплательщиков предполагалось решать за счет общежитий разорившихся промышленных предприятий, перестроив здания под государственное маневренное жилье. В Купчино бывших общежитий было много. Но город не сумел их приватизировать, и они распроданы в частное пользование. Поэтому вопрос о городских неплательщиках остается злободневным.

Выяснить повседневную обстановку в микрорайоне (станция метро «Купчино» и прилегающие к ней улицы – ул. Олега Дундича, Софийская ул.) и отношение жителей к месту проживания помогли беседы с ними и личные наблюдения. Эти беседы проводились на автобусных остановках, детских площадках, в магазинах, местах скопления людей – там, где люди охотно вступают в короткие анонимные разговоры о своих повседневных заботах. Результаты настоящего эссе нельзя считать строго репрезентативными, тем не менее они вполне релевантные и отражают особенности микрорайона.

В целом жители довольны местом своего проживания. Они считают, что район вполне комфортабельный – прежде всего по доступности транспорта и интенсивности торговли. Действительно, ужесточения правил розничной торговли в районах, более близких к центру, привели к тому, что многие улицы в Купчино выглядят как линии сплошных овощных развалов, продуктовых ларьков, пекарен, бистро, кофеен, закусовых, предлагающих блюда разных национальностей. В одном доме может быть несколько ресторанов, магазинов, парикмахерских и т. д.

Можно утверждать, что торгово-развлекательное направление освоения социального пространства в Купчино идет крайне динамично и разнообразно, но неоднозначно оценивается жителями. Если в 1970 г. на Бухарестской улице открылся первый в СССР универсам – «Фрунзенский», – построенный с учетом итальянского опыта и с использованием импортного оборудования, то к 1991 г. было уже 2 универсама и 24 торгово-бытовых центра/универсама, десятки более мелких предприятий розничной торговли и сферы услуг.

Но в 1990-х с приходом бизнеса в районе началось бурное строительство мегаторговых развлекательных комплексов: «Балкания Нова», «Астра», «Южный Полюс», «РИО», «Международный», «Купчинский на Балканской», «Домовой», «Лента», «Карусель», «Пятерочка», «О'Кей», «Полушка», а в последнее время добавились новые сетевые магазины «Магнит» и «SPA». Поэтому политика шаговой доступности магазинов не только выполняется, но и перевыполняется. Это создает у жителей более старшего поколения ощущение



перенаселенности района, суетности. «Когда переезжали сюда из центра, боялись, что это окраина, а теперь напряженка, как и там». Молодым это кажется даже преимуществом района.

В крупных торговых центрах обязательно открываются кинотеатры, спортивные площадки, часто проводятся развлекательные акции. Эти бизнес-проекты вытеснили такие относительно старые кинотеатры, как «Кронверк Синема» («Формула Кино» с 2013 г.), «Мираж Синема», «Люксор», «Балканы», несколько совсем маленьких. Остался старейший кинотеатр «Чайка». Однако учреждений культуры все-таки не хватает. Кроме того, многие мои собеседники выражали сожаление по поводу репертуара этих кинотеатров.

Как было отмечено выше, торговая интенсивность района не всеми оценивается позитивно. Превращение первых этажей панельных домов в сплошную цепь магазинчиков, кафе и других торговых точек вызывает у жителей микрорайона страх обрушения: «Все ли эти перепланировки разрешены ГОСТом?» Этот вопрос вполне реален, поскольку известны случаи строительства домов с нарушениями строительных стандартов. Так, до сих пор не сдан и не заселен полностью дом на Будапештской ул. Невооруженным глазом виден наклон этого дома. Его постоянно укрепляют, но, несмотря ни на что, дольки его постепенно заселяют.

Несколько иное отношение жителей микрорайона к учреждениям здравоохранения, детским садам, школам. Сохраняется устойчивое мнение, что их заметно не хватает. Очереди за место в детских садах – самая злободневная тема на детских площадках среди молодых мамочек. Трудности в доступе к врачам-специалистам – тема обсуждений пенсионеров, хотя в последнее время эта проблема сглаживается диспансеризацией людей старшего возраста. Более сложно данный вопрос решается для работающего населения, даже несмотря на введение в поликлиниках онлайн-заказа номерков.

Очень позитивно воспринимается благоустройство дворов и детских площадок. Этим администрация района действительно серьезно озабочена. Как сообщалось в газете «Мой район» (№ 29 от 11–17 августа 2017 г.), планируется выделить дополнительно 30 млн рублей на благоустройство придомовой территории, детских площадок, на содержание и уборку внутриквартальной территории.

Заметно снизилась острота проблемы, связанной с мигрантами. По мнению жителей микрорайона, их численность стала заметно меньшей и в основном они заняты в торговле или на работе по уборке и благоустройству. Многие собеседники отмечали, что приезжие доброжелательны, постоянно здороваются при встрече во дворе, отзывчивы на помощь пенсионерам в магазине. Все это приводит к более терпимому отношению к ним жителей; здесь, вероятно, срабатывает и эффект привыкания.

Не менее активно развивается и третье направление освоения пространства района – религиозные постройки. Это обусловлено активизацией религиозной жизни в городе в целом, которая требует строительства культовых

учреждений. В 2002 и 2005 гг. в Купчино появилось два новых православных храма, построенных в честь Георгия Победоносца и Серафима Вырицкого. Следует отметить, что укрепление православия в районе сопровождалось достаточно серьезным конфликтом православных властей с представителями общины неоязычников Капища Перуна («Всеславянское святилище Перуна»), которая действовала с 1992 г. и которая использовала территорию «Парка интернационалистов», разбитого на пустыре микрорайона, и холма «Славы» для своих «славянских» обрядов и празднеств. Под давлением православных деятелей и администрации района эта община в 2007 г. была выдворена, а на месте проведения ею ритуалов и территории парка построен православный храм.

Не осталась в стороне администрация района от общего тренда использовать любой проект в районе для создания положительного имиджа и привлечения внимания, что может быть направлено на получение не только символической, но и финансовой поддержки со стороны представителей как власти города, так и бизнеса.

В истории района имеется и такой курьезный случай. В 2009 г. Фрунзенский район возглавил молодой депутат Терентий Мещеряков, заявлявший амбициозные планы по превращению Купчино в «креативный район». С этой целью была посажена «Аллея блогеров», выпущены духи «Аромат Купчино», а также предприняты дополнительные меры по повышению имиджа района. Так, было предложено администрации города переименовать Фрунзенский район в Купчино. Наряду с целым рядом показательных акций в декабре 2012 г. общественности было представлено мыло с ароматом Купчино. Разработан герб района. Такая активность районного руководителя не вызвала поддержки, и в мае 2013 г. Терентий Мещеряков получил новое назначение – он стал руководителем Кронштадтского района, а главой администрации Фрунзенского района был назначен Владимир Омельницкий, ранее руководивший Василеостровским районом [Исторический район 2007–2017].

Следует также отметить, что, как и в других районах города, в Купчино наблюдались ситуации, когда мероприятия администрации города и района активно не поддерживались местными жителями. Это, на мой взгляд, свидетельствует о том, что население становится более требовательным и для проведения каких-то не совсем популярных акций нужны современные формы «менеджмента», более внимательное отношение к мнению жителей. Традиционные формы социального контроля необходимо дополнять новыми.

Таким образом, освоение территориального и социального пространства происходит по ряду основных направлений и зависит от социально-экономического и политического контекста протекания тех или иных процессов в городе. На примере одного из крупных районов Санкт-Петербурга, имеющих собственную историю создания, развития и серьезную трансформацию под влиянием реализации бизнес-проектов, можно проследить все стадии изменения общественного устройства страны и города в целом. Безусловно,

эти процессы имеют свои особенности, характеризующие данную территорию, но они достаточно конкретны и требуют специального рассмотрения. Однако, как нам кажется, результаты представленного в статье как теоретического, так и «пилотажного» исследования позволяют поставить вопросы и сформулировать целый ряд исследовательских гипотез для дальнейшего более детального изучения процессов развития построссийских городов.

Литература

Айрес С. Питерские коммуналки как пережиток революции. 2017. URL: <http://inosmi.ru/social/20170830/240139906.html> (дата обращения 05.10.2010).

Борщевский М.В., Успенский С.В., Шкаратан О.И. Город. Методологические проблемы комплексного социального и экономического планирования. М.: Наука, 1975.

Вагин В.В. Городская социология М.: Московский общественный научный фонд, 2000.

Гражданский кодекс РФ и комментарии к нему на «Опоре России». URL: <http://www.gradkod.ru/predislovie-comments-grk> (дата обращения 09.09.2017).

Жилищное строительство в СССР (Научные основы, современное состояние и ближайшие задачи) / под общ. ред. Б.Р. Рубенаненко. М., 1976. URL: <http://gilsocminimum.ru/article/14>. 6-zhilishchnoe-stroitelstvo-v-sssr (дата обращения 05.10.2017).

Заборова Е.Н. Проблема социальной эффективности городской политики // Проблемы управления и управляемости социальных процессов. Методология, методы и процедуры социологического исследования. Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Социальное управление, коммуникация и социально-проектные технологии» и УП Дридзеvских чтений «Методология, методы и процедуры социально-научного и социологического исследования проблем регуляции и управления социальными процессами» (25–26 октября 2007 г.). М., 2008. С. 423–428.

Исторический район Купчино. 2007–2017. URL: www.kupsilla.ru (дата обращения 17.10.2017).

Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика. Общество. Культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Кнорринг В.И. Теория, практика и искусство управления. СПб.: Норма, 2007.

Коган Л.Б. Быть горожанами. М.: Мысль, 1990.

Коган Л.Б. Урбанизация, глобализация и городская политика на современном этапе // Проблемы управления и управляемости социальных процессов. Методология, методы и процедуры социологического исследования. Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Социальное управление, коммуникация и социально-проектные технологии» и УП Дридзеvских

чтений «Методология, методы и процедуры социально-научного и социологического исследования проблем регуляции и управления социальными процессами» (25–26 октября 2007 г.). М., 2008. С. 345–354.

Колосов В.А., Зотова М.В. Крупные региональные центры и перспективы политического развития России // Проблемы управления и управляемости социальных процессов. Методология, методы и процедуры социологического исследования. Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Социальное управление, коммуникация и социально-проектные технологии» и УП Дридзеvских чтений «Методология, методы и процедуры социально-научного и социологического исследования проблем регуляции и управления социальными процессами» (25–26 октября 2007 г.). М., 2008. С. 374–380.

Купчинские перспективы. 2016. URL: <http://www.kupsilla.ru/plan.htm> (дата обращения 15.06.2017).

Лебедева Е.В. Публичное пространство постсоветского города: возможности для развития социальности и «кризис публичности» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. XX. № 1 (89). С. 74–92.

Лола А.М. Основы градovedения и теории города в российской интерпретации. М.: URSS. 2005.

Лола А.М., Самойлова Н.А. Пути формирования основ и механизмов городского и агломерационного управления в России // Проблемы управления и управляемости социальных процессов. Методология, методы и процедуры социологического исследования. Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Социальное управление, коммуникация и социально-проектные технологии» и УП Дридзеvских чтений «Методология, методы и процедуры социально-научного и социологического исследования проблем регуляции и управления социальными процессами» (25–26 октября 2007 г.). М., 2008. С. 354–363.

Межевич М.Н. Социальное развитие города. Философские и социологические аспекты. Л.: Наука, 1979.

Меерович М. Градостроительная политика СССР (1917–1929). От города-сада к ведомственному рабочему поселку. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Мишина З. Хрущевки сделали людей счастливыми // Метро. 01.08.2017. С. 6–7.

Стрельников А.И. Агломерация – реально функционирующий субъект – должна стать объектом проектирования // Проблемы управления и управляемости социальных процессов. Методология, методы и процедуры социологического исследования. Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Социальное управление, коммуникация и социально-проектные технологии» и УП Дридзеvских чтений «Методология, методы и процедуры социально-научного и социологического исследования проблем регуляции и управления социальными процессами» (25–26 октября 2007 г.). М., 2008. С. 437–442.

Тыканова Е.В., Москалева С.М. Социальные условия деятельности гражданских и экспертных групп по улучшению качества городской среды // ЖССА. 2016. № 4.

Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 2. С. 241–256.

Harvey D. Social Justice and the City. Baltimore: John Gopkins university press, 1973.

Lefebvre H. The production of space. Oxford: Basil Blackwell, 1991.

Sassen S. The global City: New York, London, Tokyo, Princeton, NY: Princeton, University Press, 1991.

Н.И. Легостаева (Санкт-Петербург)

ГЕОСОЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ГОРОДСКИХ АТТРАКТОРОВ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ» (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА БАРНАУЛА)

Развитие мобильных технологий привело к тому, что в настоящее время геосоциальные сети (*geosocial networks – GSNs*) становятся неотъемлемой частью жизни людей и важным источником информации об их интересах, связях и траекториях передвижения. Гибкие и эффективные сервисы, основанные на интеграции людей с геосоциальными данными, позволяют оперативно связывать пользователей социальных сетей с людьми, событиями и объектами городской инфраструктуры, дают возможность отследить закономерности пространственного развития городской среды и описать некоторые социодемографические характеристики локальных групп.

В зарубежных научных публикациях исследователи поднимают ряд вопросов, связанных с разработками приложений на основе геосоциальных данных пользователей социальных сетей в области развития автотранспортного сервиса [Elbery et al. 2016]. **Активно обсуждается тема развития рынка геосоциальных данных, основанного на покупке и продаже репозиториев пространственно-временных данных, а также развитие общих форматов обмена данными из различных источников [Kanza, Samet 2015], разрабатываются алгоритмы составления комбинированных геосоциальных запросов, которые позволяют «находить людей, посещающих определенные места, или находить места, посещаемые определенным типом людей» [Kanza, Shalem 2017]. Исследования в области GSNs сделали доступными приложения в сфере экологической безопасности. Например, персонализированное геосоциальное приложение для выживания в активных сейсмических зонах с целью оповещения и руководства действиями пользователей на основе информации, собранной до, во время и после стихийных событий [Bekhor et al. 2015], а также разработки геосоциальных запросов с целью мониторинга загрязнения воздуха [Sammarco et al. 2017]. Другие исследователи обеспокоены вопросами, связанными с защитой персональных данных, которые, как отмечено в отчете Американской ассоциации исследователей общественного мнения (AAPOR), некоторые авторы называют «нефтью XXI века» [Greenwood et al. 2014]. Растет спрос на сервисы, нацеленные на сохранение локационной конфиденциальности и защиту личных данных от несанкционированного доступа [Krishna et al. 2014; Chengcheng et al. 2016; Aïmeur et al. 2016], обсуждается вопрос «анонимизации» пользователей с целью предотвращения**



высвобождения персональных данных [Li et al. 2016]. Ряд авторов отмечают важность геосоциальных показателей в городских исследованиях. Данные о местоположении пользователей, их перемещениях дают возможность проектировать город в соответствии с потребностями населения [Becker et al. 2011; Kanza, Kravi, Motchan, 2014; Ratti et al. 2006].

Отечественными исследованиями в области изучения фотографий с геотегами занимаются специалисты Центра городской антропологии КБ «Стрелка». В 2016 г. ими были опубликованы результаты исследования качества жизни 32 моногородов с использованием 1,1 млн фотографий в социальных сетях, контент-анализа и ГИС. Исследование *“Spatial analysis of geosocial networking patterns of Russian cities. Comparative urban study”* использует геосоциальный подход в поиске городских точек притяжения в разрезе социодемографического анализа некоторых социальных групп, что может найти практическое применение при реализации целей и задач градостроительной политики с учетом социальной политики города.

Цель исследования заключается в изучении городских аттракторов / точек притяжения пользователей социальной сети «ВКонтакте» на основе их геофактов/геометок/«цифровых следов»/фотографий с геотегами/фотографиями с географическими привязками. В качестве пилотного города был выбран Барнаул, который входит в состав крупных городов России с населением от 500 тыс. до 1 млн человек. В настоящей статье в соответствии с задачами исследования представлена цифровая карта городских аттракторов, составленная на основе плотности геосоциального набора данных, проанализированы социодемографические характеристики пользователей социальной сети «ВКонтакте», также составлены рейтинги популярности общественных мест по количеству геофактов и числу пользователей, оставивших «цифровые следы» рядом с городскими аттракторами. Объектом исследования выступает специфика городской жизни Барнаула через призму геосоциального анализа пользователей социальной сети «ВКонтакте». Предметом анализа являются городские точки притяжения пользователей с геофактами по городу Барнаулу. Единицами анализа выступают пользователи социальной сети «ВКонтакте» и их фотографии с геолокационными параметрами. Главный исследовательский вопрос состоит в поиске и описании городских точек притяжения пользователей социальной сети «ВКонтакте», которые оставили геофакты на территории города. К рабочим гипотезам исследования был отнесен ряд предположений о том, что, во-первых, основными пользователями социальной сети «ВКонтакте», оставляющими фото с геотегами, являются молодые люди в возрасте 14–30 лет. Во-вторых, в некоторых районах Барнаула основными точками притяжения для пользователей выступают торговые центры. В-третьих, наличие большого числа геофактов говорит о том, что на территории этого района расположено большее количество торговых центров.

В статье приводится социодемографический анализ данных пользователей социальной сети «ВКонтакте» на базе заполненных опциональных полей



их персональных страниц. Второй раздел статьи посвящен анализу цифровой карты городских аттракторов по Барнаулу, в основе которой лежит алгоритм DBSCAN для пространственной кластеризации геосоциальных наборов данных. В разделе «Цифровая карта городских аттракторов на основе алгоритма DBSCAN» представлены рейтинги районов по числу геофактов и числу пользователей, оставивших цифровые следы рядом с торговыми центрами с расчетом плотности «цифрового населения» по Барнаулу.

Социодемографические характеристики пользователей социальной сети «ВКонтакте»,

оставивших фотографии с геометками на территории Барнаула

Через интерфейс прикладного программирования (API) с августа 2010 г. по март 2017 г. был проанализирован ряд социодемографических характеристик пользователей социальной сети «ВКонтакте», которые оставили «цифровые следы» на территории Барнаула. За указанный период было оставлено 96 456 геофактов 17 133 пользователями социальной сети «ВКонтакте». Почти все пользователи (99,42%) заполнили поле «Пол», 88,09% отметили страну, 83,47% указали город. Двое из пяти пользователей социальной сети «ВКонтакте» отметили возраст (42,11%), одна треть пользователей указала семейный статус, чуть менее четверти (23,12%) отметили сервисы, которыми пользуются помимо социальной сети «ВКонтакте». Почти каждый пятый пользователь (19,75%) заполнил графу «Университет». Равномерно распределились заполненные поля «Главное в людях», «Факультет», «Отношение к курению»: 16,51%, 16,09% и 16,07% соответственно. Примерно одинаковое число пользователей заполнили поля «Главное в жизни» и «Отношение к употреблению алкоголя»: 15,83% и 15,62% соответственно. Только 10,44% пользователей рассказали о своих политических предпочтениях (рис. 1, цв. вклейка).

Среди пользователей, которые оставили фотографии с геометками в социальной сети «ВКонтакте», чуть больше двух третей (62,81%) составили женщины, чуть более одной трети – мужчины (37,16%). Почти одна треть (28,89%) относится к молодежи в возрасте 19–24 лет, чуть более четверти пользователей (25,92%) составила молодежь 25–30 лет, менее одной пятой (19,55%) относится к возрастной группе 14–18 лет и пользователям 31–40 лет (17,16%). Таким образом, суммарная доля пользователей в возрасте 14–30 лет составляет самую многочисленную группу, формирующую «цифровой социум» на территории Барнаула, – 74,36%, что подтверждает первую гипотезу исследования (рис. 2, цв. вклейка).

В семейном положении «Женат или замужем» находятся двое из пяти пользователей (40,94%). Почти каждый пятый пользователь не женат или не замужем (19,77%). Влюблен/а (13,49%) или в статусе «В активном поиске» (12,95%) находится каждый десятый пользователь, у 8,62% пользователей есть друг или подруга. Позицию «В гражданском браке» не отметил ни один пользователь.

Почти все пользователи (96,71%) указали Россию в опциональном поле «Страна», 0,76% пользователей отметили Казахстан. Среди других стран были указаны Украина, США, Германия, Япония, Азербайджан, Испания, Норвегия и др. Ядром колоритной палитры городов, в которых проживают пользователи сети «ВКонтакте», выступают: Барнаул – 74,5% пользователей, Новоалтайск – 4,17%, Новосибирск – 2,92%, Москва – 2,63%, Санкт-Петербург – 1,37%.

Почти каждый второй пользователь (47,77%) среди популярных сервисов отметил **Skype**. **Чуть более одной трети пользователей (34,51%) зарегистрированы в Instagram. Twitter отметил каждый десятый пользователь, оставивший фото с геотегами на территории Барнаула (10,07%).** Небольшая часть пользователей отметила Facebook (7,12%), **Livejournal указали 0,53% пользователей социальной сети «ВКонтакте».**

Две трети пользователей, оставивших цифровые следы, относят к основным ценностям семью и детей (60,08%), каждый пятый отметил ценность саморазвития (23,04%). Больше половины пользователей (57,55%) главными качествами в людях назвали доброту и честность. Чуть менее четверти (18,63%) отметили юмор и жизнелюбие (рис. 3, цв. вклейка).

Более половины пользователей (54,11%) отметили умеренные политические взгляды. Для каждого десятого (12,13%) характерны либеральные настроения, индифферентные политические взгляды отметили 9,89% пользователей.

В целом негативное отношение к алкоголю высказывают чуть менее половины пользователей (46,83%). Одна треть пользователей (32,65%) отмечает нейтральную позицию, а 16,89% находит компромиссное решение в этом вопросе. Две трети пользователей (63,6%) в целом негативно относятся к табакокурению. Пользователей, заполнивших поле «Отношение к курению», больше, чем пользователей, которые заполнили поле «Отношение к алкоголю», на 82 человека. Однако процент тех пользователей, кто нейтрально относится к табакокурению или нашел компромисс, ниже (7,77%) по сравнению с данными, полученными по этим позициям в вопросе употребления алкоголя (24,7%). Это говорит о большей нетерпимости пользователей к табакокурению, чем к употреблению алкоголя (рис. 4, цв. вклейка).

Цифровая карта городских аттракторов на основе алгоритма DBSCAN

В исследовании “Spatial analysis of geosocial networking patterns of Russian cities. Comparative urban study” был применен алгоритм DBSCAN (*Density-based spatial clustering of applications with noise*) для кластеризации геосоциальных наборов данных (*datasets*) на основе их плотности в пространстве города. Данный алгоритм был разработан исследователями в Институте компьютерных наук (Мюнхен) [Ester et al. 1996]. Научные сотрудники университета штата Нью-Мексико кафедры компьютерных наук разработали модель DCPGS (*Density-based Clustering Places in Geo-Social Networks*) кластеризации



мест в GeoSNs (*Geo-Social Networks*), которая на основе пространственной плотности пользователей GSNs **учитывает их пространственное и социальное расстояние** [Shi et al. 2014]. **Социальное расстояние включает социальные отношения** (сети дружбы, общие группы/страницы, отметки и др.) между пользователями геосоциальных сетей, посещающими одни и те же места. Модель DCPGS расширяет модель DBSCAN и позволяет проводить не только пространственные обобщения, но и более детальный анализ социальных взаимосвязей пространственных местоположений пользователей.

Полученные данные о пользователях социальной сети «ВКонтакте», оставивших геометки по Барнаулу, позволили выделить крупные кластеры GSNs *datasets* (геосетевые наборы данных), образующие городские точки притяжения по городу (*карта 1, цв. вклейка*). Самый крупный кластер (красный кластер 1) образуют геофакты, оставленные пользователями в районе Красноармейского пр., где располагается каскад торговых центров: «Вавилон», «Красноармейский», «Майский», «Первомайский», «Эдем». Второй по величине кластер (зеленый кластер 2) находится на территории нижнего левого угла пересечения Павловского тракта и ул. Малахова, и его образуют геофакты вокруг ТЦ «Европа», ТЦ «Москва», ТЦ «Лето» и Аквапарка. Третий кластер (фиолетовый кластер 3) сосредоточен вокруг Центрального парка, где отмечается высокая концентрация памятников культуры и торговых центров: памятник герою Плотникову, памятник жертвам политических репрессий, ТЦ «Мега-Маркет», ТЦ «Империял», ТД «Балвис». Четвертый кластер (фисташковый кластер 4) в левом нижнем секторе на пересечении ул. Антона Петрова и ул. Малахова образуют геофакты вокруг ТРЦ «Огни».

Анализ карты, составленной на основе алгоритма DBSCAN, позволяет сделать вывод о том, что в Индустриальном районе Барнаула торговоразвлекательные центры являются основными городскими точками притяжения, что доказывает вторую гипотезу исследования. Плотность пользователей с геометками по Барнаулу составила 53 чел./км² (плотность пользователей с геометками по Барнаулу = $17133/322$, что гораздо ниже плотности населения, проживающего в Барнауле – 1966 чел./км² (плотность населения, проживающего в Барнауле = $663301/322$)¹. Из 17 133 пользователей социальной сети «ВКонтакте», которые составляют цифровой фон всей геосоциальной агломерации Барнаула, 952 пользователя (5,6%) оставили цифровые следы рядом с торговыми центрами. На фоне низкой плотности пользователей, оставивших цифровые следы, данный процент говорит о значительной концентрации людей вокруг торговых центров, которые играют одну из солирующих ролей в качестве городских аттракторов в некоторых районах Барнаула.

На первом месте в рейтинге популярных районов по количеству фотографий с геотегами – Индустриальный район (30,64% геофактов). Второе место

¹ 633 301 – жители Барнаула по состоянию на 2017 г. (чел.); 322 – площадь Барнаула (км²).

занимает Центральный район – 23,07%. Железнодорожный район стоит на третьем месте этого условного рейтинга – 18,44%. Тройку лидеров замыкают Октябрьский район – 14,04% – и Ленинский район – 13,83%. Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о том, что Октябрьский район опережает Ленинский по числу геофактов, хотя проигрывает по количеству фотографий с геоданными, оставленными рядом с торговыми центрами. Этот вывод опровергает третью гипотезу и говорит о том, что рост геофактов не всегда прямо пропорционален росту торговых центров по Барнаулу, поскольку к привлекательным общественным местам могут относиться природные объекты и достопримечательности города (рис. 5, цв. вклейка).

Лидером среди пользователей, оставивших свои фото с геолокационными параметрами, как и лидером по количеству геофактов, выступает Индустриальный район. Более двух третей пользователей (65,97%) оставили цифровые следы в следующих торговых центрах Индустриального района: «Арена», «Лента», «Европа», «Праздничный», «Лента-2», «Волна» («Ашан»), «Огни», «Весна». В Центральном районе одна треть пользователей (30,78%) оставила геометки в торговых центрах «Проспект» и «Сити-центр».

Распределение городских аттракторов, основанное на геосоциальных данных пользователей социальной сети «ВКонтакте» по Барнаулу, демонстрирует большую социальную нагрузку на торговые центры в некоторых районах города. Использование геосоциального подхода при изучении городских аттракторов для пользователей социальной сети «ВКонтакте» дает возможность получить наборы социодемографических характеристик некоторых социальных групп в местах притяжения по городу, которые могут использоваться при его территориальном зонировании.

Использование цифровых карт и алгоритма DBSCAN позволяет проводить кластерный анализ GSNs наборов данных на основе их плотности в пространственном распределении. К основным вопросам исследования, которые предстоит решать в ближайшей перспективе при анализе социодемографических характеристик определенных групп населения в исследовании городских аттракторов, относится вопрос о повышении уровня достоверности данных о пользователях, оставляющих «цифровые следы», а также вопрос изучения социального пространства пользователей при кластерном анализе геосоциальных наборов данных.

Литература

Джапек Л., Крёйтер Ф., Берг М. и др. Отчет AAPOR о больших данных: 12 февраля 2015 г. // Американская ассоциация исследователей общественного мнения / пер. с англ. Д. Рогозина, А. Ипатовой, Е. Вьюговской; предисл. Д. Рогозина. М., 2015.

Селфи у завода: о чем говорят миллион фотографий из моногородов // Официальный сайт института «Стрелка». URL: <http://www.strelka.com/ru/magazine/2017/02/17/selfie-from-monotowns>.



Aïmeur E., Gambis S., Yep C.Y. An Empirical Study on GSN Usage Intention: Factors Influencing the Adoption of Geo-Social Networks. 1th International Conference on Availability, Reliability and Security. 2016. P. 241–246.

Becker R.A., Caceres R., Hanson K., Loh J.M., Urbanek S., Varshavsky A., Volinsky C. A tale of one city: Using cellular network data for urban planning. IEEE Pervasive Computing. 2011. P. 18–26.

Bekhor S., Cohen S., Doytsher Y., Kanza Y., Sagiv Y.A. Personalized GeoSocial App for Surviving an Earthquake. Proceedings of the 1st ACM SIGSPATIAL International Workshop on the Use of GIS in Emergency Management. EM-GIS. 2015.

Chengcheng D., Yuan X., Wang C. Privacy-Preserving Ridesharing Recommendation in Geosocial Networks. Lecture Notes in Computer Science (including sub-series Lecture Notes in Artificial Intelligence and Lecture Notes in Bioinformatics). 2016. P. 193–205.

Dzhapek L., Kryojter F., Berg M. et al. Otchyot AAPOR o bolshih dannyh 12 fevralya 2015 / Amerikanskaya associaciya issledovatelej obshchestvennogo mneniya; Per. S angl. D. Rogozina, A. Ipatovoj, E. Vyugovskoj; Predislovie D. Rogozina. M., 2015.

Elbery A., Elnainay M., Rakha H. Proactive and Reactive Carpooling Recommendation System based on Spatiotemporal and Geosocial Data. 12th International Conference on Wireless and Mobile Computing, Networking and Communications. 2016.

Ester M., Kriegel H.-P., Sander J., Xu X. Simoudis, Evangelos; Han, Jiawei; Fayyad, Usama M., eds. A density-based algorithm for discovering clusters in large spatial databases with noise. Proceedings of the Second International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining (KDD-96). AAAI Press. 1996. P. 226–231.

Greenwood D., Stopczynski A., Sweatt B., Hardjono T., Pentland P. The new deal on data: A framework for institutional controls // Privacy, Big Data, and the public good: Frameworks for engagement / ed. by J. Lane, V. Stodden, S. Bender, and H. Nissenbaum. 2014. P. 192–200.

Kanza Y., Kravi E., Motchan U. City nexus: Discovering pairs of jointly-visited locations based on geo-tagged posts in social networks. In SIGSPATIAL'14. 2014. P. 597–600.

Kanza Y., Samet H. An Online Marketplace for Geosocial Data. Proceedings of the ACM International Symposium on Advances in Geographic Information Systems. 2015.

Kanza Y., Shalem Mi. GeoInformatica. 2017. P. 1–46.

Krishna P.N., Wang S., Steinbauer T., Fellow D.A., Abbadi A., Kruegel C., Zhao B.Y. Preserving location privacy in geosocial applications. Proceedings of 2015 Online International Conference on Green Engineering and Technologies, IEEE Transactions on mobile computing. 2014. Vol. 13. N 1. P. 159–173.

Li Y., Li Y., Xu G. Protecting private geosocial networks against practical hybrid attacks with heterogeneous information. Neurocomputing. 2016. P. 81–90.

Nazrul M. Ahmad, Anang Hudaya Muhamad Amin, Subarmaniam Kannan, Afiq Muzakkir Mat Ali. A Passive and Privacy-friendly Area based Localization for Wireless Indoor Networks. IEEE Region 10 Symposium. 2016. P. 213–218.

Ratti C., Williams S., Frenchman D., Pulselli R. Mobile landscapes: using location data from cell phones for urban analysis. Environment and Planning B Planning and Design. 2006. 33 (5).

Sammarco M., Tse R., Pau G., Marfia G. Using geosocial search for urban air pollution monitoring. Pervasive and Mobile Computing. 2017. P. 15–31.

Selfi u zavoda: o chem govoryat million fotografij iz monogorodov // Oficialnyj sajt instituta strelka. URL: <http://www.strelka.com/ru/magazine/2017/02/17/selfie-from-monotowns>.

Shi J., Mamoulis N., Wu D., Cheung D.W. Density-based Place Clustering in Geo-Social Networks. ACM SIGMOD International Conference on Management of Data. 2014. P. 99–110.

Yuechuan L., Yidong L. On Preserving Private Geosocial Networks against Practical Attacks. International Conference on Intelligent Information Hiding and Multimedia Signal Processing. 2015. P. 417–420.

ОБЗОР СЕКЦИИ 8. АРТ-СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В ГОРОДАХ РОССИИ И ЕВРОПЫ¹

Дискуссия «Арт-стратегии развития городской среды в городах России и Европы» состоялась в рамках IX социологических чтений памяти В.Б. Голофаства «Социальные и пространственные измерения современного мегаполиса». Кураторы секции Александра Ненько и Михаил Ильченко пригласили к дискуссии социологов, кураторов и художников, которые с разных профессиональных позиций обсудили вопросы о том, что меняет искусство в городской среде и можно ли работать с искусством как с инструментом развития города и городских сообществ.

Александра Ненько, социолог, доцент Института дизайна и урбанистики Университета ИТМО, основатель проектной группы ARTS4CITY

Осмысление искусства в городском пространстве ставит перед нами непростые задачи. Произведения искусства могут создавать параллельную реальность, наполненную новыми смыслами, заданными автором и возникающими вследствие интерпретации. Эта символическая реальность телесно ощутима – в художественный образ можно поверить, он может повлиять на наше поведение и социальные взаимодействия. Власть имущие вынуждены контролировать эту силу, чтобы удерживать те образы реальности, которые выгодны им. Тем самым искусство в городе показывает границы возможного – границы контроля. Однако благодаря множественности интерпретаций искусство всегда ускользает из лап контролеров и держит полуоткрытыми двери к свободе восприятия мира.

Город – совершенно особое место действия для художников и их публики. В отличие от жестко регламентированных институциональных пространств – галерей, музеев, залов, это место многогранных связей и контекстов. Искусство провоцирует переосмысление городского пространства. Город питает искусство своими историями и мифологиями. Множество городских

¹ Работы участников, доклады которых были сделаны в рамках секции 7 («Потенциал STS-подхода в исследованиях городов»), в данном сборнике не публикуются.

пространств – транзитивных, постиндустриальных, заброшенных – могут быть прекрасны и самобытны, но именно художник в состоянии раскрыть и подсветить их красоту. Искусство может латать прорехи не-мест, наполняя их смыслом, создавать ситуации общения для людей, живущих в городе, но разделенных одиночеством, статусами и заборами. В разнообразии городских мест могут уживаться совершенно противоположные способы поведения художника: хулиганская экспрессия на городских стенах и серьезная этическая работа с городскими сообществами.

Художник в городском пространстве меняет свою роль. В ауре общественных пространств он может с большей вероятностью принимать на себя (опять же противоположные) архетипические роли – Революционера, Миссии, Героя времени, Варвара. Помещая произведения в контекст городского пространства, художник берет на себя этическую ответственность за вовлечение горожан как максимум в процесс со-творчества или как минимум в процесс восприятия и понимания произведения в контексте.

Горожане – особый субъект, который проявляется в ситуации искусства в городской среде. Горожане могут включаться в прочтение произведения искусства и даже в изменение его формы. Горожане не являются единым субъектом по отношению к произведению; произведение искусства может спровоцировать принятие и неприятие, понимание и непонимание, являясь лакусовой бумажкой порядка социальных взаимодействий, способа восприятия города. Горожане по-разному реагируют на произведение – игнорируя, понимая, вандализируя, достраивая, публикуя фотографии в Instagram. Искусство, ориентированное на социальное вовлечение, способствует формированию горожан действующих, со-авторов города. Горожане – это эксперты, которые могут поделиться с художником своим знанием пространства и контекста, местными историями и легендами, стать героями арт-проекта.

Произведение искусства в сложном городском контексте меняет свою структуру и композицию: оно становится процессуальным, перестает быть объектом, помещенным в вайт к्यूб². Произведением может быть само взаимодействие между художником и публикой – например, образовательные арт-проекты, такие как школа стрит-арта для детей из бедных семей, чтобы вовлечь их в содержательную деятельность и забрать с улицы; или взаимодействие художника со зрителем через опыт города – например, прогулка по городу в наушниках, в которых слышны звуки и голоса места.

² Вайт к्यूб, или белый куб (с англ. *white cube*), – концепция экспонирования искусства, ставшая популярной с 1920-х гг. Белый куб – это белое чистое галерейное пространство, в котором произведения искусства воспринимаются зрителем без помех со стороны контекста, между произведением и средой нет взаимодействия. Концепция белого куба подвержена многочисленной критике за «стерильность» и «внеконтекстуальность» искусства. См.: O'Doherty B. Inside the White Cube. The Ideology of the Gallery Space. Expanded edition. Berkley, Los Angeles, London, University of California Press, 1999 [1976].

Искусство в городе дает не только преимущества, но и не меньшее количество рисков. Искусство может мимикрировать под социально ориентированное, и соучастие людей может быть поддельным, фейковым. Еще один риск – искусство улиц легко превратить в политический инструмент, заразить инфекцией борьбы за власть, увести с территории искусства в политику. Сложным является вопрос об этике и контроле: кто решает, что уместно в городской среде, в каких именно местах, уместно для кого? Художник в городе более уязвим и подвержен критике со стороны неподготовленной аудитории, а также может натворить немало бед, так как горожане не защищены от «искусства» в общественном пространстве. Искусство в городе получает больше возможностей для привлечения внимания публики, поиска жизненных сюжетов и возможности для реальных изменений; но точно так же оно открывается для критики, неправильных интерпретаций, ограничений.

Михаил Ильченко, старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН

Мне кажется, при обсуждении влияния современного искусства на городское пространство стоит задаться по крайней мере двумя вопросами. Во-первых, какой эффект эти арт-практики имеют на саму городскую среду? И во-вторых, как этот эффект увидеть и измерить?

Ведь основная проблема заключается в том, что в данном случае мы имеем дело с процессами, совершенно неочевидными как по своему характеру, так и по своему результату.

К примеру, если мы говорим о попытке художников работать с пространствами советской застройки – инсталляции, граффити, различные уличные проекты, как правило, реализуемые в отдаленных частях города, в пространствах, не слишком посещаемых и популярных, а то и вовсе в заброшенных зданиях. Что считать критерием их успешности? Количество людей, которые придут их посмотреть? Количество упоминаний в прессе? Но, как правило, ни то, ни другое не слишком велико, что, на мой взгляд, абсолютно естественно. Именно к этому, кстати, обычно апеллируют люди, скептически настроенные к разного рода арт-инициативам и художественным «внедрениям» в городское пространство. Их типичный аргумент: «Ну, хорошо, придут вашу инсталляцию посмотреть 100 человек, возможно 200, но даже если 1000, то что, в сущности, это изменит в городском масштабе?» Мне кажется, в этом есть глубокая подмена самой проблемы. Ведь если измерять подобные проекты «количественными» критериями и рассматривать их через сиюминутные факторы, то их эффект действительно станет неочевиден, непонятен, а сама практика будет казаться эфемерной.

Но если слегка дистанцироваться от конкретных обстоятельств и условий реализации отдельных проектов и посмотреть на практику художественного освоения районов советской застройки со стороны, посмотреть на нее в целом, обобщающе, то картина предстает в совершенно ином свете. Становится

очевидным, что эти «незаметные», «эфемерные», реализованные небольшими группами художников проекты постепенно формируют особый ракурс восприятия советских пространств, «открывают» их для широкой публики, задают свой особый язык, который постепенно становится частью публичного дискурса. Мы можем отлично наблюдать это в последние годы на примере тех же соцгородов, причем одновременно в самых различных регионах и странах. Что стало основным импульсом интереса к этим пространствам со стороны широкой аудитории? Не только архитекторов, но и исследователей, журналистов, краеведов, общественников. Прежде всего художественные проекты – выставки, биеннале, фестивали уличного искусства, отдельные инсталляции, граффити. Каждый из этих проектов в отдельности может казаться скромной художественной инициативой, оцененной узкой группой поклонников, но все вместе они создают гораздо больше, чем просто «привлечение внимания к новым городским территориям». Они символически переоткрывают эти пространства, формируют их язык, создают из них объекты новой городской географии. И то, что мы вообще сегодня всё чаще говорим о районах советской застройки публично, советской архитектуре, конструктивизме, авангарде, – это во многом заслуга именно современного искусства, арт-практик, художественных инициатив. Мне кажется, это чрезвычайно важно и достойно особого анализа. Здесь требуются новые инструменты, подходы, нужен новый ракурс оценки самой роли арт-инициатив в городском пространстве. Иначе мы рискуем не заметить крайне важных тенденций и процессов, происходящих вокруг нас.

Альбина Мотор, куратор, сооснователь Института исследования и развития стрит-арта

Я работаю с уличными художниками, со стрит-артом, как с заказным искусством, так и с партизанскими практиками, и хочу ответить на вопрос о том, что считать успешным проектом. На мой взгляд, успешный проект – тот, который получает последовательность, то есть когда сделаны какой-то проект в общественном пространстве, выставка, поп-арт-событие. Когда мне говорят: «Альбина, что вы делаете? Тут все жители сидят по своим квартирам, никто в жизни никуда не выйдет, на лето все уезжают», я отвечаю: «Тут же живет 200 тысяч человек». Мне вторят: «Никому ничего не нужно». Коллеги говорят: «Никогда в жизни потом не захочешь этим заниматься». Я думаю так: если после нашего проекта из 200 тысяч на фестиваль придет пять человек, то мы уже что-то меняем в том пространстве, в котором живем. Это больше, чем жэк-арт³. Если мы заразим этим, мотивируем, то я буду считать, что мы

³ Жэк-арт (или ЖКХ-арт) – жанровое наименование практик жителей по украшению дворов и придомовых территорий с помощью подручных средств – например, старых плюшевых игрушек, пластиковых бутылок, шин.

добились успеха в проекте. Успешный проект – тот, который имеет развитие уже независимо от организаторов и вовлекает в процесс по пути еще очень много разных людей, не думавших, не предполагавших, что они будут заниматься таким интересным делом или что можно им заниматься. У большинства людей нет в голове мысли о том, что можно встать, выйти и сделать что-то самому. Успешный проект – когда человек понимает, что да, можно.

Александра: А если не получится?

Альбина: Если не получится, это тоже результат. Тогда мы анализируем проект, смотрим, где и что пошло не так. Я думаю, что уж пять человек мы заразим, как же не получится-то?

Михаил: А можно уточнить, как мы поймем, что у этих пяти последовательей получится положительное, успешное развитие городской среды? Может, это просто модное увлечение, которое заразит их на время.

Альбина: Будет видно по тому, что происходит в городе, где проводился арт-проект. К нам приезжал активист и куратор из маленького города под Неполем, который делал независимый фестиваль стрит-арта со всемирными звездами. Он рассказывал: «Я мечтал о том, что все жители будут довольны. Жители были довольны. Я мечтал о том, что когда-нибудь перестану сам делать фестиваль и все продолжится само собой, но ничего не происходит. Все спрашивают: “А когда ты сделаешь еще фестиваль?”» Может случиться и такое. Этот куратор запустил конкурс, и в ближайших к этому месту городах стали делать похожие фестивали. Даже если в твоём городе никто не захочет продолжать твоё дело, в другом могут найтись люди.

Александра: Есть такая установка, что стрит-арт – это независимая автономная деятельность, когда художник пришел, что-то нарисовал на стене и ушел. То, о чем ты говоришь, это более открытая деятельность с участием разных субъектов. Сейчас переосмыслиется понятие стрит-арта – или, может быть, это уже не стрит-арт? Что это за трансформация формы, новое модное веяние?

Альбина: Существует два направления. Первое: стрит-арт внутри стрит-арта – или граффити – закрытая субкультура, которая не пускает внутрь себя, не нуждается в том, чтобы в нее входили посторонние люди, им не нужна работа с сообществами или с кем-то еще. Граффити не воспринимает себя как искусство. Второе: стрит-арт как изобразительное искусство, эти люди считают себя художниками и рисуют крупные работы на стенах – муралы. Есть две стратегии внутри стрит-арта: одна – замкнутая, эгоцентричная позиция художника: я вышел и сделал то, что хочу, я художник, я самовыражаюсь. Другая – более социально ориентированная: люди, которые искренне хотят что-то изменить, украсить город. У социально ориентированных уличных художников появляется необходимость диалога с жителями пространства, куда они вторгаются. Чаще всего они сами являются жителями этого пространства, которые устали от краткосрочных фестивалей стрит-арта и им хочется большего. Тенденция выхода на диалог с горожанами – признак роста, на мой взгляд. Хотя, может быть, это профессиональная деформация.

Александра: А спрос на такой социально ориентированный стрит-арт есть?

Альбина: Есть. Мне пишут письма: «Альбина, очень хотим приехать в Санкт-Петербург на проект, где нужно общаться и делать что-то с людьми». Даже граффити-райтерам хочется чего-то большего. Российский стрит-арт беззубый по сравнению, например, с греческим; художники сплошь аполитичны, но социально ориентированы.

Лилия Воронкова, социальный антрополог, куратор направления art social science в Центре независимых социологических исследований, соорганизатор фестиваля паблик-арта «Арт Проспект»

У меня гораздо больше вопросов, чем ответов, но есть некоторое количество примеров. Однако сначала я бы хотела добавить еще один вопрос – о целеполагании, о то, чем отличается искусство от брендинга, который тоже работает с символическим полем и использует те же техники. Здесь также возникает вопрос об инструментализации искусства, использовании искусства для достижения каких-то целей. Теперь несколько тезисов для обсуждения.

Первый тезис – о социальном вовлечении. Вопрос довольно сложный, что считать вовлечением, на каком этапе вовлечение можно считать вовлечением и так далее. Искусство, которое выходит на улицу, хорошо тем, что оно разрывает рутину. Люди обычно ничего не замечают, ни других, ни своего двора. Когда искусство приходит в эти пространства, каким бы оно ни было, оно вызывает удивление, возмущение, какую-то иную реакцию, то есть изменение восприятия пространства.

Второй тезис – о языке символов и визуальных образах. Искусство внедряет в пространство новый визуальный язык, за счет которого происходит переосмысление пространства. Приведу пример из фестиваля «Арт Проспект» 2014 г.: столб, обвязанный в стиле ярн-бомбинга⁴, – единственный объект, который остался после фестиваля, потому что устроил всех жителей. Столб создал новый образ перекрестка, который был совершенно обычным и неприглядным. Когда возник яркий, красивый, понятный всем столб, появились фотографии в сети, люди стали останавливаться, рассматривать.

Третий тезис – о работе с контекстом. Искусство может работать с разными контекстами – с социальным, историческим; с точки зрения социального вовлечения нас интересует социальный контекст. Приведу мой любимый пример: в 2014 г. художник Стас Багс придумал образ кита, нарисовал его на стене дома на Петроградской стороне и столкнулся с вопросами. Жители спрашивали: что это? зачем? У художника произошло переосмысление: в 2016 г. он решил сначала спросить у жителей, чего они хотят, а потом нарисовать. В 2014 г. он работал с пространственным контекстом, а в 2016 г. – уже с социальным контекстом.

⁴ Ярн-бомбинг (от англ. *yarn bombing*) – художественное обвязывание объектов городского пространства, одна из техник DIY урбанистики.

Четвертый тезис – об искусстве как процессе. Об этом сказала Саша (*Александра Ненько. – Ред.*): многие художники отказываются от того, чтобы делать произведения искусства как объекты. Целью работы становится не результат, а процесс. В этом случае приготовление совместной пищи – идеальный путь вовлечения; таков пример на «Арт Проспекте» в 2016 г. – кулинарный мастер-класс Надежды Чернякевич с участием жителей двора. Жители должны были выступить в роли художников – сами вести кулинарный мастер-класс. Они были главными героями, а художник оставался на периферии. Это оказалось сложно для жителей, они были не готовы стать героями. Те, кто активно участвовал на этапе подготовки проекта, испугались и не вышли на мастер-класс на самом фестивале. Тут важен временной аспект: удачные проекты с социальным участием не могут быть быстрыми. Требуется либо повторяемость, либо длительный процесс работы с людьми.

Пятый тезис – о роли обыденных экспертов, о которых говорила Саша. Искусство может делать героями тех, кто обычно невидим. Мы делали с Олегом (*Олегом Паченковым. – Ред.*) и нашими немецкими друзьями проект «Город глазами таксистов». Идея заключалась в том, чтобы дать голос реальным знакам города, людям, которые водят такси, то есть знают о городе все, – они становятся соавторами. Продуктом стал видеоматериал в открытом доступе о том, как видят город эти эксперты.

Шестой тезис – о политическом контексте искусства. Проект, в котором участвовала Саша, «Наш пляж» привлекал внимание к нашим пыльным набережным. Мы решили создать райский пляж, чтобы люди почувствовали, что имеют право на берега, на воду, что любой берег может быть превращен в приятное место для проведения времени. Мы выбрали довольно грязное место на канале Грибоедова, чтобы на контрасте становилось более заметно. Там были художники, они не ставили цель вовлечь население, но эта акция была подхвачена местными жителями в течение некоторых выходных в том же районе, но в более благоприятном месте. Интересно, что она была подхвачена за месяц до муниципальных выборов и человек, который выдвигался кандидатом в депутаты, увидел в этом ресурс, его поддерживали активисты. Но после ухода активистов все исчезло. Непонятно, что помешало: не хватило времени или активности местных жителей.

Альбина: Кандидат выиграл выборы?

Лиля: Нет. Искусство не помогло.

Анисья Хохлова, социолог, доцент факультета социологии СПбГУ

То, что рассказывает Лиля, для меня предсказуемый ход событий, потому что, каким бы хорошим ни был проект, мы видим, как неохотно люди вовлекаются в защиту своих локальных пространств при внешней угрозе. Даже если там очень много активистов, остается немало пассивных людей. Существует эффект безбилетника: можешь инвестировать и ничего не выиграть,

а можешь ничего не инвестировать, но, если все получится, наслаждаться результатом.

Михаил: Все-таки как определить критерии и границы того, где искусство и где социальный активизм – акции, направленные на оживление пространства? Что мы называем искусством, есть какие-то критерии?

Андрей Свибович, медиахудожник, арт-директор резиденции искусств и технологий «Квартариата»

Лев Николаевич Толстой сказал: «Искусство – это сообщение чувства». Важна интенция художника, желание сообщить что-то осознанное, о своих чувствах, эмоциях, объяснить мироустройство. Клемент Гринберг в статье «Авангард и китч» дифференцировал искусство на популярное, массмаркет и авангард – утонченное, сложное, замкнутое в себе. Через 20 лет он отказался от собственной статьи, когда произошла популяризация элитарного искусства. Искусство – это параллельная жизнь, которая помогает нам пересмотреть свою жизнь. В искусстве мы можем делать то, что невозможно делать в реальности. Это самый сложный психический, духовный процесс, накопленный десятилетиями тысячелетий человеческой жизни, то, что отделяет нас от животного мира. Болезнь постмодерна в том, что искусство стало невероятно когнитивным, пытается все, что можно, объяснить, доказать, обосновать. А главное – это сакральное, метасмысл. Самая большая задача художника – не удивить человека, а достучаться до его чувств.

Олег Паченков, социолог, директор Центра прикладных исследований Европейского университета в Санкт-Петербурге

По поводу последнего тезиса я вспомнил одну малоизвестную статью Юргена Хабермаса, где он пишет о трагедии человека в эпоху модерна. Трагедия заключается в расколе целостного жизненного мира, который был характерен для Средневековья, на три сферы: когнитивную, эстетическую и этическую, то есть на сферы науки, искусства и морали. В позднем модерне мы наблюдаем попытку людей вырваться из навязанных разграничений, поскольку они неестественные, травмирующие. Отсюда масса проектов «на границе»: всем хочется делать что-то, что совмещает когнитивное и эстетическое, науку и искусство. Но кажется, что подчинение все равно происходит. Это наследие модерна, в котором когнитивная область доминировала. Даже когда границы стерлись, когнитивная область пытается под себя подмять эстетическую сферу.

Но вернусь к основной дискуссии. Первое: на мой взгляд, городская среда для художника – не самоцель. Изменить городскую среду – странное стремление. Думаю, для художников городская среда – это средство, а целью является изменение общества, человека. Городская среда выступает только

инструментом и контекстом, отражением происходящего в обществе. Второе: партисипацией занимается кто угодно. Что нового, специфического делает художник, меняя городскую среду или работая с городским сообществом? Я услышал три вещи на протяжении дискуссии. Он преодолевает упрощенное или обобщенное и открывает новое: новые городские пространства, которые были закрыты или не существовали; новое видение, взгляд, перспективу; новый язык. Третье: художник открывает новые возможности для людей, которые эти возможности не имеют. Здесь звучала критика в адрес фейковой партисипации. Аутентичность партисипации связана с созданием субъекта, а не объекта. Как другому человеку дать стать субъектом, а не объективировать его? Справляется ли с этим художник в процессе партисипации? У меня такой ответ: задача художника – не доводить до конца, не закрывать историю, а оставлять ее открытой; открывать для других, но не заканчивать. Если мы говорим о пространстве, то не «прибивать гвоздями» идентичность пространства – этим прекрасно занимаются чиновники и ученые. Задача художника в обратном – намекнуть, наметить, но не закрывать, оставить открытым. Мне кажется, что с этой способностью художественной деятельности связаны такие качества, как временность и эфемерность. Ханна Арендт призывала: «Не надо оставлять следов». Вбросили, заставили задуматься и ушли. В этом задача художника, потому что тем самым он делает других людей субъектами. Им предоставляется возможность дальше действовать, дописывать смыслы. Я бы это связал с тем, что Альбина говорила об успехе: когда ты ушел и что-то осталось, то, чего раньше не было. Проблема, которая прозвучала: как этого добиться? Я думаю, что важно инвестировать в создание опорной инфраструктуры, на которую эти процессы могут опереться, несмотря на свою эфемерность и временность. Например, важно пробовать работать с институтами – с библиотеками, домами культуры, барами и другими. С какими сообществами может работать художник? Сообщества очень разные, мы все время используем одно слово, как будто это всегда одно и то же. В больших городах, в Питере и в Москве, сообщества отличаются от сообществ в маленьких городах; сообщества, связанные с территорией, или соседские, менее характерны для больших городов. Глазычев когда-то хорошо сказал: «Мегаполис – это не город, это другое явление»⁵. Пытаться работать в мегаполисе, как в городе, ошибочно. Для образования сообществ в мегаполисе нужен повод, они складываются и распадаются, снова пересобираются в другой комбинации. Задача и способность художника – создавать повод, ради которого собирается сообщество. Новое качество, которое может сформироваться в людях в процессе арт-проектов, – это готовность снова и снова собираться в сообщество. Через практику участия в сообществах у человека вырабатываются

⁵ Вячеслав Глазычев (1940–2012) – основатель современной российской урбанистики. О подходе ученого к мегаполисам см., напр., тут: http://www.glazychev.ru/habitations&cities/moscow/2004-09-14_Moskva_kak_megalopolis.htm.

внутренний социальный навык и готовность создавать новые сообщества в другой раз, по другому поводу.

Александра: Отличный комментарий, и я бы хотела поддержать идею с опорной инфраструктурой. Я бы говорила о формировании среды, которая включает инфраструктуру и поведенческие установки. Всегда, когда мы говорим о восприятии городского пространства, мы говорим о его качествах, влияющих на установки горожан по отношению к городу. И чем более живое городское пространство, тем более живыми будут люди. Семечки арт-проектов, когда они падают в хорошую почву, действительно остаются. К примеру, в наших проектах с библиотеками Красногвардейского района случилась цепная реакция. В результате наших культурных интервенций со стороны сотрудников пошли живая реакция и запрос на продолжение проекта. Сейчас изменения переросли в соседский центр на базе библиотеки «Современник» с разными проектами для соседей, которые ведут сотрудники. Большую роль в изменениях сыграла библиотека как институция, причем государственная и, казалось бы, консервативная.

Полина Попова, искусствовед, куратор, старший научный сотрудник Научно-исследовательского музея при Российской академии художеств

К вопросу об арт-проектах на базе институций приведу пример из музейной истории. В долине реки Луары есть замок, который был построен в XVI в. В 1980-е гг. было принято решение преобразовать замок с помощью художников. Они отказались от традиционной реставрации, многие залы оставили такими, какими были при наследниках. Каждый приглашенный художник делал свой зал. Проект был ориентирован на местное сообщество, замок всегда был важным компонентом жизни деревни. Один из художников использовал старинные тарелки, на которых нарисовал профили всех жителей деревни, и сделал из них инсталляцию в столовой. В течение уже 20 лет там устраивают ужин для жителей, все рассматривают портреты, обсуждают, у кого что изменилось. Художник Кристиан Болтанский нарисовал в галерее замка портреты школьников. Теперь бывшие школьники, которые уехали в город, периодически возвращаются домой, чтобы на них взглянуть. В замке ведется активная образовательная работа с детьми в возрасте от 3 лет. Им показывают, как рождается современное искусство. Музеи в современном мире меняются, им нужно искать новые стратегии. Они тоже становятся общественными пространствами, не просто местами, где показывают искусство. Я представляю музей Академии художеств, и мы работаем с современными художниками в режиме проекта-диалога.

Говоря о выходе искусства за пределы музеев, я также хочу рассказать о городской скульптуре. Скульптура как вид искусства существует уже очень давно, и в ней тоже происходят изменения. В Санкт-Петербурге еще в 1970-е гг. скульпторы начали говорить о «среде для человека» в связи с растущими

потоками людей и машин. Скульптура перестала быть традиционным памятником, сошла с постамента, уменьшилась в размерах, появились жанровые формы, повседневные темы. Но в Санкт-Петербурге таких примеров немного. Например, в Александровском парке установлены скульптуры без постаментов, прямо на газонах, они делают среду камерной. Правда, эти скульптуры не создавались специально для парка, остались в результате выставок. Фонтан «Нева» у гостиницы «Ленинград» сейчас не работает, вокруг нет той среды, для которой он был создан. Небольшой, каменный, он вписывался в интимную атмосферу перед гостиницей, когда там были сквер и скамейки. Сейчас этого нет и фонтан не работает, теряется в пространстве. В последние годы вопрос о городской скульптуре не поднимается или поднимается редко. У нас были не очень удачные попытки обсуждения городской скульптуры – с 2010 по 2017 г. состоялось пять симпозиумов «Скульптура в городской среде», где обсуждались вопросы об освоении городских пространств. Симпозиумы инициировались комитетом по градостроительству и архитектуре. Общие темы симпозиумов были мало связаны с городской средой: год Франции, Испании, Италии. В рамках первого симпозиума 2010 г. скульптуры устанавливались во дворах Красногвардейского района, но они не стали средообразующими элементами, так как никак не связаны пространственно или тематически с теми местами, где установлены.

Второй пример более удачный: скульптуры установлены в Малоохтинском парке. Говорят, что они позволили сохранить парк от застройки. Третий проект был связан с историей авангарда, художники работали с абстрактными формами, но это вызвало негативную реакцию жителей. У нас проблема с языком скульптуры, в соцреализме скульптура была гиперреалистичной, и авангард люди не понимают. В Гатчине несколько лет проходил симпозиум скульптуры «Под дерево», художники делали работы из дерева и они были тематически связаны со средой. По словам художников, в процессе создания скульптур возникал большой отклик: люди подходили, смотрели, комментировали, спрашивали. Некоторые художники сегодня задумываются о том, что новая скульптура граничит с паблик-артом и должна взаимодействовать с сообществом. В Петербурге есть скульптор Дмитрий Каминкер, у которого много работ в городе. Он всегда как будто придумывает историю для места. Чтобы создать скульптуру, разговаривает с местными жителями, пытается воссоздать мифы и истории района. Как примеры, его скульптура «Гребец» в Озерках и фонтан возле администрации Приморского района. Я бы хотела, чтобы вопрос о скульптуре попал в поле зрения всех. Есть скульпторы, которые предлагают новые материалы, интересные скульптуры, привлекают население. Но идеи не реализуются из-за сложностей согласования с администрацией города.

Татьяна Миронова, куратор социокультурного проекта «Войти и разрешить» (Москва)

Наш проект реализуется на базе Центра творческих инициатив «Фабрика», который находится в Басманном районе Москвы, историческом и пост-индустриальном. Мы открыли музей района, делаем образовательные события и выставки современного искусства и предлагаем художникам вместе с нами исследовать район. Муниципальные власти не поддерживали наш проект и не дали разрешение на установку объектов, инсталляций, скульптур в городском пространстве. В итоге это были несогласованные инициативы, мы обсуждали регламентацию искусства – то, как в городе меняются формы, которые художники изначально задумывают. Один из арт-проектов был посвящен работе со светом. В рамках нашей выставки художник Александр Лысов хотел подсвечивать здания, устанавливать масштабные световые объекты. Но в результате работы все свелось к простому жесту – к изменению освещения в нескольких подъездах с белого на зеленый. Художник Иван Егелский печатал небольшие баннеры, которые размещал в стенах в районе, на них не было лозунгов или текстов, были звездочки. Каждый, кто проходил мимо, мог подставлять свою фразу или воображать высказывание. Эти проекты работали не напрямую с жителями, а опосредованно через арт-объект. Однако эти простые интервенции тоже кажутся интересными. Личный опыт художника нельзя списывать со счетов; искусство – не только инструмент улучшения среды, но и самостоятельное исследование художника. Полина говорила о Болтанском, это показательный пример, Кристиан никогда не ставит себе цель работать с сообществом; скорее, сообщество – источник материала для произведений и зритель в традиционном смысле. Тем не менее проекты Болтанского оказывают воздействие, когда его личный опыт пересекается с опытом зрителя.

В городских арт-проектах важен эффект создания ситуаций, когда меняется восприятие места. У нас была забавная ситуация с баннерами: один из них был помещен на школьный забор, который был сломан. Буквально через два дня баннер сняли, забор починили, а на месте баннера появилась табличка «Машины не ставить». В проекте с лампочками через несколько дней жители одного подъезда вновь поменяли лампочки с зеленых на белые не потому, что зеленый свет им мешал, а потому, что мог приесться. А в другом подъезде зеленый свет до сих пор горит, стал частью повседневности. Мне кажется важным создание микроситуаций, когда и художник, и город, и жители меняют оптику взгляда на контекст. Микроситуации не менее важны, чем масштабные фестивали.

Андрей: Сегодня много говорили о визуальном. Но как работает наш мозг? Он начинает копировать те звуковые волны, которые слышит вокруг. Человек в городской среде начинает испытывать стресс. Я нашел нереализованные советские проекты городов, экологически чистых с точки зрения шума,



где трассы были пущены вниз, с нормальной звукоизоляцией. В брюссельском метро уже несколько лет ставят классическую музыку; с тех пор там на 30% снизилась преступность. Я представил себе мрачные криминальные районы Петербурга, такие как Купчино или проспект Просвещения, в которых можно было бы сделать подобные звуковые инсталляции.

Александра Меркульева, культурный менеджер, PR-менеджер проектной группы ARTS4CITY

Если вернуться к разговору о теме нашей секции, то есть арт-стратегии долгосрочные, которые подразумевают создание институции, инфраструктуры, а есть эпизодичные стратегии. Первый вопрос: насколько важно доводить стратегию до конечной инфраструктуры, точки, когда мы создаем что-то независимое от нас? Либо важно делать эпизодичные проекты, яркие акции и потом развивать истории. Второй вопрос: насколько важно арт-институциям кооперироваться? Нужно ли, например, чтобы стрит-арт делал только проекты в рамках стрит-арта, бил в эту точку, раскрывал ее для жителей. Либо стоит объединять усилия, вбирая больше контекстов, расширяя границы. Для меня лично это правильная стратегия, но в Петербурге между разными арт-командами нет взаимодействия.

Альбина: Такая проблема есть, но я бы сказала, что она, скорее, в области современного искусства. Художники очень изолированы друг от друга. Правда, Малевич с Татлиным тоже стулья выбивали друг из-под дружки.

Александра: Инфраструктура, о которой мы говорили, и общие площадки могут стать поводом и целью взаимодействия художников и урбанистов. Здесь могут демонстрироваться результаты разных проектов. Наши инициативы могут быть разовыми, но с ними нужно работать дальше, показывать и осмысливать результаты.

Альбина: Я согласна, нужны системность, последовательность. Важна незавершенность, и ее нужно пробовать программировать заранее. Многие уличные художники, когда делают свои проекты, кто осознанно, кто нет, призывают к диалогу. Когда Паша Бумажный размещает по городу кроссворды – это призыв.

Александра: Не надо думать, что один партизанинг спасет наши города. Конечно, не спасет. Нужно войти и разрешить, то есть застолбить идею. Можно столбить идеи вместе. И было бы здорово, чтобы наша дискуссия со временем превратилась в многоавторный текст.

АВТОРЫ СБОРНИКА – УЧАСТНИКИ IX СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ЧТЕНИЙ ПАМЯТИ В.Б. ГОЛОФАСТА

«СОЦИАЛЬНЫЕ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ
СОВРЕМЕННОГО МЕГАПОЛИСА»
(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 3–5 АПРЕЛЯ 2017 Г.)

1. *Абрамов Роман*, кандидат социологических наук, доцент НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Института социологии РАН (Москва): sociportal@yandex.ru, +7-903-978-64-81.

2. *Андрианова Виктория Анатольевна*, магистрант 1-го курса социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова: vika_moskvich@mail.ru, +7-916-605-30-63.

3. *Аникеева Кристина Михайловна*, студентка (магистр) социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова: anikeewa.kristina@yandex.ru, +7-916-937-41-68.

4. *Арпентьева М.Р.*, профессор кафедры психологии развития и образования ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет»: mariam_rav@mail.ru.

5. *Блохин Виктор Николаевич*, магистр исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и педагогики Белорусской государственной сельскохозяйственной академии (Минск): vik-1987@bk.ru, +375296267659.

6. *Божков Олег Борисович*, старший научный сотрудник СИ РАН, руководитель НИЦ «Биографический фонд»: olegbozh@gmail.com, +7-921-946-99-75.

7. *Варсопко Алексей Викторович*, сотрудник уличных газет (социально-го проекта помощи бездомным людям) «На дне», «Путь домой», редактор и секретарь по информации межрегиональной сети «За преодоление социальной исключенности»: varsopko@homeless.ru, +7-911-223-28-30.

8. *Воронкова Лилия*, социальный антрополог, Центр независимых социологических исследований.

9. *Грибова Кристина Львовна*, магистрант социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова: k.gribova@inbox.ru, +7-903-700-50-93.

10. *Евдокимова Елена Петровна*, научный сотрудник СИ РАН: ee34@yandex.ru, +7-921-929-45-32.

11. *Еремичева Галина Васильевна*, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник СИ РАН.

12. *Ермолаева Полина Олеговна*, кандидат социологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры социологии Казанского федерального университета: polina.ermolaeva@gmail.com, +7-917-269-73-02.



13. *Игнатова Светлана Николаевна*, научный сотрудник СИ РАН, *s-ignatova@yandex.ru*.
14. *Илле Михаил Евгеньевич*, ст. преподаватель кафедры философии и социальных коммуникаций СПб Университета гражданской авиации; издатель и редактор журнала «Телескоп»: журнал социологических маркетинговых исследований.
15. *Ильченко Михаил*, социолог архитектуры, старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург).
16. *Карбаинов Николай Иванович*, научный сотрудник СИ РАН: *nkarbainov@gmail.com*, +7-911-979-92-16.
17. *Клименко Людмила Владиславовна*, доктор социологических наук, доцент экономического факультета Южного федерального университета: *lucl@yandex.ru*, +7-928-156-05-30.
18. *Куркова Ксения Александровна*, НИУ ВШЭ СПб: *kakurkova@edu.hse.ru*, *nia.kurkova@gmail.com*.
19. *Легостаева Наталья Игоревна*, кандидат социологических наук, научный сотрудник факультета социологии СПбГУ: *legostaeva.rozhdienie@gmail.com*, +7-911-404-36-59.
20. *Лядова Анна Васильевна*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова: *annaslm@mail.ru*, +7-903-581-51-06.
21. *Лядова Мария Васильевна*, кандидат исторических наук, доцент кафедры травматологии, ортопедии и военно-полевой хирургии РНИМУ им. Н.И. Пирогова: *mariadoc1@mail.ru*, +7-903-581-51-06.
22. *Меркульева Александра*, культурный менеджер, PR-менеджер проектной группы ARTS4CITY.
23. *Миронова Татьяна*, куратор социокультурного проекта «Войти и разрешить» (Москва).
24. *Мосиенко Н.Л.*, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник ИЭОПП СО РАН; доцент Новосибирского национального исследовательского государственного университета: *pmosienko@ngs.ru*, +7-913-740-83-10.
25. *Мотор Альбина*, куратор и сооснователь Института исследования и развития стрит-арта в Санкт-Петербурге.
26. *Муфтахова Альмира Нургалиевна*, аспирант третьего года обучения (специальность – 22.00.04), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Северо-Западный институт управления (Санкт-Петербург): *msmalmira@yandex.ru*, +7-921-336-65-14.
27. *Ненько Александра*, доцент Института дизайнера и урбанистики, Университет ИТМО.
28. *Паченков Олег*, социолог, директор Центра прикладных исследований Европейского университета в Санкт-Петербурге.

29. *Персидская Ольга Алексеевна*, младший научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права СО РАН (Новосибирск).

30. *Попова Полина*, искусствовед, куратор, старший научный сотрудник, хранитель фонда скульптуры Научно-исследовательского музея при Российской академии художеств.

31. *Посухова Оксана Юрьевна*, кандидат социологических наук, доцент Института социологии и регионоведения Южного федерального университета: belloks@yandex.ru, +7-928-135-28-42.

32. *Привалова Мария Александровна*, генеральный директор ГБУК г. Москвы «ЦУНБ им. Н.А. Некрасова»: m.privalova@nekrasovka.ru, +7-903-610-43-30.

33. *Пузанов Кирилл Александрович*, кандидат географических наук, главный научный сотрудник ЦУНБ им. Н.А. Некрасова: k.puzanov@nekrasovka.ru, +7-905-709-53-09.

34. *Сарбаева Ирина Юрьевна*, старший преподаватель кафедры социологии и культурологии Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева: roxsanna@mail.ru, +7-927-738-51-73.

35. *Свибович Андрей*, медиахудожник, арт-директор резиденции искусств и технологий «Квартариата».

36. *Сидорова О.С.*, аспирантка ИЭОПП СО РАН: o.sidorova.s@gmail.com, +7-923-184-87-78.

37. *Толстокорова Алиса Валерьевна*, кандидат филологических наук, доцент (Киев, Украина): alicetol@yahoo.com.

38. *Тыканова Елена Валерьевна*, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социоурбанистики Социологического института РАН: elenatykanova@gmail.com, +7-905-268-14-25.

39. *Хохлова Анисья Михайловна* – кандидат социологических наук, директор магистерского профиля “Studies in European Societies”, доцент факультета социологии СПбГУ: anisya_khokhlova@mail.ru, +7-921-741-23-09.

40. *Цветаева Нина Николаевна*, научный сотрудник СИ РАН.

41. *Шманкевич Татьяна Юрьевна*, кандидат социологических наук, заместитель директора Центра социологических и интернет-исследований СПбГУ: Taverni0108@mail.ru, +7-951-676-02-23.

Научное издание

**Социальные и пространственные измерения современного мегаполиса.
Материалы IX социологических чтений памяти В.Б. Голофаства,
3–5 апреля 2017 г.**

Ответственный за выпуск: Божков О.Б.

Научная редакция: Божков О.Б.

Редактор и корректор: Капитонов Д.М.

Компьютерная верстка: Малышева И.Ю.

Подписано в печать 21.11.2017.

Формат издания 60х90/16. Печ. л. 23. Печать офсетная.

Гарнитура Charter. Тираж 500 экз. Заказ № 286.

Издательство «Норма»,

190005, Санкт-Петербург,

7-я Красноармейская ул., д. 25, лит. А, пом. 14-н № 7.

Тел. (812) 712-67-73.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в Первой Академической типографии «Наука».

199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В.О., д. 12/28.

К СТАТЬЕ П.О. ЕРМОЛАЕВОЙ



Рис. 1. Правый берег р. Казанки до строительства стадиона (2008 г.)



Рис. 2. Правый берег р. Казанки после строительства стадиона (2013 г.)



Рис. 3. Качественная модель СЭМ для г. Казани под влиянием спортивных мегасобытий



Рис. 1. Стоянки ночного автобуса в Петербурге

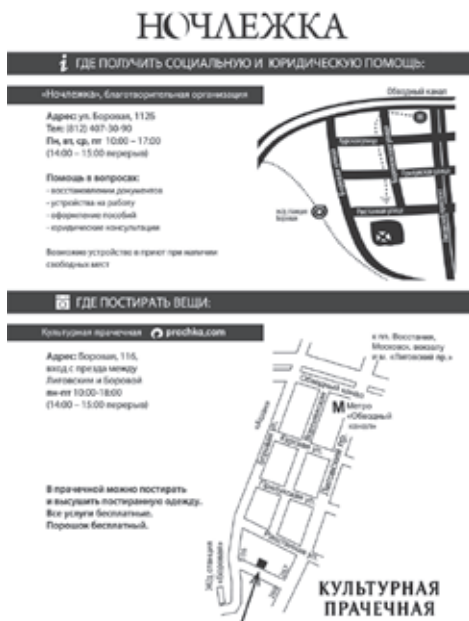


Рис. 2. Из петербургского Справочника бездомного



Рис. 3. Из московского Справочника бездомного

К СТАТЬЕ С.Н. ИГНАТОВОЙ

Обычное состояние российской «доступной» среды







Положительные примеры российских лифтов, подъемников и пандусов для инвалидов







Доступная среда для инвалидов в странах Балтии













Насколько вы удовлетворены своей жизнью?

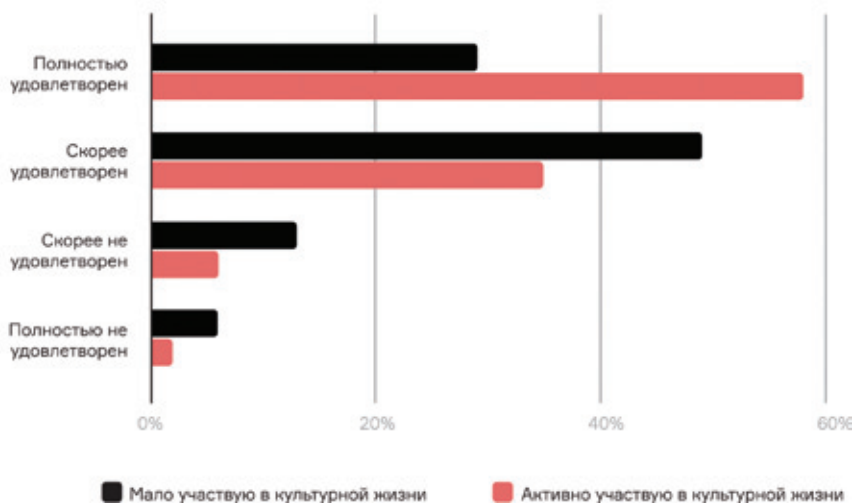


Рис. 1. Зависимость удовлетворенности жизнью и культурного участия

Какие учреждения культуры вы посещали в последние 6 месяцев?

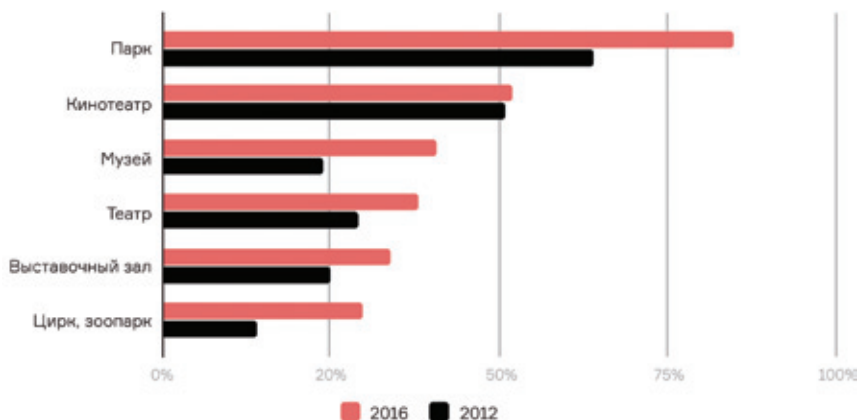


Рис. 2. Посещаемость учреждений культуры в 2012 и 2016 гг.

Почему жители Москвы не участвуют в культурной жизни?

Средний возраст (35–54 года)



*скорее предпочитают тратить время на другие занятия

Старший возраст (55+ лет)



Рис. 3. Мотивация неучастия в культурной жизни столицы

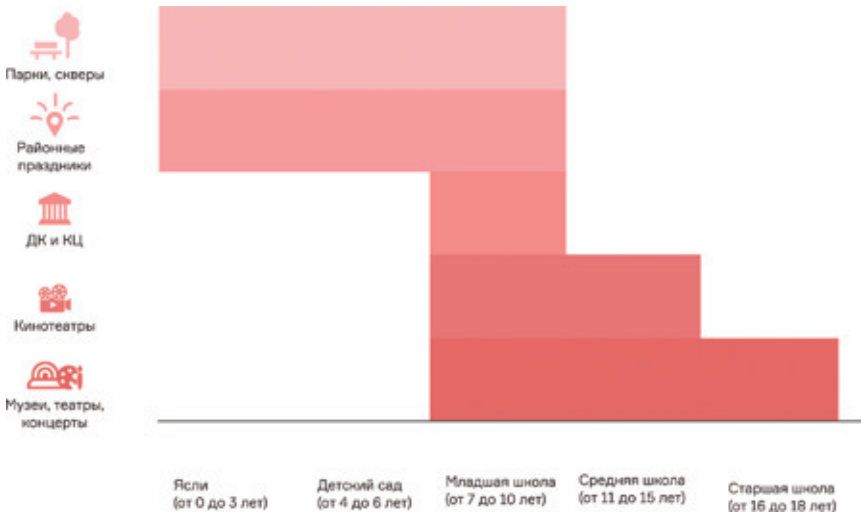


Рис. 4. Посещение разных типов учреждений культуры в зависимости от возраста ребенка

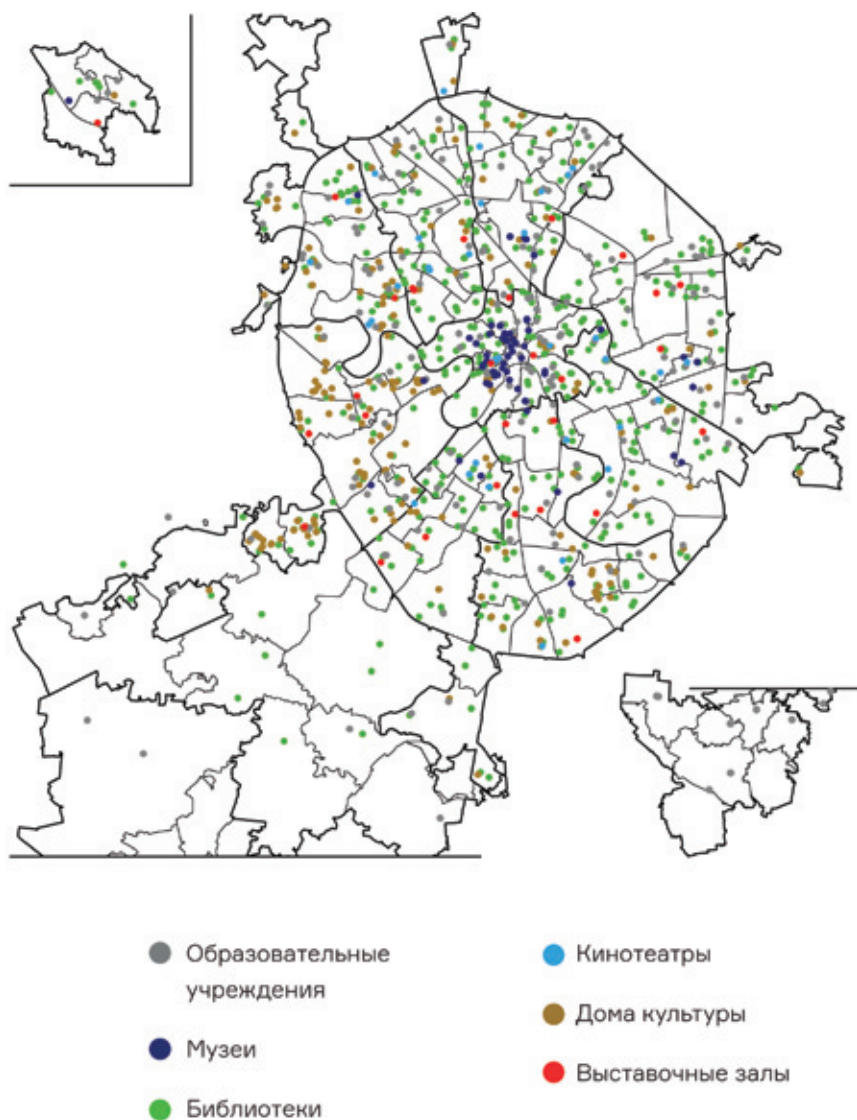


Рис. 5. Распределение культурной инфраструктуры по территории Москвы

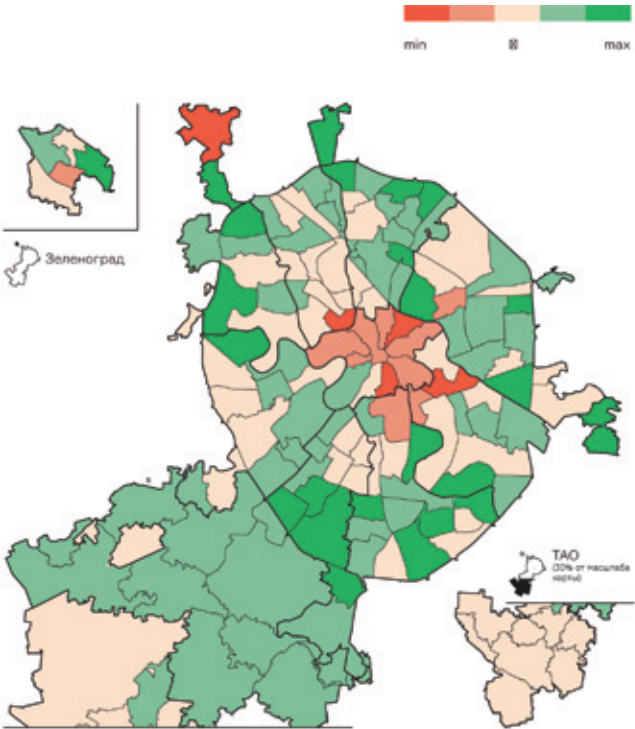


Рис. 6. Оценка жителями потенциала досуга на открытом воздухе

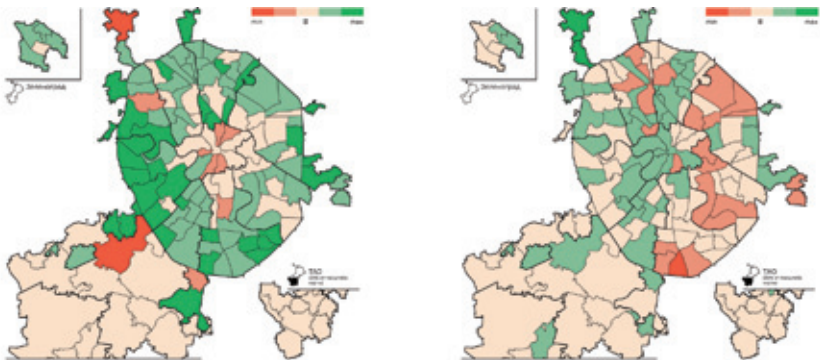


Рис. 7. Объективная (слева) и субъективная (справа) безопасность

К СТАТЬЕ Т.Ю. ШМАНКЕВИЧ



Рис. 1. Первый этаж. До и после ремонта



Рис. 2. Картина «Девочка на шаре»

К СТАТЬЕ Н.И. ЛЕГОСТАЕВОЙ

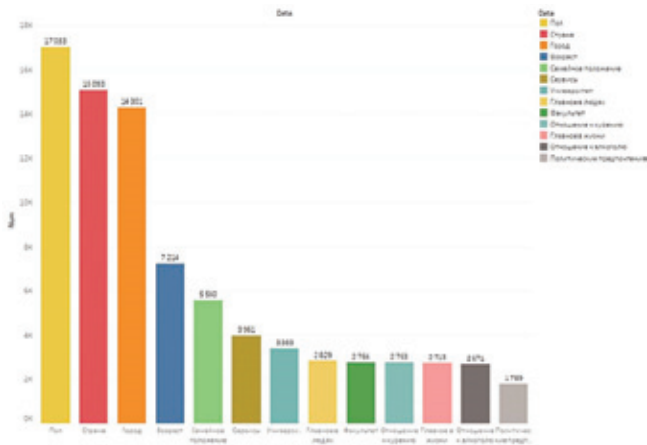


Рис. 1. Рейтинг заполненности полей пользователей социальной сети «ВКонтакте», оставивших геометки на территории Барнаула

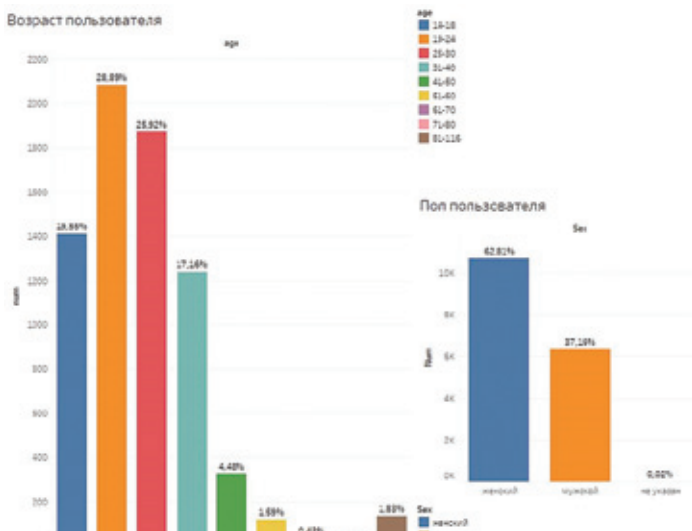


Рис. 2. Пол и возраст пользователей социальной сети «ВКонтакте», оставивших геометки на территории Барнаула

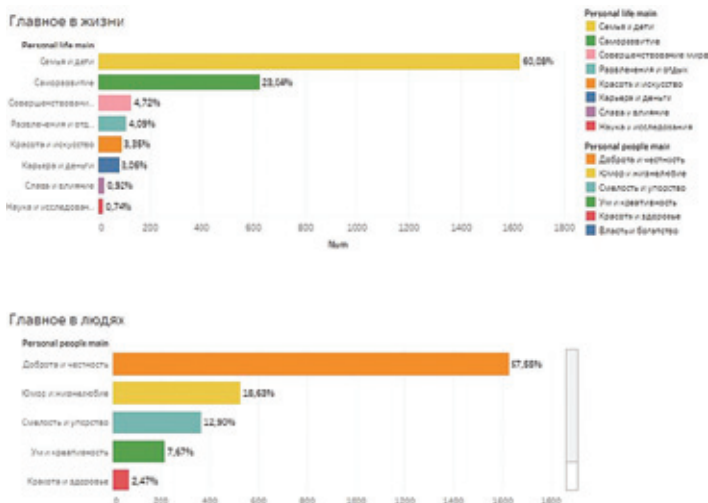


Рис. 3. Личные ценности пользователей социальной сети «ВКонтакте», оставивших геофакты на территории Барнаула

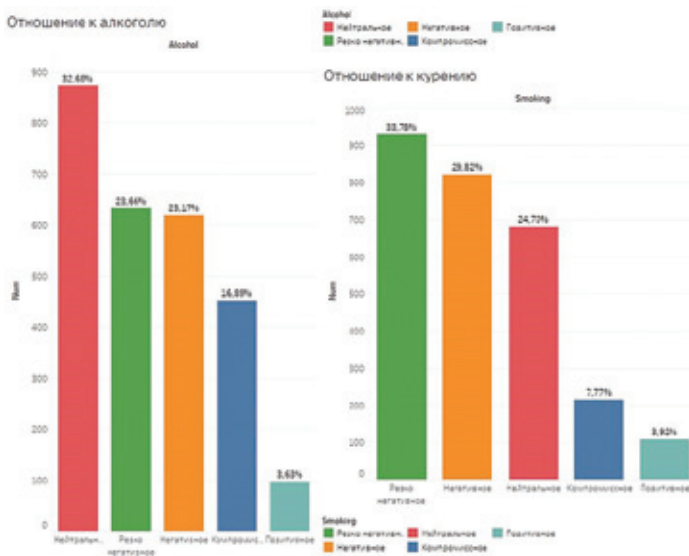
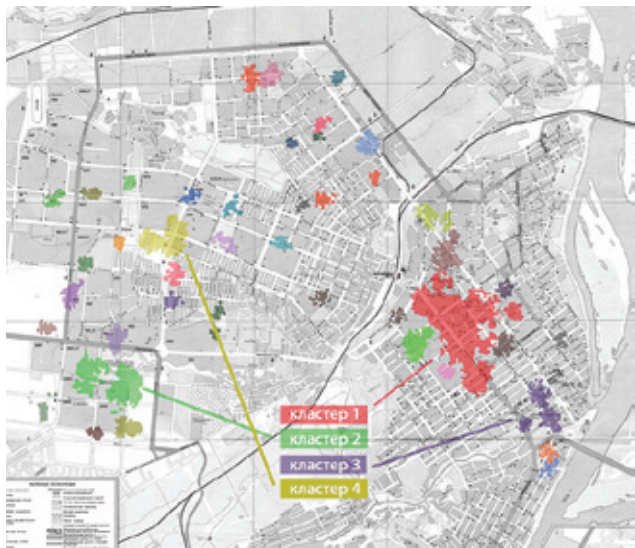


Рис. 4. Отношение пользователей социальной сети «ВКонтакте», оставивших фотографии с геотегами на территории Барнаула, к алкоголю и табакокурению



Карта 1. Городские аттракторы пользователей социальной сети «ВКонтакте», оставивших «цифровые следы» на территории Барнаула

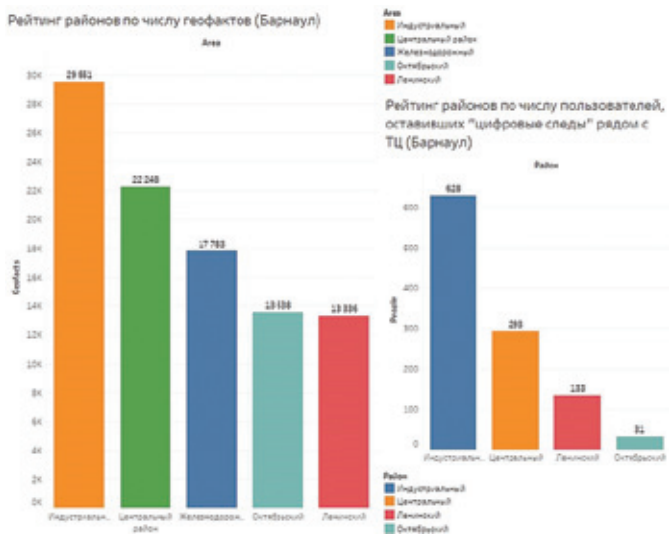


Рис. 5. Рейтинги районов по числу геофактов и числу пользователей, оставивших цифровые следы рядом с торговыми центрами

Валерий Борисович Голофаст
(24 марта 1941 – 7 декабря 2004)
Окончил филологический факультет ЛГУ,
кандидат философских наук.
Последние годы жизни руководил сектором
социально-культурных изменений СИ РАН.
Социологические чтения его памяти
ежегодно проводятся с 2007 года.



ISBN 978-5-87857-275-0



9 785878 572750